

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА POLITICAL LINGUISTICS

5(83)'2020

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2020. – Вып. 5 (83). – 228 с. –
(Цена свободная).
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Bud. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2020. – Issue 5 (83). –
228 p. – (Free price).
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Благодарим РФФИ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 19-012-00465 А «Лингвополитическая персонология: когнитивный поворот».

We express our gratitude to the Russian Foundation for Basic Research for material support of the project within Grant № 19-012-00465 A “Linguopolitical personology: cognitive turn”.

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

5(83)'2020

Научный журнал

Учредитель: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); <http://politlinguist.ru/>
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2020

Ministry of Education of the Russian Federation
Federal State Budgetary Higher Education Institution
“Ural State Pedagogical University”

POLITICAL LINGUISTICS

5(83)'2020

Scientific journal

Founder: FSB HEI “Ural State Pedagogical University”

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration certificate ПИ № ФС 77-76161 of 8.07.2019.
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); <http://politlinguist.ru/>
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955

Ekaterinburg 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

- Э. В. Будаев*   Российский государственный профессионально-педагогический университет, Нижний Тагил, Россия
- М. Б. Ворошилова*   Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

- В. Н. Базылев*   Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
- Ю. В. Богоявленская*   Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
- Р. Гусман Тирадо*   Университет Гранады, Гранада, Испания
- Е. В. Дзюба*   Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- С. В. Иванова*   Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
- В. И. Карасик*   Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия
- Н. Н. Кошкарлова*   Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
- Е. А. Нахимова*   Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- Н. Б. Руженцева*   Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- О. А. Солопова*   Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
- Д. Вайс*   Университет Цюриха, Швейцария
- А. де Лазари*   Лодзинский университет, Польша
- И. Иньиго-Мора*   Севильский университет, Испания
- Б. Ю. Норман*   Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
- П. Серйо*   Лозаннский университет, Швейцария
- Й. Сипко*   Прешовский университет, Словакия
- П. Стейнер*   Пенсильванский университет, США
- У Айхуа*   Пекинский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай
- Л. Цонева*   Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария
- Дж. Шарафутдинов*   Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай
- Ян Кэ*   Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: Д. О. Морозов

Заведующий отделом перевода: С. М. Поляков

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. P. Chudinov*, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhniy Tagil, Russia
M. B. Voroshilova Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

V. N. Bazylev Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Y. V. Bogoyavlenskaya Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
R. Guzman Tirado University of Granada, Spain
E. V. Dzyuba Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
S. V. Ivanova Leningrad State University named after Alexander Pushkin, St. Petersburg, Russia
V. I. Karasik Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia
N. N. Koshkarova South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
E. A. Nakhimova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
N. B. Ruzhentseva Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
O. A. Solopova South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
D. Weiss University of Zurich, Switzerland
A. de Lazari University of Łódź, Poland
I. Iñigo-Mora University of Seville, Spain
B. Yu. Norman Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
P. Seriot University of Lausanne, Switzerland
J. Sipko University of Prešov, Slovakia
P. Steiner University of Pennsylvania, USA
Wu Aihua Beijing Foreign Studies University, China
L. Tsoneva St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria
G. Sharafutdinov Guangdong University of Foreign Studies, China
Yang Ke Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика» 10

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Кушнерук С. Л. Дискурсивный мир информационно-психологической войны: репрезентационная структура по данным корпуса 12

Шпильная Н. Н. Модели интерпретации политического медиасобытия в профессиональном и обыденном медиадискурсе 22

Шустрова Е. В. Семантика банкротства как способ продвижения продукта в современном американском рекламном дискурсе 29

Юзефович Н. Г. Вербальный портрет 2019 года через призму года 2020-го 40

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Гальчук Д. С. Понятие «дискурс реагирования» в современной политической интернет-коммуникации: определение и свойства 48

Данилина В. В. Политическая речь в космической сфере: риторический анализ публичных выступлений руководителя космического агентства (на примере Администратора NASA Дж. Брайденстайна) 54

Дмитриев О. А. Актуализация концептов в международных альтернативных медиа 72

Дубенец Н. Б. Реализация менасивного речевого акта в американском дипломатическом дискурсе (на примере высказываний Дональда Трампа в «Твиттере») 80

Катермина В. В.
Рябченко Н. А.
Липириди С. Х.
Гнедаш А. А.
Мальшева О. П. Исследование лингвистической модели политических коммуникаций в социальной сети «Twitter» в отношении президента США Д. Трампа в марте — июне 2020 г. 87

Погостина П. С. Дискурс сквозь призму диалогичности (на материале американского вечернего шоу) 108

Попова Т. Г.
Кокорина К. А. Речевой портрет Терезы Мэй: вербально-семантическая составляющая 121

Тихонова С. А. Прецедентные феномены в британской политической карикатуре, посвященной Брекситу 130

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Дёмин П. Е. Особенности международного общения и профессиональной иноязычной коммуникации в условиях разнообразия диалектов арабского языка 149

Челпанова Е. В.
Кунина Н. Е. Концепт «state» сквозь призму коммуникативных интенций антиутопического художественного дискурса 157

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Рогожникова Т. М. Аналитические инструменты для психолингвистической экспертизы конфликтных текстов 164

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Агрба Л. А.	Тактико-стратегический репертуар Владислава Ардзинбы	183
Гуань Шаоян	Уникальность метафор в политических карикатурах	193
Лассан Э. Р.	Об Истории как ТЕКСТЕ, метафорах истории и следствиях из них	201

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Сивова Т. В.	Этноязыковое сознание в эволюции цветовых концептосфер	211
Соколова О. Л. Гончарова Н. А. Лапина В. Ю.	Опыт осмысления образа России в лингводидактическом и лингвокогнитивном аспектах	217

Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»	225
--	-----

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal “Political Linguistics”	10
---	----

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Kushneruk S. L.	Discourse World of Information and Psychological Warfare: Representational Structure in the Corpus	12
Shpilnaya N. N.	Political Media Event Interpretation Models in Professional and Everyday Media Discourse	22
Shustrova E. V.	Semantics of Bankruptcy as a Way of Product Promotion in Modern American Advertising Discourse	29
Iuzefovich N. G.	A Verbal Portrait of 2019 Through the Lens of 2020	40

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Gal'chuk D. S.	The Notion of “discourse of response” in Modern Political Internet Communication: Definition and Typical Features	48
Danilina V. V.	Political Speech in the Space Sector: Rhetorical Analysis of Public Speeches by the Head of a Space Agency (the case of NASA Administrator Jim Bridenstine)	54
Dmitriev O. A.	Actualization of Concepts in International Alternative Media	72
Dubenets N. B.	Realization of the Menacing Speech Act in American Diplomatic Discourse (based on Donald Trump’s speeches on Twitter)	80
Katermina V. V. Ryabchenko N. A. Lipiridi S. Ch. Gnedash A. A. Malysheva O. P.	The Study of Linguistic Model of Political Communications on Twitter about US President D. Trump in March-June 2020	87
Pogostina P. S.	Discourse Through the Lens of Dialogism (On the basis of American Late-Night Show)	108
Popova T. G. Kokorina K. A.	Speech Portrait of Theresa May: Verbal-Semantic Component	121
Tikhonova S. A.	Precedent Phenomena in British Political Cartoons on Brexit	130

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Demin P. E.	Specific Features of Foreign Language Professional Communication in the Face of a Diversity of Arabic Dialects	149
Chelpanova E. V. Kunina N. E.	The Concept “State” Through the Prism of Communicative Intentions of the Dystopian Fiction Discourse	157

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Rogozhnikova T. M.	Analytical Tools for Psycholinguistic Expertise of Conflictogenic Texts	164
---------------------------	---	-----

PART 5. FOREIGN EXPERIENCE

Agrba L. A.	Tactical and Strategic Repertoire of Vladislav Ardzinba	183
Guan Shaoyang	Unique Metaphors in Political Cartoons	193
Lassan E. R.	On History as TEXT, Historical Metaphors and Their Entailments	201

PART 6. REVIEWS. CHRONICLE

Sivova T. V.	Ethno-Linguistic Consciousness in the Evolution of Coloristic Conceptual Spheres	211
Sokolova O. L. Goncharova N. A. Lapina V. Y.	Experience of Comprehension of the Image of Russia in Linguodidactic and Linguocognitive Aspects	217
Manuscripts Requirements		225

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации как современных исследований зару-

бежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а по-

тому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

Интернет-сайт: <http://politlinguist.ru/>

Группа в социальной сети «Фейсбук»:
<https://www.facebook.com/groups/296664587806086/>

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.111'42:811.111'276.6:32
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55
DOI 10.26170/pl20-05-01

ГСНТИ 16.21.07; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

С. Л. Кушнерук

Южно-Уральский гос. гуманитарно-педагогический ун-т; Челябинский гос. ун-т, Челябинск, Россия

ORCID ID: 0000-0003-4447-4606

 E-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

Дискурсивный мир информационно-психологической войны: репрезентационная структура по данным корпуса

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы миромоделирования в зарубежных СМИ. Исследуется дискурсивный мир информационно-психологической войны, объективируемый средствами текстуальности в англоязычных медиа. Цель — основываясь на данных корпуса, охарактеризовать дискурсивный мир информационно-психологической войны как репрезентационную структуру. Частные задачи: установление макрофреймов, выявление особенностей фреймирования и идеологических смыслов, отражающих специфику конструируемой в дискурсивном мире медиареальности. В качестве материала для анализа используются ресурсы англоязычных СМИ в период с 2015 по 2020 г. Выборка, содержащая 101 текст, извлечена из корпуса «News on the Web». Применяются описательный метод, дискурсивный анализ, контекстуальный анализ, а также методика комбинирования качественного и количественного анализа.

Рассматриваются онтологические характеристики дискурсивного мира информационно-психологической войны. Раскрывается понятие репрезентационной структуры. Утверждается целесообразность сочетания социально-конструкционистского, когнитивно-дискурсивного и корпусного подходов для анализа ментально-языковых конструкций в дискурсе.

Устанавливаются параметры репрезентационной структуры в англоязычных СМИ. Производится количественный анализ ключевых элементов для обнаружения макрофреймов, участвующих в смыслообразовании. Дается качественная характеристика дискурсивного мира информационно-психологической войны по выделенным в корпусе ключевым существительным и словосочетаниям. Доказывается, что его когнитивными «опорами» являются макрофреймы «ИНФОРМАЦИЯ» и «ПРОТИВОБОРСТВО», имеющие разветвленную фреймо-слотовую организацию. Изучается фокусировка фреймов, выступающих интерпретационными схемами и влияющих на оценки читателей. Анализируются идеологические импликации, дающие представление о характере противоборства между Западом и Россией. Исследование представляет интерес для специалистов, разрабатывающих теорию когнитивно-дискурсивного миромоделирования и теорию языка информационного противоборства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационно-психологические войны; дискурсивный мир; миромоделирование; политический дискурс; когнитивно-дискурсивный подход; когнитивная лингвистика; английский язык; языковые средства; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет; профессор кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69; e-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кушнерук, С. Л. Дискурсивный мир информационно-психологической войны: репрезентационная структура по данным корпуса / С. Л. Кушнерук // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 12-21. — DOI 10.26170/pl20-05-01.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» по договору на выполнение НИР от 01.06.2020 г. № 16-298 по теме «Миромоделирование в англоязычном медиадискурсе на фоне вызовов времени: когнитивный, прагматический и идеологический аспекты».

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху противостояния между Востоком и Западом проблемы защиты национальных интересов, противодействия информационным атакам, вбросам и пропаганде, оказывающей разрушительное воздействие на характер отношений между мировыми державами, приобретают особую остроту.

Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью изучения миромоделирования в иноязычном медиадискурсе, в котором происходит конструирование систем значений, определяющих оценки и мнения читателей о России и ее политических инициативах. В рамках дискурсологии эту проблему предлагается рассмотреть по-новому — в аспекте репрезентационных структур, объ-

© Кушнерук С. Л., 2020

ективируемых в медиакommunikации сред-ствами языка. **Цель** настоящей статьи — охарактеризовать дискурсивный мир информационно-психологической войны (далее — дискурсивный мир ИПВ) как репрезентационную структуру в англоязычном медиадискурсе, основываясь на данных корпуса.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В начале нынешнего столетия «выдвижение» темы информационного противоборства в центр мировой общественной жизни имеет массу следствий, которые представляют лингвистический интерес и могут быть раскрыты с применением корпусного инструментария. Развивая теорию когнитивно-дискурсивного миромоделирования (основные публикации автора представлены на сайте <http://discourseworld.ru/>), мы отстаиваем идею о том, что репрезентационные структуры — ментальные конструкты разной степени концептуальной сложности, соотносимые с процессами и результатами представления мира и/или его фрагментов, — регулярно объективируются в медиадискурсе вербально-семиотическими ресурсами языка.

Социально-конструкционистский, когнитивно-дискурсивный и корпусный подходы принципиально значимы для исследования по ряду причин. Первый из них раскрывается в трактовке, идущей от В. Бурр, К. Гергена, которые выделяют несколько важных посылок: 1) дискурс формирует, конструирует «социальный мир»; 2) «способы понимания и репрезентации мира имеют исторически и культурно обусловленную специфику»; 3) «знания возникают в процессе социального взаимодействия» между людьми; 4) в контексте заданного мировидения «некоторые способы поведения становятся естественными, а другие — неприемлемыми» [Йоргенсен, Филлипс 2008: 23—25]. Согласно когнитивно-дискурсивному подходу, ментальные структуры и структуры языка активно взаимодействуют в процессах текстопостроения и текстовосприятия, а структуры значения есть структуры представления знаний. Избранная система взглядов подчеркивает активную роль дискурса в создании социальной реальности. Она обеспечивает понимание того, что в СМИ действительный мир отражается не нейтрально, но интенционально конструируется, а также дает возможность глубже изучить, как за счет актуализации репрезентационных структур в дискурсе происходит формирование мировосприятия зарубежных читателей в отношении нашей страны.

В предлагаемом исследовании социально-конструкционистский подход сочетается с когнитивно-дискурсивным и корпусным для того, чтобы усилить качественный анализ исследуемого материала количественным. Такой симбиоз называется смешанным (mixed-methods approach). Он фактически включает класс методик, применяя которые исследователь комбинирует качественные и количественные элементы [Богоявленская 2016; Борискина, Шилихина 2017; Creswell 2009; Johnson & Onwuegbuzie 2004; Qaiwer 2016]. Основные преимущества методологического «микса» заключаются в возможности применения нескольких исследовательских стратегий, отражающих логику развертывания программы действий по изучению концептуально сложных репрезентационных структур. В частности, речь идет о двух следующих:

– *экспланаторная стратегия* нацелена на обоснование выбора материала, первоначальный сбор языковых данных в корпусе и формальное распределение количественных показателей по установленным параметрам;

– *интерпретирующая стратегия* реализуется посредством количественного анализа полученной выборки с последующей качественной интерпретацией данных на основе имеющихся в распоряжении показателей.

Сочетание указанных выше подходов делает исследование объекта мультиперспективным и, как представляется, способствует изучению ментально-языковой структуры с учетом диалектического единства формы и содержания в их дискурсивной динамике.

ОНТОЛОГИЯ ДИСКУРСИВНОГО МИРА ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Лингвистика информационно-психологической войны, объектом которой выступает язык как средство осуществления информационного противоборства, стремительно развивается. Достаточно указать на некоторые значимые публикации в этой области, чтобы увидеть, что дискуртологи стремятся внести вклад в создание основ лингвистической безопасности России [Лингвистика... 2017, 2019, 2020]. В дискуссионном научном поле сосуществуют многочисленные исследовательские позиции, которые по характеру целей и задач соотносятся с двумя ведущими направлениями — когнитивно-дискурсивным и коммуникативно-прагматическим [Кушнерук, Чудинов 2019].

Учитывая ментально-языковую природу структур, объективируемых в медиадискур-

се, автор настоящей публикации рассматривает дискурсивный мир ИПВ как репрезентационную структуру. При этом *репрезентация* не сводится к семиотическому толкованию как набору символов, «поставленных в соответствие с объективно структурированным миром» [Лакофф 2011: 11], или к нетерминологической трактовке как использованию языка, знаков и образов, которые представляют объекты и явления мира [Hall 2009: 6].

Используя термин «репрезентационная структура», мы учитываем двойственную природу репрезентации. С одной стороны, она рассматривается как результат интерпретационной деятельности человека, которая приводит к образованию ментальных конструктов [Кубрякова, Демьянков 2007]. Второй стороной является объективация в дискурсе: вербально-семиотическое воплощение мыслительного содержания в текстовом пространстве обеспечивает миромоделирование в интересах «символических элит» (Т. ван Дейк), к которым относятся журналисты, имеющие доступ и контролирующие способы медиадискурсивного воспроизводства.

Термин *дискурсивный мир* обосновывается в теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования [см.: www.discourseworld.ru] для обозначения ментально-языковой структуры, которая отражает избирательное представление действительности в дискурсе. Понятие, выработанное на основе положений теории текстовых миров, обозначает когнитивную структуру представления фрагментов мира в дискурсе, которая создается предопределенной целеустановками коммуникации совокупностью элементов текстуального и контекстуального характера [Gavins 2007; World Building 2016; Tinceva 2018; Werth 1999].

Проективную реальность, создаваемую в медиадискурсе вербально-семиотическими средствами языка, актуализирующими семантику информационного противостояния, мы называем дискурсивным миром ИПВ [Лингвистика... 2019: 342]. Содержание этой концептуально сложной структуры объективируется в медиатекстах, связанных темами борьбы, противоборства, вражды.

Важно подчеркнуть, что дискурсивный мир ИПВ актуализируется на уровне макро- и микроструктур. Акцентируя внимание на первых, мы разделяем позицию Т. ван Дейка. Макроструктуры — наиболее абстрактные семантические или концептуальные структуры, которые организуют «локальные» микроструктуры дискурса, взаимодействие и их когнитивную переработку [van Dijk 1980:

V]. Дискурсивный мир ИПВ обладает своей макроструктурой, т. е. имеет глобальное концептуальное значение, которое организовано макрофреймами.

Как будет показано ниже, макрофреймы функционируют в медиадискурсе, предлагая способы интерпретации явлений и событий, чем влияют на убеждения, отношения, поведение и оценки людей. Понятия макрофрейма, фрейма, субфрейма имеют общее семантическое ядро, позволяя в целом говорить о том, что отношение людей к событию или явлению зависит от фокусировки внимания читателей, закрепляющей индивидуальное мнение о фрагменте действительности, который соответствует фреймовой структуре [Беляевская 2017: 120].

Высокая актуальность темы ИПВ предопределяет регулярное использование журналистами определенных лексических средств, которые являются ключевыми и/или частотными. Нельзя не согласиться с тем, что частотность — важная характеристика слова в дискурсе, она свидетельствует о востребованности темы в жизни общества. Но это «поверхностная» характеристика, потому что в любом корпусе самыми частотными оказываются служебные слова (предлоги, союзы), дейктики (личные и указательные местоимения, наречия места и времени), слова, выполняющие грамматические функции (вспомогательные глаголы, артикли) [Борискина, Шилихина 2017: 45]. Параметр частотности слова, несомненно, важен, но параметр ключевых слов более сложный с точки зрения вклада в смысловую сторону речевых произведений и выражение идей.

«Приметами» ключевых слов, по Т. В. Шмелёвой, являются частотность (количество словоупотреблений); наличие текстового пространства (актуализация в заголовках газет, журналов); грамматические возможности (формообразование, деривация); синтагматический потенциал (сочетаемость, метафорика); парадигматические отношения (новые синонимические, антонимические связи, эвфемизация, перифразы); использование в качестве имени собственного (онимизация) социальными институтами; вхождение в состав дефиниций (пояснительных конструкций); языковая рефлексия (повышенное социальное внимание к явлению через оценки говорящих); языковая игра (паронимическая аттракция, «ложная цитация») [Шмелёва 1993].

Ключевые слова представляют собой наиболее значимые для смысловой организации текстов об информационной войне лексемы или словосочетания, использование которых обусловлено авторской идеей и

замыслом журналистов под влиянием контекста, затрагивающего «острые» политические вопросы. В результате анализа ключевых слов появляется возможность установить приоритет ценностей в пространстве дискурсивного мира ИПВ — что для журналистов, освещающих проблемы информационной войны, оказывается приоритетным, и какую роль это играет в трансляции политических, идеологических и культурных смыслов. По указанной причине каркас дискурсивного мира ИПВ в первую очередь выявляется на основе ключевых элементов.

На первом этапе «когнитивные опоры», фиксирующие существенные аспекты информационной войны в дискурсивном мире англоязычных медиа, были установлены на основе выделенных в корпусе 206 лексем и 32 словосочетаний. Каркас дискурсивного мира формируют фреймовые структуры, которые главным образом объективируются в текстовом континууме ключевыми существительными и словосочетаниями. Утверждение согласуется с пониманием сущности данных грамматических категорий. Существительные, по определению, служат для обозначения предметов (вещей, лиц, веществ, живых существ, организмов, фактов, событий, явлений), выполняя номинативную функцию, обладают такими семантическими свойствами, без которых невозможно выражение мысли. Словосочетания, отобранные в корпусе, сближаются с существительными в том, что функционируют в текстах СМИ в качестве называющих единиц для обозначения единых понятий. Ниже представлены первые двадцать результатов в каждой категории. Они ранжированы по относительной частоте употребления.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ: MEDIA / МЕДИА — 542, WAR / ВОЙНА — 494, JOURNALIST / ЖУРНАЛИСТ — 194, PROPAGANDA / ПРОПАГАНДА — 131, CONFLICT / КОНФЛИКТ — 89, INTELLIGENCE / РАЗВЕДАННЫЕ — 87, CYBER / КИБЕРСРЕДА — 84, OUTLET / СМИ — 73, WARFARE / ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ — 68, REGIME / РЕЖИМ — 49, CONSPIRACY / КОНСПИРАЦИЯ — 49, COUP / ПЕРЕВОРОТ — 34, REVOLUTION / РЕВОЛЮЦИЯ — 47, DISINFORMATION / ДЕЗИНФОРМАЦИЯ — 47, SANCTION / САНКЦИЯ — 43, TERRORIST / ТЕРРОРИСТ — 40, ALLY / СОЮЗНИК — 35, REPORTING / РЕПОРТАЖИ — 30, LIE / ЛОЖЬ — 30, HACKER / ХАКЕР — 30.

СЛОВСОЧЕТАНИЯ: INFORMATION WAR / ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА — 158, FAKE NEWS / ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ — 112, SO-

CIAL MEDIA / СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ — 94, MEDIA OUTLET / СМИ — 35, FOREIGN POLICY / ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА — 23, CONSPIRACY THEORY / ТЕОРИЯ ЗАГОВОРА — 22, NEWS STORY / НОВОСТЬ — 17, HUMAN RIGHT / ПРАВА ЧЕЛОВЕКА — 17, CYBER ATTACK / КИБЕРАТАКА — 16, NEWS ORGANIZATION / ИНФОРМАГЕНТСТВО — 16, MEDIA FREEDOM / СВОБОДА СЛОВА — 15, MEDIA PLATFORM / МЕДИАПЛАТФОРМА — 15, OTHER COUNTRY / ДРУГАЯ СТРАНА — 15, INFORMATION WARFARE / ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО — 14, COLOR REVOLUTION / ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — 13, NUCLEAR WEAPON / ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ — 13, MAINSTREAM MEDIA / ЦЕНТРАЛЬНЫЕ СМИ — 13, SOFT POWER / МЯГКАЯ СИЛА — 11, NUCLEAR WAR / ЯДЕРНАЯ ВОЙНА — 11, PRESIDENTIAL ELECTION / ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ — 11.

Очевидно, что сами по себе списки ключевых слов не предоставляют информацию об их контекстуальных значениях и лингвистических функциях. В связи с этим необходимо сделать переход от формальных показателей к исследованию концептуального содержания и особенностей фреймирования информации в медиадискурсе.

ХАРАКТЕРИСТИКА ДИСКУРСИВНОГО МИРА ИНФОРМАЦИОННО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ ПО КЛЮЧЕВЫМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ И СЛОВСОЧЕТАНИЯМ

Благодаря контекстуальному анализу ключевых слов и словосочетаний, были установлены макрофреймы «ИНФОРМАЦИЯ» (рис. 1) и «ПРОТИВОБОРСТВО» (рис. 2), включающие фреймы, субфреймы и слоты (далее выделены полужирным курсивом и курсивом), которые конституируют ментальное пространство дискурсивного мира ИПВ. Используя термин *макрофрейм* для обозначения когнитивных «опор» в дискурсивном мире ИПВ, мы подчеркиваем сложный, объемный, многомерный характер ментальных структур, которые упорядочивают знания и представления об информационном противоборстве, выделяя релевантные с точки зрения освещения факты, явления, события, мнения, позиции.

Макрофрейм «ИНФОРМАЦИЯ» конституируют фреймы **«Характер информации», «Каналы распространения», «Средства распространения», «Распространители информации»**, каждый из которых распадается на слоты.

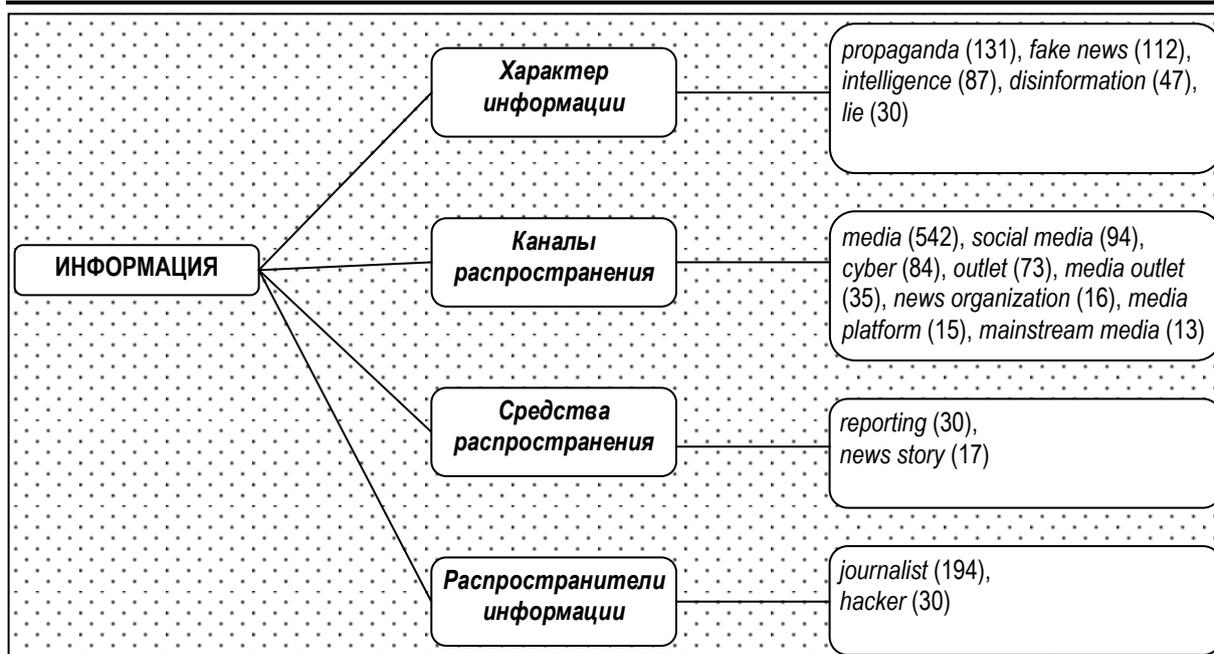

Рис. 1. Макрофрейм «ИНФОРМАЦИЯ» (фреймо-слотовый состав)

Фрейм «**Характер информации**» содержит субфрейм «**Идеологизированная информация**», включающий слоты *propaganda* (131), *fake news* (112), *intelligence* (87), *disinformation* (47), *lie* (30). Первый из названных устанавливает фокус на том, что распространение информации носит пропагандистский характер, ассоциируется с насаждением идей, слухов с целью нанесения ущерба делу, лицу. Информация характеризуется как ложная, не соответствующая действительности, неверная, неточная, вводящая в заблуждение, умышленно распространяемая с целью повлиять на общественное мнение. Спецификой актуализации фрейма является разведывательная информация, а также сбор информации о противнике (*intelligence*). В нижеследующем примере пропаганда квалифицируется как пророссийская, что вскрывает негативную оценку нашей страны англоязычными СМИ. Ср.: *Latvia was regularly labelled a fascist state in pro-Russian propaganda* (The Sydney Morning Herald. 27.04.2017). / Пророссийская пропаганда регулярно называла Латвию фашистским государством.

Фрейм «**Каналы распространения**» включает слоты *media* (542), *social media* (94), *cyber* (84), *outlet* (73), *media outlet* (35), *news organization* (16), *media platform* (15), *mainstream media* (13). Основными каналами распространения информации являются средства массовой коммуникации, центральные СМИ, информационные агентства, медиаплатформы, социальные сети, компьютерные сети. В выдержке из газеты «Гардиан» подчеркивается, что российское ин-

формагентство запустило рекламную кампанию в качестве альтернативы американским центральным средствам вещания. Ср.: *RT America, which began broadcasting in 2010, had launched an advertising campaign promising an alternative view to the American mainstream media* (The Guardian. 09.04.2015). / Вещательная компания Russia Today America, начавшая работу в 2010 году, запустила рекламную кампанию, которая обещала альтернативное центральным американским медиа видение событий.

Фрейм «**Средства распространения**» структурируется слотами *reporting* (30), *news story* (17). Информационное освещение осуществляется в репортажах и новостях. Британские журналисты часто высказывают сомнения в их объективности и надежности. Ср.: *If a commitment to the impossibility of objective reporting means that any position, however bizarre, is no better or worse than any other, the ultimate effect, which may be the intended one, is to suggest that all media organizations are equally untrustworthy* (The Guardian. 09.04.2015). / Если убежденность в невозможности объективного освещения событий означает, что любая позиция, какой бы причудливой она ни была, ничем не лучше и не хуже любой другой, подразумеваемым следствием может быть предположение о том, что все средства массовой информации одинаково ненадежны.

Фрейм «**Распространители информации**» имеет в составе слоты *journalist* (194), *hacker* (30). Активность в распространении информации приписывается журналистам и в меньшей степени хакерам как ли-

цам, способным незаконно получать доступ к информации и вмешиваться в компьютерные системы. Метафора духов создает иронию, с которой М. Захарова критически оценивает предвзятое отношение к России со стороны западных партнеров, ср.: *“Without any analysis whatsoever we see that everything — the GRU, cyber spies, Kremlin hackers, WADA — has been poured and mixed into a single bottle of perfume, perhaps in a Nina Ricci bottle of perfume”*, TASS quoted the Russian foreign ministry spokeswoman, Maria Zakharova, as saying (Forbes. 06.10.2018). / «Без всякого анализа мы видим, что все — ГРУ, кибершпионы, кремлёвские хакеры, ВАДА — вылиты и смешаны в одном флаконе духов, возможно, „Нины Риччи“», — ТАСС процитировало пресс-секретаря МИД России Марию Захарову.

Макрофрейм «ПРОТИВОБОРСТВО» включает фреймы **«Состояние противоборства»**, **«Виды противоборства»**, **«Сферы противоборства»**, **«Средства противоборства»**, **«Участники противоборства»**, имеющие детализацию в слотовой части.

Фрейм **«Состояние противоборства»** детализирован субфреймами **«Война»**: *war* (494), *conflict* (89), *warfare* (68); **«Информационная война»**: *information war* (158), *information warfare* (14). Война характеризуется как состояние антагонизма, действия в отношении расходящихся интересов, противостояние лиц, сил. Отмечается враждебность сторон, борьба за цель, состояние конфликта, приемы войны, военные действия (*warfare*). Разновидностью современной войны является информационная война (*information war, information warfare*). В следующем примере подчеркивается, что конфликты имеют гибридный характер, т. е. в противостоянии вовлекаются разные средства, альтернативные классическому военному вторжению. Ср.: *According to Wieslaw Gozdiewicz, legal adviser to the Nato Joint Force Training Centre, disinformation campaigns will continue to be an important part of hybrid conflicts* (Computer Weekly. 05.01.2018). / По словам В. Гоздзевича, юриста учебного центра Объединенных сил НАТО, кампании дезинформации по-прежнему останутся важной частью гибридных конфликтов.

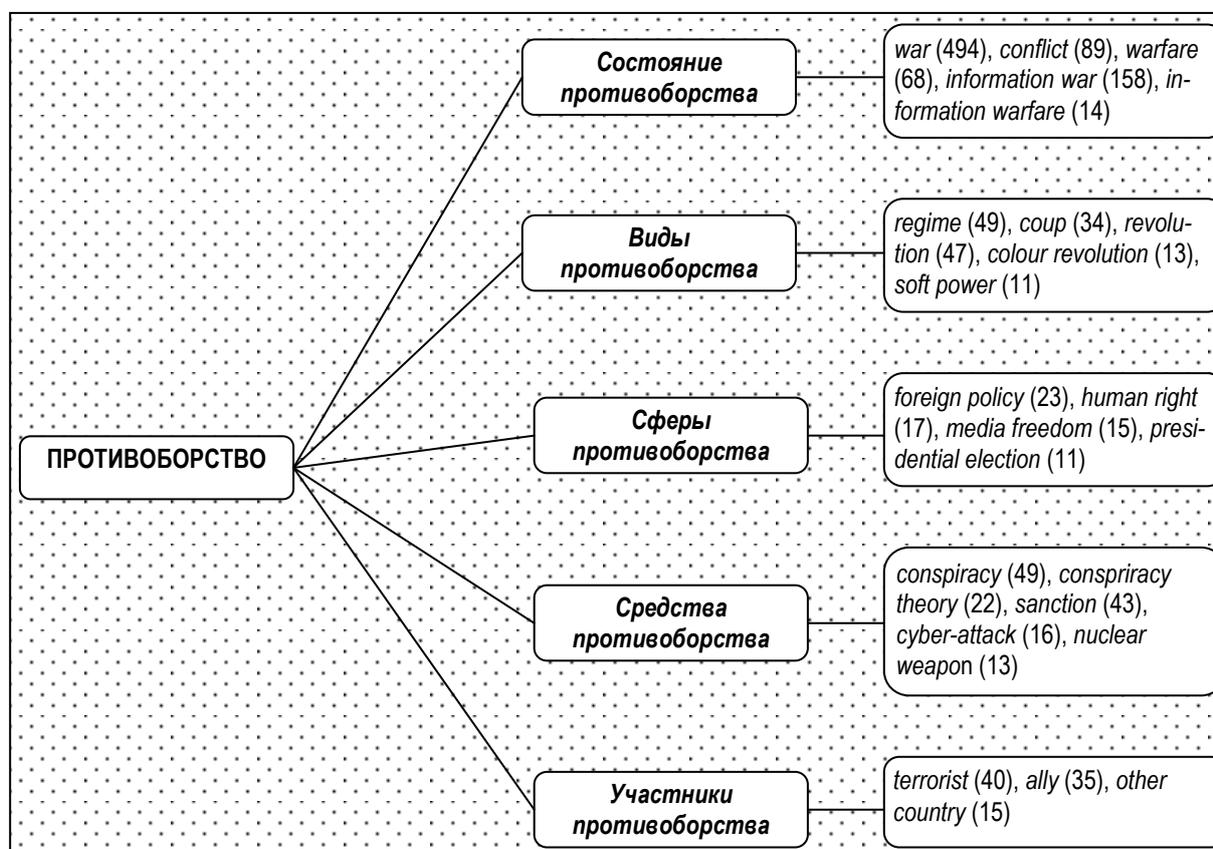

Рис. 2. Макрофрейм «ПРОТИВОБОРСТВО» (фреймо-слотовый состав)

Фрейм **«Виды противоборства»**. В эпоху противостояния в англоязычных СМИ называются традиционные и относительно новые формы противоборства: *regime* (49), *coup* (34), *revolution* (47), *colour revolution* (13), *soft power* (11). Фрейм систематизирован представлениями о способах правления, переворотах, захвате власти, внезапном, радикальном изменении в политическом устройстве, ненасильственной политической борьбе, смене правящих режимов, «мягкой» силе, способности получать результаты в отношениях с другими государствами за счет сотрудничества в определенных сферах. В контексте актуализируются два фрейма. Британские журналисты указывают на соотношения понятий «мягкой силы» и «информационной войны» и их значимость для России. Ср.: *Without completely disappearing, the notion of soft power has been eclipsed by that of «information war», whose acceptance is literal and extensive in Russia* (Yahoo. 20.04.2017). / *He исчезнувшее совсем, но потесненное «информационной войной» понятие «мягкая сила» в России воспринимается буквально и широко.*

Фрейм **«Сферы противоборства»**. Словотворный состав: *foreign policy* (23), *human right* (17), *media freedom* (15), *presidential election* (11). Основная сфера противоборства по данным корпуса — политика: внешняя политика суверенного государства в его взаимодействии с другими государствами, а также внутренняя политика, включающая борьбу за свободу массовой информации, гарантии независимого функционирования СМИ, права человека, президентское кресло. Так, в одном из контекстов отмечается, что на уровне деятельности журналистов, государства и общества свобода американских медиа терпит провал. Ср.: *We all — journalists, the state and society — failed in terms of media freedom* (The Huffington Post. 24.10.2015). / *Мы все — журналисты, государство и общество — потерпели неудачу в отношении свободы СМИ.*

Фрейм **«Средства противоборства»**. Слоты: *conspiracy* (49), *conspiracy theory* (22), *sanction* (43), *cyber-attack* (16), *nuclear weapon* (13). Средствами осуществления противоборства являются заговоры, конспирологические теории, санкции, кибератаки, угроза применения ядерного оружия. Например, по делу Скрипалей (2018 г.) Россия обвиняется в продвижении ложных утверждений для поддержки теорий заговора против Великобритании. Ср.: *Russia has very clearly been promoting these false claims in order to fuel the plethora of conspiracy theories and cast doubt on the UK's version of events* (Bellingcat.

02.10.2018) / *Россия очень явно продвигала эти ложные утверждения, чтобы подпитывать многочисленные теории заговора и ставить под сомнение версию Великобритании.*

Фрейм **«Участники противоборства»**. Выделяются слоты *terrorist* (40), *ally* (35), *other country* (15). Активизируются представления о практиках терроризма, использовании террора в целях принуждения, государствах-союзниках и других неперсонализированных участниках. В американских изданиях утверждается особая роль русских в осуществлении манипуляции через Интернет на территории других государств. Ср.: *The Saudis aren't quite as good as the Russians at manipulating the Internet in other countries, though they are beginning to try* (The Washington Post. 17.10.2018). / *Саудовцам далеко до русских в манипулировании Интернетом в других странах, хотя они начинают пытаться.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье продемонстрировано, что сочетание социально-конструкционистского, когнитивно-дискурсивного и корпусного подходов оказывается продуктивным для анализа концептуально сложных структур, объективируемых в медиакommunikации. Переход от формальных показателей к содержательным с учетом прототипической и контекстуальной семантики ключевых слов и словосочетаний необходим для более глубокого понимания механизмов дискурсивной актуализации ментальных образований концептуально сложного типа.

Привлечение данных корпуса позволило выделить два макрофрейма, конституирующих дискурсивный мир ИПВ в англоязычных медиа и играющих определяющую роль в его организации. Установлено, что в структурно-содержательном плане макрофрейм «ПРОТИВОБОРСТВО» имеет разветвленную организацию, очерченную фреймами «Состояние противоборства», «Виды противоборства», «Сферы противоборства», «Средства противоборства», «Участники противоборства». В структуре макрофрейма «ИНФОРМАЦИЯ» выявлены фреймы «Характер информации», «Каналы распространения», «Средства распространения», «Распространители информации», которые ограничивают матрицу медиадискурсивных смыслов.

Дискурсивный мир, конструируемый в англоязычных СМИ, формирует предвзятое отношение читателей к России. Идеологические импликации, характеризующие информационно-психологическое противоборство между Западом и Россией, выявляются на основе фреймовой фокусировки на ключе-

вых политических проблемах. В информационном отношении речь идет о пропаганде и дезинформации, получающих распространение по медиаканалам благодаря деятельности журналистов и хакеров. В отношении противоборства англоязычная медиареальность отражает разновидности конфликтов и войн, имеющих традиционные и новые гибридные формы во внешней и внутренней политике, получающих реализацию через заговоры, санкции, кибератаки и угрозы ядерной катастрофы. Россия позиционируется как мощное государство, представляющее серьезную опасность для Запада, которое выполняет спланированные действия по ведению информационной войны.

Изучение особенностей дискурсивного мира ИПВ как репрезентационной структуры в зарубежных медиа призвано внести вклад в теорию языка информационного противоборства. Перспективы исследования видятся в связи с дальнейшим изучением ментально-языковых структур в национально-культурных вариантах медийной коммуникации разных стран с применением корпусного инструментария. Это может оказаться плодотворным для дискурсологии, теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования, лингвистики информационно-психологической войны, корпусной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляевская, Е. Г. Интерпретация знаний о мире в языке: методы изучения / Е. Г. Беляевская. — Текст : непосредственный // Интерпретация мира в языке : коллективная моногр. — Тамбов, 2017. — С. 82—158.
2. Богдавленская, Ю. В. Репрезентативность лингвистического корпуса: метод верификации достоверности полученных данных / Ю. В. Богдавленская. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4 (58). — С. 163—166.
3. Борискина, О. О. Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике / О. О. Борискина, М. М. Шилихина. — Текст : непосредственный // Политическая наука. — 2017. — № 2. — С. 30—53.
4. Йоргенсен, М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипп. — Харьков : Гуманитарный центр, 2008. — 352 с. — Текст : непосредственный.
5. Кубрякова, Е. С. К проблеме ментальных репрезентаций / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 4. — С. 8—16.
6. Kushneruk, S. L. Развитие лингвистики информационно-психологической войны: методологическая неоднородность и первые результаты / С. Л. Кушнерук, А. П. Чудинов. — Текст :

электронный // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. — № 4. — Ч. 1. — С. 105—118. — URL: http://discourseworld.ru/electronic-library/stati/kushneruk_s_l_chudinov_a_p_2019_razvitiye_lingvistiki_informatsionno-psikhologicheskoy_voyny_metodolo/ (дата обращения: 10.08.2020).

7. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. Кн. 1. Разум вне машины / Дж. Лакофф. — Москва, 2011. — 512 с. — Текст : непосредственный.

8. Лингвистика информационно-психологической войны : монография. Книга I / под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. — 340 с. — Текст : непосредственный.

9. Лингвистика информационно-психологической войны : монография. Книга II / под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. — 487 с. — Текст : непосредственный.

10. Лингвистика информационно-психологической войны : монография. Книга III / под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. — 344 с. — Текст : непосредственный.

11. Шмелева, Т. В. Ключевые слова текущего момента / Т. В. Шмелева. — Текст : непосредственный // Colloquium. — 1993. — № 1. — С. 33—41.

12. Creswell, J. Research Design: Qualitative, Quantitative and mixed method approaches / J. Creswell. — 4rd ed. — London : Sage, 2009. — Text : unmediated.

13. Gavins, J. The Text World Theory: An Introduction / J. Gavins. — Edinburgh Univ. Press, 2007. — Text : unmediated.

14. Hall, S. (ed.). Representation: cultural representations and signifying practices / ed. S. Hall. — Sage Publications, 2009. — Text : unmediated.

15. Johnson, R. Mixed method research: a research paradigm whose time has come / R. Johnson, A. Onwuegbuzie. — Text : unmediated // Educational Researcher. — 2004. — № 33 (7). — P. 14—26.

16. News on the Web. — URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (date of access: 1.07.2020). — Text : electronic.

17. Qaiwer, S. N. A Study of Identity Construction in Political Discourse: Thesis submitted to the University of Nottingham for the Degree of Doctor of Philosophy / S. N. Qaiwer. — 2016. — URL: https://www.researchgate.net/publication/309607807_A_study_of_identity_construction_in_political_discourse (date of access: 12.07.2020).

18. Tincheva, N. Discourse-world profiling expressions: contrasting data from British and Bulgarian political speeches / N. Tincheva. — Text : electronic // Language Close Up. — Sofia : Sofia University Press, 2018. — P. 297—317. — URL: https://www.researchgate.net/publication/331198543_DISCOURSE_WORLD-PROFILING_EXPRESSIONS_CONTRASTING_DATA_FROM_BRITISH_AND_BULGARIAN_POLITICAL_SPEECHES (date of access: 12.07.2020).

19. Dijk, T. A. van. Macrostructures: an interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition. — Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1980. — 316 p.

20. Werth, P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse / P. Werth. — London : Longman, 1999. — 390 p. — Text : unmediated.

21. World Building: Discourse in the Mind / J. Gavins, E. Lahey, (eds.). — Bloomsbury. — 2016. — 296 p.

S. L. Kushneruk

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID ID: 0000-0003-4447-4606

 E-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

Discourse World of Information and Psychological Warfare: Representational Structure in the Corpus

ABSTRACT. *The article deals with the issues of world modeling in foreign mass media. It explores the discursive world of information and psychological warfare objectified by the textual means of English-language mass media. The aim of*

the study is to characterize the discourse world of information and psychological warfare as a representational structure on the basis of the corpus data. Research tasks comprise the identification of the key macroframes and of the specificity of formation of frames and ideological implications reflecting the media reality constructed in the world of discourse. The sample contains 101 texts from the "News on the Web" corpus published over the period from 2015 to 2020. The study employs the descriptive method, the discourse analysis, the contextual analysis, and the mixed method of qualitative and quantitative analysis.

The study investigates the ontological characteristics of the discourse world of information and psychological warfare and defines the notion of representational structure. The author attests the feasibility of the combination of socio-constructionist, cognitive-discursive and corpus approaches for the analysis of mental and linguistic constructs of discourse.

The representational structure in the English-language media is parameterized. To reveal the macroframes, involved in the media discursive meaning-making, a quantitative analysis of the key elements, found in the corpus, is carried out. A qualitative characteristic of the discourse world of information and psychological warfare via key nouns and phrases, singled out in the corpus is given. It is argued that the macroframes INFORMATION and CONFRONTATION serve as cognitive 'pillars' of discourse world of information and psychological warfare, and that they have an elaborate frame-slot organization. The article looks at the framing foci as interpretative schemas, according to which readers' opinions are shaped. The author analyzes the ideological implications which determine the nature of confrontation between the West and Russia. The results of the study may present interest to discourse analysts and the scholars who develop the World-Modeling Theory.

KEYWORDS: *information and psychological warfare; discourse world; world modeling; political discourse; cognitive-discursive approach; cognitive linguistics; English; linguistic means; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media; language of mass media.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kushneruk Svetlana Leonidovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of English Philology, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University; Professor of Department of Theory and Practice of the English Language, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.*

FOR CITATION: *Kushneruk, S. L. Discourse World of Information and Psychological Warfare: Representational Structure in the Corpus / S. L. Kushneruk // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 12-21. — DOI 10.26170/pl20-05-01.*

ACKNOWLEDGMENTS. *The research on the topic "World-Modeling in Media Discourse against the Backdrop of Global Challenges: Cognitive, Pragmatic and Ideological Aspects" has been carried out with financial support of Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseev (research contract of 01.06.2020, № 16-298).*

REFERENCES

1. Belyaevskaya, E. G. Interpretation of Knowledge about the World in Language: Methods of Study / E.G. Belyaevskaya. — Text : unmediated // Interpretation of the World in Language : collective monograph. — Tambov, 2017. — P. 82—158. [Interpretatsiya znaniy o mire v yazyke: metody izucheniya / E. G. Belyaevskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Interpretatsiya mira v yazyke : kollektivnaya monogr. — Tambov, 2017. — S. 82—158]. — (In Rus.)
2. Bogoyavlenskaya, Yu. V. Representativeness of the Linguistic Corpus: a Method for Verifying the Reliability of the Data Obtained / Y. V. Bogoyavlenskaya. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2016. — No. 4 (58). — P. 163—166. [Reprezentativnost' lingvisticheskogo korpusa: metod verifikatsii dostovernosti poluchennykh dannyykh / Yu. V. Bogoyavlenskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2016. — № 4 (58). — S. 163—166]. — (In Rus.)
3. Boriskina, O. O. Corpus Studies of Political Discourse in Linguistics / O. O. Boriskina, M. M. Shilikhina. — Text : unmediated // Political Science. — 2017. — No. 2. — P. 30—53. [Korpusnye issledovaniya politicheskogo diskursa v lingvistike / O. O. Boriskina, M. M. Shilikhina. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya nauka. — 2017. — № 2. — S. 30—53]. — (In Rus.)
4. Yorgensen, M. V. Discourse Analysis. Theory and Method / M. V. Jorgensen, L. J. Phillips. — Kharkov : Humanities Center, 2008. — 352 p. — Text : unmediated. [Diskurs-analiz. Teoriya i metod / M. V. Yorgensen, L. Dzh. Phillips. — Kharkov : Gumanitar. tsentr, 2008. — 352 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
5. Kubryakova, E. S. To the Problem of Mental Representations / E. S. Kubryakova, V. Z. Demyankov. — Text : unmediated // Questions of Cognitive Linguistics. — 2007. — No. 4. — P. 8—16. [K probleme mental'nykh reprezentatsiy / E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'yankov. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. — 2007. — № 4. — S. 8—16]. — (In Rus.)
6. Kushneruk, S. L. Development of Linguistics of Information-psychological Warfare: Methodological Heterogeneity and First Results / S. L. Kushneruk, A. P. Chudinov. — Text : electronic // Ecology of Language and Communicative Practice. — 2019. — No. 4. — Part 1. — P. 105—118. [Razvitie lingvistiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny: metodologicheskaya neodnorodnost' i pervye rezul'taty / S. L. Kushneruk, A. P. Chudinov. — Tekst : elektronnyy // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2019. — № 4. — Ch. 1. — S. 105—118]. — URL: http://discourseworld.ru/electronic-library/stati/kushneruk_s_l_chudinov_a_p_2019_razvitie_lingvistiki_infomatsionno_psikhologicheskoy_voyny_metodolo/ (date of access: 10.08.2020). — (In Rus.)
7. Lakoff, J. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories of Language Tell Us About Thinking. Book. 1. Mind Outside the Machine / J. Lakoff. — Moscow, 2011. — 512 p. — Text : unmediated. [Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii. Kn. 1. Razum vne mashiny / Dzh. Lakoff. — Moskva, 2011. — 512 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
8. Linguistics of Information-psychological Warfare : Monograph. Book I / ed. prof. A. P. Skovorodnikov. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. Univ., 2017. — 340 p. — Text : unmediated. [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monografiya. Kniga I / pod red. prof. A. P. Skovorodnikova. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2017. — 340 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Linguistics of Information-psychological Warfare : Monograph. Book II / ed. prof. A. P. Skovorodnikov. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. Univ., 2019. — 487 p. — Text : unmediated. [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monografiya. Kniga II / pod red. prof. A. P. Skovorodnikova. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2019. — 487 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
10. Linguistics of Information-psychological Warfare : Monograph. Book III / ed. prof. A. P. Skovorodnikov. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. Univ., 2020. — 344 p. — Text : unmediated. [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monografiya. Kniga III / pod red. prof. A. P. Skovorodnikova. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2020. — 344 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

11. Shmeleva, T. V. Shmeleva T. V. Key Words of the Current Moment / T. V. Shmeleva. — Text : unmediated // *Colloquium*. — 1993. — No. 1. — P. 33—41. [Klyuchevye slova tekushchego momenta / T. V. Shmeleva. — Tekst : neposredstvennyy // *Sollequium*. — 1993. — № 1. — S. 33—41]. — (In Rus.)
12. Creswell, J. Research Design: Qualitative, Quantitative and mixed method approaches / J. Creswell. — 4rd ed. — London : Sage, 2009. — Text : unmediated.
13. Gavins, J. The Text World Theory: An Introduction / J. Gavins. — Edinburgh Univ. Press, 2007. — Text : unmediated.
14. Hall, S. (ed.). Representation: cultural representations and signifying practices / ed. S. Hall. — Sage Publications, 2009. — Text : unmediated.
15. Johnson, R. Mixed method research: a research paradigm whose time has come / R. Johnson, A. Onwuegbuzie. — Text : unmediated // *Educational Researcher*. — 2004. — № 33 (7). — P. 14—26.
16. News on the Web. — URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (date of access: 1.07.2020). — Text : electronic.
17. Qaiwer, S. N. A Study of Identity Construction in Political Discourse: Thesis submitted to the University of Nottingham for the Degree of Doctor of Philosophy / S. N. Qaiwer. — 2016. — URL: https://www.researchgate.net/publication/309607807_A_study_of_identity_construction_in_political_discourse (date of access: 12.07.2020).
18. Tincheva, N. Discourse-world profiling expressions: contrasting data from British and Bulgarian political speeches / N. Tincheva. — Text : electronic // *Language Close Up*. — Sofia : Sofia University Press, 2018. — P. 297—317. — URL: https://www.researchgate.net/publication/331198543_DISCOURSE_WORLD-PROFILING_EXPRESSIONS_CONTRASTING_DATA_FROM_BRITISH_AND_BULGARIAN_POLITICAL_SPEECHES (date of access: 12.07.2020).
19. Dijk, T. A. van. Macrostructures: an interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition. — Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1980. — 316 p.
20. Werth, P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse / P. Werth. — London : Longman, 1999. — 390 p. — Text : unmediated.
21. World Building: Discourse in the Mind / J. Gavins, E. Lahey, (eds.). — Bloomsbury. — 2016. — 296 p.

Н. Н. ШпильнаяАлтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия
ORCID ID: 0000-0002-0709-4308 **E-mail:** venata85@mail.ru.

Модели интерпретации политического медиасобытия в профессиональном и обыденном медиадискурсе

АННОТАЦИЯ. В статье ставится проблема интерпретации политического медиасобытия, решение которой уточняет степень влияния СМИ на массовое сознание в виде представлений рядовых носителей языка. Предмет статьи — сопоставительный анализ моделей интерпретации политического медиасобытия в профессиональном и обыденном медиадискурсе. Обращение к сопоставительному анализу интерпретации медиасобытия в медиатексте и обыденном тексте позволит прояснить степень их соотношения и детерминированность обыденной интерпретации информационным полем медиасобытия. Работа выполнена на стыке политической лингвистики, медиалингвистики и интерпретационной лингвистики. Модель интерпретации рассматривается как инвариантный сценарий развития медиасобытия в дискурсе, где дискурс — это политекстовое образование, представленное совокупностью текстов, посвященных одному и тому же событию. В качестве единицы анализа рассматривается политическое медиасобытие «Крушение украинского Boeing в Тегеране». В работе выявлено, что в профессиональном медиадискурсе актуализируется пропозиционально-фреймовая модель интерпретации, которая структурирует медиасобытие в языковом сознании носителей языка определенными слотами, репрезентирующими те или иные пропозициональные смыслы, значимые для осмысления события в СМИ. А в обыденном медиадискурсе актуализируется пропозициональная модель интерпретации медиасобытия, опредмечивающая пропозициональные смыслы, значимые для носителей языка. В статье делается следующий вывод: несмотря на идентичность механизмов интерпретационного процесса, направленного на актуализацию политического медиасобытия в профессиональном и обыденном медиадискурсе, перлокутивный эффект медиатекста не детерминирован его иллокутивной составляющей, их соотношение можно описать как отношения двух независимых интерпретационных моделей. Результаты исследования могут быть востребованы в медиалингвистике, лингвокультурологии, медиалогии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; политические медиасобытия; интерпретационные модели; фреймы; массовое сознание; языковые средства; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Шпильная Надежда Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания, Алтайский государственный педагогический университет; 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55; e-mail: venata85@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шпильная, Н. Н. Модели интерпретации политического медиасобытия в профессиональном и обыденном медиадискурсе / Н. Н. Шпильная // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 22-28. — DOI 10.26170/pl20-05-02.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ «Обыденный медийный дискурс: лингвокультурологический и лексикографический аспекты», № 20-012-00375.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование выполнено на стыке политической лингвистики, медиалингвистики и интерпретационной лингвистики. В статье ставится проблема интерпретации политического медиасобытия, решение которой позволит уточнить степень влияния СМИ на массовое сознание рядовых носителей языка. В современных исследованиях в области медиадискурса аксиоматичным считается положение, согласно которому медиадискурс формирует картину мира носителя языка, осуществляя в том числе и манипулирование его сознанием. Так, например, И. В. Рогозина отмечает, что медиадискурс формирует медиакартину мира членов языкового сообщества: «СМИ воздействуют,

прежде всего, на интересобъектное знание как подсистему картины мира индивида, формируя медиа-картину мира», при этом медиакартину мира рассматривается «как результат воздействия СМИ на индивидуальное и конвенциональное в сознании». Ученый выделяет ментальную форму существования медиакартину мира, которая является «результатом воздействия текстов СМИ на сознание человека» [Рогозина www]. В. И. Карасик, подчеркивая триединую функцию массовой информации — «воздействие, информирование и развлечение», отмечает, что она сводится «к формированию общественного мнения по актуальным вопросам современности, фокусировке внимания на важных аспектах предъявляемой информации» [Карасик 2020: 25]. Как видим, воздей-

© Шпильная Н. Н., 2020

ствии текстов СМИ на языковое сообщество постулируется как очевидное явление; кроме того, полагается, что медиакартинка мира не только задается медиатекстами, но и существует как реальное образование в картине мире носителя языка. Нам представляется, что приоритет профессиональных дискурсивных практик по отношению к обыденному интерпретационному сознанию провозглашается в силу того, что медиатекст рассматривается как инструмент информационного воздействия, регулирующий его восприятие членами языкового сообщества (см., например: [Добросклонская www]). Однако, к сожалению, специальные исследования, посвященные изучению степени влияния медиатекста на интерпретацию медиасобытия рядовыми носителями языка, не проводились в современной лингвистике. И это при том, что в современной интерпретационной лингвистике уже накоплен значительный массив наблюдений, доказывающих, что обыденная интерпретационная деятельность носителей языка — это относительно независимый и креативный процесс, осуществляемый за счет рецептивных механизмов языковой деятельности и детерминируемый не столько содержанием исходного текста, сколько интерпретационными стратегиями, присущими носителям языка [Ким 2009].

В силу этого обращение к сопоставительному анализу интерпретации медиасобытия в медиадискурсе и обыденном дискурсе позволит прояснить степень их соотношения и, как следствие, детерминируемость обыденной интерпретации в рамках информационного поля медиасобытия.

ЦЕЛЬ И МЕТОДОЛОГИЯ СТАТЬИ

Цель статьи — выявить и описать модели интерпретации политического медиасобытия в профессиональном и обыденном медиадискурсе. Медиадискурс рассматривается нами как политекстовое образование, организуемое вокруг одного и того же медиасобытия. Трактовка дискурса как совокупности текстов аналогична подходу, представленному в работе [Красных 2013: 113]. При этом субъектом профессионального медиадискурса является журналист, а субъектом обыденного медиадискурса — рядовой носитель языка.

В медиалингвистике накоплено немало наблюдений относительно того, что профессиональный медиадискурс представляет определенную модель интерпретации медиасобытия [Белявская 2015; Мохирева 2017; Якоба 2016]. Однако обыденные модели интерпретации различных медиасобытий — неизученная сфера медиалингвистики. В не-

давно опубликованной статье [Shpilnaya, Dudareva 2020] мы описали радиально-цепочечную модель интерпретации медиасобытия в обыденном медиадискурсе, отражающую связь интерпретационных вариантов медиасобытия в обыденном медийном дискурсе, образуемом совокупностью высказываний. В рамках данной статьи, ставя задачу выявления моделей интерпретации политического медиасобытия в профессиональном и обыденном медиадискурсе, мы акцентируем внимание на обыденной интерпретации медиасобытия, отраженного в медиатексте.

Обыденная интерпретация политических медиасобытий составляет предмет исследования немногих лингвистов [Голев, Ким 2014; Ергалиева www; Мельник, Савельева 2017], при этом их интересы направлены прежде всего на исследование субъективных факторов, оказывающих влияние на обыденную интерпретацию политического события, транслируемого СМИ. Т. В. Чернышова исследует восприятие медиатекстов рядовыми носителями языка [Чернышова 2005].

В отличие от подобных исследований, нас интересует модель интерпретации политического медиасобытия, которая рассматривается как присущий языковому сознанию сценарий его развития, обуславливающий появление тех или иных интерпретационных вариантов. Мы ориентированы на выявление не индивидуальных или типовых моделей интерпретации политического медиасобытия, присущих языковым личностям, а на анализ инвариантного сценария развития медиасобытия в профессиональном и обыденном медиадискурсе.

Используя термин «модель интерпретации», мы пытаемся актуализировать ее (модели) когнитивные основания. О когнитивных моделях, детерминирующих бытие дискурса, его производство и функционирование в языковом сообществе, говорят многие лингвисты, в том числе и Т. ван Дейк [ван Дейк 1989]. Ученые отмечают, что «когнитивные модели не могут существовать отдельно от дискурса и играют важную роль в порождении, интерпретации и понимании последнего» [Ватолина www]. Значимой для нас является концепция О. Йокоямы, в которой когнитивная модель рассматривается в контексте коммуникативного акта, как модель передачи знаний от одного участника диалога к другому [Йокояма 2005]. В этом плане интерпретационные модели — это когнитивные образования, задающие способ развития события в дискурсе как политекстовом образовании. Как следствие, интерпретационные модели политического медиасобытия организуют профессиональный и обыденный медиадискурсы,

отражая информационное поле политическо-го медиасобытия.

Для анализа мы взяли политическое медиасобытие «Крушение украинского Boeing в Тегеране» (январь 2020 года). Профессиональные интерпретационные модели выявляются нами на основе анализа медиатекстов, размещенных в сети Интернет и актуализирующих данное медиасобытие (см. далее). Обыденные интерпретационные модели выявляются нами на основе анализа интернет-комментариев к медиатексту «Названа причина крушения украинского самолета в Иране» [Названа причина крушения украинского самолета в Иране www], образующих обыденный медиадискурс. Общее количество проанализированных интерпретирующих высказываний — 158.

Нами выявлено, что в профессиональном медиадискурсе актуализируется пропозиционно-фреймовая модель интерпретации политического медиасобытия, а в обыденном медиадискурсе — пропозициональная модель. Далее рассмотрим их подробнее.

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВАЯ МОДЕЛЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАСОБЫТИЯ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Как показал анализ, интерпретация медиасобытия «Крушение украинского Boeing в Тегеране» в профессиональном медиадискурсе осуществляется по пропозиционно-фреймовой модели. Фреймовая модель рассматривается нами как когнитивная модель, структурирующая медиасобытие в языковом сознании носителей языка посредством актуализации в медиатекстах тех или иных слотов нового для читателя знания. При этом слоты актуализируют определенные пропозициональные смыслы медиасобытия.

На основе анализа эмпирического материала мы выявили, что медиасобытие «Крушение украинского Boeing в Тегеране» представлено различными слотами: «Названа причина крушения украинского самолета в Иране», «в Украине объявили траур по жертвам крушения Boeing в Тегеране», «Иран отказался передать „Боинг“ черные ящики разбившегося самолета», «Росавиация рекомендовала авиакомпаниям не летать над Ираном и Ираком», «Иран признал, что случайно сбил украинский Boeing». Данные слоты представляет собой заголовки медиатекстов, которые размещены в СМИ. Рассмотрим данные слоты более подробно.

Первый слот — «Названа причина крушения украинского самолета в Иране» — актуализирует пропозициональный смысл «причина события», ср.: *Причина крушения*

украинского самолета в загорании двигателя. Второй слот — «в Украине объявили траур по жертвам крушения Boeing в Тегеране» — актуализирует пропозициональный смысл «результат события»: *По официальным данным, погибли все 176 человек: 167 пассажиров из Ирана, Украины, Канады, Германии, Швеции и Афганистана и девять членов экипажа*. Третий слот — «Иран отказался передать „Боинг“ черные ящики разбившегося самолета» — актуализирует пропозициональный смысл «бенефактив», т. е. участника ситуации, чьи интересы затронуты, так как участник ситуации «Иран», передав черные ящики, может получить нежелательную для него огласку произошедшего. Ср.: *„Мы не передадим черный ящик производителю и американцам“*, — *заявил руководитель управления гражданской авиации Ирана Али Абедзаде*. *По его словам, Иран еще не выбрал страну, в которую будут переданы для расшифровки самописцы*. *Абедзаде отверг версию теракта и заявил, что воздушное пространство над Ираном безопасно*. Следующий слот — «Росавиация рекомендовала авиакомпаниям не летать над Ираном и Ираком» — актуализирует пропозициональный смысл «опасность»; ср.: *Росавиация рекомендует российским авиакомпаниям не использовать воздушное пространство Ирана, Ирака, Персидского и Оманского заливов, в связи с информацией о существующих рисках для безопасности международных полетов гражданских воздушных судов* из-за напряженной обстановки между Ираном и Ираком. И последний слот — «Иран признал, что случайно сбил украинский Boeing» — так же, как и первый слот, актуализирует пропозициональный смысл «причина», так как в медиатексте основной является информация о том, что военные Ирана непреднамеренно, вследствие человеческой ошибки, сбили ракетой ПВО самолет Boeing 737 «Международных авиалиний Украины» (МАУ).

Итак, мы видим, что актуализация политического медиасобытия в профессиональном медиадискурсе связана с его интерпретацией, которая осуществляется через опредмечивание фрейма медиасобытия, образуемого самостоятельными слотами, репрезентирующими те или иные пропозициональные смыслы.

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАСОБЫТИЯ В ОБЫДЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Анализ 158 интернет-комментариев к слоту «Названа причина крушения украинского самолета в Иране» медиасобытия показы-

вает, что модель интерпретации отдельного слота политического медиасобытия представляет собой актуализацию его актантов: следствие, результат, каузатор, объект, цель. При этом, конечно, актуализация актантов объясняется тем информационным фоном, который окружает медиасобытие.

Поясним сказанное.

Актант «следствие» представлен в актуализации интерпретационных смыслов, объединенных семой «опасность». В интерпретирующих высказываниях актуализируется идея возможной опасности при полетах на самолетах: *правильно говорите, что еще один... но это пока... скоро по 2-3 за день падать начнут, и я не удивлюсь..* Пример показывает, что носитель языка негативно оценивает последствия крушения самолета, делает обобщение относительно того, что падение самолета — это проявление тенденции.

Актант «результат» представлен в актуализации интерпретационных смыслов, объединенных семой «трагедия». В этом случае интерпретирующие высказывания содержат идею «есть погибшие»; ср.: *ещё раз для страдальцев.. соболезновать нужно Иранцам все пассажиры кроме экипажа-- иранцы...; или Это большая трагедия, Украина, прими искренние соболезнования. Пусть всем погибшим земля будет пухом....; или По данным МИД Украины при крушении самолета в Тегеране погибли 82 иранца, 63 гражданина Канады, 11 — Украины (9 членов экипажа), 10 — Швеции, 4 — Афганистана, по 3 — ФРГ и Великобритании.* Как видим, носители языка осведомлены о жертвах трагедии, для них важной составляющей события становится не сама трагедия, а скорее ее результат — погибшие.

Актант «каузатор» представлен в актуализации интерпретационных смыслов, объединенных семой «причина крушения». В качестве такой причины называют военные действия или сгорание двигателя. Например: *Опять стреляют... или Никто его не сбивал.* В комментариях носители языка обсуждают причину крушения самолета, здесь, конечно, проявляется определенная стратегия интерпретации: либо стратегия языкового скепсиса, либо стратегия языкового доверия. При этом стратегия определяет внешнее воплощение актанта — либо стреляют, либо «никто его не сбивал».

Актант «объект» представлен в актуализации интерпретационных смыслов, объединенных семой «объект крушения». Объектом крушения является самолет. Например: *что-то они часто падают. эти боинги..*

похоже дрянь. а не самолет... и этот случай, очередное тому подтверждение. Или: Что вам разжевать ? Что весь мир летает на боингах или аирбасах? Странно почему бьются только боинги и аирбасы)))..Делать наверно не умеют) Как видим, носители языка обсуждают падение «боинга», оценивают частотность подобных случаев.

Актант «цель» представлен в актуализации интерпретационных смыслов, объединенных семой «зачем». В этом случае носители языка задаются вопросом: зачем самолет полетел в Европу. Например: *Украинский самолёт рейсовый. Этот рейс самый дешёвый и иранцы охотно им пользуются для перелётов в Европу, далее пользуются местными авиалиниями.* Приведенный пример показывает, что для обыденного языкового сознания важны все компоненты события, освещаемого в СМИ. Казалось бы, что пропозициональный смысл «цель» не имеет прямого отношения к медиасобытию, однако и он актуализируется рядовыми носителями языка, что демонстрирует «веерность» интерпретации и подтверждает идею ее объективной неизбежности.

Итак, мы видим, что интерпретация медиасобытия «Названа причина крушения украинского самолета в Иране» осуществляется по линии актуализации пропозициональных смыслов, способствуя тем самым развитию события. Очевидно, что носители языка интерпретируют политическое медиасобытие, выходя за пределы его текстовой версии. Это, по всей видимости, можно объяснить наличием механизма вероятностного прогнозирования, который соотносится с пониманием того, что «когнитивная деятельность не является беспредпосылочной». Она «предполагает наличие предданной „гипотезы“ об устройстве мира» [Ушаков 2009: 6].

ВЫВОДЫ

Таким образом, в статье показано, что интерпретация политического медиасобытия в профессиональном и обыденном медиадискурсе осуществляется по различным интерпретационным моделям: в профессиональном медиадискурсе актуализируется пропозиционально-фреймовая модель, а в обыденном — пропозициональная модель. Разница между данными моделями заключается в том, что пропозиционально-фреймовая актуализирует информационное ядро картины мира носителя языка посредством опредмечивания образующих данное событие слотов и пропозициональных смыслов, значимых для его освещения в СМИ, а пропозициональная аспектирует пропозициональные смыслы, образующие фоновый

слоя медиасобытия, эксплицированного в медиатексте.

Это позволяет предположить, что роль медиатекстов в формировании картины мира носителя языка преувеличена. Профессиональные интерпретационные коды становятся лишь пусковым механизмом, запускающим обыденный интерпретационный процесс, который протекает независимо от информационного содержания медиасобытия и включает актуализацию интерпретационных версий, выходящих за пределы формирующего медиасобытия слота и соотносимых с присущими носителю языка стратегиями интерпретации. Как следствие, перлюкутивный эффект медиатекста не детерминирован его иллюкативной составляющей, их соотношение можно описать как отношения двух независимых интерпретационных моделей, механизмы работы которых — пропозициональное развитие медиасобытия — идентичны. Это, в свою очередь, означает, что медиасобытие, актуализируемое в профессиональном медиадискурсе, воспринимается носителями языка как информативный повод, следовательно, воздействующие эффекты медиатекста становятся не актуальными для обыденного языкового (интерпретационного) сознания.

В завершение статьи отметим, что выявленные нами модели интерпретации медиасобытия могут быть рассмотрены не только в онтологическом ключе — как предмет исследования, но и в гносеологическом — как процедура (методика) реконструкции особенностей интерпретации того или иного медиасобытия в профессиональном и обыденном медиадискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляевская, Е. Г. Медийный дискурс: когнитивные модели интерпретации события (на материале английского языка) / Е. Г. Беляевская. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 3 (044).
2. Ватолина, Т. Г. Когнитивная модель дискурса как многомерный ментальный конструкт / Т. Г. Ватолина. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-model-diskursa-kak-mnogomernyy-mentalnyy-konstrukt> (дата обращения: 18.08.2020). — Текст : электронный.
3. Голев, Н. Д. Обыденные политические интернет-комментарии как проявление вариативности интерпретации (оппозиции «эксплицитное — имплицитное», «проявленное — ожидаемое») / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким. — Текст : непосредственный // Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе : материалы российской секции междунар. конф. «Ain't misbehavin' Implit and explicit strategies in Eastern European political discourse». — Екатеринбург ; Цюрих : [б. и.], 2014.
4. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Москва : Прогресс, 1989. — Текст : непосредственный.
5. Добросклонская, Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания / Т. Г. Добросклонская. — Текст : электронный // Научные ведомости. Сер.: Гуманитарные науки. — 2014. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mass-mediynyy-diskurs-kak-obekt-nauchnogo-opisaniya> (дата обращения: 28.02.2020).
6. Йокояма, О. Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов / О. Б. Йокояма. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — Текст : непосредственный.
7. Ергалиева, С. Ж. Лингвоперсоналогические стратегии и тактики комментирования политических текстов в виртуальном пространстве / С. Ж. Ергалиева. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopersonologicheskie-strategii-i-taktiki-kommentirovaniya-politicheskikh-tekstov-v-virtualnom-prostranstve> (дата обращения: 12.02.2020). — Текст : электронный.
8. Карасик, В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции / В. И. Карасик. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2020. — № 2 (80). — С. 25—34.
9. Ким, Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста / Л. Г. Ким. — Томск, 2009. — Текст : непосредственный.
10. Красных, В. В. Свой среди чужих: миф или реальность? / В. В. Красных. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. — Текст : непосредственный.
11. Мельник, Н. В. Лингвоперсоналогические стратегии восприятия текста (на материале интернет-комментариев к политическим статьям) / Н. В. Мельник, И. В. Савельева. — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2017. — № 4.
12. Мохирева, С. В. Медиадискурс как реализация интерпретационного потенциала события (на материале публикации в русскоязычных СМИ) : автореферат дис. ... канд. филол. наук / С. В. Мохирева. — Кемерово, 2017.
13. Названа причина крушения украинского самолета в Иране. Комментарии // Новости на mail.ru. — URL: <https://news.mail.ru/incident/40118821/comments/>. — Текст : электронный.
14. Рогозина, И. В. Медиа-картина мира / И. В. Рогозина. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/media-kartina-mira> (дата обращения: 18.08.2020). — Текст : электронный.
15. Ушаков, Д. В. Когнитивная система и развитие / Д. В. Ушаков. — Текст : непосредственный // Когнитивные исследования: проблема развития : сб. науч. тр. Вып. 3. — Москва : Изд-во Ин-та психологии РАН, 2009.
16. Чернышова, Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России : дис. ... д-ра филол. наук / Чернышова Т. В. — Барнаул, 2005. — Текст : непосредственный.
17. Shpilnaya, N. N. Radial-chain model of everyday interpretation of media events in internet discourse / N. N. Shpilnaya, Y. A. Dudareva // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. — 2020. — Vol. 86. — P. 1540—1547. — URL: <https://www.europeanproceedings.com/proceedings/EpSBS/volumes/wut2020>.
18. Якоба, И. А. Модусная ориентированность при интерпретации событий-аттракторов медийного дискурса (на примере ситуации крушения самолета MH17 Malaysia Airlines) / И. А. Якоба. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2016. — № 3 (41).

N. N. Shpilnaya

Altay State Pedagogical University, Barnaul, Russia

ORCID ID: 0000-0002-0709-4308

 E-mail: venata85@mail.ru.

Political Media Event Interpretation Models in Professional and Everyday Media Discourse

ABSTRACT. *The article raises the problem of interpretation of political media events, the solution of which specifies the degree of the influence on the mass consciousness of native speakers. The article carries out a comparative analysis of models of interpretation of political media events in professional and everyday media discourse. The comparative analysis of media event interpretation in a media text and in an everyday text will help reveal their common and distinct features and the determinability of everyday interpretation by the information field of the media event. The study is performed on the borderline between political linguistics, media linguistics and interpretive linguistics. The interpretation model is considered as an invariant scenario of development of the media event in discourse, in which case discourse is defined as a polytext formation represented by a set of texts devoted to the same event. The political media event "Crash of the Ukrainian Boeing in Tehran" is chosen as a unit of analysis. The study has revealed that the professional media discourse actualizes a propositional-frame model of interpretation, which structures the media event in the linguistic consciousness of native speakers with certain slots representing certain propositional meanings, significant for the event coverage in the media. And the everyday media discourse actualizes the propositional model of the media event interpretation, which objectifies the propositional meanings, significant for the native speakers. The author draws the following conclusion: despite the identity of the mechanisms of the interpretation process aimed at actualization of the political media event in the professional and everyday media discourse, the perlocutionary effect of the media text is not determined by its illocutionary constituent; their correlation can be described as a relationship between two independent interpretation models. The research outcomes may be used in media linguistics, cultural linguistics, and mediology.*

KEYWORDS: *political discourse; political media events; interpretation models; frames; mass consciousness; linguistic means; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media; language of mass media.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Shpil'naya Nadezhda Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of General and Russian Linguistics, Altay State Pedagogical University, Barnaul.*

FOR CITATION: *Shpilnaya, N. N. Political Media Event Interpretation Models in Professional and Everyday Media Discourse / N. N. Shpilnaya // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 22-28. — DOI 10.26170/pl20-05-02.*

ACKNOWLEDGMENTS. *The research has been carried out with financial support of Russian Foundation for Basic Research Grant № 20-012-00375 "Everyday Media Discourse: Linguoculturological and Lexicographic Aspects".*

REFERENCES

1. Belyaevskaya, E. G. Media Discourse: Cognitive Models of Event Interpretation (Based on the English Language) / E. G. Belyaevskaya. — Text : unmediated // Questions of Cognitive Linguistics. — 2015. — No. 3 (044). [Mediynnyy diskurs: kognitivnyye modeli interpretatsii sobytiya (na materiale angliyskogo yazyka) / E. G. Belyaevskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. — 2015. — № 3 (044)]. — (In Rus.)
2. Vatolina, T. G. Cognitive Model of Discourse as a Multidimensional Mental Construct / T. G. Vatolina. [Kognitivnaya model' diskursa kak mnogomernyy mental'nyy konstrukt / T. G. Vatolina]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-model-diskursa-kak-mnogomernyy-mentalnyy-konstrukt> (date of access: 18.08.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
3. Golev, N. D. Ordinary Political Internet Commentaries as a Manifestation of Variability of Interpretation (oppositions "explicit - implicit", "manifested - expected") / N. D. Golev, L. G. Kim. — Text : unmediated // Implicit and Explicit Strategies in the Eastern European Political Discourse: Materials of the Russian Section of the International Conf. "Ain't misbehavin' Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse." — Ekaterinburg ; Zurich : [s. l.], 2014. [Obydennye politicheskie internet-kommentarii kak proyavlenie variativnosti interpretatsii (opozitsii «eksplitsitnoe — implitsitnoe», «proyavlennoe — ozhidaemoe») / N. D. Golev, L. G. Kim. — Tekst : neposredstvennyy // Implitsitnye i eksplitsitnye strategii v vostochno-evropeyskom politicheskom diskurse : materialy rossiyskoy sekti mezhdunar. konf. «Ain't misbehavin' Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse». — Ekaterinburg ; Tsyurikh : [b. i.], 2014]. — (In Rus.)
4. Dyck, T. A. van. Language. Cognition. Communication / T. A. van Dyck. — Moscow : Progress, 1989. — Text : unmediated.

ated. [Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya / T. A. van Deyk. — Moskva : Progress, 1989. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

5. Dobrosklonskaya, T. G. Massmedia Discourse as an Object of Scientific Description / T. G. Dobrosklonskaya. — Text : electronic // Scientific Statements. Ser.: Humanities. — 2014. [Massmediynnyy diskurs kak ob'ekt nauchnogo opisaniya / T. G. Dobrosklonskaya. — Tekst : elektronnyy // Nauchnye vedomosti. Ser.: Gumanitarnye nauki. — 2014]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massmediynnyy-diskurs-kak-obekt-nauchnogo-opisaniya> (date of access: 28.02.2020). — (In Rus.)

6. Yokoyama, O. B. Cognitive Model of Discourse and Russian Word Order / O. B. Yokoyama. — Moscow : Languages of Slavic Culture, 2005. — Text : unmediated. [Kognitivnaya model' diskursa i russkiy porjadok slov / O. B. Yokoyama. — Moskva : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

7. Ergalieva, S. Zh. Linguistic and Personal Strategies and Tactics of Commenting on Political Texts in the Virtual Space / S. Zh. Ergalieva. [Lingvopersonologicheskie strategii i taktiki kommentirovaniya politicheskikh tekstov v virtual'nom prostranstve / S. Zh. Ergalieva]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopersonologicheskie-strategii-i-taktiki-kommentirovaniya-politicheskikh-tekstov-v-virtualnom-prostranstve> (date of access: 12.02.2020). — Text : electronic.

8. Karasik, V. I. Epidemic in the Mirror of Media Discourse: Facts, Evaluations, Positions / V. I. Karasik. — Text : unmediated // Political Linguistics. — No 2 (80). — P. 25—34. [Epidemiya v zerkale mediynogo diskursa: fakty, otsenki, pozitsii / V. I. Karasik. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2020. — № 2 (80). — S. 25—34]. — (In Rus.)

9. Kim, L. G. Variative-interpretive Functioning of the Text / L. G. Kim. — Tomsk, 2009. — Text : unmediated. [Variativno-

interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta / L. G. Kim. — Tomsk, 2009. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

10. Krasnykh, V. V. Among Strangers: Myth or Reality? / V. V. Krasnykh. — Moscow : ITDGK "Gnosis", 2003. — Text : unmediated. [Svoy sredi chuzhikh: mif ili real'nost' / V. V. Krasnykh. — Moskva : ITDGK «Gnozis», 2003. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

11. Mel'nik, N. V. Linguistic and Personal Strategies of Text Perception (based on Internet commentaries to political articles) / N. V. Mel'nik, I. V. Savelyeva. — Text : unmediated // Bulletin of the Kemerovo State University. — 2017. — No. 4. [Lingvopersonologicheskie strategii vospriyatiya teksta (na materiale internet-kommentariyev k politicheskim stat'yam) / N. V. Mel'nik, I. V. Savel'eva. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2017. — № 4]. — (In Rus.)

12. Mokhireva, S. V. Media Discourse as the Implementation of the Interpretive Potential of an Event (based on publications in Russian-language media) : synopsis of thesis. ... of Cand. of Philol. Sciences / S. V. Mokhireva. — Kemerovo, 2017. [Mediadiskurs kak realizatsiya interpretatsionnogo potentsiala sobyitiya (na materiale publikatsiy v russkoyazychnykh SMI) : avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk / S. V. Mokhireva. — Kemerovo, 2017]. — (In Rus.)

13. The Reason for the Crash of the Ukrainian Plane in Iran is Named. Comments // News on mail.ru. [Nazvana prichina krusheniya ukrainskogo samoleta v Irane. Kommentarii // Novosti na mail.ru. — URL: <https://news.mail.ru/incident/40118821/comments/>]. — Text : electronic. — (In Rus.)

14. Rogozina, I. V. Media-picture of the World / I. V. Rogozina. [Media-kartina mira / I. V. Rogozina]. — URL: [https://](https://cyberleninka.ru/article/n/media-kartina-mira)

cyberleninka.ru/article/n/media-kartina-mira (date of access: 18.08.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

15. Ushakov, D. V. Cognitive System and Development / D. V. Ushakov. — Text : unmediated // Cognitive Research: the Problem of Development : collection of scientific work. Issue 3. — Moscow : Publishing house of the Institute of Psychology RAS, 2009. [Kognitivnaya sistema i razvitie / D. V. Ushakov. — Tekst : neposredstvennyy // Kognitivnye issledovaniya: problema razvitiya : sb. nauch. tr. Vyp. 3. — Moskva : Izd-vo In-ta psikhologii RAN, 2009]. — (In Rus.)

16. Chernyshova, T. V. Media Texts in the Mental-linguistic Space of Modern Russia : doctoral thesis ... of Dr. of Philol. Sciences / Chernyshova T. V. — Barnaul, 2005. — Text : unmediated. [Teksty SMI v mental'no-yazykovom prostranstve sovremennoy Rossii : dis. ... d-ra filol. nauk / Chernyshova T. V. — Barnaul, 2005. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

17. Shpil'naya, N. N. Radial-chain model of everyday interpretation of media events in internet discourse / N. N. Shpil'naya, Y. A. Dudareva // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. — 2020. — Vol. 86. — P. 1540—1547. — URL: <https://www.europeanproceedings.com/proceedings/EpSBS/volumes/wut2020>.

18. Yakoba, I. A. Modus Orientation in the Interpretation of Events-attractors of Media Discourse (on the example of the crash of the MH17 Malaysia Airlines aircraft) / I. A. Yakoba. — Text : unmediated // Bulletin of the Tomsk State University. Philology. — 2016. — No. 3 (41). [Modusnaya orientirovannost' pri interpretatsii sobyit'iy-atraktorov mediynogo diskursa (na primere situatsii krusheniya samoleta MH17 Malaysia Airlines) / I. A. Yakoba. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. — 2016. — № 3 (41)]. — (In Rus.)

Е. В. Шустрова

Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: — **E-mail:** shustrovaev2@bk.ru.

Семантика банкротства как способ продвижения продукта в современном американском рекламном дискурсе

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена обсуждению нескольких проблем. Во-первых, терминологии, которая используется по отношению к сложным семиотическим системам. Во-вторых, приводятся несколько причин, почему мультимодальные тексты так важны в сегодняшней коммуникации, в том числе в рекламе разного типа. В-третьих, анализируется характер отношений между визуальной и вербальной составляющими в современных американских рекламных кампаниях. При помощи лингвистических методов, в том числе методов анализа словарной и контекстуальной семантики, мы показываем возможные способы интерпретации материала. Методология сформирована на основании теории концептуальной метафоры, методов семиотического анализа мультимодального текста. Эти базовые методы и методики были дополнены в процессе наших многолетних исследований, что позволяет добиться более точной обработки материала. Результаты исследования вносят вклад в разработку теории мультимодальной метафоры. Отдельные результаты исследования будут интересны специалистам по культурологии и лингвокультурологии. При анализе материала было установлено, что для продвижения своих продуктов в новых экономических условиях «General Motors» использует следующие семантические компоненты банкротства, отсутствующие у этого слова в словарях: банкротство — это неизбежная и обязательная составляющая подъема, успеха, единения; банкротство — это новые и старые друзья, поддержка партнеров и семьи; банкротство — это честность; банкротство «General Motors» — это банкротство США и каждого гражданина; банкротство — это возможность все изменить и с любовью и верой начать все сначала, продолжая опираться на прошлое.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафорическое моделирование; метафорические модели; мультимодальные метафоры; реклама; рекламный дискурс; рекламные тексты; лексическая семантика; английский язык; банкротство; продвижение продуктов; терминоведение; лексикография; экономическая терминология; экономические понятия; лексикология английского языка.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии, Российский государственный профессионально-педагогический университет, 620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11, к. 200; e-mail: shustrovaev2@bk.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шустрова, Е. В. Семантика банкротства как способ продвижения продукта в современном американском рекламном дискурсе / Е. В. Шустрова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 29-39. — DOI 10.26170/pl20-05-03.

В этой статье речь пойдет о таком типе креолизованного, или мультимодального текста, как антикризисная видеореклама. Прежде чем перейти к анализу материала, остановимся на отдельных аспектах терминологии. Как хорошо известно, в российской лингвистике Ю. А. Сорокин и Е. Ф. Тарасов одними из первых ввели термин «креолизованный» по отношению к текстам. Под таким типом текста понимаются текстовые формы, предполагающие комбинирование различных семиотических систем, включая вербальные и визуальные компоненты [Сорокин, Тарасов 1990]. В то же время за рубежом сейчас широко используются другие термины-синонимы: «мультимодальный», «поликодовый», «полимодальный» текст [Bearne 2014; Benson 2016; Bowcher 2012; Jager, Ucht 1974; Ferdig, Pytash 2014; Forceville, Urios-Aparisi 2009; Koller 2009; Kress, Van Leeuwen 2006; McNeill 2005; McQuarrie, Phillips 2008; Müller 2004; O'Halloran 2004; Ventola et al. 2004].

Параллельно в научный оборот были введены следующие термины: «кинематографическая метафора» (*cinematographic metaphor*) [Whitlock 1990], «лингвовизуальный комплекс» [Большаянова 1986], «изовербальный комплекс» [Бернацкая 2000], «изоверб» [Михеев 1987], «семиотически осложненные тексты» [Протченко 2006], «визуальная метафора» (*visual metaphor*), «визуальный гибрид» (*visual hybrid*) [Carroll 1996], «видеовербальный текст» [Пойманова 1997], «графическая метафора» (*pictorial metaphor*) [Forceville 2009], «мультисемиотический текст» (*multisemiotic text*) [Trklja 2014].

Согласно Ч. Форсвеллу, «в отличие от мономодальных, мультимодальные метафоры — это метафоры, сфера-источник и сфера-мишень которых выражены целиком или полностью разными способами. Это уточнение „целиком или полностью“ необходимо, потому что у невербальных метафор сферы-источники и сферы-мишени прояв-

ляются одновременно больше чем одним способом» [Forgeville 2009: 24]. Л. М. Большаянова [Большаянова 1986] выделяет линейные и нелинейные тексты. Последний тип представлен тремя разновидностями: монокодовым, поликодовым и креолизованным текстом. Таким образом, автор разграничивает понятия «поликодовый текст» и «креолизованный текст». Тем не менее во всех гипотезах отмечаются такие характеристики, как смешение семиотических систем и интертекстуальность.

Безусловно, за долгую историю человеческой культуры накопилось множество примеров разнообразных креолизованных текстов, включая иконы, иллюстрированные жития святых, хроники. Но стоит признать, что именно эпоха рекламы, потребления и кинематографа сделала креолизованный текст важным инструментом современной культуры. Сегодня не всегда коммерческая реклама может быть связана с успехом компании. Напротив, она может создаваться с иными целями, нежели простое продвижение продукта. В частности, авторы могут руководствоваться мотивом извинения, стремления публично сгладить неловкую ситуацию.

В этой статье мы покажем, как в американской рекламе используются маркеры собственной неудачи, поражения и банкротства с целью смягчения ситуации и нового продвижения продукта. Хорошо известно, что даже крупным компаниям в условиях высокой конкуренции потеря репутации может грозить полной ликвидацией бизнеса. Тем не менее никто не хочет просто так уходить с рынка и, как правило, предпринимаются шаги для восстановления деловых связей и лица компании. Второе предполагает использование разных рекламных тактик и стратегий в зависимости от видения руководства. Так, в антикризисной рекламе одной из американских страховых компаний использовались образы самых обычных людей, относящихся к разным возрастным и социальным группам. Эти типичные представители по сценарию попадали в крайне неудобные, неприятные и просто неприличные ситуации и были лишены возможности что-либо объяснить окружающим. Все ролики этой рекламной кампании заканчивались фразой «That's not what you thought!» — «Это не то, что вы подумали!» и логотипом пострадавшей компании. Правда, компанию это не спасло. Антикризисная реклама при всей своей комической стороне только подчеркнула тяжесть положения. Безусловно, решающими стали финансовые причины, но и такая реклама сработала на поражение и уничтожила остатки репутации.

Чтобы проиллюстрировать обратное, мы выбрали антикризисную рекламу американского концерна «General Motors», который в последние годы, как и вся автомобильная промышленность США, несет большие потери. Тем не менее необходимо вспомнить, что такое «General Motors» для истории США. Фактически это название стоит в одном ряду с другим прецедентным понятием, «American Dream» — «американская мечта». Последняя, кстати, если судить по американской карикатуре и другой графической продукции, тоже нуждается в серьезной антикризисной поддержке. Вспомним, что в американскую фразеологию по-прежнему входит единица «What is good for General Motors is good for America» — «Что хорошо для „General Motors“, хорошо для Америки».

Именно к общеамериканской символике прибегли создатели антикризисной рекламы для «General Motors». Прежде антикризисной рекламы этой компании мы хотим рассмотреть пародию на рекламу «General Motors». Это представляет интерес, потому что в антирекламе отражены и общеамериканские тенденции политкорректности, и общеамериканская символика, и основные отличительные черты коммерческой рекламы «General Motors». Кроме того, это не просто пародия. Она основана на реальных фактах, связанных с внутренней корпоративной политикой «General Motors», сведения о которых попали в открытые источники. Эти данные тоже показывают, какой курс выбрал для себя концерн «General Motors» в отношении лексических средств и какие эпитеты по этому поводу накопились за долгое время у сотрудников компании.

В частности, сотрудникам отдела продаж абсолютно серьезно было настоятельно рекомендовано прекратить употреблять следующие слова: *annihilate* — «(полностью) истреблять; уничтожать», *apocalyptic* — «апокалипсический», *asphyxiating* — «удушливый, удушающий», *Band-Aid* — «медицинский пластырь», *cataclysmic* — «вызывающий катаклизмы», *catastrophic* — «катастрофичный», *Challenger* — «Челленджер», *chaotic* — «хаотичный», *Cobain* — «суицидальный», *rippling* — «с эффектом „рыбья чешуя“ (усталостный дефект на поверхности металла)», *critical* — «критический, переломный», *dangerous* — «опасный», *deathtrap* — «смертельная ловушка», *decapitating* — «обезглавливающий», *defect* — «дефект», *defective* — «дефектный», *detonate* — «взрывать, взрываться, детонировать», *disemboweling* — «потрошащий», *evil* — «злой, злодейский», *eviscerated* — «опустошенный (о кармане), выпотрошен-

ный (о теле)», *explode* — «взрывать, взрываться», *failed* — «неудачный; неудавшийся; обанкротившийся», *flawed* — «с изъянами, дефектам; поврежденный», *genocide* — «геноцид, связанный с геноцидом», *ghastly* — «наводящий ужас, жуткий, страшный; ужасный; неприятный, отвратительный (о внешности, внешнем облике); мертвенно-бледный; призрачный; похожий на привидение; грубый, серьезный; непростительный», *grenadeliike* — «напоминающий гранату», *grisly* — «вызывающий ужас, суеверный страх; неприятный, скверный», *gruesome* — «отвратительный, страшный, ужасный», *Hindenburg* — «Гинденбург, огромный жесткий дирижабль, сгоревший в 1937 г. в результате катастрофы во время трансатлантического рейса», *hobbling* — «инструмент для пыток; покалеченный; стреноженный (о животном)», *horrific* — «ужасающий, приводящий в ужас, наводящий ужас», *impaling* — «приводящий к мучительной смерти, сажающий на кол», *inferno* — «ад, адский», *Kevorkianesque* — «суицидальный, приводящий к эвтаназии», *lacerating* — «рвущий, раздирающий; терзающий, калечащий», *life-threatening* — «представляющий угрозу жизни», *maiming* — «калечащий, приводящий к увечьям, уродующий», *malicious* — «злой, со злым умыслом», *mangling* — «прокатывающий катком для белья, расплющивающий; искажающий», *maniacal* — «маниакальный», *mitilating* — «причиняющий увечье, увечающий», *never* — «никогда», *potentially-disfiguring* — «потенциально опасный, могущий нанести ущерб или изуродовать», *powder keg* — «электробочка (про новый класс электромобилей)», *problem* — «проблема», *rolling sarcophagus (tomb or coffin)* — «саркофаг (надгробие, гроб) на колесиках», *safety* — «безопасность», *safety related* — «связанный с безопасностью», *serious* — «серьезный», *spontaneous combustion* — «внезапное возгорание», *startling* — «пугающий, поражающий», *suffocating* — «удушающий», *suicidal* — «суицидальный», *terrifying* — «ужасающий», *Titanic* — «Титаник», *unstable* — «ненадежный, непредсказуемый», *widow-maker* — «приводящий к вдовству», *you're toast* — в переносном значении: «Ты влип! Ты труп!»; в прямом: «тост, поджаренный хлеб».

Все приведенные выражения имеют семантику потенциальной смерти в самых ужасных вариантах, большой опасности, рисков и некачественной продукции. Часть из них была использована в пародийной антирекламе и поразительно удачно накладывалась на привычные образы рекламы «General Motors». Так, в начале ролика пока-

заны сияющие новым лаком модели «General Motors». Яркий глянец, много света, естественного и отраженного, компьютеры и много специалистов, красный и черный лак новых автомобилей — все это традиционно ассоциировалось с успехом, продвижением, новыми проектами и продуктами в любой сфере. Сначала звучит очень привычное «GM makes cars that America can be proud of» — «GM создает машины, которыми Америка может гордиться», вводящее семантику единства страны, гордости за нее и свой продукт, превосходства и лидерства. На фоне таких знакомых сцен всплывают слова из запретного списка, несущие семантику страха и уродства: *defective* — «дефектный» и *catastrophically flawed* — «с фатальными изъянами, дефектам; катастрофично поврежденный». Все сопровождается интонацией вопроса.

Затем показан поворот на проселочной дороге и новенький красный внедорожник. Как правило, в коммерческой рекламе «General Motors» это символизировало новый поворот к лучшему, часто за такими кадрами следовали сцены семейных пикников, дружеских встреч, крупных спортивных событий. Всплывающие слова *gruesome* — «отвратительный, страшный, ужасный», *potentially-disfiguring* — «потенциально опасный, могущий нанести ущерб или изуродовать», *rolling sarcophagi (tomb or coffin)* — «саркофаг (надгробие, гроб) на колесиках» ставят крест на продолжении успеха и заставляют задуматься об обочине. Интонация продолжает оставаться удивленно-вопросительной. Затем следует: «That's not our cars!» — «Это не наши машины!». Здесь отлично спародированы особенности американского рекламного текста, когда основная рематическая позиция всегда приходится на конец информационного блока. Считается, что частица *not* привлекает внимание к тому элементу, который следует за ней. Фактически так и происходит, только в начале стояло слишком много слов, уже закрепивших семантику ухода из жизни, безвременной ужасной кончины. Такие антонимические ряды тоже нередко используются для продвижения продукта, но здесь все доведено до крайней точки противопоставления.

Далее развивается мысль о непосредственно «рекламируемом» продукте. Делается это с использованием популярных в современном американском английском морфем *pro-* и *anti-*. Только здесь они добавлены к словам запретного списка (*grenadeliike* — «напоминающий гранату», *Hindenburg* — «Гинденбург») и вместо обычной положительной прагматики снова несут смыслы

ужасных катастроф (*We make sleek, non-grenadelike, anti-Hindenburgs*). *Kevorkianesque* — «суицидальный, приводящий к эвтаназии», поставленное в сильную рематическую позицию, акцентирует внимание на прецедентно известном поборнике эвтаназии Джейкобе Кеворкяне, чьими прозвищами стали «Доктор Смерть» и «Доктор Суицид». Считается, что в обычной, нормальной рекламе наличие сильной двойной оппозиции (*[Cars] That are the very opposite of Kevorkianesque*) усиливает эффект антонимии. В данном случае блестяще демонстрируется обратное — слишком тяжелые ассоциации вносит имя Кеворкяна. В данной ситуации с его мерседесом, предназначенным для людей, не способных покончить с собой иными способами, предательски ассоциируется машина на повороте.

Далее на экране чередуются сцены с изображением автомастерских, машин в полусобранном состоянии, высоких арок, света, воды, мирных пейзажей. В конце возникает образ моста, по которому едет «рекламируемый» продукт. Все эти образы традиционно присутствуют в рекламе «General Motors» и часто связаны с эпизодами, когда бизнесмен торопится на встречу и успевает, родные встречаются наперекор обстоятельствам, дети получают подарки, у социально обездоленных круто меняется судьба.

Поскольку именно вид моста заканчивает ролик, на нем фокусируется основное внимание. Это заставляет вспомнить о переносных значениях и фразеологии. Так, *gold / silver bridge* обозначает очевидный, удобный или легкий путь к отступлению, который часто ведет в засаду; *to cross a bridge when one comes to it* — «решать проблемы по мере их поступления»; *to burn bridges behind one* — «сжигать за собой мосты, сжигать корабли»; *to throw smb. over a bridge* — «надувать, обманывать, предавать, подводить». Кроме того, переход через мост и во фразеологии, и в литературе часто ассоциируется с уходом в мир иной. Голос диктора предлагает сказать родным, что вы их любите (что совпадает с коммерческой рекламой «General Motors») и отправиться на тест-драйв. Далее появляются лексемы с положительной семантикой (*Driving a GM car is so smooth*), ирония нарастает (*It's like butter*) и достигает кульминации: «You're toast!».

Антиреклама завершается риторическим вопросом на фоне логотипов — столь характерной формой для рекламных концовок «General Motors»: «Why walk through the valley of the shadow of death when you can drive?» — «Зачем идти пешком в долину смерти, когда туда можно доехать?».

Теперь посмотрим, как «General Motors» пытаются выйти из сложной ситуации, в том числе и под обстрелом таких пародий. В антикризисной рекламе собраны все основные образы и стереотипы, которые за 100 лет накопились в арсенале этой компании. Во-первых, ориентационные концептуальные метафоры (верх — низ, внутреннее пространство — внешнее пространство). Во-вторых, чередование света, полутени, тени и полного мрака. В-третьих, фитоморфные, зооморфные и спортивные образы, использование национальной американской символики, метонимия рук. На вербальном уровне присутствуют следующие черты: префиксация с семантикой возрождения (*refuel, rebirth*), лексемы с положительной прагматикой (*strong, new, technology, winner, fast, smart, invention, future, to start, way*), императивные и восклицательные конструкции, эллипсис, синтаксический параллелизм с отрицанием и утверждением, модальность (*We will!*).

Ролик начинается со сцены восхода солнца над городом и демонстрации зеленого парка. Съемка идет сверху, так, что видны верхушки деревьев и крыши домов. Небо довольно ясное. Потом наплывает туман, через который пробивается луч солнца. В этой первой, вступительной части идет смена солнечных лучей, тумана, тусклого света, одновременно периодически промелькивают блики света. Все завершается абсолютной темнотой, которая обозначает переход к следующей части. В ней снизу показаны конструкции мостов, небоскребы, солнце снова переходит от яркого света в полутьму, тень и совсем пропадает. В третьей части показан закат. Солнечные лучи находятся ближе к центру кадра и пробиваются из-за современной городской застройки.

Семантика образов достаточно проста. Оппозиция «рассвет — закат» соотносится с успешным началом, годами процветания и временем невзгод. Присутствие нескольких таких перемен оставляют ощущение того, что это случилось уже не один раз и повторится снова. Снова будут восход, подъем и успех. Небоскребы, устремленные вверх, символизируют экономический подъем, рост благосостояния, кривые продаж, резко поднимающиеся вверх. Взгляд сверху позволяет занять позицию отрешенности, переоценки, заставляя вспомнить об образе Всевышнего, иных ценностях. Если обратиться к словарным данным и проанализировать семантику ключевых лексем, то у существительного *building* обращают на себя внимание следующие смыслы.

building

[mass noun] *the action or trade of constructing something the building of motorways |*

[as modifier] *building materials; the creation or development of something over a period of time.*

the process or business of constructing something the building of highways; the process of commissioning, financing, or overseeing the construction of something; the process of creating or developing something, typically a system or situation, over a period of time.

Исходный глагол *to build* дает следующие значения: 1) *construct (something) by putting parts or material together; commission, finance, and oversee the building of (something); (build something in/into) incorporate something and make it a permanent part of a structure, system, or situation engineers want to build in extra traction* 2) *make or become stronger or more intense; establish and develop (a business or situation) over a period of time; [no obj.] (build on) use as a basis for further development.*

If you build something, you make it by joining things together.

If people build an organization, a society, or a relationship, they gradually form it.

If you build an organization, system, or product on something, you base it on it.

If you build something into a policy, system, or product, you make it part of it.

To build someone's confidence or trust means to increase it gradually.

If you build on the success of something, you take advantage of this success in order to make further progress.

Таким образом, у нас получится следующий набор: строительство, связанное в том числе с дорогами. Образ строящейся дороги очень характерен для антикризисных программ США в целом. С одной стороны, это позволяет ввести модель «путь — это жизнь», соответственно новая современная дорога — это новая, лучшая жизнь. С другой стороны, к идее строительства дорог нередко прибегают американские политики, вводя реминисценции об антикризисных правительственных программах времен Великой депрессии, когда именно строительство дорог позволило дать работу миллионам и соединило страну в прямом и переносном смысле. Кстати, в этой новой рекламе «General Motors» тоже достаточно элементов, характерных для американских рекламных кампаний периода глобального экономического спада, о чем еще будет сказано позже. Следующий семантический компонент — создание, разработка, в том числе новых продуктов, требующие времени. Далее — наблюдение и финансирование; создание более жизнеспособных проектов, придание сил, опора на прежнее для нового развития; решение проблем. То есть все то, что необ-

ходимо для устранения проблем и убеждения потенциального покупателя в способности компании справиться с трудностями.

Контекстуальные данные дают следующую прагматику: соединение, объединение, единство; создание новых связей, отношений; формирование основы для организации системы, внедрения продукта; создание атмосферы доверия, дальнейшее укрепление доверительных отношений. И наконец, появляется связь с ключевыми лексемами любой американской риторики: *success* — «удача, успех, благоприятный исход», «успех, достижение», «благополучие» и *progress* — «прогресс, развитие; движение вперед, продвижение», «достижения, успехи». При этом *build* и *building* дают семантику использования этих удач, успехов, благополучия, движения вперед, опоры на них для нового продвижения и хорошо комбинируются со словами, несущими такие смыслы.

На вербальном уровне мы слышим следующее: *Let's be completely honest. No company wants to go through this. But we are not witnessing the end of the American car. We are witnessing the rebirth of the American car.* «Давайте будем честны до конца» — это первое предложение ролика, в котором интонационный и смысловой акцент сделан на прилагательном *honest* — «честный». Считается, что конструкция *let's* всегда усиливает позицию компонентов, которые следуют за ней. В данном случае рематическая позиция подкрепляется трижды: через *let's*, концевой позицией предложения и просодикой. Таким образом, реципиент предположительно воспримет следующую информацию: несмотря на очевидные трудности, компания, его давний друг, абсолютно честна с ним. Значит, когда компания говорит далее о своем намерении удержать успех, создать новое движение, стать быстрее и сильнее, она тоже честна и эти планы не могут не получить воплощения. Просто потому что компания это пообещала.

Во втором предложении «No company wants to go through this» — «Ни одна компания не хочет проходить через это» интонационные акценты сделаны на *no* и *wants*. С одной стороны, это логично, а с другой — уводит из сильных позиций *company* и *to go through this*. Таким образом, сама компания остается в тени, не она повинна в том, что происходит, все оказывается просто волей случая. Два следующих предложения дают пример синтаксического параллелизма, который позволяет противопоставить конец и возрождение, при этом в самой сильной позиции остается *the American car*. Интересно, что нет никакого упоминания ни о «General

Motors», ни об их модельном ряде. Все глобально — «американский автопром», что заставляет думать о судьбе страны в целом, а не отдельной компании.

Следующая часть ролика начинается с кадров молодых, нежных, но достаточно крепких ростков, которые постепенно увеличиваются на глазах, но до взрослого растения эти побеги не доходят. Их сменяет кадр с толпами горожан в тоннеле или метро, при этом отчетливо видны отдельные зеленые предметы одежды.

Лексема *green*, помимо прямого обозначения цвета и молодости, соотносится с сохраняющейся силой, потенциалом, жизнеспособностью: «still strong or vigorous» — и экологичностью: «not harmful to the environment». Параллельно звучит: «GM needs to start over. In order to get stronger» — «GM нужно начать снова. Чтобы стать сильнее». Так получается, что заново «начать» надо не из-за катастрофичности ситуации, а для приобретения новых ресурсов. При этом прилагательное *strong* поставлено в сравнительную степень, что, с одной стороны, укладывается в современные американские нормы политкорректности, когда американец не может быть старым, больным, безработным, бедным или умереть — он может быть только старше, испытывать временные трудности, совершенствовать карьерный рост, быть временно менее обеспеченным или изменить метаболическое состояние. С другой стороны, для чего и нужны такие эвфемизмы в других областях, это сигнализирует, что компания и так сильная, жизнеспособная, но станет еще сильнее. Ее надо только поддерживать. А ее лояльные клиенты, конечно, не захотят постоянно пользоваться общественным транспортом, особенно с учетом того, что в США передвижение пешеходов далеко не всегда удобно и безопасно. Зато все приспособлено для автотранспорта.

В следующих эпизодах трижды вводится спортивная тема. Сразу после толпы в метро показан параспортсмен, у которого одна нога ампутирована, но он уверенно бежит. Затем кадры с рядами машин на солнце, на которые наплывает тень, сменяющаяся полной темнотой. Снова показаны толпы людей, движение городских потоков, специалисты, работающие на GM. Так нас заставляют вспомнить о многочисленных клиентах и тысячах сотрудников. За этим следует хоккейный матч. Хоккеист в американской форме со всей силы падает лицом прямо на лед и не может подняться. Далее показаны арки снизу вверх, с точки зрения смотрящего с земли. Их сопровождают линии других конструкций. Создается ощущение рук, устрем-

ленных к небу, как в мольбе. За очередным темным кадром идет эпизод с регби. Мяч летит мимо цели, символизируя тщетность стратегий и усилий. За этим сразу следует кадр с рваным американским флагом, развевающимся на фоне грозового неба и гнущегося дерева. Буря настолько сильная, что дерево и флаг постепенно превращаются в лохмотья.

Простые, частотные образы снова заставляют думать не о трудностях конкретной компании, а об общей беде. Выбраны национальные виды спорта, в которых американцы традиционно успешны, элементы национальной символики. К этой части ролика уже не остается сомнений, что GM — это Америка, ее жители, ее спорт, ее города, ее природа. И будущее GM — это будущее самих США. За кадром текста совсем немного, что заставляет больше внимания уделить графике. Звучат конструкции с идентичными структурами: «There was a time when 8 different brands made sense. Not any more. There was a time when our construction could compete worldwide. Not any more» — «Было время, когда 8 разных модельных рядов имели смысл. Больше нет. Было время, когда наше производство могло конкурировать по всему миру. Больше нет». Конструкция *there is* обычно используется в рекламе тогда, когда нужно выделить вторую часть составного подлежащего, т. е. то слово, которое идет непосредственно после *to be*. В наших контекстах это *a time*. В то же время эллипсис второго предложения и его позиция заставляют соотнести *a time* и *Not any more*. Получается, что снова модельный ряд и производство конкретной компании остаются в тени смысловых акцентов, а на первый план выходит воспоминание о былых временах и констатация того, что этого больше нет ни для кого. После такого пессимистичного настроения остается уповать только на чудо, как в сказке, которая тоже часто начинается с «There was a time». Но ведь у волшебных сказок обязательно должен быть счастливый конец. «Not any more» не годится. Обязательно должен появиться спаситель, герой, супермен. И эта тема возникает дальше. Конечно, спаситель здесь — это «General Motors».

В следующей части прямо на зрителя несется тяжелый молот в виде сжатого кулака. Потом он показан сбоку, чтобы стало понятно, что это кулак, и можно было представить, насколько он тяжел. Следом идет кадр с толпами людей, поднимающими вверх упавшую конструкцию. Мы видим много рук, поднятых вверх. Из темноты возникает яркий свет, который оказывается светом фары светлой машины. За этим следуют золоти-

стые ноги скакунов, сменяющиеся серебром космоса. Снова идет чередование золота и серебра, светлого и приглушенного, но без перехода в полный мрак. Показываются ветряные электростанции, ставшие синонимом альтернативы, энергосбережения, экологичности и экономии. Им на смену приходят лес и солнце, пробивающееся из-за высоких сосен, потом снова город и открытые руки толпы, поднятые вверх. Снова лунный пейзаж и скафандры астронавтов как символ прорыва и успеха, Мохаммед Али в боевой позе с кулаками впереди, яркая бабочка, взмахивающая крыльями, матч регби и красно-белая форма крепких, высоких спортсменов и рука, снова сжатая в кулак, но только для того, чтобы повернуть ключ зажигания. Смена образов мгновенна, иногда только медленный покадровый просмотр позволяет точно понять, что изображено. Чей-то взгляд выхватит астронавтов в невесомости, кто-то увидит знаменитого боксера, часто сравнивавшего себя с бабочкой, кто-то запомнит красный цвет крыльев удачи и яркое лето, кому-то снова вспомнится сила регбистов. В любом случае это передаст семантику успеха, преодоления вопреки всему, красоты и легкости. И наконец, показана череда продуктов компании. Самые разные машины трех основных цветов. Сначала красная машина в темноте, выезжающая на просторы светло-золотистого песка, потом светлая машина в океане, оставляющая ощущение свободы, ветра и солнца. Очень быстро мелькает золото дороги в горах и поворота. Заключительные кадры сначала показывают колесо, а потом — черную машину на развороте загородной дороги. При этом все выглядит так, как будто она пересекает двойную желтую линию или находится внутри нее. Как правило, это обозначение запрета на парковку или отсутствия перехода на другую полосу. Все завершается словом *reinvention* на синем фоне, за которым встает солнце, освещающая названия модельных рядов «General Motors».

Если дополнить анализ семантики показанных образов, то нельзя не обратить внимания на использование ключевых элементов графической продукции времен Великой депрессии. Специалисты по рекламе Великой депрессии [см., например: Marchand 1997: 285—335] отмечают, что создатели рекламы в тот период изображали американцев не как людей, просто не имеющих денег для трат, а как нацию, крепко сжавшую свой кулак, полный долларов, нацию крайне бережливых и экономных людей, которым все же стоит потратить свои накопления ради своего же блага. Изображения кулака и

рук не покидало графику тех тяжелых времен и в период второй волны депрессии символизировало решимость вопреки всему, умение взять себя в руки, обуздать свои желания и даже голод. Здесь кулак означает работу, прорыв, новые возможности, изменения к лучшему. Толпы, поднимающие конструкцию, очень похожи на кадры с тысячами безработных, пытающихся прорваться на вновь открывающиеся заводы. Заводы в то время запускались благодаря новой экономической политике, изменению общего курса. В данном случае явно присутствуют реминисценции хорошо известных кадров и событий. Путь, поворот, лучи солнца создают ощущение улучшений, перемен к лучшему. Последние кадры указывают на следование выбранной цели, выход за границы возможного, отсутствие права на остановку и отдых.

На текстовом уровне звучит следующее:

Reinvention is the only way we can fix this. And fix it we will!

The future of GM is going to be fewer, stronger brands, fewer, stronger models, greater efficiencies, better Fuel Company, and new technologies.

Winner, greener, faster, smarter.

This is not about getting out of business.

This is about getting down to business.

Because the only chapter we are focused on is chapter one.

Первая фраза «Изобретение заново — единственный путь, как можно поправить это. И мы поправим!» звучит не вполне ясно, если опираться на традиционные значения слов. Смысл здесь в акцентировании слов *invent*, *invention*, *fix* и *will*. Параллельно вводится сочетание *the only*, которое закончит рекламный ролик, создав кольцевую структуру. Если вернуться к *invent* и *invention*, то получится, что только у GM есть возможность что-то изобретать, так же как и уникальные изобретения в виде продуктов автопрома, которые надо изобрести заново. Когда машина нуждается в ремонте, на бытовом уровне часто используется глагол *fix*. Он же попадает в инвертированное, нехарактерное положение во втором предложении. В то же время *fix* в функции существительного может нести семантику затруднительного, неловкого положения, неудобной ситуации. Получается, что неловкую ситуацию экономической нестабильности можно отремонтировать, подобно машине. Сделать это может только профессионал в лице GM. Глагол *will*, попадая в конечную, акцентированную позицию, создает собственно рему (*the rheme proper*). Это слово произносится одновременно с появлением кулака-гири на

экране. Графический и вербальный уровень сливаются, усиливая семантику упорства, желания, обещания разрешить ситуацию.

В следующем предложении расчет сделан на воздействие ключевых прилагательных *strong, great, good, new*. Часть из них поставлена в сравнительную степень, о важности которой мы говорили выше. Нельзя не заметить очередное появление прилагательного *strong*, которое закрепляет смыслы, введенные выше. Последнее *stronger* совпадает с кадрами несущихся скакунов. Учитывая историю Америки и частотный образ ковбоя как супермена, конь — это неотъемлемая часть успеха, движения вперед, победы над обстоятельствами, самоуважения, силы, самой жизни. Одновременно вспоминается фразеологизм *don't change horses in midstream* — «коней на переправе не меняют», что в скрытой форме призывает сохранять лояльность марке. Эти смыслы лояльности разных социальных групп прослеживаются в целой череде реклам «General Motors» и усиливаются в годы кризиса. В этом же контексте встречается существительное *efficiency*. Оно образовано от прилагательного *efficient*, которое в последнее время не сходит с языка политиков и специалистов по PR-технологиям, фактически превратившись в слово-плацебо. Его употребляют, когда надо сказать что-то умное про новые технологии и политические практики. Смысл слова уже настолько размыт, что оно воспринимается просто как абстрактная похвала. Это то, что спокойно можно обещать, не вдаваясь в конкретику и не затрудняя себя выполнением обещаний. Что бы вы в дальнейшем ни сделали, оно будет *efficient*, если вы просто включили компьютер. Тем не менее одно из словарных значений, «*achieving maximum productivity with minimum wasted effort or expense*» — «нечто, позволяющее получить наибольшую отдачу при минимуме затрат», хорошо соотносится с кадрами ветроэнергоустановок, наводя на мысли о разумной, прогрессивной и экологичной экономике.

Winner, greener, faster, smarter — очень интересный пример использования омонимии в суффиксации. Первое слово — существительное «победитель, лидер». Оно не может изменяться по степеням сравнения, в отличие от стоящих после него прилагательных. Но в ряду с ними *-er* у существительного выполняет те же функции, что и грамматический суффикс прилагательных. Тем самым утверждается, что «General Motors» может быть еще большим победителем, лидировать, побеждая самих себя. Далее следуют сравнительные степени *greener*,

faster, которые уже вводились ранее, в том числе и на графическом уровне. Прилагательное *smart* сейчас входит в качестве компонента сложных слов в номинации, связанные с самыми разными технологиями. Свой конкретный смысл оно тоже расширило до максимально абстрактно-комплиментарного. В словарных дефинициях, помимо значения «умный, продвинутый», отмечаются «*fashionable and upmarket*», «*quick; brisk*», что отлично согласуется с желанием «General Motors» позиционировать свою продукцию как самую передовую, быструю, модную, являющуюся предметом зависти.

В заключительных частях акцентированы единицы *business, the only chapter, chapter one*. «Время не уходит из бизнеса. Время всерьез заняться бизнесом. Потому что единственная глава, которая нас интересует, это Глава первая». Стоит вспомнить, что *chapter* часто обозначает не только и не столько главу в книге, сколько важный период в истории, жизни организации и человека. Здесь отчетливо присутствуют отсылки к бурному росту, успеху «General Motors» в самом начале их развития, поглощении других компаний, развитие модельного ряда. В то же время американские маркетологи в качестве обязательного средства достижения успеха рекомендуют ассоциировать себя с номером 1 всеми возможными способами. Именно это видно в данном ролике, где за одну минуту и две секунды трижды звучит *the only*, подкрепляемое в конце числительным *one*. На графическом уровне это закрепляется через образ солнца, которое традиционно ассоциируется с единственным божеством, возрождением, жизнью.

Еще один типичный пример антикризисной рекламы «General Motors» целиком построен на общеамериканских ценностях и трагедиях. Он называется «Fall Down». Начинается ролик с целой череды падений: боксера на ринге, космического корабля «Челленджер», супергероя комиксов периода Великой депрессии матроса Попая, гонщика моторалли. Эти кадры сменяются утешающими, поднимающими руками. Встают боксер и мотогощик, в небо взмывает новый корабль, Попай съедает банку шпината, который всегда придавал ему сил, и поднимается со дна. Затем наступает темнота, на фоне которой появляется текст: «GM since 1908. We all fall down. Thank you for helping us get back up». — «GM с 1908. Мы все падаем. Спасибо, что помогли нам подняться снова».

Затем видны кадры взрыва, напоминающие взрыв «Челленджера», но камера поднимается выше и становится видно, что

взорван и падает логотип «General Motors». Далее следует текст: «You're welcome. Now how will you repay us? You can start by bringing all the jobs you shipped overseas back to AMERICA. GM. Will You?» — «Пожалуйста. Как вы нам за это оплатите? Вы можете начать с возврата рабочих мест, которые вы вывели за рубеж, обратно в АМЕРИКУ. GM. Вы это сделаете?» Этот ролик дает интересный пример вопросно-ответной реакции (Call-Response), характерной, в частности, для проповеди и политических обращений, часто президентских. Здесь каждая из реплика может быть отнесена и к обращающемуся («General Motors»), и к внимающей аудитории. Учитывая, как много компания вкладывала в спорт, общенациональные программы, кинематограф, продвижение политических лидеров, становившихся президентами, показанные кадры обретают глубоко личный смысл, и фраза «Thank you for helping us get back up» звучит как произносимая в первую очередь от лица тех, в кого вкладывала компания. Но одновременно это и быстрое продвижение компании на рынке с самого начала появления и благодарность в адрес покупателей той поры. «Как вы нам за это оплатите?» — снова, с одной стороны, обращение к политикам и бизнесу от лица «General Motors», призывающих уменьшить безработицу, нестабильность и вернуть высокие зарплаты гражданам США. С другой стороны, это обещание самой «General Motors». Показательна и сама концовка, где АМЕРИКА и GM написаны одинаковым шрифтом, а также модальность и местоимение «You», нетипично для большинства контекстов написанное с заглавной буквы. Так уравниваются Америка, GM и Вы.

Подводя итог, можно сделать вывод, что для продвижения своих продуктов в новых экономических условиях «General Motors» использует следующие семантические компоненты банкротства, совершенно не присущие этому слову в словарях: банкротство — это неизбежная и обязательная составляющая подъема, успеха, единения. Банкротство — это новые и старые друзья, поддержка партнеров и семьи. Банкротство — это честность. Банкротство «General Motors» — это банкротство США и каждого гражданина. Банкротство — это возможность все изменить и с любовью и верой начать все сначала, но с опорой на прошлое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернацкая, А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние / А. А. Бернацкая. — Текст : непосредственный // Речевое общение: специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т ; под ред. А. П. Сквородникова. — Красноярск, 2000. — Вып. 3 (11). — С. 104—110.

2. Большаянова, Л. С. Вербальное сопровождение фотоизображения в современной британской прессе: содержание и структура : дис. канд. филол. наук / Большаянова Л. С. — Ленинград, 1986. — Текст : непосредственный.

3. Эйгер, Г. В. К построению типологии текстов / Г. В. Эйгер, В. Л. Юхт. — Текст : непосредственный // Лингвистика текста : материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Горького. — Москва, 1974. — Ч. 1. — С. 103—110.

4. Михеев, А. В. О некоторых типах взаимодействия изображения и текста / А. В. Михеев. — Текст : непосредственный // Типы коммуникации и содержательный аспект языка. — Москва : Институт языкознания РАН, 1987. — С. 190—199.

5. Пойманова, О. В. Семантическое пространство видеовербального текста : дис. ... канд. филол. наук / Пойманова О. В. — Москва, 1997. — Текст : непосредственный.

6. Протченко, А. В. Типологические и функционально-стилистические характеристики англоязычного путеводителя : дис. ... канд. филол. наук / Протченко А. В. — Самара, 2006. — Текст : непосредственный.

7. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — Текст : непосредственный // Оптимизация речевого воздействия. — Москва, 1990. — С. 108—186.

8. ABBYY Lingvo : Electronic Dictionary Database.

9. Bearne, E. Beyond Words: Developing Children's Response to Multimodal Text / E. Bearne. — United Kingdom Literacy Association, 2010. — Text : unmediated.

10. Benson, Ph. The Discourse of YouTube: Multimodal Text in a Global Context / Ph. Benson. — Routledge : Taylor & Francis Group, 2016. — Text : unmediated.

11. Bowcher, W. L. (ed.). Multimodal Texts from around the World: Cultural and Linguistic Insights / W. L. Bowcher. — UK : Palgrave Macmillan, 2012. — Text : unmediated.

12. Carroll, N. A note on film metaphor / N. Carroll // Theorizing the Moving Image. — Cambridge : Cambridge University Press, 1996. — P. 212—223.

13. Ferdig, R. E. (eds.). Exploring Multimodal Composition and Digital Writing / R. E. Ferdig, K. E. Pytash. — USA : IGI Global, 2014. — Text : unmediated.

14. Forceville, Ch. Multimodal Metaphor / Ch. Forceville, E. Urios-Aparisi. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2009. — Text : unmediated.

15. Hughes, G. Political correctness: a history of semantics and culture / G. Hughes. — Chichester, U.K. ; Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2010. — Text : unmediated.

16. Koller, V. Branding Images: Multimodal Metaphor in corporate branding messages / V. Koller. — Text : unmediated // Multimodal Metaphor / Ch. Forceville, E. Urios-Aparisi (eds.). — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2009. — P. 45—72.

17. Kress, G. Reading Images: The Grammar of Visual Design / G. Kress, T. Van Leeuwen. — London ; New York : Longman, 2006. — Text : unmediated.

18. Marchand, R. Advertising the American Dream: Making Way for Modernity: 1920—1940 / R. Marchand. — California : University of California Press, 1997. — Text : unmediated.

19. McNeill, D. Gesture and Thought / D. McNeill. — Chicago : University of Chicago Press, 2005. — Text : unmediated.

20. McQuarrie, E. F. Go Figure! New Directions in Advertising Rhetoric / E. F. McQuarrie, B. J. Phillips (eds.). — Armonk ; New York : ME Sharpe, 2008. — Text : unmediated.

21. Müller, C. Metaphors, Dead and Alive, Sleeping and Walking: A Cognitive approach to Metaphors in Language Use : Habilitationsschrift / Müller C. — Freie Universität Berlin, Germany, 2004. — Text : unmediated.

22. O'Halloran, K. L. (ed.). Multimodal Discourse Analysis / K. L. O'Halloran (ed.). — London ; New York : Continuum, 2004.

23. Ozga, K. Demotivators as Deprecating and Phatic Multimodal Communicative Acts / K. Ozga. — Text : unmediated // Multimodal Epistemologies: Towards an Integrated Framework / A. Maiorani, Ch. Christie (eds.). — New York ; London : Routledge : Taylor & Francis Group, 2014. — P. 28—49.

24. Stacks, D. W. An integrated approach to communication theory and research / D. W. Stacks, M. B. Salwen. — New York : Routledge, 2009. — Text : unmediated.

25. Trklja, A. A Corpus Approach to Semantic Transformations in Multisemiotic Texts / A. Trklja. — Text : unmediated // Multimodal Epistemologies: Towards an Integrated Framework / A. Maiorani, Ch. Christie (eds.). — New York ; London : Routledge : Taylor & Francis Group, 2014. — P. 159—173.

26. Ventola, E. Perspectives on Multimodality / E. Ventola, Ch. Cassily, M. Kaltenbacher. — Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins, 2004. — Text : unmediated.

27. Whittock, T. Metaphor and Film / T. Whittock. — Cambridge : Cambridge University Press, 1990. — Text : unmediated.

E. V. Shustrova

Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: shustrovaev2@bk.ru.

Semantics of Bankruptcy as a Way of Product Promotion in Modern American Advertising Discourse

ABSTRACT. *The article discusses several problems. First, it deals with the terminology which is used with reference to complex semiotic systems. Second, it provides several reasons why multimodal texts are so important for modern communication, and specifically for different kinds of advertisement. Third, it analyzes the character of relations between visual and verbal components in modern American advertising campaigns. With the help of linguistic methods, including the methods of analysis of dictionary and contextual semantics, the author demonstrates the possible ways of material interpretation. The methodology has been formed on the basis of the theory of conceptual metaphor and the methods of semiotic analysis of multimodal text. These basic methods and procedures have been supplemented in the process of research of many years, undertaken by the author, which makes it possible to make analysis more precise. The results of the study make a contribution to the development of the theory of multimodal metaphor. Some research results may be of interest to specialists in the sphere culturology and linguoculturology. The analysis has revealed that to promote its products in a new economic situation, the corporation «General Motors» uses the following semantic components of bankruptcy absent in this word in dictionaries: bankruptcy is an inevitable and obligatory component of a rise, success and union; bankruptcy means new and old friends, support by the partners and the family; bankruptcy is honesty; bankruptcy of «General Motors» is bankruptcy of the USA and its each and every citizen; bankruptcy is a chance to change everything and to start all over again with love and hope for the bright future, and to feel no discontent about the past.*

KEYWORDS: *metaphorical modeling; metaphorical models; multimodal metaphors; advertisement; advertising discourse; advertising texts; lexical semantics; English; bankruptcy; product promotion; terminology; lexicography; economic terminology; economic concepts; English lexicology.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Germanic Philology, Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Shustrova, E. V. Semantics of Bankruptcy as a Way of Product Promotion in Modern American Advertising Discourse / E. V. Shustrova // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 29-39. — DOI 10.26170/pl20-05-03.*

REFERENCES

1. Bernatskaya, A. A. (2000). K probleme “kreolizatsiyi” texta: istoria i sovremennoye sostoyaniye [About the so-called text creolization: history and the present state] // Rechevoye Obschcheniye: Spetsializirovanniy Vestnik [Bulletin of Speech Communication]. No 3 (11). P. 104—110. — Krasnoyarsk : Krasnoyarsk State University. — (In Rus.)

2. Bolshiyanova, L. S. (1986). Verbal'noye soprovozhdeniye photoizobrazheniya v sovremennoy britanskoy presse: sodержaniye i struktura [Verbal Means of Photo Enhancement in Modern UK Mass-Media: Content and Structure]: Kandidat Nauk Dissertation. — Leningrad. — (In Rus.)

3. Jager G. V., Ucht V. L. (1974). K postroeniyu tipologii textov [About Text Typology] // Lingvistika Texta: Mareialy nauchnoy konferentsii [Text Linguistics: Proceedings of Scientific Conference]. — No 1. — P. 103—110. — Moscow : Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages. — (In Rus.)

4. Mikheev, A. V. (1987). O nekotorykh tipakh vzaimodeystviya izobrazheniya i texta [About some types of interaction between caption and text] // Tipy Kommunikatsii i sodержatel'nyi aspekt yazyka. — Moscow : Institut Yazykoznaniiya, Academy of Science Press. — P. 190—199. — (In Rus.)

5. Poymanova, O. V. (1997). Semanticheskoye Prostranstvo Videoverbal'nogo Texta [Semantic Plane of Videoverbal Text]: Kandidat Nauk Dissertation. — Moscow. — (In Rus.)

6. Protchenko, A. V. (2006). Tipologicheskkiye i Funktsional'no-stylisticheskkiye Kharakteristiki Angloyazychnogo Putevoditelya [Typological and Functional-stylistic Characteristics of English Guide-books]: Kandidat Nauk Dissertation. — Samara. — (In Rus.)

7. Sorokin, Y. A. (1990). Kreolizovanniye Texty i Ikh Kommunikativnaya Funktsiya [Creolized Texts and Their Communicative Function] / Y. A. Sorokin, E. F. Tarasov // Optimizatsiya Rechevogo Vozdeystviya [Speech Influence Optimization]. — Moscow. — P. 108—186. — (In Rus.)

8. ABBYY Lingvo : Electronic Dictionary Database.

9. Beame, E. Beyond Words: Developing Children's Response to Multimodal Text / E. Beame. — United Kingdom Literacy Association, 2010. — Text : unmediated.

10. Benson, Ph. The Discourse of YouTube: Multimodal Text in a Global Context / Ph. Benson. — Routledge : Taylor & Francis Group, 2016. — Text : unmediated.

11. Bowcher, W. L. (ed.). Multimodal Texts from around the World: Cultural and Linguistic Insights / W. L. Bowcher. — UK : Palgrave Macmillan, 2012. — Text : unmediated.

12. Carroll, N. A note on film metaphor / N. Carroll // Theorizing the Moving Image. — Cambridge : Cambridge University Press, 1996. — P. 212—223.

13. Ferdig, R. E. (eds.). Exploring Multimodal Composition and Digital Writing / R. E. Ferdig, K. E. Pytash. — USA : IGI Global, 2014. — Text : unmediated.

14. Forceville, Ch. Multimodal Metaphor / Ch. Forceville, E. Urios-Aparisi. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2009. — Text : unmediated.

15. Hughes, G. Political correctness: a history of semantics and culture / G. Hughes. — Chichester, U.K. ; Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2010. — Text : unmediated.

16. Koller, V. Branding Images: Multimodal Metaphor in corporate branding messages / V. Koller. — Text : unmediated //

Multimodal Metaphor / Ch. Forceville, E. Urios-Aparisi (eds.). — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2009. — P. 45—72.

17. Kress, G. Reading Images: The Grammar of Visual Design / G. Kress, T. Van Leeuwen. — London ; New York : Longman, 2006. — Text : unmediated.

18. Marchand, R. Advertising the American Dream: Making Way for Modernity: 1920—1940 / R. Marchand. — California : University of California Press, 1997. — Text : unmediated.

19. McNeill, D. Gesture and Thought / D. McNeill. — Chicago : University of Chicago Press, 2005. — Text : unmediated.

20. McQuarrie, E. F. Go Figure! New Directions in Advertising Rhetoric / E. F. McQuarrie, B. J. Phillips (eds.). — Armonk ; New York : ME Sharpe, 2008. — Text : unmediated.

21. Müller, C. Metaphors, Dead and Alive, Sleeping and Walking: A Cognitive approach to Metaphors in Language Use : Habilitationsschrift / Müller C. — Freie Universität Berlin, Germany, 2004. — Text : unmediated.

22. O'Halloran, K. L. (ed.). Multimodal Discourse Analysis / K. L. O'Halloran (ed.). — London ; New York : Continuum, 2004.

23. Ozga, K. Demotivators as Deprecating and Phatic Multimodal Communicative Acts / K. Ozga. — Text : unmediated // Multimodal Epistemologies: Towards an Integrated Framework / A. Maiorani, Ch. Christie (eds.). — New York ; London : Routledge : Taylor & Francis Group, 2014. — P. 28—49.

24. Stacks, D. W. An integrated approach to communication theory and research / D. W. Stacks, M. B. Salwen. — New York : Routledge, 2009. — Text : unmediated.

25. Trklja, A. A Corpus Approach to Semantic Transformations in Multisemiotic Texts / A. Trklja. — Text : unmediated // Multimodal Epistemologies: Towards an Integrated Framework / A. Maiorani, Ch. Christie (eds.). — New York ; London : Routledge : Taylor & Francis Group, 2014. — P. 159—173.

26. Ventola, E. Perspectives on Multimodality / E. Ventola, Ch. Cassily, M. Kaltenbacher. — Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins, 2004. — Text : unmediated.

27. Whittock, T. Metaphor and Film / T. Whittock. — Cambridge : Cambridge University Press, 1990. — Text : unmediated.

Н. Г. Юзефович

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-5271-0069

 E-mail: yuzefovich_2005@mail.ru.

Вербальный портрет 2019 года через призму года 2020-го

АННОТАЦИЯ. В статье в социолингвистическом аспекте анализируются социальные предпосылки номинаций, получивших статус «слово года», их аксиологические характеристики, реализуемые в дискурсе; выявляется изменение социального контекста, что влияет на языковое сознание. Задача описания номинаций 2019 года через призму 2020 года дает возможность определить, насколько значимы и актуальны феномены, которые они репрезентируют в обществе сегодня. Несмотря на то, что проекты «Слово года» номинируют лексемы, значимые именно в данном году, их истинная значимость становится очевидной только на расстоянии; это важная характеристика, которая помогает увидеть истинную актуальность слова. Исследование номинаций в контексте социальной ситуации 2020 года позволяет выявить, насколько значимы данные лексические единицы в социальной среде, что, в свою очередь, указывает на вариативность языкового сознания, картины мира. Материалом исследования являются результаты проектов «Слово года — 2019» и «Word of the Year 2019»; для проведения семантического анализа привлекаются толковые моноязычные словари. Для выявления ценностных характеристик проведен контекстный анализ функционирования номинаций в дискурсе на материале разных жанров, в том числе полимодальных, распространяемых в Интернете (социальные сети: блогеры, «Ютьюб», чаты), а также опросы информантов. В результате сопоставительного анализа русскоязычных и англоязычных номинаций по параметрам «социальная значимость», «ценностные характеристики» и «частотность» выявлено, насколько номинации резонансных феноменов одной лингвокультуры актуальны в контексте другой; выделены общие, в определенной степени объединяющие лингвокультуры социальные проблемы, что необходимо для эффективного межкультурного общения. На основе анализа вариативности номинаций в трансформирующемся контексте предпринимается попытка языковой прогностики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальный контекст; языковое сознание; социолингвистика; языковые номинации; лексемы; лексические единицы; слово года; новые слова; политический дискурс.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Юзефович Наталья Григорьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 192238, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15; e-mail: yuzefovich_2005@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Юзефович, Н. Г. Вербальный портрет 2019 года через призму года 2020-го / Н. Г. Юзефович // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 40-47. — DOI 10.26170/pl20-05-04.

Интерес к исследованию заявленной темы объясняется, во-первых, тем, что традиция выбора наиболее значимого слова года позволяет понять «дух» данного периода в родном лингвокультурном контексте, поэтому проект «Слово года» популярен во многих странах, в России проводится с 2007 г. Истоки этой традиции — в Германии, где в 1971 г. по инициативе Общества немецкого языка была проведена первая акция «Wort des Jahres».

Во-вторых, сопоставление в одном временном срезе слов года русского языка со словом года другого языка, в данном случае английского, позволяет выявить точки соприкосновения или расхождения контактирующих культур при осмыслении реальности, что, несомненно, способствует эффективности межкультурного общения.

В-третьих, глубина значимости номинаций 2019 г. наиболее отчетливо проявляется на расстоянии, поэтому изучение основных результатов проекта прошлого года через призму 2020 г. позволяет выявить тенденции изменения языкового сознания и социального контекста.

Необходимо напомнить, что номинацией проекта может быть любое значимое слово, причем не обязательно новообразование, приоритет отдается не «новизне», а популярности и реальной значимости, которой номинируемая лексема отличалась в указанный период. «Слова и выражения, которые выдвигаются на конкурс, не обязательно возникают именно в данном году, но они должны отражать его специфику, воплощать его дух, очерчивать движение времени» [Эпштейн 2019].

Процедура определения слова года русского языка включает несколько этапов на основе ряда параметров, основными из которых являются частотность и дискурсивная актуальность, иначе говоря, социальная востребованность (выявляется количеством употреблений в письменных текстах разных регистров и опросом информантов), что соответствует методике социокогнитивного анализа. Основные этапы включают:

1) выявление на основе параметра частотности наиболее знаковых, актуальных в жизни общества и в дискурсе данного периода

событий, феноменов и пр., как внутри страны, так и за ее пределами;

2) определение частотности каждой номинации в материале разных жанров, регистров и ситуациях;

3) сопоставление полученных данных по текущему периоду с показателями частотности номинации в предыдущий период: как правило, мониторинг включает три предыдущих года, что позволяет более достоверно выделить наиболее значимые единицы;

4) опрос, интервьюирование с целью выявления мнения информантов разных социальных и возрастных групп, а также экспертов.

Важной спецификой проекта является активная роль личности эксперта, непосредственного участника процесса выбора слова, что дает подчас основания для критики проекта как отличающегося субъективностью. Следует подчеркнуть, что, как следует из основных положений когнитивной социолингвистики, разработанной в монографии *A Framework for Cognitive Sociolinguistics*, говорящий/слушающий выступает не только как объект коммуникации, но и как активный деятель, что особенно важно. Все, что отражено в дискурсе (культура, картина мира и пр.), варьируется в процессе когнитивного осмысления и/или переосмысления в зависимости от индивидуального опыта, социальной ситуации и пр. [Moreno-Fernández 2016]. Практически любое научное исследование определяется человеком — выбор эмпирического материала, разработка теоретической основы и пр. в соответствии с заявленной целью, при этом сочетание разных методов анализа, многоступенчатая методика анализа, в том числе опрос информантов, способствуют верификации выводов.

Проект «Слово года» для русского языка организуется Экспертным советом, которым руководит филолог и культуролог Михаил Эпштейн, члены Совета — лингвисты, журналисты, культурологи, философы, писатели. Модератор групп «Слово года» и «Неологизм года» на «Фейсбуке» — писатель Елена Черникова. Особенностью данного проекта является то, что выделяются также номинации следующих рубрик: «Выражение», «Антиязык», «Протологизм года». Именно эти рубрики отражают разнообразные социальные настроения общества и, что очень важно, характерны для разных социальных контекстов и, предположительно, для разных социальных и возрастных групп.

«Антиязык», иначе говоря, язык агрессии и пропаганды, включает штампы, бюрократизмы: «Понял о том, что...; сообщил о том, что...; знаю о том, что...», «конструкция с лишним указательным словом», т. е. все те единицы, которые традиционно называют канцеляризмами.

«Протологизм года» объединяет новые слова, созданные конкретным автором, с указанием имени автора: «Фейсдельничать: Бездельничать, сидя в фейсбуке. Профейсдельничал целый день, фейсдельник». Данная форма языковой игры очень популярна и в англоязычном дискурсе, по сути, это окказионализмы, которые при частотном употреблении в разнообразных контекстах могут и закрепиться в языке.

По утверждению Михаила Осадчего, руководителя проекта «Слово года» в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина, в 2019 г. «первое место занимает слово „пожар“, за ним идет „протест“. Всплеск частотности слова „пожар“ обусловлен двумя событиями — это пожар в Соборе Парижской Богоматери и пожары в Сибири. Частотность слова „протест“ также подпитывалась вниманием сразу к нескольким событиям — протестам в Париже, Гонконге, Москве» [URL: <https://tass.ru>].

Выборка «конкурсантов» включала порядка 100 лексических единиц, номинирующих резонансные темы, актуальные в России 2019 г., которые репрезентируют события не только внутри страны: *пенсионная реформа, смена власти (Казахстан), крушение самолета Boeing 737 MAX авиакомпании Ethiopian Airlines, зимняя Универсиада в Красноярске, смена власти на Украине, крушение самолета SCJ 100 в Шереметьево, выборы в Московскую городскую думу, закон о «суверенном интернете».*

Важным качеством процесса выбора слова-победителя является мониторинг лексических единиц, номинируемых в предыдущий год, но не получивших призового места. Так, при сопоставлении частотности слова «пожар» в 2019 г. с тремя предыдущими годами стало очевидно, что его употребление в 2019 г. увеличилось в пять раз, а слова «протест» — в три раза.

Интересным и важным фактом является учет со стороны экспертов мнений участников групп в социальных сетях, что, несомненно, стало показателем не только изменения социального контекста, но и высокой роли медиа, в отличие от федеральных телеканалов, в воздействии на человека. В лингвистическом смысле, как представляется, мы можем говорить о том, что наблюдается определенное стирание границ между языком и речью, переплетение разных регистров, как четко видно при анализе текстов разного рода в социальной сети. Тот факт, что письменная речь становится более разговорной, свидетельствует о постепенном росте вариативности традиционной нормы.

Прежде чем выявить релевантность номинаций проекта-2019 «протест» и «пожар»

в контексте 2020 г., рассмотрим, какие аксиологические и ассоциативные характеристики данных единиц выявлялись при их функционировании в русском языке в предыдущем периоде.

При определении слова года русского языка в 2019 г. по частотности были выделены слова «пожар» и «протест», номинирующие резонансные события как внутри страны, так и за ее пределами: пожары в России и пожар во Франции, в частности, охвативший собор Парижской Богоматери, который воспринимается многими как наследие мировой культуры. Пожары — это всегда экологическая катастрофа, выбор этого слова соотносится с экологическими номинациями, которые номинированы в англоязычном проекте. К сожалению, количество пожаров в жилых домах, в детских лагерях, в больницах ужасает; ежегодно горят леса, гибнут люди, животные, в пожарах гибнут культурно-исторические ценности, памятники зодчества. Такое количество пожаров говорит о серьезных проблемах в стране, при этом, однако, они зачастую мало освещаются: возможно, это говорит о желании власти скрыть проблему, а возможно, они отходят на задний план под воздействием других резонансных событий.

Как показало данное исследование, значительная роль в привлечении внимания человека к какому-либо событию принадлежит медиа, журналистам и блогерам, а также официальным СМИ; каждый источник выделяет то, что считает нужным: как правило, указывается, где, когда что-либо произошло, есть ли жертвы, но причины таких экологических катастроф практически не анализируются. Естественно, пожар всегда ассоциируется с трагедией, катастрофой, номинация «пожар» насыщена негативом; лесные пожары ассоциируются, как правило, с лесами Сибири и Дальнего Востока; пожары в жилых домах и летних лагерях, несомненно, возникают вследствие игнорирования правил безопасности, желания сэкономить на материале для строительства и пр. (человеческий фактор!). Аналогичные ассоциации характерны и для номинации *fire* в англоязычном дискурсе. Так и формируется наше языковое сознание: человек часто ощущает себя бессильным при столкновении с огнем, с пожаром, а правительство должных мер не принимает.

Особый интерес для социолингвистического исследования представляет слово года — 2019 «протест», который Словарь русского языка толкует, совершенно правильно, как «решительное возражение против чего-л., заявление о несогласии с чем-л., о нежелании чего-л.» [Словарь русского языка 1999

www], но формы протеста в Словаре не отражены, аксиологические характеристики выявляются в коммуникации.

В русскоязычном дискурсе номинация «протест» имплицитно, во-первых, феномен «выборы»: среди резонансных событий 2019 г. выделяются «протестные выборы», что неоднократно описывали не только в социальных сетях, но и в СМИ. Словосочетание «протестные выборы», на первый взгляд, сложно объяснить логически: традиционно протестом на выборах называют неявку на выборы или испорченные бюллетени; хотя такая форма протеста, как явка с целью голосования «за» (неудобного кандидата), существует, но для России долгое время не была свойственна.

О протестных выборах много говорили в 2013 г., когда оппозиционный кандидат Евгений Ройзман, невзирая на давление Кремля, был избран мэром Екатеринбурга. С новой силой выражение «протестные выборы» зазвучало в 2018 г.: партия «Единая Россия» проиграла в Хабаровском крае (губернатором стал Сергей Фургал) и в Якутске (мэром избрана Сардана Авксентьева, «Партия возрождения России»). Заметим, что очень ярким примером протестных выборов были выборы Президента США в 2016 г.: многие американцы голосовали не «за Дональда Трампа», а «против Хиллари Клинтон».

В 2019 г., в основном в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге, а также ряде других городов прокатились волны гражданских протестов: «за честные выборы», «за независимых кандидатов», «за освобождение политзаключенных»; в протесты включились женщины: «марш гнева» или «марш матерей» в поддержку политзаключенных, а также группы «Новое величие». Все названные примеры актуализации номинации «протест» в дискурсе однозначно носят политический характер: конфликт между властью и обществом, власть такие протесты не одобряет.

В 2019 г. активизировались и экологические протесты, так называемые антимусорные, которые также отличаются политизированностью, отражают обострение конфликта общества с властью. Вновь центром протестных настроений стал Екатеринбург, столица «зеленого протеста». Город запустил также «волну протестов против храмов и застройки по всей России», ее подхватили Новосибирск, Челябинск, Ульяновск, Подмоскowie, Улан-Удэ, Санкт-Петербург, Томск, Оренбург, Пермь. Важно то, что это были протесты не только «против», но и «за» — за то, чтобы власти стали прислушиваться к мнению общественности, иначе они провоцируют конфликт. Ряд массовых акций был успешен, но протестую-

щих разгоняли, подчас жестко, просто «кричалками» успеха не добился никто. Жителям удалось победить: уличные акции протеста отличались конкретными задачами, и они принесли результат, власть вынуждена была прислушаться к мнению общественности. Важно то, что данный протест был не столько против давления церкви, сколько против власти, которая 1) принимает решение, не учитывая мнение общественности, и 2) усиленно навязывает обществу православие как одну из основных ценностей.

Осмысление слова «протест» в социальных контекстах его функционирования позволяет выделить целый ряд протестных ситуаций, которые сопровождалась насильем того или иного рода: именно такой мотив выявили эксперты при установлении слова 2019 г. В протестных акциях формировался и протестный лексикон, в частности, лозунги и выражения «допускай (к выборам)»; «отпускай (выпускай)»; «допускай и выпускай»; «московское дело»; «мусорные бунты»; «молодёжные протесты» и ряд других. Перечисленные лозунги, с одной стороны, отражают политические, экологические и социальные проблемы, которые и провоцируют протесты, что говорит о социальной нестабильности и отсутствии доверия общества к власти. С другой стороны — пожалуй, самое главное, мы видим изменение языкового сознания, значит, ментальности общества; среди участников протеста немало людей пожилого возраста, которые также получают информацию в мессенджерах и пр., большая часть представлена поколением 30—20-летних, а это абсолютно другое поколение: они росли и формировались в онлайн-эпоху, информацию получают онлайн, а не по «зомбоящику», поэтому акции протеста подчас оказываются для власти неожиданными, непредсказуемыми.

В контексте 2020 г. номинация «протест» «зазвучала» с новой силой, причем в совершенно неожиданном регионе, протестный образ которого сейчас во многом идеализируется рядом независимых каналов и блогеров, хотя такое мнение разделяют далеко не все хабаровчане, равно как и жители других мест (судя по обсуждениям в чатах). Позволю себе высказать свою точку зрения, как коренная хабаровчанка; сразу подчеркну, я сужу по прямому эфиру с места событий, участвовать там никому не рекомендую (камеры наблюдения!). К сожалению, приходится признать, что участники этих акций не выражают четко, что они требуют (об этом неоднократно говорили и писали политологи, юристы, в том числе и местные), каждый день появляются новые лозунги; митингую-

щие все силы отдают кричалкам, опыт акций других городов не желают учитывать.

Хабаровск большую часть XX в. и почти два десятилетия XXI отличался крайней инертностью, возможно вследствие удаленности от других регионов; тяжелые условия жизни многим не нравятся, и люди, по возможности, уезжают. Исторически Дальний Восток был местом ссылки (мой прадедушка был сослан на Сахалин в XIX в., потом переехал в Хабаровск, затем в Белгород, как и многие другие). Хабаровск, основанный как военный пост для защиты границы с Китаем (Договор 1858 г.), — это город военных и чиновников, но не бунтовщиков. Протесты в Екатеринбурге и других городах здесь практически не поддерживались, даже локальные проблемы: изменение границы «по фарватеру», вследствие чего Китай стал еще ближе к Хабаровску, передача части земли Китаю и вынужденное переселение людей из домов, которые деды строили; передача земли китайским фермерам в долгосрочную аренду — никаких бурных протестов не вызвали. Противостоять пыталась небольшая группа людей, в основном те, кого это лично касалось. Потомки ссыльных революционеров в большинстве своем давно переехали в другие регионы, отток населения очень большой; при этом регион становится более многонациональным.

Массовый «взрыв» недовольства 11 июля вряд ли можно было предвидеть, это действительно был стихийный порыв за Фургала, при этом четкие требования не были сформулированы, а попытки тех, кто пытался в своих выступлениях объяснить, что нарушены статьи закона, необходимо подавать петиции, собирать подписи, подчас заглашались кричалками. Спецификой протеста в данном случае можно считать действительно мирный процесс: первые две недели стояли автозаки, ОМОН, а сейчас только полиция; однако нет никакого результата, что признают и некоторые участники протеста. Основные митинги проходят по выходным: митингующие стоят перед Домом правительства и кричат — только вот кому? Охране? Создается впечатление, что эти акции серьезно не воспринимают и местные власти. Людей задерживают по одному — следуют суд, штраф, арест от 3 до 10 дней, сбор денег «всем миром» на штраф. Создается впечатление, что митинг стал какой-то тусовкой — здесь все свои, могут и ругаться на «чужих» и «provokatorov», просят полицию проверить паспорта, жителей других регионов, которые предлагают толковые вещи, не желают слушать: «У себя дома высказывайтесь».

Многие серьезно думают, что кричалки их услышат, приедет кто-либо из правительства и лично к ним выйдет, при этом отклики на обращение сестры Фургала (канал «Дебаты Хакасии» и местные блогеры) о сборе денег на адвоката (счета и имущество семьи арестованы) на митингах не звучат (?!). Поскольку никаких обращений от жителей края к Правительству с просьбой назначить врио губернатора — дальневосточника не было, от имени жителей выступал В. Жириновский, что вызвало бурю возмущений. Там действительно нет организатора, стихийно появляются активисты с рупором, за которыми некоторые маршируют.

Такая массовая длительная поддержка арестованного губернатора, по мнению участников митингов, ему помогает, однако позволю заметить, что власти высказывали ему претензии, когда рейтинг Фургала в регионе стал выше рейтинга Путина. Можно предположить, что ограничение его прав в «Лефортово» (не передают письма, отказывают в свиданиях), которое очень давит морально, обусловлено именно массовостью акций.

Многие жители центрального района не радуются ежедневному гудению машин по вечерам и кричалкам, жалуются на шум в мэрию — это факт. Для думающих людей шоком стала организация одной из активных бабушек интервью с криминальным авторитетом номер 1 1990-х, который два с половиной часа онлайн говорил о своих заслугах перед краем, кто и что в криминале курировал и сообщил, что он точно знает: «Фургал никого не убивал!» Показания криминального авторитета как свидетеля защиты вряд ли помогут Фургалу, а созданию имиджа Хабаровска как города криминала это интервью поспособствовало.

Нельзя не учитывать, что персону Сергея Фургала неоднозначна; мною был проведен небольшой опрос жителей города, они отвечали так: «он сделал очень много», но «мы не можем категорично заявить, что невиновен», «мы его поддерживаем, на митинг не пойдем». Естественно, что голосовал за него не весь город, есть и чиновники, которые были отстранены от должности, и пр. К сожалению, в Хабаровске в свете идеализации их акций в СМИ формируются амбиции, даже своего рода мания величия: например, озвучивается, будто «акции в Белоруссии стали проводиться под влиянием Хабаровска», что «мы разбудили другие города». Это тоже фактор изменения языкового сознания — формируются протестные амбиции; несколько дней призывают к забастовке, но в городе не так много промышленных предприятий. В Белоруссии есть фонд

поддержки, поступают средства от белорусских диаспор, а в Хабаровске жизнь очень дорогая, даже для работающих. В то же самое время закрепляются провинциальные стереотипы о том, что в Москве жизнь очень спокойная, они у нас все забирают и мы «за них отдуваемся». О том, какие акции проходят в Москве и Санкт-Петербурге, как жестко их разгоняют, участники знать не желают.

Стихийность общественного мнения подтверждается его нестабильностью: как только возникает новое резонансное событие, может измениться восприятие другого. Так, многие россияне сейчас больше с болью и ужасом сопереживают Белоруссии, Хабаровск отошел на задний план. Новое резонансное дело — странная болезнь Навального — повлияло даже на тех, кто не относится к нему с симпатией (акции «Леша, живи!»). Такая стихийность, несомненно, влияет и на языковое сознание — новые характеристики, ассоциативные связи формируются непрерывно.

Посмотрим на цифры: по данным «Левада-центра», в двадцатых числах июля о митингах в Хабаровске знали 83 % опрошенных россиян; из них относились положительно 45 %, 26 % — нейтрально, 17 % — отрицательно и 11 % затруднились с ответом. По опросу «Радио „Свобода“» 21 августа 2020 г. о том, какое из событий наиболее важное — ситуация в Белоруссии, Хабаровске или с Навальным — результаты следующие: 23 % — Белоруссия, 6 % — Хабаровск и 58 % — самочувствие Навального. Интересно, что некоторые хабаровчане высказали недоумение: как так, «события в Хабаровске и Белоруссии равнозначны», будто бы ходить с кричалками означает то же самое, что быть избитым в изоляторе на Окрестина. К сожалению, мстечковость сознания не меняется.

Скоро осень, и митинги, которые постоянно рдеют, интенсивность потеряют: студентов будут исключать из университета (проверенная практика), некоторым уже отказывают в общежитии, ряд предприятий потребовал от сотрудников письменно подтвердить, что в митингах они участвовать не будут. Да, в Хабаровске протестующих разгоняют мирно: руки не заламывают, в автозак не заталкивают, но есть меры административного воздействия, которые, думается, более эффективны в данном случае.

Насколько резонансными хабаровские акции станут для истории? Вернемся к протестам в Екатеринбурге: многие ли о них сейчас помнят, помнят о «столице зеленых протестов»? А в 2019 г. «протесты в Екатеринбурге стали беспрецедентными по интенсивности освещения темы. ...по остроте полемики и интенсивности освещения темы

в СМИ, на этот конфликт приходится более 58 % от общего числа публикаций о протестах против строительства церквей» [Демин 2019].

В настоящем периоде феномен «протест», по сути, стал формой, которую народ использует для решения конфликта с властью. Соответственно, номинация «протест» приобретает и позитивные аксиологические качества в дискурсе, в сознании общественности протест является эффективным средством воздействия на власть. Другие формы или неизвестны, или неинтересны. Конфликт «власть — народ» проявляется в разных регионах страны, очень зримо, объединяя разные социальные и возрастные группы людей, однако далеко не все акции протеста результативны, нередко агрессивно подавляются. Тем не менее считаю необходимым сказать, что, во-первых, поскольку акции не прекращаются, это позволяет верить в то, что позитивные результаты достижимы, но требуют времени, а во-вторых, такие массовые акции рано или поздно заставят власть считаться с мнением народа.

Номинация феномена «протест» гендерно не маркирована, но в России, а сейчас и в Белоруссии формируются женские политические акции протеста; это не означает, что участвовать в них могут только женщины. Первый массовый марш женщин состоялся в США 21 января 2017 г. — это была акция против сексизма, расизма и пр., участие в которой принимали и мужчины. Акция охватила почти все штаты США, присоединились и многие другие страны. Сегодня это уже движение, а не просто разовая акция: *Women's march. Join the movement. We're mobilizing. We're marching. We're making history.*

Мы видим новые формы протеста — «женские марши», «Марш матерей», при этом актуализируются позитивные смыслы: «Мы против насилия, против политических репрессий». Гендерно маркированное название несет эмотивные коннотации: *Марш матерей*, при этом в нем принимают участие все, приходят и семьями. Поражает мужество белорусских женщин, которые, несмотря на издевательства, на то, что не все дети вернулись домой, выходят на улицу в цели солидарности: женщины в белом, с цветами, артисты филармонии поддерживают участников исполнением белорусских песен. Как повлияли такие эмотивные формы протеста на ситуацию в стране, сказать сложно. Возможно, они повлияли на решение уволиться: некоторые сотрудники милиции написали рапорт, потому что участвовать в зверствах не могли, нарушать приказ тоже, при этом на них подействовало появление на улицах женщин с цветами и призы-

вами: «Мы против насилия». Так появилась новая форма мирного протеста.

Лингвистические особенности протестов в России отражают взаимосвязь протестов, например, мем, созданный в поддержку журналиста «Я/МЫ ГОЛУНОВ», трансформирован в «Я/МЫ ФУРГАЛ». Появляются новые лозунги: «Уходи!», «(название города) Выходи!», в Белоруссии: «Остановите, Саша хочет выйти!». Новые смыслы актуализирует фраза «Покормите голубей»: голубь ассоциируется в христианстве со Святым Духом, существует и поверье, что тот, кто кормит голубей, искупает грехи. Не уверена, что об этом думали в Хабаровске, когда стали приглашать людей на площадь Ленина кормить голубей; там действительно много голубей и дети любят их кормить, как везде в России. В связи с протестами фраза приобрела политические смыслы: *приходите на митинг!* Она стала популярна во многих городах; боюсь, что при развитии протестного движения она может стать маркером экстремизма.

Обратимся к английскому языку, который в данном случае не привязан к какой-либо конкретной стране и может быть понят по всему миру: слово года английского языка определяют такие уважаемые словари, как *Collins English Dictionary*, *Oxford Dictionary*, *Merriam-Webster* и ряд других. Задача унификации «слова года» при этом не ставится, интересно сопоставить, по каким параметрам выявляется слово года в разных источниках, какие события являются наиболее культурно значимыми; на сайтах данных словарей представлены также мнения людей разных профессий.

По данным словаря *Collins*, словом 2019 года является выражение *climate strike* [*Collins English Dictionary*] (буквально, «климатическая забастовка»). Номинации *strike* (*no work is done because of disagreement*) и *протест* достаточно близки по смыслу: выражают несогласие, недовольство, как правило, руководством и пр. Слово русского языка контекстуально связано с внутренними событиями (социальными и политическими), *climate strike* значим и в контексте практически всего населения земного шара: экологические проблемы затрагивают всех.

Oxford Dictionary выделил номинацию *climate emergency*, которая описывает проблемы климата, обусловленные тем, что правительства и большой бизнес нередко игнорируют необходимость защиты природы (глобальное потепление и пр.). Последствия *climate emergency* и провоцируют *climate strike*.

Онлайн-словарь номинировал слово *existential* и его производное *existentialism*:

“existential: 1. of or relating to existence. 2. of, relating to, or characteristic of philosophi-

cal existentialism; concerned with the nature of human existence as determined by the individual's freely made choices.”

“existentialism: a philosophical movement that stresses the individual's unique position as a self-determining agent responsible for making meaningful, authentic choices in a universe seen as purposeless or irrational” [On-line Dictionary].

Этот выбор подтверждается многочисленными высказываниями из разных источников в разнообразных контекстах, которые связывают эту лексику со многими социально значимыми ситуациями.

Например, *existential crisis* (1. human life: “What is my purpose in life?”; 2. Brexit); *existential demonstrations* about the future of the territory (Hong Kong protests). “Like many who watched (Notre Dame fire), I felt the existential pang of history being eviscerated before my eyes” [Stuart Richardson // USA Today. April 16, 2019].

Следует подчеркнуть роль американских политиков в популяризации слова *existential*, которое они нередко использовали, говоря о наиболее значимых проблемах современности: *existential climate change* (изменение климата), *existential gun violence* (насилие) и пр.

Номинации года, выделяемые словарем *Merriam-Webster*, отражают другие проблемы западного мира, которые официально отечественному дискурсу чужды: словарь номинирует гендерно нейтральную лексику, так называемые *nonbinary*-слова, отражающие современные направления лексикографии, перед которой стоит задача номинировать разнообразные гендерные идентичности, что, в свою очередь, предопределено злободневностью данных проблем в социальном контексте.

Самым значимым достижением, по данным *Merriam-Webster*, является «узаконенный» нормативный стандарт местоимения *they*, который используют в качестве гендерно нейтрального личного местоимения единственного числа [Merriam-Webster Dictionary]; такой результат является явным доказательством воздействия общественности, которая желает быть услышанной.

Как следует из вышеизложенного, и в отечественном, и в англоязычном обществе наблюдаются процессы социальной активности — в этом выявляются точки соприкосновения. Проблемы гендерной нейтральности в нашем обществе на данной стадии широко обсуждать не принято, соответственно не ставится и задача формирования гендерно нейтральной лексики; представляется затруднительным и перевод таких слов с английского языка на русский.

Наблюдение над социальной активностью в нашей стране и за рубежом, общение с информантами, в том числе в чатах, по-

зволяет в некоторой степени прогнозировать возможность номинации того или иного слова (естественно, что точный прогноз сделать никто не может). Так, весной, в период карантина и ужасающей статистики по пандемии, звучало немало предположений, что словом года наверняка станет «коронавирус». Эту версию я обсуждала со студентами, мы привлекли публикации многих сайтов, комментарии подписчиков «Quora», и предположили, что скорее это будет не название вируса, а социальные последствия: самоизоляция, дистанция и пр., *shelter-in-place*, *social distancing*, etc. Интересно отметить, что слово *coronavirus* зарегистрировано в самом большом академическом словаре в 2008 г., неологизмом этого года является разновидность вируса *COVID-19*.

Судя по активизации протестов разного рода, вызванных разными причинами, возможно, будет номинирована протестная лексика: мем «Я/Мы...», «кормить голубей» (если это выражение не посчитают призывом к экстремизму).

В англоязычном дискурсе выделяется номинация *protests*, имплицитная политические акции, основным спусковым крючком которых в США стала смерть Джорджа Флойда при его задержании полицией. Неослабевающие в последние годы антирасистские движения еще больше усилились и привели к массовым беспорядкам. Лозунг *Black Lives Matter* перерос в гражданское движение, участники которого — люди разных этнических групп, мужчины, женщины и все, кто против насилия и ограничения прав и свобод. Если беспорядки в США не утихнут, возможно, среди номинантов 2020 г. в проекте «Слово года» выделят *George Floyd protests*.

Обобщая, следует подчеркнуть, что номинации проектов «Слово года» помогают узнать лучше как свою лингвокультуру, так и другие лингвокультуры. Мы видим, что многие резонансные социальные процессы идентичны в современных странах: усиливается конфликт между властью и обществом, возрастает социальная активность разных групп людей, экологические катастрофы увеличиваются, за ними нередко стоит бизнес. Общество все больше осознает свою ответственность за свою страну, благополучие своих детей, понимая при этом, что власть так просто от своих интересов не откажется. Рост протестного движения показывает власти, что общество существует и имеет свою позицию, с которой власть должна считаться. Необходимо отметить и то, что обилие социальных сетей, сайтов и прочего не означает объективной информации: очень сложно выявить суть и отделить ее от желания журналиста или блогера

пропиариться в ущерб фактам, при этом личное мнение нередко преподносится как факт. Лексические формы описания резонансных феноменов постоянно варьируются в новых социальных контекстах, отражая трансформацию языкового сознания, что необходимо учитывать и политикам, и журналистам, и преподавателям, и всем, кто занимает активную жизненную позицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демин, С. Протест против храма в Екатеринбурге стал самым «громким» за последние пять лет / С. Демин. — Текст : электронный // URA.ru : информационное агентство. — 2019. — 22 мая. — URL: <https://ura.news/news/1052384971> (дата обращения: 15.01.2020).
2. Осадчий, М. Слово года 2019 / М. Осадчий. — Текст : электронный // ТАСС : информационное агентство. — URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 21.05.2020).

N. G. Iuzefovich

Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint-Petersburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-5271-0069

 E-mail: yuzefovich_2005@mail.r.

A Verbal Portrait of 2019 Through the Lens of 2020

ABSTRACT. *The article conducts a sociolinguistic analysis of social prerequisites of the lexical units nominated as “Words of the Year 2019” and their axiological characteristics realized in discourse and explores the change of the social context, which influences the linguistic consciousness. The task to describe 2019 nominations through the lens of 2020 makes it possible to discover the significance and urgency of the phenomena they represent in society today. In spite of the fact that the “Words of the Year” projects nominates lexemes of the current year, their real significance becomes salient only at a distance. It is an important characteristic that allows seeing the real urgency of a word. The study of the nominations in the context of the social situation of 2020 makes it possible to reveal the significance of the given lexemes in the social environment, which, in its turn, testifies to the variability of the linguistic consciousness and the worldview. The research material includes the results of the “Words of the Year 2019” and “Words of the Year 2020” projects. Explanatory monolingual dictionaries are used for the conduct of semantic analysis. To reveal the axiological characteristics, the author has carried out a contextual analysis of the nominations functioning in discourse on the material of different genres, including polymodal ones, published over the Internet (on social networking websites: blogs, YouTube, chats) and organized questionnaires of informants. The comparative analysis of Russian- and English-language nominations on the parameters “social significance”, “axiological characteristics” and “frequency” has shown how much the nominations of vital phenomena of one linguoculture are urgent in the context of the other; it has also discovered the general, to a certain extent common social problems uniting the linguocultures under study, which is necessary for efficient intercultural communication. Based on the analysis of variability of the nominations in a transforming context, the author makes an attempt at linguistic prediction.*

KEYWORDS: *social context; linguistic consciousness; sociolinguistics; linguistic nominations; lexemes; lexical units; word of the year; new words; political discourse.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Iuzefovich Natal'ya Grigor'evna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of English, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint-Petersburg, Russia.*

FOR CITATION: *Iuzefovich, N. G. A Verbal Portrait of 2019 Through the Lens of 2020 / N. G. Iuzefovich // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 40-47. — DOI 10.26170/pl20-05-04.*

REFERENCES

1. Demin, S. Protest against a Church in Ekaterinburg has become the loudest in a five-year period / S. Demin. — 2019. — 22 May. [Protest protiv khrama v Ekaterinburge stal samym «gromkim» za poslednie pyat' let / S. Demin. — Текст : электронный // URA.ru : informatsionnoe agentstvo. — 2019. — 22 maya]. — URL: <https://ura.news/news/1052384971> 2019 (date of access: 10.02.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
2. Osadchy, M. Word of the year 2019 / M. Osadchy. [Slovo goda 2019 / M. Osadchy. — Текст : elektronnyy // TASS : informatsionnoe agentstvo]. — URL: <https://tass.ru> (date of access: 10.02.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
3. Aepstein, M. Word of the year 2019. The Results / M. Aepstein. — 2019. [Slovo goda 2019. Itogi / M. Epshteyn. — Текст : elektronnyy // Snob. — 2019]. — URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/162528/> (date of access: 10.02.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

3. Эпштейн, М. Слово года 2019. Итоги / М. Эпштейн. — Текст : электронный // Сноб. — 2019. — URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/162528/> (дата обращения: 10.02.2020).

4. Moreno-Fernández, F. A Framework for Cognitive Sociolinguistic / F. Moreno-Fernández. — New York : Routledge, 2016. — 254 p. — Text : unmediated.

5. Канал Радио Свобода // YouTube : сайт. — URL: <http://bit.ly/2vQLCnh>. — Текст. Видео : электронные.

СЛОВАРИ

6. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Рус. яз., 1999. — URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc-16/> (дата обращения: 10.04.2020). — Текст : электронный.

7. Collins Dictionary. — URL: <http://www.collinsdictionary.com/> (date of access: 11.02.2020). — Text : electronic.

8. Merriam-Webster Dictionary. — URL: <https://www.merriam-webster.com/> (date of access: 20.02.2020). — Text : electronic.

9. On-line Dictionary. — URL: <http://dictionary.com/> (date of access: 10.02.2020). — Text : electronic.

DICTIONARIES

6. The Russian Language Dictionary / ed. A. P. Evgenievna. — Moscow : Rus. lang., 1999. [Slovar' russkogo yazyka / pod red. A. P. Evgen'evoy. — Moskva : Rus. yaz., 1999]. — URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc-16/> (date of access: 10.02.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

7. Collins Dictionary. — URL: <http://www.collinsdictionary.com/> (date of access: 11.02.2020). — Text : electronic.

8. Merriam-Webster Dictionary. — URL: <https://www.merriam-webster.com/> (date of access: 20.02.2020). — Text : electronic.

9. On-line Dictionary. — URL: <http://dictionary.com/> (date of access: 10.02.2020). — Text : electronic.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.111'42:811.111'38
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55
DOI 10.26170/pl20-05-05

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.04

Д. С. Гальчук

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

ORCID ID: —

 E-mail: sunnygirl.09@mail.ru.

Понятие «дискурс реагирования» в современной политической интернет-коммуникации: определение и свойства

АННОТАЦИЯ. В данной статье приведены результаты исследования политического интернет-дискурса реагирования, которые представлены в разработанной классификации свойств данного типа дискурса на примере анализа англоязычных реплик-реакций пользователей социальных сетей «Твиттер» и «Фейсбук». Цель исследования предполагает изучение понятия политического дискурса реагирования в сети Интернет и выделение ряда характерных для данного типа дискурса свойств. Дискурс реагирования рассматривается как неинституциональный вариант политического дискурса, приобретающая особые характеристики в связи с функционированием в политическом интернет-пространстве.

Актуальность работы обусловлена прежде всего возрастающим интересом к исследованию реакции на дискурс политика в условиях развития интернет-технологий, увеличения количества платформ коммуникации, глобализации и политизации общества, где все больше людей становится активными участниками политической жизни. В связи с этим дискурс реагирования приобретает большую популярность как среди реагирующих, так и среди политиков, которые являются инициаторами дискурса. Исследование проводилось на материале комментариев к постам президента США Д. Трампа за июль 2019 в «Facebook» и «Twitter» на тему проблем страны на южной границе с Мексикой. В рамках исследования было рассмотрено 1000 комментариев пользователей, отобранных методом сплошной выборки. В работе используются методы обобщения, сравнения и анализа научной литературы, интерпретации данных проведенного дискурс-анализа постов-реакций.

Теоретический анализ и обобщение литературы проводились с целью ознакомления со степенью разработанности проблемы дискурса реагирования в политической сфере в сети Интернет, с существующими на данный момент классификациями свойств как дискурса в целом, так и политического и интернет-дискурсов в частности. Для выявления особенностей структуры и содержания постов использовался структурно-содержательный, контекстуальный и сопоставительный анализ. В рамках контекстуального подхода был использован критический дискурс-анализ.

Проведенное исследование позволило разработать рабочее определение дискурса реагирования и выявить его свойства, что является целью данной статьи. Исследование показало, что дискурс реагирования в целом характеризуется как тип политического дискурса, которому присущи все общие свойства политической коммуникации. Однако условия и цели его функционирования в интернет-пространстве позволили выделить ряд специфических характеристик, таких как контекстуальность и структурная усложненность; неискренность; клиповость; мультимедийность; коллективная креативность; сценарно-модулируемый принцип.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация; Интернет; интернет-коммуникация; социальные сети; интернет-пространство; интернет-дискурс; интернет-тексты; политический дискурс; дискурс реагирования; английский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гальчук Дарья Сергеевна, аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; e-mail: sunnygirl.09@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гальчук, Д. С. Понятие «дискурс реагирования» в современной политической интернет-коммуникации: определение и свойства / Д. С. Гальчук // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 48-53. — DOI 10.26170/pl20-05-05.

В условиях опосредованности восприятия политической информации СМИ и Интернетом все большее значение приобретает дискурс, возникающий в ответ на политические события, а именно дискурс политических акторов. С одной стороны, это связано с важностью оценки того, насколько далеко политики могут зайти в своем желании удержать или получить власть, а с другой, это возможность отреагировать и показать

отношение электората к политике, его действиям и политической ситуации в целом.

Как отмечает П. Бурдье, мир конструируется политиками и описывается ими [Бурдье 1993: 102], так они выполняют данную им обществом функцию транслирования политически значимых сообщений. Вследствие этого за адресатом закрепляется прототипическая роль слушающего, а за политиком — прототипическая роль говорящего [Вино-

кур 1993: 114]. Стремительное развитие интернет-технологий поспособствовало появлению целого ряда интерактивных площадок для общения политиков с социальным адресатом, что не только увеличило поле речевого воздействия, но и привело к возможности заявить о себе у тех, кто раньше был лишь пассивным реципиентом. Л. Н. Синельникова называет реакцию одной из главных составляющих политического дискурса, которая рассматривается автором как психологическое явление, возникшее в ответ на внешний раздражитель (стимул) и связанное с мыслями, эмоциями, ощущениями адресата. Реагируя, коммуникант вступает в диалог, характеризующийся в политической коммуникации определенной напряженностью [Синельникова 2013].

В своей работе С. Н. Плотникова называет реакцию социального адресата на дискурс политика дискурсом реагирования. Так как это чаще всего дискурс непрофессионалов, то он находится не в дискурсивном ядре, как например институциональная его варианта, а на периферии [Плотникова 2005: 7]. Объектом дискурса реагирования служит текст, информирующий о каком-либо событии. Событие представляет собой совокупность репрезентатива (сообщения) и экспрессива (отношения к событию через его интерпретацию; см. рис. 1) [Синельникова 2013: 294].

По утверждению С. А. Домышевой, дискурс реагирования находится сразу в двух пространствах: политическом коммуникативном и политическом дискурсивном. Переход в дискурсивное пространство осуществляется за счет вступления дискурсивной личности в диалог и принятия на себя ответственности за содержание своего дискурса [Домышева 2008: 47—48].

В основе природы дискурса реагирования лежит его вторичность. Вторичность дискурса реагирования проявляется в развитии в нем темы исходного дискурса, его интерпретации и анализе, а также в повторяемости в нем дискурса политика. В когни-

тивном плане связь дискурса реагирования с политическим дискурсом-стимулом осуществляется «характерной для структурирования пространств обратной связью — кругообразными каузальными отношениями» [Там же: 11]. Содержательной основой становится весь дискурс политика, а не только часть, представленная в том или ином посте социальных сетей. В пространство реагирования может быть включено все, что было сделано или сказано политиком ранее, или те, с кем он так или иначе связан. В свою очередь, в структурном отношении дискурс реагирования подвергает дискурс-стимул значительной обработке и трансформациям. «Дискурс-стимул создает рядом с собой пространство для дискурса-реакции, который в свою очередь становится стимулом для следующего дискурса, и этот процесс формирования дискурсивного пространства продолжается до своих логических пределов» [Плотникова 2005: 155]. В широком смысле любой интернет-дискурс, появляющийся в Сети, уже вторичен, так как является реакцией на какое-то внешнее событие и одновременно выступает стимулом появления новых дискурсов. Текстовая мозаичность комментариев отражается в соединении интерпретативной части с иницирующим дискурсом. «Процедура интерпретации состоит в выдвижении и верифицировании гипотез о смысле выражения или текста (дискурса) в целом» [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1997: 31]. Дискурс реагирования реализуется посредством двух коммуникативных установок — вытеснения неудобного и замещения своим и материализуется в когнитивной цепочке: событие — восприятие — переработка сознанием — ответное действие [Плотникова, Домышева 2009].

Таким образом, вторичность дискурса реагирования обосновывается его зависимостью от иницирующего дискурса, подвергающегося в процессе интерпретации когнитивной обработке сознанием адресата с приращением новых смыслов и оценок (см. рис. 2).

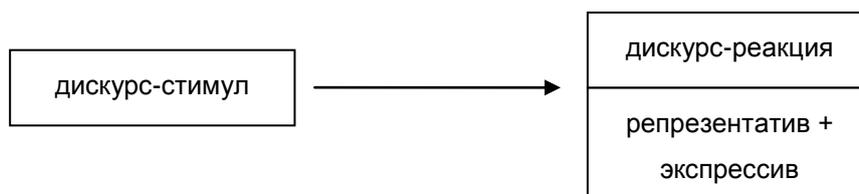

Рис. 1

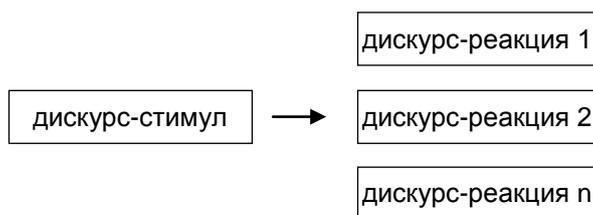

Рис. 2

Как отмечает С. А. Домышева, дискурс политика транслируется не какому-то конкретному адресату, но «каждому, кто захочет или будет вынужден стать адресатом» [Плотникова 2005: 22], т. е. множественному дистанцированному реципиенту. Реципиент воплощается в конкретных адресатах — авторах отдельных дискурсов. Учитывая тот факт, что интерпретаций одного и того же дискурса политика может быть неограниченное количество, а интерпретация носит субъективный характер, неотъемлемой чертой дискурса реагирования становится его множественность [Домышева 2008: 370].

Множественность и вторичность дискурса реагирования приводят к возникновению количественного дисбаланса между отправляющими и воспринимающими информацией. В совокупности с неоднородностью, разрозненностью и дистанцированностью во времени и пространстве множественность приводит к невозможности получить данные о том, сколько на самом деле пользователей принимают участие в дискуссиях, ведь один и тот же человек может выступать под различными именами, или же, наоборот, за одним и тем же никнеймом может скрываться несколько коммуникантов.

Таким образом, под дискурсом реагирования в политической сфере следует понимать дискурс непрофессионалов, мыслекommunikативную деятельность, в процессе которой происходит когнитивная обработка сознанием исходного дискурса с приращением к нему новых смыслов и оценок с последующей объективацией хранящихся в сознании ментальных структур в многочисленных репликах-реакциях, дискурс, характеризующийся структурной и содержательной зависимостью от инициирующего дискурса.

Систематизация теоретического материала по теме исследования показала, что дискурс реагирования в целом характеризуется как тип политического дискурса, которому свойственны все универсальные свойства политической коммуникации, такие как интертекстуальность, интердискурсивность, осознанность, диалогичность и др.

Так, согласно Р. Водак, политическая коммуникация обладает иррациональностью

и эмоциональностью, что, в свою очередь, обуславливает ее оценочность, пристрастность и аффективность. Кроме того, среди свойств политического дискурса можно отметить его идеологичность и терминологичность (Т. ван Дейк, Р. Водак, Э. В. Будаев, А. П. Чудинов, В. З. Демьянков, Е. И. Шейгал, Т. В. Юдина, А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич и др.).

Однако условия функционирования дискурса реагирования в сфере политического дискурса определяют и ряд дополнительных, специфических свойств. Новая когнитивная интернет-среда, несомненно, накладывает специфический отпечаток на формирующийся и функционирующий в ней дискурс реагирования. Анонимность, физическая непредставленность, временная и пространственная удаленность и другие свойства влияют на форму и содержание реакций пользователей.

Проведенный анализ позволил выделить ряд специфических характеристик современного англоязычного дискурса реагирования и расширить классификацию конституирующих свойств данного типа дискурса (Е. И. Горошко, Л. В. Павлова, О. В. Лутовинова, Л. Ю. Щипицына, D. Schiffrin, D. Crystal, Л. Ю. Иванов, Е. Н. Галичкина и др.).

Развитие Веб 2.0 изменило природу виртуальных текстов. Гипертекстуальность, свобода, мгновенность, устно-письменный характер коммуникации, высокая значимость параграфемных средств и другое привели к появлению такого свойства политического дискурса реагирования, как **(1) контекстуальной и структурной усложненности, или недискретности** [Гак 1998: 22].

Во-первых, это связано с переходом авторства в соавторство и соредактирование [Горошко, Павлова 2015: 123]. Текст «лишается завершенности, становится более диалогичным, объемным, полимодальным, динамичным и многослойным» [Там же]. Теперь контент создается самими пользователями. Помимо этого, высокая степень контекстуальности обуславливается также приближенностью компьютерно опосредованной коммуникации и дискурса реагирования в частности и зависит от фоновых знаний коммуникантов.

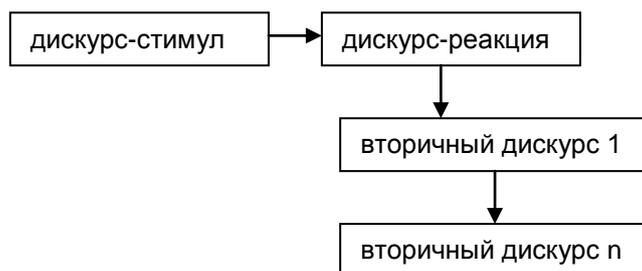

Рис. 3

Во-вторых, социальный адресат, высказывая свое мнение, провоцирует реакцию не только на дискурс политика, но и на свой собственный. Так индивидуальный и групповой дискурсы реагирования постепенно усложняют пространство политического дискурса, расширяя его в глубину и ширину, образуя вторичный дискурс реагирования, возникающий при реакции, например на дискурс журналистов [Домышева 2008].

Рассматривая дискурс реагирования как целое и как отдельное множество дискурсов реагирования, следует отметить такое его свойство, как **(2) клиповость**. Имеется в виду, что целостная картина положения дел в стране, определенной группе или сообществе возникает только при анализе всей совокупности дискурсов разрозненных адресатов, которые связывает между собой тот или иной иницирующий дискурс. Следует еще упомянуть фрагментарность и обрывочность отдельных дискурсов реагирования, что также определяется условиями функционирования дискурса реагирования в Интернете, равно как техническими особенностями выбранной для общения платформы или социальной сети [Аманова, Прилукова 2012].

Еще одним конституирующим свойством дискурса реагирования в сети Интернет становится **(3) мультимедиальность**. Виртуальная среда представляет собой совокупность знаков различных семиотических систем. Стремительное развитие и наполняемость сети Интернет привела к недостаточности языковых знаков для описания и интерпретации контекста. Для обозначения элементов, состоящих из вербальных и невербальных компонентов, Кресс и ван Лёвен вводят понятие мультимедиальности [Kress 2001]. Под мультимедиальным О. А. Блинова понимает «такой текст, восприятие которого требует от реципиента задействовать как минимум вербальный и зрительный каналы, а также в котором оба компонента (вербальный и визуальный) содержат ключевые элементы информации для декодирования смысла» [Блинова 2019: 79].

Невербальными компонентами дискурса реагирования могут служить видео, мем-

изображения, гиф-изображения, аудиозаписи, эмоджи.

С явлением мультимедиальности непосредственно связано такое свойство дискурса реагирования, как **(4) коллективная креативность**. Как отмечает в своей работе С. А. Домышева, хотя дискурс реагирования вторичен, это отнюдь не означает его структурное и содержательное рабство [Домышева 2008: 86]. Высокий уровень самостоятельности и креативности, особенно лингвистического характера, обусловлен, во-первых, особенностями функционирования дискурса реагирования в интернет-среде и, во-вторых, тем фактом, что сегодня общество менее привязано к мнению властей (less authority-bound) и менее статусно ориентировано, нежели ранее, когда мнения вышестоящих не подвергались сомнению и незамедлительно принимались на веру [Домышева 2008; Micheletti 2006]. Для реакций нет единого шаблона оформления, кроме ограничений, установленных той или иной платформой коммуникации. Пользователи не следуют правилам орфографии и не обращают внимания на статус инициатора дискурса [Crystal 2001].

(5) Игровой и сценарно-модулируемый характер дискурса реагирования обусловлен в первую очередь театральностью политического дискурса в целом, а во-вторых, вторичностью дискурса реагирования, что уже подразумевает его зависимость от задуманного адресантом сценария, несмотря на сложность прогнозирования результата от иницирующего дискурса. Наличие зрителя, или «адресата-молчальника», усиливает эффект шоу [Бурдые 1993].

Таким образом, дискурс реагирования можно рассматривать как лично и/или коллективно модифицированный тип дискурса, характеризующийся структурным и содержательным единством с иницирующим дискурсом, состоящий из вербальных и невербальных компонентов и носящий клиповый характер. Функционирование дискурса реагирования в политической сфере и его опосредованность сетью Интернет обуславливают наличие в нем свойств как политиче-

ского, так и интернет-дискурса. Анализ постов-реакций позволил выявить ряд конститутивных свойств дискурса реагирования: контекстуальная и структурная усложненность/недискретность, клиповость, мультимедиальность, креативность и игровой и сценарно-модулируемый характер. Данная классификация не претендует на завершенность и является попыткой систематизировать существующие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аманова, Л. М. О роли массмедиа в политической социализации / Л. М. Аманова, Е. Г. Прилукова. — Текст : непосредственный // Социум и власть. — 2012. — № 2. — Вып. 34. — С. 14—16.
2. Блинова, О. А. Мульти-modalность в сетевом политическом дискурсе: интернет-мемы о независимости Шотландии / О. А. Блинова. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 79—93.
3. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые; пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. — Москва : Socio-Logos, 1993. — 336 с. — Текст : непосредственный.
4. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. — Москва : Наука, 1993. — 171 с. — Текст : непосредственный.
5. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. — 200 с. — Текст : непосредственный.
6. Горошко, Е. И. Трансформация текста под воздействием жанровой системы социальных медиасервисов коммуникативного интернет-пространства (на материале англоязычных политических сайтов) / Е. И. Горошко, Л. В. Павлова. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — 2015. — № 1 (11). — С. 122—136.
7. Демьянков, В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания / В. З. Демьянков. — Текст : непосредственный // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1981. — Т. 40. — № 4. — С. 368—377.

D. S. Gal'chuk

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

ORCID ID: —

E-mail: sunnygirl.09@mail.ru.

The Notion of “discourse of response” in Modern Political Internet Communication: Definition and Typical Features

ABSTRACT. *The article contains the results of a study of political Internet discourse of response, which are presented as a classification of the properties of this type of discourse on the example of English-language response utterances of users of the social networking sites Twitter and Facebook. The aim of the study presupposes exploration of the notion of political discourse of response over the Internet and identification of a number of properties typical of this kind of discourse. Discourse of response is looked upon as a non-institutional variant of political discourse that acquires new specific features in connection with functioning in the political Internet space.*

The urgency of this research can be attributed to the growing interest in studying response to a politician's discourse under the conditions of Internet technologies development, increase of the number of communication platforms and globalization and politicization of the society in which more and more people become active participators of political life. In this connection, discourse of response becomes more popular both among those who respond and the politicians initiating discourse. The study was carried out on the material of comments to the posts of US President D. Trump published in July 2019 on Facebook and Twitter on the topic of problems on the southern border with Mexico. 1000 comments of users were chosen by the method of continuous sampling. The study uses the methods of generalization, comparison and analysis of scientific literature and interpretation of the data obtained in the course of discourse analysis of response posts.

The theoretical analysis and the generalization of literature were conducted in order to find out the degree of development of the problem of discourse of response in the political sphere in the Internet and to get acquainted with the existing classifications of the properties of both discourse on the whole and the political and Internet discourses in particular. To reveal the specific features of the structure and the content of the posts, the author uses structural-semantic, contextual and comparative analyses. Critical discourse analysis was used in the framework of the contextual approach.

The study allowed the author to create a working definition of the discourse of response and to reveal its main properties, which comes in line with the aims of this article. The study has shown that discourse of response in general is character-

8. Домышева, С. А. Политический дискурс в пространстве дискурса реагирования (на материале британской и американской прессы за 2000—2007 годы) : дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2008. — 188 с. — Текст : непосредственный.

9. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — Москва : Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. — 245 с. — Текст : непосредственный.

10. Плотникова, С. Н. Политик как конструктор дискурса реагирования / С. Н. Плотникова. — Текст : непосредственный // Политический дискурс в России: святые без житий : материалы постоянно действующего семинара. — Москва : МАКС Пресс, 2005. — Вып. 8. — С. 22—26.

11. Плотникова, С. Н. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования / С. Н. Плотникова, С. А. Домышева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2009. — № 1 (27). — С. 104—109.

12. Плотникова, С. Н. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия / С. Н. Плотникова. — Текст : электронный // MagisterDixit : электрон. науч.-пед. журн. Восточной Сибири — Иркутск : ИГЛУ, 2011. — № 2 (6). — URL: <http://md.islu.ru/>.

13. Синельникова, Л. Н. Дискурс реагирования: неориторическая модель политической коммуникации / Л. Н. Синельникова. — Текст : непосредственный // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». — Симферополь, 2013. — Т. 26 (65). — С. 293—299.

14. Crystal, D. Language and the Internet / David Crystal. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2001. — 272 p. — Text : unmediated.

15. Kress, G. R. Multimodal Discourse: The modes and media of contemporary communication / G. R. Kress, T. Van Leeuwen. — London : Edward Arnold, 2001. — 152 p. — Text : unmediated.

16. Micheletti, M. Communication and political understanding as political participation / M. Micheletti. — Text : unmediated // State of welfare: Politics, policies and parties in the post-national welfare society (1-15) / M. Edwards, C. Linde, A. Segerberg (eds.). — Stockholm : Stockholm University, 2006.

17. Mullen, T. Taking sides: User classification for informal online political discourse / T. Mullen, R. Malouf. — Text : unmediated // Internet Research. — 2008. — Vol. 18. — P. 177—190.

ized as a type of political discourse which has all general properties of political communication. Yet the conditions and the aims of its functioning over the Internet space make it possible to single out a number of specific features, such as contextual and structural complexity; non-discretion; clip-like form; multimodality; collective creativity and the principle of script modulation.

KEYWORDS: political communication; Internet; Internet communication; social networks; Internet space; Internet discourse; Internet texts; political discourse; discourse of response; English language.

AUTHOR'S INFORMATION: Gal'chuk Dar'ya Sergeevna, Post-Graduate Student, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Gal'chuk, D. S. The Notion of “discourse of response” in Modern Political Internet Communication: Definition and Typical Features / D. S. Gal'chuk // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 48-53. — DOI 10.26170/pl20-05-05.

REFERENCES

- Amanova, L. M. On the Role of Mass Media in Political Socialization / L. M. Amanova, E. G. Prilukova. — Text : unmediated // Society and Power. — 2012. — No. 2. — Iss. 34. — P. 14—16. [O roli massmedia v politicheskoy sotsializatsii / L. M. Amanova, E. G. Prilukova. — Tekst : neposredstvennyy // Sotsium i vlast'. — 2012. — № 2. — Vyp. 34. — S. 14—16]. — (In Rus.)
- Blinova, O. A. Multimodality in the Network Political Discourse: Internet Memes about the Independence of Scotland / O. A. Blinova. — Text : unmediated // Scientific Dialogue. — 2012. — No. 10. — P. 79—93. [Mul'timodal'nost' v setevom politicheskom diskurse: internet-memy o nezavisimosti Shotlandii / O. A. Blinova. — Tekst : neposredstvennyy // Nauchnyy dialog. — 2019. — № 10. — S. 79—93]. — (In Rus.)
- Burd'e, P. Sociology of Politics / P. Bourdieu ; transl. from Fr., comp., total. editorship and foreword by N. A. Shmatko. — Moscow : Socio-Logos, 1993. — 336 p. — Text : unmediated. [Sotsiologiya politiki / P. Burd'e ; per. s fr., sost., obshch. red. i predisl. N. A. Shmatko. — Moskva : Socio-Logos, 1993. — 336 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Vinokur, T. G. Speaking and Listening: Options for Speech Behavior / T. G. Vinokur. — Moscow : Science, 1993. — 171 p. — Text : unmediated. [Govoryashchiy i slushayushchiy: varianty rechevogo povedeniya / T. G. Vinokur. — Moskva : Nauka, 1993. — 171 s. — Tekst : neposredstvennyy].
- Gak, V. G. Language Transformations / V. G. Gak. — Moscow : School “Languages of Russian Culture”, 1998. — 200 p. — Text : unmediated. [Yazykovye preobrazovaniya / V. G. Gak. — Moskva : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1998. — 200 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Goroshko, E. I. Text Transformation under the Influence of the Genre System of Social Media Services of the Communicative Internet Space (based on the material of English-language political sites) / E. I. Goroshko, L. V. Pavlova. — Text : unmediated // Genres of Speech. — 2015. — No. 1 (11). — P. 122—136. [Transformatsiya teksta pod vozdeystviem zhanrovoy sistemy sotsial'nykh mediaservisov kommunikativnogo internet-prostranstva (na materiale angloyazychnykh politicheskikh saytov) / E. I. Goroshko, L. V. Pavlova. — Tekst : neposredstvennyy // Zhanry rechi. — 2015. — № 1 (11). — S. 122—136]. — (In Rus.)
- Dem'yankov, V. Z. Pragmatic Foundations of the Interpretation of the Statement / V. Z. Demyankov. — Text : unmediated // News of the USSR Academy of Sciences. Ser. lit. and lang. — 1981. — Vol. 40. — No. 4. — P. 368—377. [Pragmaticheskie osnovy interpretatsii vyskazyvaniya / V. Z. Dem'yankov. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya AN SSSR. Ser. lit. i yaz. — 1981. — T. 40. — № 4. — S. 368—377]. — (In Rus.)
- Domyшева, S. A. Political Discourse in the Space of Reaction Discourse (based on the material of the British and American press for 2000—2007) : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences. — Irkutsk, 2008. — 188 p. — Text : unmediated. [Politicheskyy diskurs v prostranstve diskursa reagirovaniya (na materiale britanskoy i amerikanskoy pressy za 2000—2007 gody) : dis. ... kand. filol. nauk. — Irkutsk, 2008. — 188 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Kubryakova, E. S. A Short Dictionary of Cognitive Terms / E. S. Kubryakova, V. Z. Demyankov, Yu. G. Pankrats, L. G. Luzina. — Moscow : Faculty of Philology, Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov, 1997. — 245 p. — Text : unmediated. [Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'yankov, Yu. G. Pankrats, L. G. Luzina. — Moskva : Filologicheskyy fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. — 245 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
- Plotnikova, S. N. Politician as a Constructor of the Discourse of Reaction / S. N. Plotnikova. — Text : unmediated // Political Discourse in Russia: Saints without Lives : materials of a permanent seminar. — Moscow : MAKS Press, 2005. — Iss. 8. — P. 22—26. [Politik kak konstruktor diskursa reagirovaniya / S. N. Plotnikova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskyy diskurs v Rossii: svyatye bez zhitiy : materialy postoyanno deystvuyushchego seminar. — Moskva : MAKS Press, 2005. — Vyp. 8. — S. 22—26]. — (In Rus.)
- Plotnikova, S. N. Political Discourse Space: Principles of Structuring / S. N. Plotnikova, S. A. Domyшева. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2009. — No. 1 (27). — P. 104—109. [Politicheskoe diskursivnoe prostranstvo: printsipy strukturirovaniya / S. N. Plotnikova, S. A. Domyшева. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2009. — № 1 (27). — S. 104—109]. — (In Rus.)
- Plotnikova, S. N. Discursive Space: to the Problem of Definition of the Concept / S. N. Plotnikova. — Text : electronic // MagisterDixit : electron. scientific-ped. magazine. of Eastern Siberia. — Irkutsk : IGLU, 2011. — No. 2 (6). [Diskursivnoe prostranstvo: k probleme opredeleniya ponyatiya / S. N. Plotnikova. — Tekst : elektronnyy // MagisterDixit : elektron. nauch.-ped. zhurn. Vostochnoy Sibiri — Irkutsk : IGLU, 2011. — № 2 (6)]. — URL: <http://md.islu.ru/>.
- Sinel'nikova, L. N. Discourse of Reaction: a Non-rhetorical Model of Political Communication / L. N. Sinelnikova. — Text : unmediated // Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Tavrichesky National University. Ser. “Philology. Social communications”. — Simferopol, 2013. — Vol. 26 (65). — P. 293—299. [Diskurs reagirovaniya: neoritoricheskaya model' politicheskoy kommunikatsii / L. N. Sinel'nikova. — Tekst : neposredstvennyy // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ser. «Filologiya. Sotsial'nye kommunika-tsii». — Simferopol', 2013. — T. 26 (65). — S. 293—299]. — (In Rus.)
- Crystal, D. Language and the Internet / David Crystal. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2001. — 272 p. — Text : unmediated.
- Kress, G. R. Multimodal Discourse: The modes and media of contemporary communication / G. R. Kress, T. Van Leeuwen. — London : Edward Arnold, 2001. — 152 p. — Text : unmediated.
- Micheletti, M. Communication and political understanding as political participation / M. Micheletti. — Text : unmediated // State of welfare: Politics, policies and parties in the post-national welfare society (1-15) / M. Eduards, C. Linde, A. Segerberg (eds.). — Stockholm : Stockholm University, 2006.
- Mullen, T. Taking sides: User classification for informal online political discourse / T. Mullen, R. Malouf. — Text : unmediated // Internet Research. — 2008. — Vol. 18. — P. 177—190.

В. В. Данилина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-0894-4298

 E-mail: varvara.danilina@gmail.com.

Политическая речь в космической сфере: риторический анализ публичных выступлений руководителя космического агентства (на примере Администратора NASA Дж. Брайденстайна)

АННОТАЦИЯ. Речь руководителей космической отрасли является по своей сути политической и может быть рассмотрена с точки зрения политической риторики. Это особенно важно с учетом обилия информации о космической деятельности и ее влияния на общественное мнение в космических державах и на международную коммуникацию. Цель данной статьи — расширить область исследований по политической риторике за счет рассмотрения выступлений руководителя космического агентства и проверить применимость методов риторической критики и риторического политического анализа к таким выступлениям. Автор использовал два выступления Администратора NASA Дж. Брайденстайна и проанализировал их с точки зрения риторического контекста и образа ратора, риторической аргументации (пафоса и логоса речи) и риторических последствий. Анализ показал оправданность такого подхода при изучении первого выступления Дж. Брайденстайна на общем собрании сотрудников NASA в качестве нового Администратора в мае 2018 г. и его речи «О положении NASA» в феврале 2020 г. Оба выступления относятся к сформировавшимся жанрам, но отклоняются от принятого формата в силу особенностей риторического контекста, оба выступления ориентированы на формирование определенного образа ратора, но с разными характеристиками, в обоих случаях ратор использует нарративы, метафоры и другие риторические средства, в обоих случаях удалось проанализировать реакции аудитории, освещение выступления в СМИ и последующие события. Дальнейшие исследования могут быть посвящены сравнительному анализу двух и более риторических произведений одного жанра, образа ратора, формируемого разными речами, логики, композиции и словесного выражения в выступлениях нескольких лидеров космической отрасли или одного лидера перед различными аудиториями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая риторика; политическая речь; речевая деятельность; риторическая критика; риторический анализ; риторический политический анализ; космическая отрасль; политические деятели; английский язык; публичные выступления.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Данилина Варвара Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры экономики и управления в космической отрасли, факультет космических исследований, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Москва, Ленинские горы, д.1, стр. 52, 2-й уч. корп.; e-mail: varvara.danilina@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Данилина, В. В. Политическая речь в космической сфере: риторический анализ публичных выступлений руководителя космического агентства (на примере Администратора NASA Дж. Брайденстайна) / В. В. Данилина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 54-71. — DOI 10.26170/pl20-05-06.

ВВЕДЕНИЕ

Космическая отрасль развивается настолько быстро, что воспринять, проанализировать и оценить всю информацию, идущую от представителей органов государственной власти разных стран, коммерческих организаций, космонавтов/астронавтов, технических специалистов, ученых, журналистов, блогеров и других раторов, не представляется возможным. Поэтому особенно важно понять, как лица, принимающие решения в области космической деятельности, направляют внимание широкой общественности и специалистов космической отрасли на определенные идеи, доказывают свои утверждения, оказывают эмоциональное воздействие на аудиторию во время публичных выступлений. Понимание риторических стратегий руководителей космической от-

расли ключевых космических держав, в частности США, поможет найти пути повышения эффективности международной коммуникации в данной сфере.

Лица, принимающие ключевые решения в космической отрасли США и России, включают президентов, вице-президента США, Председателя Правительства России, других представителей органов исполнительной власти, членов Конгресса США и Федерального собрания России. Немаловажную роль в принятии решений и донесении их до целевых аудиторий играют руководители космических агентств — Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (NASA) и Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос». Эти структуры входят в систему органов государственной вла-

сти своих стран: Госкорпорация «Роскосмос» имеет статус уполномоченного органа управления в космической отрасли [Правительство России], а NASA является независимым государственным агентством [United States Government]. Соответственно, руководителей космических агентств можно считать представителями государственной власти, а их публичные выступления классифицировать как политическую речь и изучать с точки зрения политической риторики.

Политическая риторика понимается как «наука о специфике, правилах и законах речевой деятельности в области политики», изучающая «способы эффективного и целесообразного построения политической речи» [Аннушкин 2009: 183]. Термин «политический дискурс» в данной статье намеренно не используется в связи с его многозначностью и многоаспектностью: если в своем вербальном аспекте политический дискурс включает политические документы, выступления политических деятелей, политические дебаты, дискуссии и переговоры [Минаева 2019: 7—8] и может рассматриваться как синоним политической речи, то дискурс в других своих аспектах выходит за рамки риторического исследования.

Виды устной и письменной политической речи, изучаемые политической риторикой, зависят от формы правления и различаются в разных странах и в разные исторические периоды. Как установил профессор В. И. Аннушкин, риторика в целом меняется «во время ломки и перестройки общественного сознания, формирования нового стиля жизни» [Аннушкин 2009: 203], а для политической риторики это вдвойне верно в связи со сменой риториков, адресатов и видов речи в результате политических преобразований. Если до начала XX в. главным политическим ритором в России был монарх, то под влиянием революции 1905 г. круг политических риториков расширился, появились парламентская и гражданская речь и возможность их изучать [Попов 1906]. Но в 1930-х гг. существовавшая ранее риторика была объявлена «политически враждебной» наукой и почти вытеснена теорией «пролетарской публичной речи» [Гофман 1932: 5—6], пропаганды и агитации.

В первое десятилетие постсоветской России, в начале последнего на сегодняшний день периода в развитии российской политической риторики, ученые обратились к проблеме взаимосвязи речи и власти [Михальская 1996; Данилина 1998], появились первые научные публикации, посвященные современной российской парламентской и президентской речи [Ширяев, Граудина, Ла-

зуткина, Виноградов 1994; Ильин, Кадацкий, Никифоров, Пихоя 1999], объектом риторических исследований стали предвыборные материалы [Хазагеров 2002: 217—272].

В последние годы интерес к политической риторике в России существенно возрос. По состоянию на январь 2020 г. поисковый запрос в Научной электронной библиотеке [eLibrary] по статьям, книгам и материалам конференций, опубликованным за последние пятнадцать лет (с 2005 по 2019 г.) и содержащим словосочетание «политическая риторика» в названиях, аннотациях и/или ключевых словах, дает 221 результат. Интересно, что 73 % этих публикаций, 161 из 221, приходится на последние пять лет. Та же тенденция проявляется в результатах поиска в eLibrary по запросу «политическая речь»: 156 публикаций за последние пятнадцать лет, из которых 112 появились с 2015 г.

Необходимо отметить, что и русское словосочетание «политическая риторика», и его английский эквивалент «political rhetoric» зачастую используются не в значении науки о политической речи, а в переносном смысле, как, например, в аннотации статьи о возможном военном конфликте в космосе на низкой околоземной орбите: «Combat in near-Earth orbit is emerging as a more realistic possibility. The argument here is that changes in space technologies combined with a sea change in *political rhetoric* is bringing the possibility of military conflict in space technologies» [Handberg 2018: 176] — «Конфликт на низкой околоземной орбите становится все более вероятным. В статье утверждается, что изменения в космических технологиях в сочетании с кардинальной сменой *политической риторики* делают возможным военный конфликт в сфере космических технологий» (здесь и далее перевод англоязычных источников выполнен автором. — В. Д.). Публикации, в которых политическая риторика упоминается в подобном контексте, появляются в результатах поиска по базам данных научного цитирования наряду со статьями по теории и практике политической речи. Но поскольку эти публикации обычно не относятся к области риторики как науки, при дальнейшем обзоре литературы они не учитываются.

В современных российских научных публикациях по политической риторике, содержащихся в eLibrary, исследуются в основном различные аспекты политической речи в целом [Михальская 2018], президентская речь [Корецкая 2017], парламентская речь [Гаврилова 2017], речь губернаторов [Матюненко 2018], предвыборная речь [Нечаева 2017]. При этом речь руководителей органов ис-

полнительной власти или государственных корпораций с функцией органов управления остается за пределами внимания исследователей. В *eLibrary* была найдена только одна статья, посвященная анализу стенограмм заседаний Правительства России [Яппарова 2016], и тезисы доклада того же автора.

В американской политической риторике объектом исследования также служат в основном президентская, парламентская и предвыборная речь. В международной базе данных «Web of Science Core Collection» [Web of Science] по запросу «political rhetoric» было найдено множество публикаций ученых из американских университетов по широкому кругу вопросов, включая книгу «Political Rhetoric» [Stuckey 2017], посвященную президентской речи, статьи последних лет, представляющие исследования речи президентов Д. Трампа [Rountree 2019] и Б. Обамы [Johnson 2017], речевых средств в парламентских дебатах [Strauss 2013], выступлений членов Комитета Сената по энергетике и природным ресурсам [Iliev, Huang, Gel 2019], выступлений Д. Трампа в качестве кандидата в президенты [Lamont, Park, Ayala-Hurtado 2017], политической рекламы во время избирательных кампаний [Lipsitz 2018], предвыборных дебатов [Conway, Gornick, Burfeind, Mandella, Kuenzli, Houck et al. 2012], и другие работы. Исследований речи представителей органов исполнительной власти (за исключением президентов) и публичных выступлений, связанных с космической деятельностью, в результатах поиска по запросу «political rhetoric» обнаружено не было. По другим запросам была найдена единственная статья, представляющая анализ политической речи в сфере космической деятельности: дебатов по космической политике в британском парламенте [Kelso 2016].

Для исследования разных видов речи, в том числе политической, филологи часто используют риторический анализ. Наиболее авторитетным образцом риторического анализа в российской науке можно считать анализ речи В. Д. Спасовича по делу Кроненберга в книге академика В. В. Виноградова «О художественной прозе» [Виноградов 1930]. В. В. Виноградов анализирует текст выступления адвоката как «беллетристическую форму» [Виноградов 1930: 109], оставляя просодические и кинетические аспекты речи за рамками исследования. В основе анализа — три аспекта образа ратора, создаваемого В. Д. Спасовичем: образы («лики») «исследователя», повествователя и защитника [Виноградов 1930: 114—115]. Риторические аргументы, используемые лексико-синтаксические средства и воздействие на

аудиторию рассматриваются через призму этих трех образов. Образ ратора занимает также центральное место при аналитическом рассмотрении отклика Ф. М. Достоевского на речь В. Д. Спасовича [Виноградов 1930: 145—176]. Помимо образцов риторического анализа, предложенных В. В. Виноградовым, в трудах российских ученых можно найти множество других примеров аналитического разбора риторических произведений.

В США риторический анализ активно развивается в рамках направления, называемого риторической критикой (*rhetorical criticism*), с 20-х гг. XX в., когда была опубликована статья Г. Вичелнза «Литературная критика ораторского искусства», и включает большое количество методов и подходов: «неоклассический метод», опирающийся на понятия, введенные Аристотелем, Цицероном и Квинтилианом, для анализа эффективности речи в определенном контексте для определенной аудитории; «жанровую критику», основанную на определении типов ситуаций, связанных с ними условий, содержательных и стилистических характеристик речи, отражающих условия ситуации; «метафорную критику», позволяющую проанализировать и оценить использование метафор как инструмента передачи мысли и воздействия на аудиторию; «нарративный метод», в котором в качестве главного аспекта коммуникации выделяется рассказывание историй, повествование, и оценивается реакция аудитории на анализируемое повествование; «мифологическую критику», направленную на выявление смысла публичной речи или иного произведения, в котором используется миф или аллюзия на миф, и многие другие [Смолененкова 2018: 37—83].

При исследовании публичных выступлений руководителя космического агентства США частично использована схема анализа, разработанная В. В. Смолененковой на основе российской риторической теории и с учетом накопленного российского и американского опыта риторического анализа / риторической критики [Смолененкова 2018: 100—174]. В основе рассматриваемого подхода к анализу риторического произведения — понятия «этос», «пафос» и «логос», занимающие центральное место в теории риторики. В современной российской риторике этос понимается как условия, зависящие от адресата речи, пафос отождествляется с замыслом ратора, его намерением, а логос трактуется как словесные средства, служащие для реализации замысла: «этос создает условия для речи, пафос — источник создания

смысла речи, а логос — словесное воплощение пафоса на условиях этоса» [Рождественский 2004: 66].

В американской риторике эти термины определяются иначе: в авторитетном «Справочнике риторических терминов» Р. Лэнэма этос толкуется как характер ратора либо как эмоции, выражаемые ритором; пафос объясняется как способы эмоционального воздействия на аудиторию либо как эмоции, внушаемые аудитории; понятие «логос» связывается с языком, выражением мысли в речи или частью мироздания, которая может быть описана при помощи языка [Lanham 1991: 96, 111]. В том же справочнике этос, пафос и логос отождествляются с тремя способами убеждения, выделенными в «Риторике» Аристотеля [Lanham 1991: 122]: «Одни из них определяются нравом говорящего, другие — тем или иным настроением слушателя, третьи — самой речью с ее истинной или мнимой убедительностью» [Аристотель 2000: 9].

Для изучения политической речи, в том числе в сфере космической деятельности, актуально также сравнительно новое направление, сформировавшееся в британской и австралийской политической науке и получившее название «rhetorical political analysis», то есть «риторический политический анализ» [Finlayson 2007; Finlayson, Martin 2008; Atkins, Finlayson 2013; Martin 2015; Atkins, Finlayson 2016; Crines, Heppell, Hill 2016; Grube 2016; Crines, Heppell 2017; Walter 2017; Price-Thomas, Turnbull 2018].

Представители этого направления анализируют содержание и форму публичной аргументации в контексте конкретных речевых ситуаций с учетом особенностей жанра риторического произведения, а также оценивают последствия речи [Finlayson 2007: 554—556; Martin 2015: 33—39]. Как и в риторической критике, важное место в риторическом политическом анализе занимают классические риторические категории «этос», «пафос» и «логос», понимаемые как убеждение при помощи характера говорящего, эмоционального воздействия на слушателей и логической либо квазилогической аргументации [Finlayson 2007: 557—558; Crines, Heppell, Hill 2016: 72, 74, 79]. При рассмотрении речевых средств большое внимание уделяется метафорам и нарративам, т. е. историям из жизни самого ратора или других людей, включаемым в политические выступления [Finlayson 2007: 557—559; Atkins, Finlayson 2013: 161—174]. Таким образом, риторический политический анализ пересекается сразу с несколькими направлениями американской риторической критики: нео-

классическим, жанровым, метафорным и нарративным методами.

В статьях по риторическому политическому анализу можно найти примеры подробного разбора текстов публичных выступлений. В ходе анализа речи Т. Блэра на конференции Лейбористской партии А. Финлейсон и Дж. Мартин поясняют политический контекст (последняя речь лидера на партийной конференции в качестве премьер-министра) и жанровые особенности выступлений на партийных конференциях, показывая, как под влиянием данного контекста проявляется и модифицируется специфика жанра; рассматривают содержание аргументации, тропы (метафоры) и фигуры речи (антитезы), касаясь при этом образа ратора и выстраиваемых отношений между ритором и аудиторией; выявляют намерения ратора и последствия выступления в плане реакции слушателей и откликов в СМИ [Finlayson, Martin 2008: 453—460].

Анализируя известную речь британского политика Дж. Э. Пауэлла «Реки крови» о проблеме иммиграции, Э. Крайнз, Т. Хэппелл и М. Хилл используют схожую последовательность рассмотрения: вначале описывают политический контекст (развитие отношения к иммиграции среди британских избирателей, политиков из Консервативной партии и, в частности, у самого Дж. Э. Пауэлла до момента произнесения речи, а также положение Дж. Э. Пауэлла в правительстве и затем теном кабинете консерваторов), после этого переходят к анализу убеждения при помощи образа ратора и средств эмоционального и рационального воздействия (использования статистики, нарративов, отражающих опыт слушателей, риторических вопросов, метафор, антитез), а в конце обращаются к ближайшим и отдаленным последствиям выступления [Crines, Heppell, Hill 2016: 75—90].

В настоящей статье совмещаются подходы к исследованию риторических произведений, используемые в риторической критике и в риторическом политическом анализе.

1. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили публичные выступления Администратора NASA Дж. Брайденстайна перед сотрудниками NASA и широкой общественностью.

Дж. Брайденстайн стал Администратором NASA 23 апреля 2018 г., после того как его кандидатура, внесенная Президентом Д. Трампом, была утверждена Сенатом США. Дж. Брайденстайн окончил Университет Райса с дипломом по трем специальностям и престижный Корнеллский универси-

тет, где получил степень магистра делового администрирования. Он служил военным летчиком, затем директором Аэрокосмического музея и планетария г. Талса, штат Оклахома, с 2012 г. был членом Палаты представителей Конгресса США от штата Оклахома, входил в комитеты Палаты представителей по вооруженным силам и по науке, космосу и технологиям [NASA. NASA Leadership].

В настоящей статье представлены результаты анализа двух риторических произведений:

1. Первого выступления Дж. Брайденштейна на общем собрании сотрудников NASA в качестве нового Администратора 17 мая 2018 г. Видеозапись размещена на официальном канале *YouTube NASA* [NASA Video 2018, May 17].

2. Выступления Дж. Брайденштейна 10 февраля 2020 г. в Космическом центре имени Стенниса «О положении NASA». Видеозапись выступления доступна на официальном канале *YouTube NASA* [NASA 2020, February 10].

Выступление 17 мая 2018 г. интересно тем, что это одно из самых ранних публичных выступлений Дж. Брайденштейна перед сотрудниками NASA. До этого он выступал только с 3-минутной благодарственной «инаугурационной речью» во время церемонии вступления в должность. В отличие от «инаугурационной речи», выступление 17 мая, скорее всего, не было написано спичрайтерами. По крайней мере, риторю удалось создать впечатление искреннего и живого диалога с аудиторией, что было особенно важно в условиях возможного недоверия и скептического отношения аудитории к директору аэрокосмического музея и конгрессмену, назначенному руководителем космического агентства. Сенат больше полугода не утверждал Дж. Брайденштейна в должности Администратора NASA, во многом из-за того, что он являлся политиком, а не специалистом космической отрасли, и из-за его отношения к влиянию антропогенных факторов на изменение климата [Foust 2018, April 19; Bartels 2018, March 22].

Выступление «О положении NASA» 20 февраля 2020 г. — одна из последних публичных речей Дж. Брайденштейна на момент написания статьи. Речь была произнесена перед сотрудниками Космического центра имени Стенниса, но рассчитана на широкую общественность. Текст выступления размещен на официальном сайте NASA с пометкой «*prepared remarks*» («подготовленная версия»), показывающей, что он был подготовлен заранее в письменном виде, скорее всего, с привлечением спичрайтеров [NASA. Administrator Bridenstine's Speeches].

Выбранные для анализа риторические произведения были исследованы с помощью методов риторической критики и риторического политического анализа.

Риторическая критика включает:

– «анализ этоса речи» как условий, заданных историко-политическим контекстом, местом, поводом и связанным с ними жанром речи, характером и объемом аудитории, а также образом ратора, существующим в сознании аудитории до начала речи и меняющимся в процессе выступления;

– «анализ пафоса речи» как эмоциональной составляющей замысла ратора (императива, целевой установки, намерения убедить аудиторию, вызвать эмоциональную реакцию, побудить к действию), а также состава и средств формирования речевых эмоций, вызываемых у аудитории по отношению к предмету речи и к риторике;

– «анализ логоса речи» как содержания и формы выражения идейной составляющей замысла ратора, где анализ содержания включает выявление и оценку тезы (главной идеи) и аргументации, используемой для ее обоснования, а анализ формы — рассмотрение композиции и стиля речи;

– анализ последствий речи: ближайших последствий в виде эффективности для оратора, аудитории и, возможно, третьих лиц и отдаленных последствий в виде общественного влияния и культурного вклада [Смоленкова 2018: 104—166].

В риторическом политическом анализе выделяются три этапа исследования:

– анализ «риторического контекста», то есть повода, места и времени выступления, проблем, повлекших за собой необходимость выступления, более широких обстоятельств, в которых происходит речевое взаимодействие. Риторический контекст определяет жанр выступления и связанные с жанром ожидания аудитории, которые ритор может нарушить в силу обстоятельств;

– анализ «риторической аргументации», предполагающий всестороннее исследование самой речи: способов убеждения, расположения (композиции), словесного выражения и произнесения;

– анализ «риторических последствий»: какие изменения произошли в результате выступления, были ли решены существовавшие проблемы, стали ли возможны определенные действия. Как и в риторической критике, учитываются и ближайшие, и отдаленные последствия выступления [Martin 2015: 34—35].

Этапы риторического политического анализа пересекаются с этапами анализа, выделяемыми в риторической критике. Эти методы дополняют друг друга и могут быть

использованы одновременно. Конкретное содержание исследования в каждом случае определяется самим риторическим произведением, но использование общего алгоритма позволяет сопоставить результаты исследования разных риторических произведений и сделать выводы.

2. ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ДЖ. БРАЙДЕНСТАЙНА НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ СОТРУДНИКОВ NASA В КАЧЕСТВЕ НОВОГО АДМИНИСТРАТОРА 17 МАЯ 2018 Г.

2.1. Риторический контекст и образ ритора (этос речи)

Дж. Брайденстайн впервые выступил на общем собрании сотрудников NASA меньше чем через месяц после своего вступления в должность Администратора. Общие собрания коллектива, называемые «town hall», проводятся в NASA довольно давно. Подобное собрание сотрудников NASA проводил, например, Администратор Ш. О'Киф еще в 2003 г. [C-Span 2003, April 25].

Жанр выступления на собрании формата «town hall» предполагает информирование слушателей о произошедших событиях и планах на будущее и ответы на вопросы аудитории. Дж. Брайденстайн, выступая перед сотрудниками NASA в качестве нового Администратора, сократил свой монолог до 6,5 минут, оставив почти час для вопросов и ответов на них. Для сравнения, монолог Ш. О'Кифа длился 30,5 минут, на несколько минут больше времени, выделенного на вопросы и ответы. В случае Дж. Брайденстайна сокращение времени монологического выступления подчеркивает намерение оратора избежать отчета о проделанной работе, неуместного после 3,5 недель в должности, и сфокусироваться на диалоге с сотрудниками.

Собрание коллектива 17 мая 2018 г. проходило в штаб-квартире NASA в Вашингтоне, в том же зале, аудитории имени Дж. И. Узбба, где 23 апреля Дж. Брайденстайн принял присягу в качестве Администратора в присутствии вице-президента США М. Пенса, сенатора Т. Круза, сотрудников NASA и своей семьи. Церемония вступления Дж. Брайденстайна в должность могла сформировать представление сотрудников NASA о новом Администраторе до начала его выступления 17 мая. Церемония транслировалась телевидением NASA по всем подразделениям организации, видеозапись церемонии была размещена на официальном канале YouTube NASA [NASA Video. 2018, April 23].

Образ ритора, сформировавшийся под влиянием церемонии вступления в должность, отражает представление о человеке,

пользующемся поддержкой Президента и вице-президента США (вступительное слово и подчеркнуто дружеское отношение к Дж. Брайденстайну М. Пенса), прекрасном семьянине (присутствие на сцене жены и троих детей Дж. Брайденстайна, благодарность семье в его речи), патриоте (стремится к тому, чтобы США оставались ведущей космической державой; гордится своим родным городом, где производится оборудование для Международной космической станции), открытом для взаимодействия с сотрудниками NASA (рад вступить в «семью NASA», готов к совместной работе).

Выступление Дж. Брайденстайна 17 мая способствует формированию образа открытого человека, готового прислушиваться к коллегам, человека скромного и честного, признающего ограниченность своих знаний и опыта:

(1) *In the three and a half weeks I've been here I have been **overwhelmed by the kindness of... of all the people that I've met** (благодарность коллегам за помощь). I've been **absolutely overwhelmed by the grace** (благодарность коллегам за помощь) as **I'm learning on the job** (желание учиться) *three and a half weeks in and I've been overwhelmed that the number of people who have opinions that they want to share with me... I'll tell you this is not an agency that is shy, it's not an agency that is shy of or short of **people who have important ideas that they want to share with me and I want to be clear, I. I embrace that and I love it** (открытость для новых идей)...**

(2) *And... and Bob, if it's all right, I'll just let people start asking questions. And I want to be clear before I start: three and a half weeks isn't very long. **If I don't know something, I'm going to be very honest about it and I... I look forward to... to hearing what your thoughts are** (честность, скромность, открытость для диалога) *and certainly addressing thoughts and concerns of the agency.**

В речи присутствуют многочисленные паузы, хезитации, запинки, повторы, не оформленные как риторические фигуры, что характерно для спонтанной устной речи. Возможно, создание впечатления спонтанности было частью стратегии по формированию в сознании аудитории образа честного и скромного человека.

(3) *And of course it's on NASA TV **and... and... and** (повтор/ запинка) *other places. So there's been a lot of work that went into making this happen and I didn't want this to be disruptive and I'm sorry **that it is... if it is** (повтор с паузой хезитации) *for those **who... who** (повтор/ запинка) **were im... im...important** (запинка) *in putting this together.****

В то же время Дж. Брайденстайн как бы между прочим напоминает аудитории о своих преимуществах в качестве руководителя NASA: личных связях в Палате представителей Конгресса, в частности, в подкомитете, который определяет финансирование NASA, а также о своем опыте в качестве летчика, сближающем его с летчиками NASA (вторая буква в аббревиатуре обозначает авиацию, и организация занимается не только космическими исследованиями и космонавтикой, но и полетами в атмосфере Земли). Это особенно важно с учетом возможного скептического отношения слушателей к назначению политика руководителем космического агентства.

Упоминание о личном опыте искусно вплетено в историю, составляющие основную часть выступления:

(4) *It was a... it was a program that has been championed by a friend of mine in the House of Representatives* (дружба с председателем подкомитета Палаты представителей), *Chairman John Culberson, he's the chairman of the Commerce, Justice, Science Appropriations Subcommittee. He's been a mentor of mine in the House of Representatives and he's been advocating for this Mars helicopter for a long time.*

(5) *As somebody who's a pilot myself, I've flown in the Northern Pacific, I know (личный опыт в качестве летчика) the dangers that are involved in flying at those latitudes...*

Эти же сильные стороны биографии нового руководителя NASA подчеркивает представляющий его аудитории специалист по коммуникации Боб Джекобс:

(6) *Before joining NASA as Administrator, he began his federal service in 2012 as administ... I'm sorry, as congressman of Oklahoma's first district. And before that, he began his federal service in the military, as a pilot, where he flew various aircraft including F-18s, conducted more than 300 carrier landings, flew more than 1900 hours. But now we have him as Administrator, so please join us in welcoming our 13th Administrator Jim Bridenstine.*

Боб Джекобс также напоминает аудитории о церемонии вступления Дж. Брайденстайна в должность Администратора NASA, демонстрируя фрагмент видеозаписи церемонии, в котором помимо нового Администратора можно видеть вице-президента США и семью Дж. Брайденстайна. Это подчеркивает тщательную работу по созданию образа ратора как с использованием выгодных сторон его жизненного опыта и личности, так и путем обращения к предыдущему опыту

взаимодействия ратора с соответствующей аудиторией.

2.2. Риторическая аргументация (пафос и логос речи)

Замысел ратора в первом выступлении перед сотрудниками NASA в качестве нового Администратора, скорее всего, заключался в том, чтобы установить хорошие отношения со слушателями через похвалу аудитории и объединение себя с ней. Главную идею речи можно сформулировать так: «Я теперь член семьи NASA и готов к диалогу со всеми сотрудниками».

Речь начинается с развернутой благодарности организаторам встречи, плавно переходящей в благодарность всем сотрудникам NASA за помощь в первые недели работы и в метафору «семьи NASA», объединяющую ратора с аудиторией:

(7) *NASA is a family, I've heard that overwhelming that... you know, an overwhelming amount of times: "Welcome to the NASA family" (метафора), and you guys have been great* (похвала аудитории).

Основное содержание речи составляют два нарратива, которые ритор называет «a couple of quick stories» («парой кратких историй»). Помимо того, что эти истории помогают ратору выделить нужные стороны своего профессионального опыта, первая из них содержит похвалу NASA и сотрудникам организации, а вторая выполняет объединяющую функцию.

Первый нарратив касается проекта вертолета для Марса и руководителя проекта Мими Аунг, родившейся и выросшей в бедности на Бирме (Мьянма), переехавшей в США в 16 лет и достигшей невероятных успехов в соответствии с идеалом «американской мечты». Через историю успеха Мими Аунг ритор подчеркивает значимость NASA и достижений множества других сотрудников:

(8) *She now works for the single best agency in the federal government to work for, as evidenced by six years of... of surveys, that being NASA...*

(9) *This is one example of so many people at this storied agency who... who have done amazing things.*

Второй нарратив связан с полярными летчиками NASA и программой «IceBridge». Как уже упоминалось, ритор объединяет свой собственный опыт с опытом летчиков NASA. Кроме того, через местоимения первого лица множественного числа «we», «our» ритор объединяет себя с коллективом организации:

(10) *I also started learning about these pilots... this IceBridge program that... that we run to make sure we're getting the best earth science for not just the United States of Ameri-*

ca but for the world, and this requires **our amazing pilots** at this agency to fly over the North Pole.

Ярче всего и похвала аудитории, и стремление объединиться с ней проявляются в заключении речи, в соответствии с классической риторикой, предполагающей, что в заключении не только обобщаются логические аргументы, но и концентрированно выражаются и усиливаются речевые эмоции [Lanham 1991: 173]:

(11) *My point is this: three and a half weeks here, I am convinced that this is **the greatest agency to work for** (похвала NASA) and I am... I am absolutely convinced that **every one of us in this room and people who are watching on television, we all hit the jackpot when we got offered a job here** (объединение с аудиторией).*

(12) *And it's because of you. You're the reason that (похвала аудитории) this is the agency that is perceived in that way and this work force is...*

(13) *We all have different backgrounds, we all have different histories, some of us come from different countries (объединение с аудиторией через признание различий). And this is an agency where we want to make sure that that inclusion and diversity continues...*

(14) *What an amazing agency, what an amazing opportunity (похвала NASA), and I'm thrilled to be here.*

Стиль речи подчеркнута неофициальный, с незаконченными фразами (как, например, в отрывках 1 и 12) и разговорной лексикой, например, «you guys» (отрывок 7), вводной фразой «you know» (отрывок 7), идиомой «hit the jackpot» (отрывок 11) и др. Ритор создает ощущение непринужденной беседы, диалогового общения, прямо обращаясь к специалисту по коммуникации Бобу Джекобсу в начале и в конце своего выступления (отрывок 2), используя восклицания (отрывок 14) и диалоговые фразы («I'll tell you» в отрывке 1), вставляя диалоги в один из нарративов:

(15) *So in my early days here, Doctor Zurbuchen comes in and he says: "Hey, we've got a... I've got an idea and I think we're ready to go with it, and... and it's the Mars helicopter." And I said: "Well, that's fantastic, because I know the person who's responsible for funding NASA in the House of Representatives wants the same thing. So let's... let's do this." I called John Culberson and I told him that this was going to happen and he said to me: "There's one person you need to know about." And I said: "Okay, who's that?" He said: "It's a... it's a... it's a girl named MiMi Aung. She's the program*

manager for the Mars helicopter." And he said: "You need to hear her story, she is an amazing story not just for NASA but for the United States of America."

2.3. Риторические последствия

Последствия речи оценить сложно, как и речевое воздействие вообще, поскольку невозможно отделить результаты речи от результатов множества экстралингвистических факторов. При анализе видеозаписи выступления можно проследить реакцию аудитории, но оператор определяет по своим собственным или заданным критериям, какие лица и когда показать. Если изучать отклики на выступление в СМИ, нужно учитывать, что СМИ в силу интересов своих владельцев или субъективных представлений авторов зачастую искажают смысл событий. Еще больше проблем возникает при оценке отдаленных последствий выступления: как известно, временная последовательность событий далеко не всегда означает причинно-следственную связь, и определить, что какое-либо событие является результатом данного выступления, а не других выступлений или неречевых действий, не представляется возможным.

С учетом этих ограничений попробуем описать последствия выступления Дж. Брайденстайна перед сотрудниками NASA в качестве нового Администратора в плане реакции слушателей, публикаций в СМИ и событий, связанных с замыслом ратора.

Насколько можно судить по видеозаписи, аудитория слушает Дж. Брайденстайна с доброжелательным вниманием, но в то же время с настороженностью. Фраза о количестве людей, имеющих собственное мнение, которым они стремятся поделиться с новым Администратором (отрывок 1), вызывает одобрительную реакцию в виде смеха, камера показывает улыбающиеся лица. Одобрение слушателей можно видеть и по выражению лиц при упоминании вертолета для Марса (отрывок 4), успехов руководителя проекта Мими Аунг, полярных летчиков и соответствующего опыта Дж. Брайденстайна (отрывки 5 и 10), удачи всех присутствующих работать в NASA (отрывок 11). При общем положительном настрое аудитория ни разу не прерывала речь аплодисментами. Во время аплодисментов по завершении выступления слушатели в целом выглядят менее настороженными, чем в начале, за 6,5 минут ротору, похоже, удалось настроить аудиторию в свою пользу.

Первый вопрос после выступления Дж. Брайденстайна был, скорее всего, заготовлен заранее и озвучен как вопрос, поступивший онлайн: «What do you think specifically qualifies you to serve as NASA administ-

rator?» («Что, по Вашему мнению, дает Вам необходимые знания и навыки, чтобы быть Администратором NASA?»). Ответ на этот вопрос занял вдвое больше времени, чем вступительная речь, 13 минут, и дал Дж. Брайденстайну возможность подробно рассказать о себе и исключить дальнейшие вопросы по поводу отсутствия необходимой квалификации. И после вопроса, и во время ответа слушатели неоднократно реагировали одобрительным смехом, на многих лицах можно видеть любопытство и доброжелательность.

Второй вопрос, также представленный как вопрос из онлайн-системы, был предсказуемо связан с отношением нового Администратора к влиянию человека на климат, ведь его позиция по климату едва не стала непреодолимым препятствием для утверждения в должности. Этот вопрос позволил Дж. Брайденстайну переформулировать свою позицию в выгодном свете. Последовавшие дальше вопросы из зала уже не затрагивали профессионального опыта ратора и его спорных высказываний об изменении климата.

Публикации СМИ, посвященные рассматриваемому выступлению, акцентируют внимание на позиции Дж. Брайденстайна по отношению к изменению климата [Koren 2018, May 17; Lewin 2018, May 19; Niiler 2018, May 17; Waldman 2018, May 18], хотя в действительности это не было основной темой встречи нового Администратора с сотрудниками NASA. Даже радиостанция г. Талса, родного города Дж. Брайденстайна, посвящает сообщение о его выступлении перед сотрудниками NASA исключительно отношению бывшего конгрессмена к проблеме изменения климата [Trotter 2018, May 18].

Высказывания нового Администратора оцениваются в СМИ нейтрально или положительно. Автор статьи в журнале «The Atlantic» отмечает, что Дж. Брайденстайн пошел дальше в признании влияния человека на изменение климата, чем когда-либо раньше и чем другие должностные лица, выдвинутые Президентом Дональдом Трампом [Koren 2018, May 17]. В статье, опубликованной в журнале «Scientific American», содержится также важная ремарка, что Дж. Брайденстайн — первый политик, ставший руководителем NASA, но что он пообещал не политизировать NASA, избегать политического влияния на научные исследования [Waldman 2018, May 18].

Главным отдаленным последствием выступления можно считать то, что Дж. Брайденстайн возглавляет NASA уже более двух лет. За это время организация добилась существенных успехов, в том числе совместно с ком-

панией «SpaceX» возобновила после 9-летнего перерыва полеты американских астронавтов с американской территории на американском космическом корабле при помощи американской ракеты-носителя к Международной космической станции (МКС). Была запущена новая лунная программа, «Artemis», в рамках которой следующий мужчина и первая женщина должны высадиться на поверхность Луны к 2024 г., развиваются совместные проекты с коммерческими организациями по доставке грузов на МКС и освоению Луны, готовится запуск космического телескопа имени Джеймса Уэбба, увеличивается количество спутников дистанционного зондирования Земли [NASA. NASA Leadership]. Конечно, достижения NASA нельзя считать личными достижениями Дж. Брайденстайна, но они свидетельствуют о его эффективности в качестве руководителя организации, в частности о том, что ему удалось установить плодотворные отношения с «семьей NASA».

3. ВЫСТУПЛЕНИЕ ДЖ. БРАЙДЕНСТАЙНА 10 ФЕВРАЛЯ 2020 Г. В КОСМИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ ИМЕНИ СТЕННИСА «О ПОЛОЖЕНИИ NASA»

3.1. Риторический контекст и образ ритора (этнос речи)

Руководители американского космического агентства традиционно выступают с речью «О положении NASA» после внесения Президентом США проекта бюджета на следующий финансовый год и комментируют планируемые бюджетные ассигнования на космическую деятельность. Чарльз Болден, возглавлявший NASA с 2009 по 2017 г., выступал с докладами о бюджете NASA в феврале 2010—2012 гг., в феврале 2015—2016 г. подобное выступление Администратора уже называлось в стиле послания Президента США Конгрессу «О положении страны»: «State of NASA», то есть «О положении NASA» [NASA. Former Administrator Charles Bolden's Speeches]. Роберт Лайтфут, исполнявший обязанности Администратора NASA до вступления Дж. Брайденстайна в эту должность, выступал с речью «О положении NASA» в феврале 2018 г. [NASA. Former Associate Administrator Robert M. Lightfoot Jr.'s Speeches].

Несмотря на то, что поводом для выступления является обсуждение проекта бюджета, предложенного Президентом на рассмотрение Конгресса, а местом выступления служит одно из подразделений NASA, и речь Ч. Болдена «О положении NASA» в 2016 г., и речь Р. Лайтфута в 2018 г. по своему содержанию и стилю рассчитаны на широкую общественность [NASA 2016, February 9; NASA

2018, February 12]. Ориентация на широкую аудиторию подчеркивается и тем, что перед этими выступлениями демонстрируются видеозаписи о NASA научно-популярного и даже рекламного характера.

С одной стороны, речь Дж. Брайденстайна 10 февраля 2020 г. соответствует сложившимся особенностям выступлений «О положении NASA»: он выступает в одном из подразделений NASA, Космическом центре имени Стенниса, в день обнародования предложений Президента по бюджету на 2021 г. и использует выступление, чтобы донести до широкой аудитории информацию о достижениях и текущих программах NASA в связи с предлагаемым бюджетом.

С другой стороны, выступление Дж. Брайденстайна построено несколько иначе, чем у его предшественников. Помимо видеозаписи об успехах и планах NASA, демонстрируемой в начале мероприятия, в выступление Дж. Брайденстайна включены три видеорепорта по 2,5 минуты из трех подразделений NASA. По общей продолжительности его речь «О положении NASA» похожа на речи Ч. Болдена и Р. Лайтфута, но из-за прерывающих выступление видеозаписей оно фактически состоит из четырех частей длительностью 9 минут, 7 минут, 5 минут и 3,5 минуты. Это делает выступление динамичным и позволяет риторю включить свою речь в общий контекст деятельности NASA путем использования высказываний и действий других представителей организации в качестве иллюстраций и подтверждения своих утверждений.

Как и предыдущие администраторы, Дж. Брайденстайн отклоняется от подготовленного текста выступления, размещенного на веб-сайте NASA, чтобы общение с аудиторией было более личностным. Но в отличие от Ч. Болдена и Р. Лайтфута, Дж. Брайденстайн в отклонениях от текста неоднократно использует юмор. Например, ритор намеренно вызывает смех слушателей, упоминая в начале, в середине и в конце своей речи конгрессмена С. Палаццо, который (якобы) специально задержался в Космическом центре имени Стенниса, чтобы услышать фразу о предварительных испытаниях новой ракеты-носителя «Space Launch System» (SLS):

(16) *That is the SLS rocket stored core stage complete, we're doing the Green Run right here at Stennis — that's for you, Representative Palazzo...*

(17) *And right here at Stennis Space Center, we will conduct the Green Run tests for the SLS. That's for you, Congressman Palazzo.* (Аплодисменты, смех.) *Congressman Palazzo's stuck around, he's got to get to the airport to help us with our funding, but he's*

stuck around just to hear me say that line, just so everybody's aware. (Смех.) *I said it twice, he just gave me "Yeah, you said it twice", that's good.* (Смех.)

(18) *The milestones we hit this year through the Green Run test... That's for you again, Palazzo.* (Смех.) *He's going to hit me later.* (Смех.)

Только очень уверенный в себе человек может позволить себе такую непринужденность в официальном выступлении, транслируемом в прямом эфире на канале YouTube NASA (более 61 тысячи просмотров за полгода).

От образа скромного человека, признающего ограниченность своих знаний, который формировался в первом выступлении перед сотрудниками после вступления в должность Администратора, ритор переходит к созданию образа успешного лидера, с легкостью управляющего реакциями слушателей. Он открыто провоцирует как смех, так и аплодисменты, и присутствующая в зале аудитория, состоящая из специалистов космической отрасли, действует в соответствии с предлагаемым ритором сценарием.

Ритор вставляет в свою речь многочисленные благодарности отдельным сотрудникам и подразделениям NASA (больше, чем было предусмотрено в подготовленном тексте), иногда прямо предлагая слушателям поаплодировать, и слушатели отвечают овациями:

(19) *I would like everybody to give a round of applause to Mike Freilich and everything he's done for Earth Science!* (Аплодисменты.)

В то же время ритор избегает популистских приемов взаимодействия с аудиторией, заложенных в подготовленном тексте речи. Официальная письменная версия текста начинается с вопросов «Who loves NASA Stennis? Who loves NASA? Who loves America?» («Кто любит Космический центр имени Стенниса? Кто любит NASA? Кто любит Америку?»). Видимо, Дж. Брайденстайн с учетом собравшейся в зале аудитории посчитал такое начало неуместным и поменял эти вопросы на восклицания, соответствующие образу сильного лидера:

(20) *Go NASA Stennis!* (Возгласы и аплодисменты.) *Go NASA!* (Возгласы и аплодисменты.) *And go America!* (Возгласы и аплодисменты.)

Подобные вопросы, включенные в письменную версию основной части выступления («Who loves Orion?», «Now who loves SLS?»), Дж. Брайденстайн заменил на нейтральные фразы, сигнализирующие о переходе к новой теме:

(21) *Let's talk about Orion for a second. <...> Let's talk about SLS.*

Несмотря на отказ от излишне эмоциональных вопросов речь Дж. Брайденстайна наполнена чувствами, ритор предстает человеком, искренне стремящимся к успешному осуществлению амбициозных проектов NASA. Эмоциональную составляющую образа ратора выделяет и представляющий его аудитории директор Космического центра имени Стенниса Ричард Гилбреч:

(22) *Jim Bridenstine has served as NASA Administrator for two years. He has embraced that role with unbridled passion, working to inspire and enable the NASA family and the public to dream, to dare, and to drive forward.*

Ритор соединяет страстную увлеченность с компетентностью. Если за два года до рассматриваемого выступления его способность руководить космическим агентством вызвала сомнения, то речь «О положении NASA» демонстрирует понимание ритором всех направлений деятельности организации. Дж. Брайденстайн уверенно говорит и о ракете-носителе SLS, и о ракетных двигателях, стоящих на сцене, и о планах по освоению Луны, и о новом космическом телескопе имени Джеймса Уэбба, и о новом марсоходе, запуск которого был запланирован на 2020 г., и о других проектах.

3.2. Риторическая аргументация (пафос и логос речи)

Исходя из риторического контекста, замысел ратора состоял в формировании общественной поддержки выделения бюджетных средств на программы NASA в соответствии с предложениями, внесенными Президентом. Главная идея предыдущих выступлений руководителей космического агентства «О положении NASA» и выступления Дж. Брайденстайна 10 февраля 2020 г. — «Состояние NASA превосходно» («The state of our NASA is strong»). Эта фраза многократно повторяется в речи Администратора NASA Ч. Болдена в феврале 2016 г. [NASA 2016, February 9], подобно тому, как фраза «Состояние нашей страны превосходно» («The state of our Union is strong») является ключевой в посланиях президентов США Конгрессу «О положении страны» [Remarks of President Barack Obama — State of the Union Address as Delivered 2016, January 13; Remarks by President Trump in State of the Union Address 2019, February 5; 2020, February 4]. Дж. Брайденстайн фразу «The state of our NASA is strong» не произносит, но эта теза подразумевается жанром выступления и прослеживается на протяжении всей речи.

Идея о том, что в NASA все превосходно и что организация добьется еще больших

успехов благодаря достойному финансированию, развивается в каждой из четырех частей выступления Дж. Брайденстайна, разделенных видеорепортажами от стенда для испытания ракеты-носителя SLS в Космическом центре имени Стенниса, из Центра космических полетов имени Годдарда и из Лаборатории реактивного движения.

В первой части восхваление NASA подчеркивается метафорой формы, в которой отливается история:

(23) *The late-night, dogged persistence of NASA employees is the mold in which history is poured.*

Ритор цитирует послание Президента Д. Трампа Конгрессу, чтобы показать общенациональную значимость лунной программы «Artemis», и использует пример астронавта Кристины Кук, сопоставляя ее смелые достижения со «смелым видением», лежащим в основе лунной программы:

(24) *Last week during his State of the Union address, President Trump challenged our nation to venture farther into space than ever before. (Quote.) "We must remember that America has always been a frontier nation," and then he asked Congress to (quote) "fully fund the Artemis program to ensure that the next man and the first woman on the moon will be American astronauts," and he said in fact (quote) "use this as a launching pad to ensure that America is the first nation to plant its flag on Mars."*

(25) *No one embodies this more than astronaut Christina Koch, who just last week finished her nearly yearlong mission aboard the International Space Station. During her rookie mission she broke records for the longest single spaceflight by a woman and ventured outside the station on six different spacewalks, including not just the first one but the first three all-woman extra vehicular activities in history. Like Christina, the Artemis Program's bold vision must be matched by our unflinching devotion to what is necessary to advance the nation farther and faster than ever before.*

Далее ритор строит речь в соответствии с методом дедукции, переходит от общего к частному, от программы «Artemis» к космическому аппарату «Orion» и ракете-носителю SLS, необходимым для осуществления этой программы.

Во второй части выступления в центре внимания ратора — другие проекты, связанные с программой «Artemis»: лунная орбитальная станция «Gateway», посадочная система «Human Landing System», возобновление запусков американских космических аппаратов с американской территории, продолжение работы на МКС, проект по

коммерческим запуском грузов на Луну «Commercial Lunar Payload Services». Необходимость этих проектов логически следует из необходимости лунной программы, обоснованной ранее. Даже продолжение финансирования МКС, находящейся на низкой околоземной орбите, представляется как важное условие для освоения дальнего космоса:

(26) ***Although our ultimate goal is far beyond low-Earth orbit, what we do there is vital to exploration. The President's budget fully supports the International Space Station's missions to learn about human health in microgravity, demonstrate cutting-edge technology and perform trailblazing science.***

Ритор вставляет в выступление небольшую историю (общение со студентами, на протяжении всей жизни которых астронавты работают на МКС), подчеркивая значимость космической станции и восхваляя США как лидера, ведущего за собой другие страны:

(27) ***I was speaking to a group of students at a university just last week and... and it dawned on me that half of the people in the audience, 18, 19, even 20 years old, were... they've never lived a day of their lives when there weren't people living and working in space. That is a monumental achievement not just for the United States of America, but for the entire coalition of nations that we lead on the International Space Station.***

В более коротких третьей и четвертой частях выступления ритор обращается к направлениям деятельности NASA, выходящим за пределы подготовки к освоению Луны, но в заключении снова возвращается к испытанию ракеты-носителя SLS, пилотируемым полетам с американской территории и освоению дальнего космоса. Предпоследняя фраза выступления рассчитана на запоминание, последующее цитирование и закрепление у аудитории чувства гордости за свою страну и ее лунную программу:

(28) ***Friends, we are the Artemis Generation, and we are going.***

В этом высказывании лунная программа представляется как главная задача и в перспективе главное достижение современного поколения.

3.3. Риторические последствия

С точки зрения воздействия на аудиторию, речь «О положении NASA» можно считать эффективной. Слушатели, присутствовавшие в Космическом центре имени Стенниса, аплодировали во время выступления Дж. Брайденстайна 24 раза, не считая аплодисментов в начале и в конце речи и после каждого из трех видеорепортажей. Если говорить о восприятии речи широкой аудито-

рией, на которую было рассчитано выступление, реакцию слушателей можно проследить по комментариям на канале *YouTube* NASA во время прямой трансляции и после выступления, а также по отметкам «нравится»: при 61 405 просмотрах за полгода речь «О положении NASA» получила 2500 отметок «нравится» и только 122 отметки «не нравится» [NASA 2020, February 10].

Комментарии в формате чата во время прямой трансляции включают много приветствий и высказываний, напрямую не связанных с выступлением. Тем не менее часть слушателей выражает свое отношение к финансированию проектов NASA, самому космическому агентству и Дж. Брайденстайну. Встречается много позитивных оценок, например:

(29) ***Thank You President Trump For Funding NASA***

(30) ***NASA is the best***

(31) ***Jim Bridenstine is the greatest NASA administrator in NASA's history!***

Однако есть и много негативных комментариев в адрес ратора и предмета речи:

(32) ***why do I get the feeling that he is a political puppet way more than his predecessor***

(33) ***NASA = Never A Straight Answer***

(34) ***SLS is a waste of money***

Большая часть из 540 комментариев, опубликованных под видеозаписью, нерелевантна для оценки воздействия выступления Дж. Брайденстайна на аудиторию, как и многие комментарии в формате чата. Среди комментариев, имеющих отношение к ратору и его речи, 51 можно считать положительными (например, отрывки 35 и 36), и 67 отрицательными (например, отрывки 37 и 38).

(35) ***Was a bit worried about Bridenstine at first, but happy now, he's always so excited about space and NASA, he's like a kid in a candy store.*** (Этот комментарий получил 37 отметок «нравится» и 7 ответов, из которых 4 также выражают положительное отношение к Дж. Брайденстайну.)

(36) ***I learn a lot each time! GO-NASA-GO-America-GO*** (20 отметок «нравится» и 1 поддерживающий ответ)

(37) ***NASA keeps talking in endless generalities, using 1960's technology. The Orion Space Capsule is an old Apollo, Gemini system using the same re-entry shielding developed in the early 1960's. The senators only fund the space shot when NASA puts pork barrel jobs in their states...*** (21 отметка «нравится» и 19 ответов, из которых 4 содержат критику NASA)

(38) ***I muted the sound and turned on subtitles. Can't stand listening to puppets of***

D.C. (4 отметки «нравится» и 4 ответа, только один из которых выражает согласие с комментарием).

Непорпорционально большое количество негативных комментариев по сравнению с отметками «нравится» и «не нравится», возможно, связано с тем, что одобрение проще выразить простым нажатием на соответствующий знак под видеозаписью, а несогласие часто требует словесного выражения.

Публикации в СМИ, посвященные речи «О положении NASA», имеют положительный или нейтральный характер, как и публикации по итогам выступления Дж. Брайденстайна 17 мая 2018 г. Авторы комментируют предложения Президента Д. Трампа по финансированию NASA, содержание выступления Дж. Брайденстайна с цитатами, а также отношение к проекту бюджета членов Конгресса [Bartels 2020, February 10; Davenport 2020, February 10; Hays 2020, February 10; Snouwaert 2020, February 13]. Как и следовало ожидать, в проанализированных публикациях наибольшее внимание уделяется финансированию лунной программы «Artemis».

Об отдаленных последствиях речи «О положении NASA» судить сложно. По состоянию на август 2020 г. бюджет на 2021 финансовый год прошел стадию обсуждения в Палате представителей Конгресса, но еще не обсуждался в Сенате. Вполне возможно, что новый финансовый год начнется без утвержденного бюджета и какое-то время финансирование проектов NASA будет осуществляться в соответствии с бюджетом 2020 финансового года, заканчивающегося 30 сентября [Foust 2020, July 7].

Законопроект, утвержденный Палатой представителей, предполагает, что NASA получит в 2021 финансовом году столько же средств, сколько и в предыдущем, без увеличения на 2,6 миллиарда долларов, предложенного Президентом Д. Трампом и анонсированного Дж. Брайденстайном в речи «О положении NASA». Более того, часть бюджетных ассигнований, одобренных Палатой представителей, должна пойти на финансирование проектов, которые Президент Д. Трамп предлагал сократить, и распределение средств в целом сильно отличается от того, что содержалось в февральском проекте бюджета [Foust 2020, July 7]. При этом Дж. Брайденстайн преподносит законопроект Палаты представителей как успех и выражает надежду на то, что члены Сената также одобряют финансирование лунной программы [Smith 2020, July 13].

В любом случае, одно публичное выступление не может обеспечить поддержку Кон-

гресса. Если исходить из того, что целевая аудитория речи «О положении NASA» — широкая общественность, т. е. избиратели-налогоплательщики, интересы которых в идеале представляют члены Конгресса, большее, чего мог достичь ритор, — настроить общественное мнение в пользу финансирования проектов NASA и тем самым подготовить благоприятную почву для одобрения желаемого бюджета Конгрессом. Сам бюджетный процесс является результатом многочисленных встреч, скрытых от глаз общественности, внутривнутрипартийного и межпартийного взаимодействия, урегулирования интересов различных групп. В 2020 г. ситуация осложняется приближающимися президентскими выборами в США, последствиями пандемии коронавируса и протестами афроамериканцев [Grush 2020, July 7; Whittington 2020, July 12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ выступлений Администратора NASA Дж. Брайденстайна подтверждает, что руководителя космической отрасли можно рассматривать на современном этапе как политического ратора наряду с президентами, премьер-министрами, членами правительств, депутатами парламентов, губернаторами, кандидатами на выборах. Политическая речь в космической сфере касается исследований космоса и Земли из космоса, необходимых для этого технологий, средств запуска и космических аппаратов, пилотируемых полетов, освоения Луны и планет. Политическая значимость этих тем подчеркивается их обсуждением на высшем государственном уровне, резонансом в СМИ, вовлеченностью граждан в дискуссии.

При изучении политической речи в космической сфере применимы методы риторической критики и риторического политического анализа. На этапе анализа риторического контекста и образа ратора рассматриваются жанр выступления и его особенности по сравнению с другими выступлениями того же жанра, аудитория, место, время и повод выступления, предшествовавшие события, значимые для восприятия речи, представление о риторике, сформировавшееся у слушателей до начала и в процессе речи. Анализ риторической аргументации с учетом контекста позволяет выявить замысел ратора, сформулировать главную идею и проследить ее развитие, выделить речевые средства, используемые для осуществления замысла. Анализ риторических последствий включает рассмотрение реакций слушателей, присутствующих при произнесении речи, а если речь рассчитана на широкую аудито-

рию за пределами места выступления, — реакцию людей, следящих за прямой трансляцией или просматривающих видеозапись. К риторическим последствиям относятся также отклики на выступление в СМИ и последующие события, прямо или косвенно связанные с замыслом ратора.

Использование такого подхода при исследовании двух и более риторических произведений одного или нескольких раторов открывает возможности для сравнительного анализа выступлений определенного жанра, образа ратора, логики развития главной идеи, речевых средств, реакции аудитории, откликов в СМИ. Например, первое выступление Дж. Брайденштейна перед сотрудниками NASA можно сопоставить с другими выступлениями формата «town hall», а его речь «О положении NASA» — с другими выступлениями руководителей космического агентства этого же жанра или с посланиями Президента США Конгрессу «О положении страны». Интересно проследить трансформацию образа ратора на протяжении карьеры человека или сопоставить образы разных раторов, занимавших одну и ту же должность. Так, два рассмотренных в данной статье риторических произведения показывают, что за неполных два года пребывания Дж. Брайденштейна в должности Администратора NASA он перешел от формирования образа скромного человека, открытого для новых идей, к формированию образа сильного и компетентного лидера. Если делать акцент на пафосе и логосе речи, можно сравнить выступления разных раторов перед одной и той же аудиторией или выступления одного ратора перед разными аудиториями с точки зрения логики, расположения, используемых тропов и фигур речи, других особенностей стиля.

ИСТОЧНИКИ

1. Правительство России. Министерства и ведомства. — URL: <http://government.ru/ministries/> (дата обращения: 24.07.2020). — Текст : электронный.
2. Bartels, M. (2018, March 22). NASA Still Doesn't Have an Administrator 6 Months after Nomination / M. Bartels. — Text : electronic // Newsweek. — URL: <https://www.newsweek.com/nasa-still-doesnt-have-administrator-six-months-after-nomination-857438>.
3. Bartels, M. (2020, February 10). Trump Calls for \$25 Billion NASA Budget for 2021 to Boost Moon and Mars Goals / M. Bartels. — Text : electronic // NBC News. — URL: <https://www.nbcnews.com/science/space/trump-calls-25-billion-nasa-budget-2021-boost-moon-mars-n1134126>.
4. C-Span. (2003, April 25). NASA Town Hall Meeting / C-Span. — URL: <https://www.c-span.org/video/?176350-1/nasa-town-hall-meeting&start=2098>. — Video : electronic.
5. Davenport, C. (2020, February 10). Trump's Budget Would Bolster NASA's Plan to Return Humans to the Moon / C. Davenport. — Text : electronic // The Washington Post. — URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2020/02/10/trumps-budget-would-bolster-nasas-plan-return-humans-moon/>.
6. eLibrary. — URL: <https://elibrary.ru/> (date of access: 12.01.2020). — Text : electronic.
7. Foust, J. (2020, July 7). House Bill Offers Flat Funding for NASA / J. Foust. — Text : electronic // SpaceNews. — URL: <https://spacenews.com/house-bill-offers-flat-funding-for-nasa/>.
8. Foust, J. (2018, April 19). Senate Votes to Confirm Bridenstine as NASA Administrator / J. Foust. — Text : electronic // Space.com. — URL: <https://www.space.com/40354-senate-confirms-jim-bridenstine-nasa-administrator.html>.
9. Grush, L. (2020, July 7). House Budget Bill Denies Major Increases for NASA to Fund Ambitious Moon Program / L. Grush. — Text : electronic // The Verge. — URL: <https://www.theverge.com/2020/7/7/21315970/nasa-artemis-moon-program-house-appropriations-bill-budget>.
10. Hays, B. (2020, February 10). NASA Commits to Returning Astronauts to the Moon by 2024 / B. Hays. — Text : electronic // UPI. — URL: https://www.upi.com/Science_News/2020/02/10/NASA-commits-to-returning-astronauts-to-the-moon-by-2024/801581359342/.
11. Koren, M. (2018, May 17). Trump's NASA Chief: 'I Fully Believe and Know the Climate is Changing' / M. Koren. — Text : electronic // The Atlantic. — URL: <https://www.theatlantic.com/science/archive/2018/05/trump-nasa-climate-change-bridenstine/560642/>.
12. Lewin, S. (2018, May 19). New NASA Chief Bridenstine Says Humans Contribute to Climate Change 'in a Major Way' / S. Lewin. — Text : electronic // Space.com. — URL: <https://www.space.com/40640-nasa-chief-bridenstine-climate-change.html>.
13. NASA. Administrator Bridenstine's Speeches / NASA. — URL: <https://www.nasa.gov/content/administrator-bridenstines-speeches>. — Text : electronic.
14. NASA. Former Administrator Charles Bolden's Speeches / NASA. — URL: <https://www.nasa.gov/news/speeches/bolden/index.html>. — Text : electronic.
15. NASA. Former Associate Administrator Robert M. Lightfoot Jr.'s Speeches / NASA. — URL: <https://www.nasa.gov/news/speeches/lightfoot/index.html>. — Text : electronic.
16. NASA. NASA Leadership / NASA. — URL: <https://www.nasa.gov/about/highlights/bridenstine-biography.html>. — Text : electronic.
17. NASA. (2016, February 9). Administrator Bolden Discusses the "State of NASA". — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ej2odhB57ng>. — Video : electronic.
18. NASA. (2020, February 10). State of NASA. Address from Administrator Bridenstine. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=S7TrmpELPXw&t=513s>. — Video : electronic.
19. NASA. (2018, February 12). "State of NASA" Events Highlight Agency Goals for Space Exploration. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Fe2HxMDyKXk>. — Video : electronic.
20. NASA Video. (2018, May 17). Administrator Bridenstine Talks with NASA Employees at Agency Town Hall. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YFqz7VBoZCE>. — Video : electronic.
21. NASA Video. (2018, April 23). Vice President Pence Swears in New NASA Administrator Bridenstine. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=hX_9CbS4KPA. — Video : electronic.
22. Niiler, E. (2018, May 17). NASA's Jim Bridenstine Agrees Humans are Responsible for Climate Change / E. Niiler. — Text : electronic // Wired. — URL: <https://www.wired.com/story/nasas-jim-bridenstine-agrees-humans-are-responsible-for-climate-change/>.
23. Remarks of President Barack Obama — State of the Union Address as Delivered (2016, January 13). — URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/01/12/remarks-president-barack-obama-%E2%80%93-prepared-delivery-state-union-address>. — Text : electronic.
24. Remarks by President Trump in State of the Union Address (2019, February 5). — URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-state-union-address-2/>. — Text : electronic.
25. Remarks by President Trump in State of the Union Address (2020, February 4). — URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-state-union-address-3/>. — Text : electronic.
26. Smith, M. (2020, July 13). House Appropriators Criticize "Ominous" Shift in NASA's Priorities — Update / M. Smith. — Text : electronic // SpacePolicyOnline.com. — URL: <https://spacepolicyonline.com/news/house-appropriators-criticize-ominous-shift-in-nasas-priorities/>.

27. Snouwaert, J. (2020, February 13). To Rocket Americans Back to the Moon in 2024, NASA Says it Needs an Additional \$35 Billion over the Next 4 Years / J. Snouwaert. — Text : electronic // Business Insider. — URL: <https://www.businessinsider.com/nasa-requests-35-billion-budget-increase-for-moon-landing-mission-2020-2>.

28. Trotter, M. (2018, May 18). Former Oklahoma Congressman Bridenstine Appears to Have New Outlook on Climate Change / M. Trotter. — Text : electronic // Public Radio Tulsa. — URL: <https://www.publicradiotulsa.org/post/former-oklahoma-congressman-bridenstine-appears-have-new-outlook-climate-change>.

29. United States Government. National Aeronautics and Space Administration. — URL: <https://www.usa.gov/federal-agencies/national-aeronautics-and-space-administration>. — Text : electronic.

30. Waldman, S. (2018, May 18). New NASA Chief Says He Will Protect Climate Research / S. Waldman. — Text : electronic // Scientific American. — URL: <https://www.scientificamerican.com/article/new-nasa-chief-says-he-will-protect-climate-research/>.

31. Web of Science. — URL: <https://www.webofknowledge.com/>. — Text : electronic.

32. Whittington, M. (2020, July 12). House Appropriators Cut NASA's Moon Landing Funds; Will Senate Do Better? / M. Whittington. — Text : electronic // The Hill. — URL: <https://thehill.com/opinion/technology/506959-house-appropriators-cut-NASAs-moon%20anding-funds-will-senate-do-better>.

ЛИТЕРАТУРА

33. Аннушкин, В. И. Язык и жизнь. Книга о русском языке — речи — слове / В. И. Аннушкин. — Москва : Русская школа, 2009. — 320 с. — Текст : непосредственный.

34. Аристотель. Риторика. Поэтика / Аристотель. — Москва : Лабиринт, 2000. 224 с. — Текст : непосредственный.

35. Виноградов, В. В. О художественной прозе / В. В. Виноградов. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1930. — 193 с. — Текст : непосредственный.

36. Гаврилова, М. В. Лингвистические заметки о воздействии публичного слова: к столетию русской революции / М. В. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 4 (64). — С. 10—17.

37. Гофман, В. А. Слово оратора (риторика и политика) / В. А. Гофман. — Ленинград : Издательство писателей в Ленинграде, 1932. — 266 с. — Текст : непосредственный.

38. Данилина, В. В. Риторика как инструмент государственного управления / В. В. Данилина. — Текст : непосредственный // Предмет риторики и проблемы ее преподавания : материалы Первой Всероссийской конференции по риторике (Москва, 28—30 января 1997 г.). — Москва : Добросвет, 1998. — С. 273—278.

39. Ильин, А. Л. Отзвук слова. Из опыта работы спичрайтеров первого президента России / А. Л. Ильин, В. Ф. Кадацкий, К. В. Никифоров, Л. Г. Пихоя. — Москва : Центр политического консалтинга «Никколо М» : ИМА-пресс, 1999. — 144 с. — Текст : непосредственный.

40. Корецкая, О. В. Лингвистические особенности политической риторики Дональда Трампа / О. В. Корецкая. — Текст : непосредственный // Преподаватель XXI век. — 2017. — № 2-2. — С. 349—355.

41. Матюненко, Ю. А. Политическое позиционирование губернаторов: кейс Кировской области / Ю. А. Матюненко. — Текст : непосредственный // Бизнес. Общество. Власть. — 2018. — № 27. — С. 163—178.

42. Минаева, Л. В. Речь в мире политики / Л. В. Минаева. — Москва : Аспект Пресс, 2019. — 224 с. — Текст : непосредственный.

43. Михальская, А. К. Война слов: риторика и поэтика пропаганды / А. К. Михальская. — Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. — 2018. — № 3 (14). — С. 80—95. — DOI 10.17516/2311-3499-030.

44. Михальская, А. К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике : учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов / А. К. Михальская. — Москва : Academia, 1996. — 192 с. — Текст : непосредственный.

45. Нечаева, Е. А. К вопросу об исследовании тактик речевого воздействия, используемых в предвыборных листовках / Е. А. Нечаева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 6 (66). — С. 122—127.

46. Попов, М. Н. Политическое красноречие. Что нужно для оратора / М. Н. Попов. — Санкт-Петербург : типо-лит. С. М. Муллер, 1906. — 79 с. — Текст : непосредственный.

47. Рождественский, Ю. В. Теория риторики : учеб. пособие / Ю. В. Рождественский ; под ред. В. И. Аннушкина. — 3-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2004. — 512 с. — Текст : непосредственный.

48. Смолененкова, В. В. Основы риторической критики : учеб. пособие / В. В. Смолененкова. — Москва : Форум : ИНФРА-М, 2018. — 192 с. — Текст : непосредственный.

49. Хазагеров, Г. Г. Политическая риторика / Г. Г. Хазагеров. — Москва : Никколо-Медиа, 2020. — 313 с. — Текст : непосредственный.

50. Ширяев, Е. Н. Культура парламентской речи / Е. Н. Ширяев, Л. К. Граудина, Е. М. Лазуткина, С. И. Виноградов. — Москва : Наука, 1994. — 359 с. — Текст : непосредственный.

51. Яппарова, В. Н. О некоторых особенностях публичной политической речи (на примере жанра заседание) / В. Н. Яппарова. — Текст : непосредственный // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — 2016. — № 5. — С. 613—617.

52. Atkins, J. '...A 40-Year-Old Black Man Made the Point to Me': Everyday Knowledge and the Performance of Leadership in Contemporary British Politics / J. Atkins, A. Finlayson. — Text : unmediated // Political Studies. — 2013. — No 61 (1). — P. 161—177. — DOI 10.1111/j.1467-9248.2012.00953.x

53. Atkins, J. 'As Shakespeare so Memorably Said...': Quotation, Rhetoric, and the Performance of Politics / J. Atkins, A. Finlayson. — Text : unmediated // Political Studies. — 2016. — No 64 (1). — P. 164—181. — DOI 10.1111/1467-9248.12156.

54. Conway, L. G. Does Complex or Simple Rhetoric Win Elections? An Integrative Complexity Analysis of US Presidential Campaigns / L. G. Conway, L. J. Gornick, C. Burfeind, P. Mandella, A. Kuenzli, S. C. Houck [et al.]. — Text : unmediated // Political Psychology. — 2012. — Vol. 33. — Iss. 5. — P. 599—618. — DOI 10.1111/j.1467-9221.2012.00910.x

55. Crines, A. Rhetorical style and issue emphasis within the conference speeches of UKIP's Nigel Farage 2010—2014 / A. Crines, T. Heppell. — Text : unmediated // British Politics. — 2017. — No 12 (2). — P. 231—249. — DOI 10.1057/bp.2016.2.

56. Crines, A. Enoch Powell's 'Rivers of Blood' Speech: A Rhetorical Political Analysis / A. Crines, T. Heppell, M. Hill. — Text : unmediated // British Politics. — 2016. — No 11 (1). — P. 72—94. — DOI 10.1057/bp.2015.13.

57. Finlayson, A. From Beliefs to Arguments: Interpretive Methodology and Rhetorical Political Analysis / A. Finlayson. — Text : unmediated // The British Journal of Politics and International Relations. — 2007. — No 9 (4). — P. 545—563.

58. Finlayson, A. 'It Ain't What You Sayy ...': British Political Studies and the Analysis of Speech and Rhetoric / A. Finlayson, J. Martin. — Text : unmediated // British Politics. — 2008. — No 3 (4). — P. 445—464. — DOI <https://doi.org/10.1057/bp.2008.21>.

59. Grube, D. C. Sticky words? Towards a theory of rhetorical path dependency / D. C. Grube. — Text : unmediated // Australian Journal of Political Science. — 2016. — No 51 (3). — P. 530—545. — DOI 10.1080/10361146.2016.1171824.

60. Handberg, R. War and rumours of war, do improvements in space technologies bring space conflict closer? / R. Handberg. — Text : unmediated // Defence and Security Analysis. — 2018. — No 34 (2). — P. 176—190. — DOI: 10.1080/14751798.2018.1478181.

61. Iliev, I. R. Political rhetoric through the lens of non-parametric statistics: are our legislators that different? / I. R. Iliev, X. Huang, Y. R. Gel. — Text : unmediated // Journal of the Royal Statistical Society Series A-Statistics in Society. — 2019. — No 182 (2). — P. 583—604. — DOI 10.1111/rssa.12421.

62. Johnson, A. E. The "Scold of Black America": Obama, Race, and the African American Audience / A. E. Johnson. — Text : unmediated // Howard Journal of Communications. — 2017. — No 28 (2). — P. 174—185. — DOI 10.1080/10646175.2017.1290560.

63. Kelso, A. UK space policy and the politics of parliamentary debate / A. Kelso. — Text : unmediated // Space Policy. — 2016. — No. 35. — P. 43—46. — DOI 10.1016/j.spacepol.2016.02.005.

64. Lamont, M. Trump's electoral speeches and his appeal to the American white working class / M. Lamont, B. Y. Park, E. Ayala-Hurtado // British Journal of Sociology. — 2017. — No 68 (S1). — S. 153—180. — DOI 10.1111/1468-4446.12315.

65. Lanham, R. A Handlist of Rhetorical Terms / R. Lanham. — 2nd ed. — Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1991. — Text : unmediated.

66. Lipsitz, K. Playing with Emotions: The Effect of Moral Appeals in Elite Rhetoric / K. Lipsitz // *Political Behavior*. — 2018. — No 40 (1). — P. 57—78. — DOI 10.1007/s11109-017-9394-8.

67. Martin, J. Situating Speech: A Rhetorical Approach to Political Strategy / J. Martin. — Text : unmediated // *Political Studies*. — 2015. — No 63 (1). — P. 25—42. — DOI 10.1111/1467-9248.12039.

68. Price-Thomas, G. Thickening Rhetorical Political Analysis with a Theory of Distance: Negotiating the Greek Episode of the Eurozone Crisis / G. Price-Thomas, N. Turnbull. — Text : unmediated // *Political Studies*. — 2018. — No 66 (1). — P. 209—225. — DOI 10.1177/0032321717708764.

69. Rountree, C. Leading over the Long Run: Rhetorical Consequentialism and Rhetorical Leadership / C. Rountree. — Text : electronic // *Res Rhetorica*. — 2019. — No 6 (2). —

DOI 10.29107/rr2019.2.1. — URL: <https://resrhetorica.com/index.php/RR/article/view/356>.

70. Strauss, C. How are language constructions constitutive? Strategic uses of conventional discourses about immigration / C. Strauss. — Text : unmediated // *Journal of International Relations and Development*. — 2013. — No 16 (2). — P. 262—293. — DOI 10.1057/jird.2012.18.

71. Stuckey, M. E. *Political Rhetoric* / M. E. Stuckey. — Piscataway, NJ : Transaction Publishers, 2015. — (Presidential Briefings Series). — Text : unmediated.

72. Walter, R. Rhetoric or Deliberation? The Case for Rhetorical Political Analysis / R. Walter. — Text : unmediated // *Political Studies*. — 2017. — No 65 (2). — P. 300—315. — DOI 10.1177/0032321716651898.

Varvara Danilina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-0894-4298

 E-mail: varvara.danilina@gmail.com.

Political Speech in the Space Sector: Rhetorical Analysis of Public Speeches by the Head of a Space Agency (the case of NASA Administrator Jim Bridenstine)

ABSTRACT. *Speeches by leaders of the space sector are political by their nature and can be regarded from the political rhetorical perspective. It is especially important in view of the abundant information on space activities and its impact on public opinion in spacefaring nations and international communication. The aim of this paper is to expand the scope of studies in political rhetoric to include speeches by the head of a space agency and to test the applicability of rhetorical criticism and rhetorical political analysis to such talks. The author has used two speeches by NASA Administrator Jim Bridenstine and analyzed them in terms of rhetorical context and the speaker's image, logical and pathetic proof, and rhetorical effects. The analysis has shown that Jim Bridenstine's first talk to NASA employees at the agency's town hall in May 2018 and his State of NASA address in February 2020 withstand this approach. Both talks fit into an established genre but deviate from genre conventions to adjust to the specific rhetorical context, both talks are designed to build a certain image of the speaker, though with different characteristics, in both cases the speaker uses narratives, metaphors, and other rhetorical tools, in both cases it is possible to analyze audience responses, the mass media coverage, and subsequent events. Further research can focus on comparative analysis of two or more speeches of the same genre, the speaker's image in several talks, logic, arrangement and style used by different leaders of the space sector or by the same leader addressing different audiences.*

KEYWORDS: *political rhetoric; political speech; speech activity; rhetorical criticism; rhetorical analysis; rhetorical political analysis; space sector; political leaders; English; public speaking.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Varvara Danilina, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Economics and Management in the Space Sector, Faculty of Space Research, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Danilina, Varvara. Political Speech in the Space Sector: Rhetorical Analysis of Public Speeches by the Head of a Space Agency (the case of NASA Administrator Jim Bridenstine) / Varvara Danilina // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 54-71. — DOI 10.26170/pl20-05-06.*

MATERIALS

1. Russian Government. Ministries and Agencies. — URL: <http://government.ru/ministries/> (date of access: 24.07.2020).

2. Bartels, M. (2018, March 22). NASA Still Doesn't Have an Administrator 6 Months after Nomination / M. Bartels. — Text : electronic // *Newsweek*. — URL: <https://www.newsweek.com/nasa-still-doesnt-have-administrator-six-months-after-nomination-857438>.

3. Bartels, M. (2020, February 10). Trump Calls for \$25 Billion NASA Budget for 2021 to Boost Moon and Mars Goals / M. Bartels. — Text : electronic // *NBC News*. — URL: <https://www.nbcnews.com/science/space/trump-calls-25-billion-nasa-budget-2021-boost-moon-mars-n1134126>.

4. C-Span. (2003, April 25). NASA Town Hall Meeting / C-Span. — URL: <https://www.c-span.org/video/?176350-1/nasa-town-hall-meeting&start=2098>. — Video : electronic.

5. Davenport, C. (2020, February 10). Trump's Budget Would Bolster NASA's Plan to Return Humans to the Moon / C. Davenport. — Text : electronic // *The Washington Post*. — URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2020/02/10/trumps-budget-would-bolster-nasas-plan-return-humans-moon/>.

6. eLibrary. — URL: <https://elibrary.ru/> (date of access: 12.01.2020). — Text : electronic.

7. Foust, J. (2020, July 7). House Bill Offers Flat Funding for NASA / J. Foust. — Text : electronic // *SpaceNews*. — URL: <https://spacenews.com/house-bill-offers-flat-funding-for-nasa/>.

8. Foust, J. (2018, April 19). Senate Votes to Confirm Bridenstine as NASA Administrator / J. Foust. — Text : electronic // *Space.com*. — URL: <https://www.space.com/40354-senate-confirms-jim-bridenstine-nasa-administrator.html>.

9. Grush, L. (2020, July 7). House Budget Bill Denies Major Increases for NASA to Fund Ambitious Moon Program / L. Grush. — Text : electronic // *The Verge*. — URL: <https://www.theverge.com/2020/7/7/21315970/nasa-artemis-moon-program-house-appropriations-bill-budget>.

10. Hays, B. (2020, February 10). NASA Commits to Returning Astronauts to the Moon by 2024 / B. Hays. — Text : electronic // *UPI*. — URL: https://www.upi.com/Science_News/2020/02/10/NASA-commits-to-returning-astronauts-to-the-moon-by-2024/4801581359342/.

11. Koren, M. (2018, May 17). Trump's NASA Chief: 'I Fully Believe and Know the Climate is Changing' / M. Koren. — Text : electronic // *The Atlantic*. — URL: <https://www.theatlantic.com/science/archive/2018/05/trump-nasa-climate-change-bridenstine/560642/>.

12. Lewin, S. (2018, May 19). New NASA Chief Bridenstine Says Humans Contribute to Climate Change 'in a Major Way' / S. Lewin. — Text : electronic // Space.com. — URL: <https://www.space.com/40640-nasa-chief-bridenstine-climate-change.html>.
13. NASA. Administrator Bridenstine's Speeches / NASA. — URL: <https://www.nasa.gov/content/administrator-bridenstines-speeches>. — Text : electronic.
14. NASA. Former Administrator Charles Bolden's Speeches / NASA. — URL: <https://www.nasa.gov/news/speeches/bolden/index.html>. — Text : electronic.
15. NASA. Former Associate Administrator Robert M. Lightfoot Jr.'s Speeches / NASA. — URL: <https://www.nasa.gov/news/speeches/lightfoot/index.html>. — Text : electronic.
16. NASA. NASA Leadership / NASA. — URL: <https://www.nasa.gov/about/highlights/bridenstine-biography.html>. — Text : electronic.
17. NASA. (2016, February 9). Administrator Bolden Discusses the "State of NASA". — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ej2odhB57ng>. — Video : electronic.
18. NASA. (2020, February 10). State of NASA. Address from Administrator Bridenstine. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=S7TrnpELPXw&t=513s>. — Video : electronic.
19. NASA. (2018, February 12). "State of NASA" Events Highlight Agency Goals for Space Exploration. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Fe2HxMDyKXk>. — Video : electronic.
20. NASA Video. (2018, May 17). Administrator Bridenstine Talks with NASA Employees at Agency Town Hall. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YFqz7VBoZCE>. — Video : electronic.
21. NASA Video. (2018, April 23). Vice President Pence Swears in New NASA Administrator Bridenstine. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=hX_9CbS4KPA. — Video : electronic.
22. Niiler, E. (2018, May 17). NASA's Jim Bridenstine Agrees Humans are Responsible for Climate Change / E. Niiler. — Text : electronic // Wired. — URL: <https://www.wired.com/story/nasas-jim-bridenstine-agrees-humans-are-responsible-for-climate-change/>.
23. Remarks of President Barack Obama — State of the Union Address as Delivered (2016, January 13). — URL: <https://obama.whitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/01/12/remarks-pr-ident-barack-obama-%E2%80%93-prepared-delivery-state-uni-on-address>. — Text : electronic.
24. Remarks by President Trump in State of the Union Address (2019, February 5). — URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-state-union-address-2/>. — Text : electronic.
25. Remarks by President Trump in State of the Union Address (2020, February 4). — URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-state-union-address-3/>. — Text : electronic.
26. Smith, M. (2020, July 13). House Appropriators Criticize "Ominous" Shift in NASA's Priorities — Update / M. Smith. — Text : electronic // SpacePolicyOnline.com. — URL: <https://spacepolicyonline.com/news/house-appropriators-criticize-ominous-shift-in-nasas-priorities/>.
27. Snouwaert, J. (2020, February 13). To Rocket Americans Back to the Moon in 2024, NASA Says it Needs an Additional \$35 Billion over the Next 4 Years / J. Snouwaert. — Text : electronic // Business Insider. — URL: <https://www.businessinsider.com/nasa-requests-35-billion-budget-increase-for-moon-landing-mission-2020-2>.
28. Trotter, M. (2018, May 18). Former Oklahoma Congressman Bridenstine Appears to Have New Outlook on Climate Change / M. Trotter. — Text : electronic // Public Radio Tulsa. — URL: <https://www.publicradiotulsa.org/post/former-oklahoma-congressman-bridenstine-appears-have-new-outlook-climate-change>.
29. United States Government. National Aeronautics and Space Administration. — URL: <https://www.usa.gov/federal-agencies/national-aeronautics-and-space-administration>. — Text : electronic.
30. Waldman, S. (2018, May 18). New NASA Chief Says He Will Protect Climate Research / S. Waldman. — Text : electronic // Scientific American. — URL: <https://www.scientificamerican.com/article/new-nasa-chief-says-he-will-protect-climate-research/>.
31. Web of Science. — URL: <https://www.webofknowledge.com/>. — Text : electronic.
32. Whittington, M. (2020, July 12). House Appropriators Cut NASA's Moon Landing Funds; Will Senate Do Better? / M. Whittington. — Text : electronic // The Hill. — URL: <https://thehill.com/opinion/technology/506959-house-appropriators-cut-NASAs-moon%20anding-funds-will-senate-do-better>.

REFERENCES

33. Annushkin, V.I. (2009) *Yazyk i zhizn'. Kniga o russkom yazyke — rechi — slove (Language and Life. A Book on Russian Language — Speech — Text)*. — Moscow : Russkaya shkola. — (In Rus.)
34. Aristotle (2000). *Ritorika. Poetika [Rhetoric. Poetics]*. — Moscow : Labirint. — (In Rus.)
35. Vinogradov, V.V. (1930). *O khudozhestvennoi proze [On Fictional Prose]*. — Moscow ; Leningrad : Gosudarstvennoe izdatel'stvo. — (In Rus.)
36. Gavrilova, M. V. (2017). The Impact of Political Word: Centenary of the Russian Revolution // *Political Linguistics Journal*. No 4 (64). P. 10—17. — (In Rus.)
37. Gofman, V. A. (1932). *Slovo oratora (ritorika i politika) [Orator's Speech (Rhetoric and Politics)]*. — Leningrad : Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade. — (In Rus.)
38. Danilina, V. V. (1998) *Rhetoric as a Tool of Governance. Predmet ritoriki i problemy ee prepodavaniya: Materialy Pervoi Vserossiiskoi konferentsii po ritorike. Moskva 1997 g., 28-30 yanvarya. [What is Rhetoric and How to Teach it. Proceedings of the First National Conference on Rhetoric. Moscow, January 28-30, 1997]*. — Moscow : Dobrosvet. — P. 273—278. — (In Rus.)
39. Il'in, A.L., Kadatskii, V.F., Nikiforov, K.V. & Pikhoya, L.G. (1999). *Otvuk slova. Iz opyta raboty spichraiterov pervogo prezidenta Rossii [An Echo of Speech. Working as Speechwriters of the First Russian President]*. — Moscow : Tsentr politicheskogo konsaltinga «Niccolo M» : IMA-press. — (In Rus.)
40. Koretskaya, O. V. (2017). Linguostylistic Features of Donald Trump's Political Rhetoric // *Prepodavatel XXI vek*. No 2-2. — P. 349—355. — (In Rus.)
41. Matyunenko, Yu. (2018). Political Positioning of Governors: Case Study of the Kirov Region // *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*. — No 27. — P. 163—178. — (In Rus.)
42. Minaeva, L.V. (2019). *Rech' v mire politiki [Speech in the World of Politics]*. — Moscow : Aspekt Press. — (In Rus.)
43. Mikhalskaya, A. K. (2018). War of Words. Rhetoric and Poetics of Propaganda // *Ecology of Language and Communicative Practice*. — No 3 (14). — P. 80—95. — DOI 10.17516/2311-3499-030. — (In Rus.)
44. Mikhalskaya, A. K. (1996). *Russkii Sokrat: Lektsii po sravnitel'no-istoricheskoi ritorike: Uchebnoe posobie dlya studentov gumanitarnykh fakul'tetov [Russian Socrates: Lectures on Comparative and Historical Rhetoric: A Handbook for Humanities Students]*. — Moscow : Academia, 1996. — (In Rus.)
45. Nechaeva, E. A. (2017). To the Question of the Research of Speech Influence Tactics Used in the Pre-Election Leaflets // *Political Linguistics Journal*. — No 6 (66). — P. 122—127. — (In Rus.)
46. Popov, M. N. (1906). *Politicheskoe krasnorechie. Chto nuzhno dlya oratora [Political Rhetoric. What an Orator Needs]*. — Saint Petersburg : S.M. Muller. — (In Rus.)
47. Rozhdestvenskii, Yu. V. (2004). *Teoriya ritoriki: uchebnoe posobie [Theory of Rhetoric. A Handbook] / ed. by V. I. Annushkin (3rd ed.)*. — Moscow : Flinta : Nauka. — (In Rus.)
48. Smolenenkova, V. V. (2018). *Osnovy ritoricheskoy kritiki: uchebnoe posobie [Fundamentals of Rhetorical Criticism. A Handbook]*. — Moscow : Forum : INFRA-M. — (In Rus.)
49. Hazarov, G. G. (2002). *Politicheskaja ritorika [Political Rhetoric]*. — Moscow : Niccolo Media. — (In Rus.)
50. Shiryayev, E.N., Graudina, L.K., Lazutkina, E.M. & Vinogradov, S.I. (1994). *Kul'tura parlamentskoi rechi (Culture of Parliamentary Speech)*. — Moscow : Nauka. — (In Rus.)
51. Yapparova, V. N. (2016). Some Features of Public Political Speech: As Exemplified in the Meeting Speech Genre // *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii*. — No 5. — P. 613—617. — (In Rus.)
52. Atkins, J. '...A 40-Year-Old Black Man Made the Point to Me': Everyday Knowledge and the Performance of Leadership in Contemporary British Politics / J. Atkins, A. Finlayson. — Text : unmediated // *Political Studies*. — 2013. — No 61 (1). — P. 161—177. — DOI 10.1111/j.1467-9248.2012.00953.x
53. Atkins, J. 'As Shakespeare so Memorably Said...': Quotation, Rhetoric, and the Performance of Politics / J. Atkins,

- A. Finlayson. — Text : unmediated // *Political Studies*. — 2016. — No 64 (1). — P. 164—181. — DOI 10.1111/1467-9248.12156.
54. Conway, L.G., Gornick, L.J., Burfeind, C., Mandella, P., Kuenzli, A., Houck, S.C., et al. Does Complex or Simple Rhetoric Win Elections? An Integrative Complexity Analysis of US Presidential Campaigns / L. G. Conway, L. J. Gornick, C. Burfeind, P. Mandella, A. Kuenzli, S. C. Houck [et al.]. — Text : unmediated // *Political Psychology*. — 2012. — Vol. 33. — Iss. 5. — P. 599—618. — DOI 10.1111/j.1467-9221.2012.00910.x
55. Crines, A. Rhetorical style and issue emphasis within the conference speeches of UKIP's Nigel Farage 2010—2014 / A. Crines, T. Heppell. — Text : unmediated // *British Politics*. — 2017. — No 12 (2). — P. 231—249. — DOI 10.1057/bp.2016.2.
56. Crines, A. Enoch Powell's 'Rivers of Blood' Speech: A Rhetorical Political Analysis / A. Crines, T. Heppell, M. Hill. — Text : unmediated // *British Politics*. — 2016. — No 11 (1). — P. 72—94. — DOI 10.1057/bp.2015.13.
57. Finlayson, A. From Beliefs to Arguments: Interpretive Methodology and Rhetorical Political Analysis / A. Finlayson. — Text : unmediated // *The British Journal of Politics and International Relations*. — 2007. — No 9 (4). — P. 545—563.
58. Finlayson, A. 'It Ain't What You Sayy ...': British Political Studies and the Analysis of Speech and Rhetoric / A. Finlayson, J. Martin. — Text : unmediated // *British Politics*. — 2008. — No 3 (4). — P. 445—464. — DOI <https://doi.org/10.1057/bp.2008.21>.
59. Grube, D. C. Sticky words? Towards a theory of rhetorical path dependency / D. C. Grube. — Text : unmediated // *Australian Journal of Political Science*. — 2016. — No 51 (3). — P. 530—545. — DOI 10.1080/10361146.2016.1171824.
60. Handberg, R. War and rumours of war, do improvements in space technologies bring space conflict closer? / R. Handberg. — Text : unmediated // *Defence and Security Analysis*. — 2018. — No 34 (2). — P. 176—190. — DOI: 10.1080/14751798.2018.1478181.
61. Iliev, I. R. Political rhetoric through the lens of non-parametric statistics: are our legislators that different? / I. R. Iliev, X. Huang, Y. R. Gel. — Text : unmediated // *Journal of the Royal Statistical Society Series A-Statistics in Society*. — 2019. — No 182 (2). — P. 583—604. — DOI 10.1111/rssa.12421.
62. Johnson, A. E. The "Scold of Black America": Obama, Race, and the African American Audience / A. E. Johnson. — Text : unmediated // *Howard Journal of Communications*. — 2017. — No 28 (2). — P. 174—185. — DOI 10.1080/10646175.2017.1290560.
63. Kelso, A. UK space policy and the politics of parliamentary debate / A. Kelso. — Text : unmediated // *Space Policy*. — 2016. — No 35. — P. 43—46. — DOI 10.1016/j.spacepol.2016.02.005.
64. Lamont, M. Trump's electoral speeches and his appeal to the American white working class / M. Lamont, B. Y. Park, E. Ayala-Hurtado // *British Journal of Sociology*. — 2017. — No 68 (S1). — S. 153—180. — DOI 10.1111/1468-4446.12315.
65. Lanham, R. A Handlist of Rhetorical Terms / R. Lanham. — 2nd ed. — Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1991. — Text : unmediated.
66. Lipsitz, K. Playing with Emotions: The Effect of Moral Appeals in Elite Rhetoric / K. Lipsitz // *Political Behavior*. — 2018. — No 40 (1). — P. 57—78. — DOI 10.1007/s11109-017-9394-8.
67. Martin, J. Situating Speech: A Rhetorical Approach to Political Strategy / J. Martin. — Text : unmediated // *Political Studies*. — 2015. — No 63 (1). — P. 25—42. — DOI 10.1111/1467-9248.12039.
68. Price-Thomas, G. Thickening Rhetorical Political Analysis with a Theory of Distance: Negotiating the Greek Episode of the Eurozone Crisis / G. Price-Thomas, N. Turnbull. — Text : unmediated // *Political Studies*. — 2018. — No 66 (1). — P. 209—225. — DOI 10.1177/0032321717708764.
69. Rountree, C. Leading over the Long Run: Rhetorical Consequentialism and Rhetorical Leadership / C. Rountree. — Text : unmediated // *Res Rhetorica*. — 2019. — No 6 (2). — DOI 10.29107/rr2019.2.1. — URL: <https://resrhetorica.com/index.php/RR/article/view/356>.
70. Strauss, C. How are language constructions constitutive? Strategic uses of conventional discourses about immigration / C. Strauss. — Text : unmediated // *Journal of International Relations and Development*. — 2013. — No 16 (2). — P. 262—293. — DOI 10.1057/jird.2012.18.
71. Stuckey, M. E. *Political Rhetoric* / M. E. Stuckey. — Piscataway, NJ : Transaction Publishers, 2015. — (Presidential Briefings Series). — Text : unmediated.
72. Walter, R. Rhetoric or Deliberation? The Case for Rhetorical Political Analysis / R. Walter. — Text : unmediated // *Political Studies*. — 2017. — No 65 (2). — P. 300—315. — DOI 10.1177/0032321716651898.

О. А. Дмитриев

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9051-5988

 E-mail: dmitrieva@gmail.com.

Актуализация концептов в международных альтернативных медиа

АННОТАЦИЯ. Статья представляет результаты проводимого исследования по интерпретации картины мира международными альтернативными медиа. Они ставят под сомнение информацию, содержащуюся в новостях мейнстримовских СМИ. Цель исследования — выявить концепты и семантические единства, которые используются телеканалами RT и Al Jazeera International при освещении важнейших тем международной жизни, в том числе и во время пандемии коронавируса.

Особое внимание уделяется трактовке понятий «концепт» и «картина мира» в трудах медиаисследователей и практиков. Автор опирается на исследования российских ученых, так как в западной науке понятие картины мира не изучалось как единое целое: оно фигурировало в различных областях знаний. Делается вывод о том, что концепты и формируемая с их помощью картина мира являются совокупностью знаний и представлений о мире, которые проявлялись в медиа до начала эпидемии коронавируса и актуализируются при описании текущих событий. В первой половине 2020 года привычные концепты стали видоизменяться в сознании людей прежде всего из-за пандемии коронавируса. Такая трансформация больше проявлялась не в мейнстримовских медиа, а на ресурсах, увеличивавших популярность по всему миру благодаря нестандартной подаче международных новостей. В привычных концептах стали появляться оттенки значений, ранее не использовавшихся в международных новостях.

Результаты анализа представлены в форме схем, которые отражают наиболее важные моменты проводимого автором исследования. Данная попытка классификации концептов позволяет систематизировать описание альтернативных медиа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: альтернативные медиа; новости; концепты; картина мира; освещение событий; лексическая семантика; семантические единицы; языковые средства; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Дмитриев Олег Аркадьевич, кандидат филологических наук, профессор департамента медиа НИУ «Высшая школа экономики»; советник МИА «Россия сегодня»; 109028, Россия, г. Москва, Хитровский пер., д. 2/8, корп. 5; e-mail: dmitrieva@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дмитриев, О. А. Актуализация концептов в международных альтернативных медиа / О. А. Дмитриев // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 72-79. — DOI 10.26170/pl20-05-07.

ВВЕДЕНИЕ

Под альтернативными медиа понимается совокупность информационных ресурсов, которые так же, как и мейнстримовские СМИ, могут быть организованы юридическими лицами или являться частной инициативой, однако имеют свою повестку дня, отличающуюся от мейнстримовских СМИ, работающих в том же самом сегменте целевой аудитории [Дмитриев 2019]. В проводимом исследовании крупных международных альтернативных медиа внимание сфокусировано на том, как они формируют картину мира с помощью концептов, которые могут представлять интерес для пользователей, не находящихся в мейнстримовских медиа альтернативные взгляды на мировые процессы.

В своей деятельности рассматриваемые международные альтернативные медиа, телеканалы RT (Российская Федерация) и «Al Jazeera International» (Катар), используют не только эфир, но и различные мультимедийные инструменты и платформы. Это позволяет привлечь к контенту не только тех, кому

интересен весь спектр мнений по текущим мировым вопросам, но и молодежную аудиторию, проявляющую интерес к международным событиям и получающую соответствующую информацию посредством соцсетей и других мультимедийных инструментов. Особую роль в данном случае играют те концепты, которые интерпретируются вышеупомянутыми СМИ для создания альтернативной картины мира.

В статье рассматриваются понятия «концепт», «картина мира» применительно к деятельности альтернативных медиа. Кроме того, приводятся результаты авторского исследования картины мира RT и «Al Jazeera International» в начале пандемии коронавируса, в марте — апреле 2020 года.

О ПОНЯТИЯХ «КОНЦЕПТ» И «КАРТИНА МИРА»

По своему характеру концепт — это обобщенное представление, которое получает языковое выражение в виде целого ряда языковых знаков. В разных культурах эти обобщенные, коллективные представления

© Дмитриев О. А., 2020

получают разную эмоциональную окраску [Левицкий 1998].

В научных исследованиях можно обозначить три основных подхода к пониманию термина «концепт». *Первый подход* больше внимания уделяет культурологии: культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними. Концепт занимает ключевое положение в коллективном языковом сознании, а потому их исследование становится чрезвычайно актуальным [Степанов 2001]. В отличие от понятий, концепты не только мыслятся, они переживаются, становясь предметом эмоций, симпатий и антипатий.

Второй подход представлен в исследованиях Н. Д. Арутюновой. Она трактует концепт как результат взаимодействия ряда факторов. Среди них — национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей. Концепты, по мнению исследователя, образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [Арутюнова 1999].

Сторонником *третьего подхода* является академик Д. С. Лихачев. Он считает, что концепт не возникает из значения слова, а является результатом столкновения денотата с личным опытом человека: концепт является посредником между словами и действительностью.

По замечанию Д. С. Лихачева, концепты возникают в сознании человека не только как намеки на возможные значения, но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом — поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т. п. Д. С. Лихачев также использовал понятие «концепт» для обозначения обобщенной мыслительной единицы [Лихачев 1993].

И. А. Стернин и З. Д. Попова определяют концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2003]. Данное определение представляется наиболее полным. Оно позволяет учесть все аспекты рассматриваемого нами явления.

Если говорить о понятии «картина мира» как о совокупности концептов, то в гумани-

тарных науках оно только начинает оформляться. А. П. Валицкая описывает картину мира как «способ систематизации коллективного знания, инструмент изучения истории культур, инструмент моделирования реальности» [Валицкая 2015]. В этом случае понятие «картина мира» выступает как универсальная категория. Оно выражает те представления об окружающем, которые возникают в сознании людей на основе приобретенных знаний на всех уровнях и во всех формах познания мира.

Само понятие «картина мира» не всегда упоминается зарубежными учеными. Однако как совокупность концептов и их репрезентации она отражается в различных трудах по философии языка. Исследователь из Университета Северной Каролины Уильям Лайкен рассматривает совокупность семантических значений, которые определяют убеждения человека [Lysan 2000]. Вместе с тем допускается, что в данном смысле совокупность значений не является абсолютной, так как в отдельно взятом дискурсе некоторые концепты не могут быть актуализованы, но могут пригодиться для будущей актуализаций. Например, в начале 2020 г. концепт «коронавирус» обозначал лишь болезнь, которую многие не воспринимали как нечто опасное для всего человечества. Последующие события показали, что заболевание опасно. Тем самым происходит фиксация языкового горизонта определенной группы медиапотребителей.

Культуролог В. В. Касевич рассматривает «картину мира» как совокупность знаний, отражающих «реальные представления о мире и человеке, свойственные членам данного культурно-исторического сообщества на определенном этапе его развития» [Касевич 1996]. Понятие «картина мира» неразрывно связано с категориями времени и пространства, в которых каждый раз происходит актуализация данного понятия. Однако и при этой «синхронной актуализации» картины мира возможны как временные, так и пространственные изменения, связанные с полнотой указываемых концептов, а также с предпочтениями определенной группы медиапотребителей [Райхенбах 2010].

Кроме этого, немаловажным ценностным фильтром, который постоянно актуализируется индивидами, является парадигма «свой — чужой». Описывавший ее К. Берк исходит из понимания того, что люди постоянно ассоциируют себя с определенной группой, которая исповедует определенные ценности и ценностные ориентации [Burke 1969]. Для убеждения адресата автор сообщения должен стать для него в какой-то мере «своим»,

т. е. близким по убеждениям. При этом «чуждость» другого человека тоже несет смысловую нагрузку: она воспринимается как ценностная ориентация, противоположная убеждениям адресата [Налимов 2011].

Тем самым на повестку дня выдвигается понятие «социальная идентичность» — знание индивида о своей принадлежности к определенному слою населения [McLeod www]. Социальная идентичность применительно к политическим взглядам и социальным установкам актуализируется каждый день. Зачастую в таком дискурсе присутствуют слова с сильным коннотативным компонентом — такие как «катастрофы», «революция», «скандал», «мятеж», «перемены». В этом случае люди не только сами могут использовать свой собственный потенциал, но и актуализировать коммуникативные стратегии других, иногда даже конкурентных социальных групп [Ценностная картина мира англоязычного социума 2019].

При описании картины мира зачастую используется немецкое слово «Darstellung», которое означает процесс представления того или иного явления в массмедиа: событие реальной действительности проходит редакционную обработку. В результате этого создается медиаобраз, видоизмененное отражение освещаемого элемента действительности. Серия таких образов формирует определенную медийную картину реальности, которая впоследствии транслируется средствами коммуникации. После того, как она достигает потребителя, в зависимости от уровня медиаграмотности человек может осмыслить информацию, подвергнуть ее сомнению либо принять в качестве реальной, действительной и единственно правильной [Фортулатов 2009]. В последнем случае индивид воспринимает события уже через призму медийной картины мира и теряет связь с реальной действительностью. Говоря другими словами, он погружается в медиареальность.

Таким образом, концепты и формируемая с их помощью картина мира являются совокупностью предыдущих знаний и представлений о мире, которые актуализируются при описании текущих событий. Однако в первой половине 2020 г. привычные концепты стали видоизменяться в сознании людей прежде всего из-за пандемии коронавируса. Такая трансформация особенно была заметна не в мейнстримовских медиа, а на ресурсах, которые завоевали популярность по всему миру благодаря нестандартной подаче международных новостей: в уже при-

вычных концептах стали появляться оттенки значений, которые ранее не встречались в международных новостях.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАРТИНЫ МИРА НА RT И «AL JAZEERA INTERNATIONAL»

При анализе мультимедийного контента мы выбрали ключевую тему мировых новостей весны 2020 г. — борьбу с коронавирусом. Для исследования были выбраны международные альтернативные медиа, которые вещают из неанглоязычных стран — на телеканалах RT (известном в России как *Russia Today*) и *Al Jazeera* из Катара. Эти СМИ смогли завоевать определенную популярность, даже несмотря на давление со стороны правительств ряда стран: оба телеканала ограничены в производственных возможностях в США, RT проходит через судебные тяжбы в Великобритании, а «Al Jazeera» запрещена в Арабской Республике Египет после так называемой «арабской весны» 2011 г.

Материал анализа органичен двумя неделями с 31 марта по 13 апреля 2020 года: в выбранный нами промежуток времени наблюдался резкий рост числа инфицированных коронавирусом в России, странах Западной Европы и в Северной Америке. Нами были проанализированы более 500 мультимедийных статей разного жанра — новости, мнения экспертов, редакционные статьи, видеоматериалы, а также мультимедийные статьи с элементами видео и инфографики. В основном материалы были взяты с сайтов рассматриваемых альтернативных медиа: *rt.com* и *www.aljazeera.net*.

На основании материалов исследования телеканала RT и его онлайн-ресурсов нами были выявлены следующие концепты, которые прослеживались в нескольких материалах на протяжении марта — апреля 2020 г.:

- Коронавирус (Covid-19);
- Китай;
- США (Америка);
- Великобритания (UK);
- Европа (Евросоюз);
- Россия.

Такой лингвострановедческий уклон был продиктован самим характером международных новостей. В ходе исследования была обнаружена взаимосвязь между проанализированными нами концептами и семантическими единствами, которые входят в их состав. Графическая репрезентация представлена нами на рисунке 1.

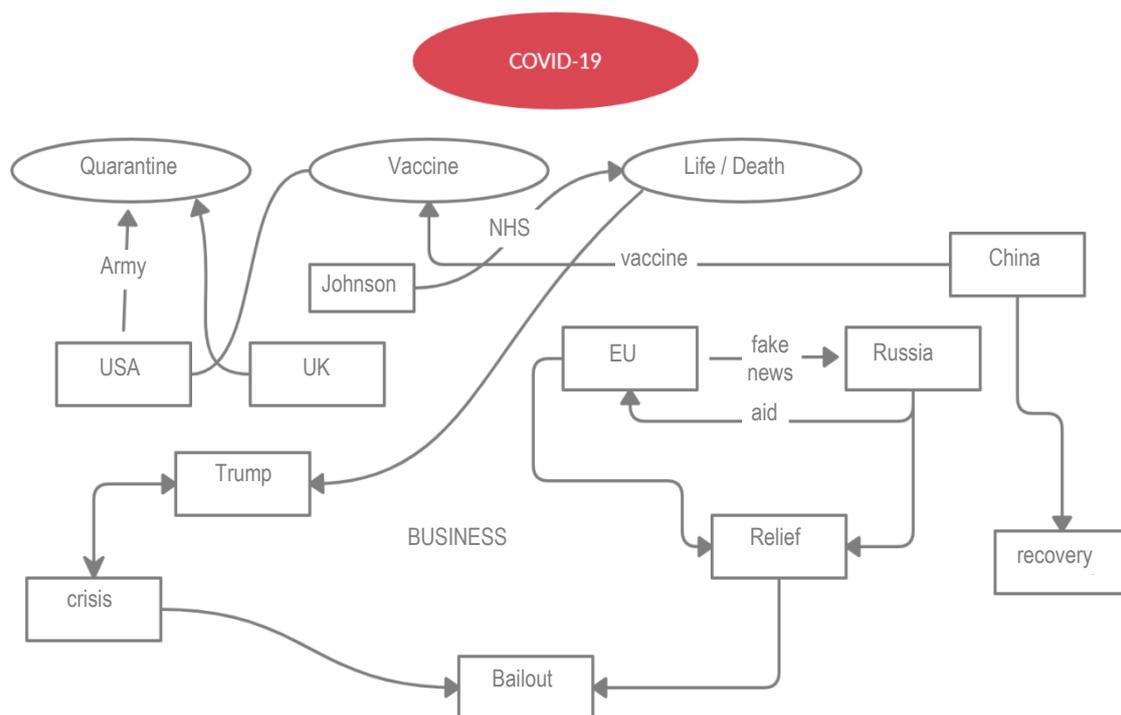

Рис. 1. Интерпретация картины мира телеканалом RT

На данном рисунке видно, что все концепты, обозначающие страны и регионы, располагаются на одном уровне. Стрелочками обозначены взаимодействия между концептами и включенными в них семантическими единствами. В частности, на основании этой схемы становится понятно, что есть лексико-семантические единства, трактовка которых не вполне ясна. Например, рассматривались материалы, согласно которым многие европейские чиновники воспринимают RT как «пропагандистский рупор Кремля», что, по мнению Брюсселя, не позволяет говорить о работе канала как о журналистике. В ответ на это канал RT опубликовал статью об исследовании двух ученых из Манчестера, которые не обнаружили в действиях редакции признаков пропаганды.

Claims by the EU diplomatic service that RT is spreading fake news about the coronavirus pandemic are misleading and based on bad methodology, according to a duo of Manchester researchers focused on monitoring the channel.

In their crosshairs was the alarming report by the European External Action Service (EEAS) — specifically, its public relations shop EastStratCom — published last month. Mainstream Western media outlets uncritically parroted EEAS allegations, such as that “Russian pro-Kremlin media” were conducting a “significant disinformation campaign” to stoke “confusion, panic and fear” in the West and “aggravate the coronavirus pandemic crisis” [Malic 2020].

Данный фрагмент демонстрирует главный аргумент исследователей, который приводится в Брюсселе — это «bad terminology». Текст также усиливается повтором выражений с сильной коннотацией, в которых содержится главная суть обвинений.

В материалах ресурсов RT не прослеживается однозначной трактовки личности ни одного из лидеров. Трамп, с одной стороны, критикуется как человек, который не смог вовремя предвидеть все последствия развития коронавируса на северо-востоке США. С другой стороны, он координирует все силы в борьбе с катастрофой. Зачастую для характеристики политических перспектив RT использует «лидеров мнений» из разных стран, в том числе известных блогеров и комиков, таких как Джо Роган.

Speaking to Thiel Capital director Eric Weinstein on Friday, Rogan accused the Democratic Party of making “us all morons with this Joe Biden thing.”

“I can’t vote for that guy,” Rogan said. “I’d rather vote for Trump than [Biden]. I don’t think he can handle anything. You’re relying entirely on his cabinet” [Democrats make us all morons, I can’t vote for this guy’... 2020].

Здесь мы видим оценочные, зачастую даже оскорбительные слова в адрес Демократической партии США, которые произносит Роган. Это отражает отношение редакции к политической полемике между демократами и республиканцами. Несмотря на жесткую критику решений Трампа, в ряде

материалов RT он выступает как положительный герой. И это особенно касается темы предстоящих выборов.

Положительные коннотации для Китая и России и лидеров этих стран автор считает главной отличительной чертой интерпретации данных событий на ресурсах RT. Данные концепты не получают положительную коннотацию в мейнстримовских медиа: они актуализируются не за счет коннотативных оттенков значений, а за счет развитых денотативных компонентов, а также обилия цифр и фактов.

При освещении пандемии на «Al Jazeera International» были выделены следующие концепты:

- Коронавирус (COVID-19);
- Америка (America);
- Европа (Europe);
- Ближний Восток (Middle East);
- Израиль (Israel);
- Азия (Asia);
- Россия (Russia).

Как и при анализе концептов RT, нами была обнаружена тесная взаимосвязь между концептами, семантическими единствами, существующими всемирными реалиями и универсалиями, а также редакционной политикой катарского медиахолдинга, который опосредованно контролируется эмиром Катара. Концепты и репрезентации представлены на рисунке 2.

Данная диаграмма показывает следующие основные элементы освещения коронавируса:

– образы всех мировых лидеров (Дональд Трамп, Владимир Путин, Борис Джонсон, Си Цзиньпин) подаются так, что рисуются портреты полных решимости ведущих политиков, которые пока не могут разобраться с главной на сегодняшний день проблемой — высокой скоростью распространения коронавируса по планете. При этом Путин и Си Цзиньпин представляются как конструктивные политики в других делах, например, в достижении российским руководством компромисса с Саудовской Аравией по линии ОПЕК плюс;

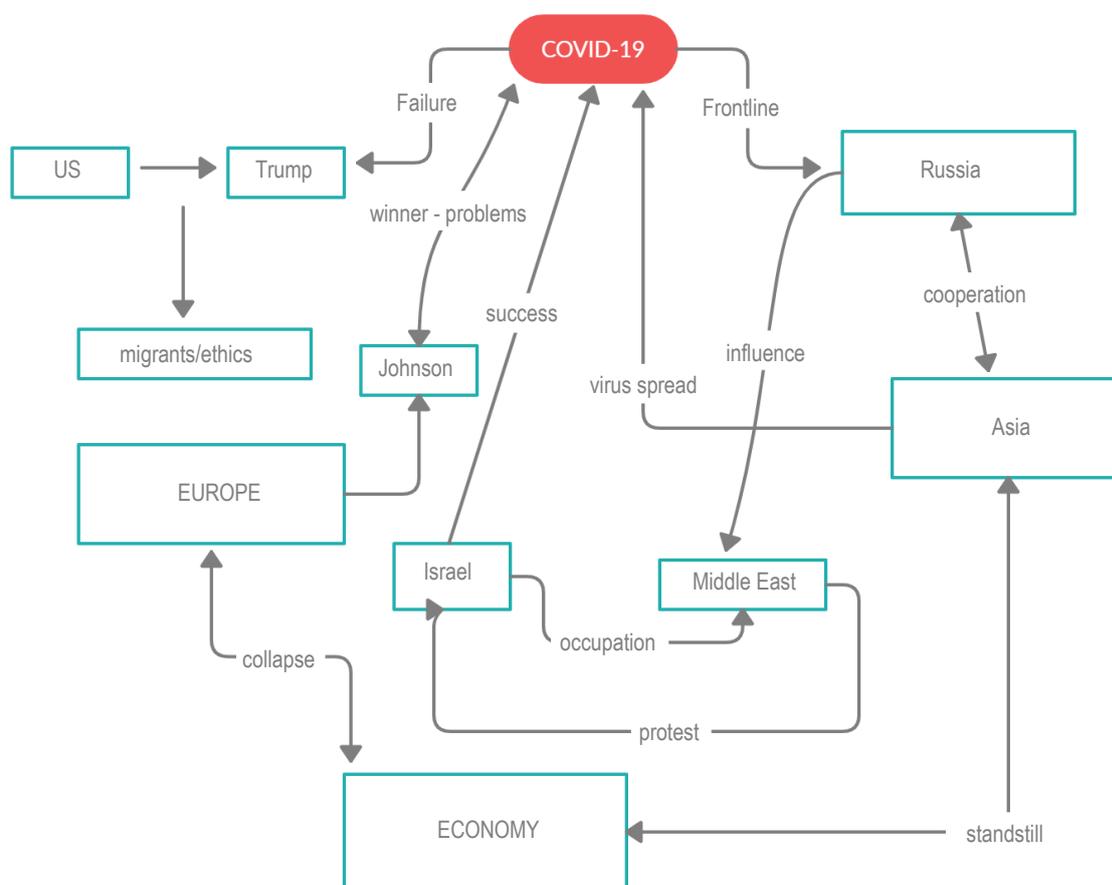

Рис. 2. Интерпретация картины мира телеканалом «Al Jazeera International»

– на фоне данной решимости прослеживается главный недостаток внутренней политики ряда стран, а именно неспособность защитить от пандемии бедные слои населения, а также этнические меньшинства. Это в большей степени относится к Великобритании, США, Германии, Израилю. При этом причины и корни проблем в каждой стране свои: в США — неспособность изменить ситуацию с афроамериканскими сообществами и выходцами из Латинской Америки; в Израиле — зачастую предвзятое, по мнению редакции «Al Jazeera», отношение к здоровью населения на палестинских территориях — на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа;

– телеканал «Al Jazeera» крайне резко относится к любым попыткам стороннего вмешательства в решение проблем «Арабского мира» со стороны мировых сверхдержав. Это относится как к США, союзнику Израиля в возможном урегулировании арабо-палестинского конфликта, так и к России, поддерживающей правительство Сирии в уничтожении на своей территории отрядов террористических организаций. Поэтому при освещении концептов, обозначающих указанные страны, редакция в Дохе прибегает к использованию экспрессивных речевых средств, которые подчеркивают и обосновывают непримиримую позицию государства Катар по данному вопросу.

Автором также были отмечены истории, которые демонстрируют подчеркнутую иронию редакции «Al Jazeera» по отношению к жителям Государства Израиль.

Many of the country's Jews and Muslims, and some Christian religious leaders, wear beards as a mark of faith, and the government order raised questions as to how facial hair would be accommodated. Health Ministry Associate Director-General Itamar Grotto said masks would be adapted accordingly.

"We are creating an industrial certification for masks, which means that in a few days there will really be masks of different sizes," he told Army Radio. "[So] those with beards will be able to use the appropriate masks" [COVID-19: Israel to produce special masks... www].

В статье о масках для «ортодоксов» подчеркивается и возможная жесткая мера, которая вызывает большой интерес со стороны целевой аудитории: указание брить бороды для ограничения распространения коронавируса. Борода на Ближнем Востоке воспринимается и у арабов, и у израильтян как важный атрибут для любого мужчины. Поэтому интерес к данному факту чрезвычайно высок. «Al Jazeera» сосредотачивается на описании ситуации в городах региона,

которые стали неожиданно для всех очагами коронавируса. Одно из таких мест — Бсарре на северо-востоке страны, в регионе, который знаменит ливанскими кедрями.

In an attempt to identify and contain the outbreak in the town, the hospital implemented widespread testing for the virus among residents, and has carried out some 600 tests.

"We have implemented the German protocol — massive testing, random testing, following every case. With this system, we are not in danger," Geagea told Al Jazeera [Azhari www].

Разносчиками инфекции стали жители Бейрута, которые решили переждать пандемию в родных местах. Однако особый упор в этой статье сделан не на проблему, а на пути ее решения с помощью различных видов тестирования, в том числе и по так называемому «немецкому протоколу», который является симбиозом общего и выборочного тестирования. Тем не менее приводятся слова одного из специалистов, который назвал происходящее «уроком для всего остального Ливана».

Большое внимание на ресурсах «Al Jazeera» уделяется освещению опросов общественного мнения, которые проводятся в разных странах по ключевым проблемам мировой политики и международных отношений. При рассмотрении указанных нами концептов выявлено: вне зависимости от характера источника — мейнстримовского либо альтернативного — каждое из исследований отличается точностью, сбалансированностью и аргументированностью.

СРАВНЕНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАРТИН МИРА НА RT И «AL JAZEERA»

При сравнительном анализе картин мира на ресурсах альтернативных международных медиа нами обнаружено освещение схожих концептов, а именно:

- COVID-19;
- Америка;
- Европа;
- Россия.

Разница в актуализации других концептов обусловливается географическими и геополитическими особенностями.

Доля альтернативной аудитории на Британских островах заставляет телеканал RT выделять Соединенное Королевство как отдельный лингвокультурологический концепт, в котором актуализируются значимые для целевой аудитории семантические единства, демонстрирующие важные для британской аудитории реалии по противодействию коронавирусу.

Кроме того, редакция RT старается представить отличный от мейнстримовского

взгляд на положение дел в Китае, который по праву считается одним из главных экономических и геополитических конкурентов США на международной арене. При этом актуализируются лексико-семантические единства как с положительной, так и с резко отрицательной коннотацией; у «Al Jazeera» освещение действий Китая осуществляется с помощью лексем с исключительно денотативным значением.

Разница в интерпретации реалий между RT и «Al Jazeera» заметна в освещении работы глав государств. Например, в материалах ресурсов RT, как уже было отмечено, не прослеживается однозначной трактовки действий мировых лидеров. В материалах «Al Jazeera» Трамп выглядит более решительным и резким в принятии решений, что вызывает раздражение в других частях света.

На телеканале RT Владимир Путин представлен в образе активного политического деятеля. Однако положительная сторона данной трактовки оказывается в оппозиции к обвинениям со стороны Евросоюза в политических играх и распространении якобы ложной информации о других странах. В интерпретации телеканала «Al Jazeera» российский президент представлен как лидер, не всегда обращающий внимание на проблемы внутри Российской Федерации. Это главное отличие в описаниях картин мира рассматриваемых нами телеканалов.

К сходствам в описании картины мира у RT и «Al Jazeera» относится резкая критика позиций европейских стран и Евросоюза по проблеме коронавируса. В материалах обоих СМИ показана неспособность координирующих органов единой Европы быстро решать насущные вопросы.

Также автор выявил нечеткость в формулировках применительно к описанию ресурсами RT деловой активности и взаимодействия между участниками глобального рынка. Это объясняется неопределенностью в развитии политических процессов, которая сложилась в мире к апрелю 2020 г. Это создает контраст с позицией телеканала «Al Jazeera», который освещает экономические реалии с помощью отчетов и опросов, взятых из проверенных, достоверных и признанных на Западе источников информации — как мейнстримовских, так и альтернативных.

Вышеизложенные примеры показывают парадигму изменения концептов и самой картины мира в международных альтернативных медиа. В будущем планируется провести еще одно исследование, которое про-

демонстрирует дальнейшие модификации концептов при освещении ситуации, связанной с пандемией.

ИСТОЧНИКИ

1. Azhari, T. Why this remote town in Lebanon has become a coronavirus hot spot / Timour Azhari. — Text : electronic // Aljazeera. — 2020. — 16 Apr. — URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/04/remote-town-lebanon-coronavirus-hot-spot-200416111617194.html>.
2. COVID-19: Israel to produce special masks to accommodate beards // Aljazeera. — 2020. — 6 Apr. — URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/04/covid-19-israel-produce-special-masks-accommodate-beards-200406091352394.html>. — Text : electronic.
3. ‘Democrats make us all morons, I can’t vote for this guy’ – Joe Rogan balks at Biden, apparently backs Trump // RT. — 2020. — 4 Apr. — URL: <https://www.rt.com/usa/484993-joe-rogan-trump-biden/>. — Text : electronic.
4. Malic, N. No Covid-19 fake news on RT, EU accusations are ‘problematic’ – UK watchdog / Nebojsa Malic. — Text : electronic // RT. — 2020. — 7 Apr. — URL: <https://www.rt.com/news/485230-eu-russian-disinformation-debunked/>.

ЛИТЕРАТУРА

5. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с. — Текст : непосредственный.
6. Валицкая, А. П. Новая школа России: культуротворческая модель : моногр. / А. П. Валицкая. — Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. — 146 с. — Текст : непосредственный.
7. Дмитриев, О. А. Инструментарий альтернативных медиа в привлечении аудитории в условиях мультимедийности / О. А. Дмитриев. — Текст : непосредственный // МедиаАльманах. — 2019. — № 1. — С. 40—47.
8. Касевич, В. Б. Буддизм. Картина мира / В. Б. Касевич. — Санкт-Петербург, 1996. — 288 с. — Текст : непосредственный.
9. Левицкий, Ю. А. Проблема типологии текстов / Ю. А. Левицкий. — Пермь, 1998. — 225 с. — Текст : непосредственный.
10. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев. — Текст : непосредственный // Известия Академии наук СССР. Сер. лит. и яз. — 1993. — Т. 52. — № 1. — С. 4.
11. Налимов, В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / В. Налимов. — Москва : Академический проект, 2011. — 399 с.
12. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Изд-во ВГУ, 2003. — 60 с. — Текст : непосредственный.
13. Райхенбах, Х. Направление времени / Х. Райхенбах. — Москва : Едиториал УРСС, 2010. — 364 с. — Текст : непосредственный.
14. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва, 2001. — 989 с.
15. Фортунатов, А. Н. Взаимодействие субъектов социальной коммуникации в медиареальности : дис. ... д-ра филос. наук / А. Н. Фортунатов. — Нижний Новгород, 2009. — 355 с. — Текст : непосредственный.
16. Ценностная картина мира англоязычного социума / под общ. ред. Е. Г. Хомяковой. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. — 204 с. — Текст : непосредственный.
17. Burke, K. A Rhetoric of motives / K. Burke. — University of California Press, 1969. — 340 p. — Text : unmediated.
18. Lycan, W. Philosophy of the language. Contemporary Introduction. — London : Routledge, 2000. — 234 p.
19. McLeod, S. A. Social identity theory. Simply psychology / S. A. McLeod. — 2019. — 24 Oct. — URL: <https://www.simplypsychology.org/social-identity-theory.html>. — Text : electronic.

O. A. Dmitriev

HSE University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-9051-5988

 E-mail: dmitrievoa@gmail.com.

Actualization of Concepts in International Alternative Media

ABSTRACT. *The article presents the results of a study of the interpretation of the worldview by international alternative media. It is underlined that they do not trust the information broadcast by the mainstream media. The aim of the study is to reveal the concepts and semantic units used by RT and Al Jazeera International in the coverage of most important global issues, including those of the COVID-19 pandemic.*

Special attention is paid to the interpretation of the notions “concept” and “worldview” by media scholars and professionals. The author’s approach is based mostly on the investigations of Russian linguists — in the Western scholarly tradition, the worldview has not been studied by a separate linguistic theory; it is the object of investigation of various branches of science alongside other issues. The author makes a conclusion that the concepts and the worldview formed with their help constitute a unity of knowledge and ideas about the world described by mass media before the COVID-19 pandemic and are actualized in the coverage of the current events. However, in the first half of 2020, the habitual concepts started to change due to the coronavirus pandemic. This transformation was better seen not in the mainstream media but on the example of the resources that won worldwide popularity due to the non-standard approach to international news presentation. The usual concepts started to get shades of meaning that had not been used in international news broadcasts.

The results of the study are presented in the form of schemes that highlight the key moments of the investigation undertaken by the author of the article. This attempt at concept classification allows the researcher to systematize the description of alternative media.

KEYWORDS: *alternative media; news; concepts; worldview; highlighting events; lexical semantics; semantic units; linguistic means; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media, language of mass media.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Dmitriev Oleg Arkad’evich, Candidate of Philology, Professor of Mass Media Department of HSE University, Moscow; Advisor to “Rossiya Segodnya” News Agency, Moscow, Russian Federation.*

FOR CITATION: *Dmitriev, O. A. Actualization of Concepts in International Alternative Media / O. A. Dmitriev // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 72-79. — DOI 10.26170/pl20-05-07.*

MATERIALS

1. Azhari, T. Why this remote town in Lebanon has become a coronavirus hot spot / Timour Azhari. — Text : electronic // Aljazeera. — 2020. — 16 Apr. — URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/04/remote-town-lebanon-coronavirus-hot-spot-200416111617194.html>.

2. COVID-19: Israel to produce special masks to accommodate beards // Aljazeera. — 2020. — 6 Apr. — URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/04/covid-19-israel-produce-special-masks-accommodate-beards-200406091352394.html>. — Text : electronic.

3. ‘Democrats make us all morons, I can’t vote for this guy’ – Joe Rogan balks at Biden, apparently backs Trump // RT. — 2020. — 4 Apr. — URL: <https://www.rt.com/usa/484993-joe-rogan-trump-biden/>. — Text : electronic.

4. Malic, N. No Covid-19 fake news on RT, EU accusations are ‘problematic’ – UK watchdog / Nebojsa Malic. — Text : electronic // RT. — 2020. — 7 Apr. — URL: <https://www.rt.com/news/485230-eu-russian-disinformation-debunked/>.

REFERENCES

5. Arutyunova N. D. Language and the world of the human being. — Moscow : Languages of Russian culture, 1999. 896 p. [Yazyk i mir cheloveka / N.D.Arutyunova. M. : Yazyki Russkoi Kultury, 1999. 896 p.] — (In Rus.)

6. Valitskaya A. P. New school in Russia: a cultural creative model. — Saint Petersburg : RGPU Publishing house, 2015. — 146 p. [Novaya shkola Rossii: kulturotvorcheskaya model / A. P. Valitskaya. — SPb, Izd-vo RGPU, 2015, 146 p.] — (In Rus.)

7. Dmitriev O. A. Instruments of alternative media for accumulation of the audience in the multimedia age // Mediaalmanah. 2019. No 1. P. 40—47. [Instrumentarii alternativnykh media v privlechenii auditoria v usloviakh multimediinosti / O. A. Dmitriev // Mediaalmanah. 2019. No 1. P. 40—47]. — (In Rus.)

8. Kasevich V. B. Buddhism. World view. — Saint Petersburg, 1996. 288 p. [Buddism. Kartina Mira / V.B. Kasevich— SPb., 1996. — 288 p.] — (In Rus.)

9. Levitsky Yu. A. Problem of text typology. — Perm, 1998. 225 p. [Problema tipologii tekstov. / Levitsky Yu.A. Perm, 1998. 225 p.] — (In Rus.)

10. Likhachyov D. S. Concept sphere of the Russian Language // News of the USSR Academy of Sciences, Literature and language. 1993. Vol. 52. No 1. P. 4. [Kontseptoshema russkogo yazyka /D.S. Likhachyov, Izvestiya AN SSSR, Literatura I yazyk, 1993. T. 52. No 1. P. 4] — (In Rus.)

11. Nalimov V. R.sandomness of conscience. Probability theory of sense and senses of architectonicity. — Moscow : Academic project, 2011. 399 p. [Spontannost’ soznaniya. Veroyatnostnaya teoriya smysla i smysl arhitektonichnosti./ V.Nalimov. M. Academicheskyy project, 2011, 399p.] — (In Rus.)

12. Popova Z. D., Stermin I. A. Language and national view on the world. — Voronezh, VGU Publishing, 2003. 60p. [Yazyk i natsional’naya kartina mira/ Z.D.Popova, I.A. Stermin. Voronezh, VGU Publishing, 2003. 60p.] — (In Rus.)

13. Raihenbah H. The Direction of Time — Moscow : Editorial URSS, 2010. 364p. [Napravlenie vremeni / H.Raihenbach. M. Editorial URSS, 2010. 364 p.] — (In Rus.)

14. Stepanov Yu. S. Constants. Dictionary of Russian Culture. — Moscow, 2001. — 989 p. [Konstanty/ Yu.S. Stepanov, Slovar’russkoi kultury. M., 2001. 989 s.] — (In Rus.)

15. Fortunatov A. N. Interaction of subjects for social communication in mediareality : Dissertation, Doctor of Philosophy. — Nizhny Novgorod, 2009. — 355p. [Vzaimodeistvie subjektov sotsial’noi kommunikatsii v mediarealnosti./ A.N. Fortunatov. Diss. Doctor of Philosophy. — Nizhny Novgorod, 2009. 355p.] — (In Rus.)

16. Values Worldview for English Language Social Sphere (edited by E. G. Khomyakova). — Saint Petersburg : SPbGU Publishing, 2019. — 204 p. [Tsennostnaya kartina mira angloyazychnogo sotsiuma / pod.red. E.G. Khomyakovoi]. SPb: Izd-vo SPbGU, 2019, 204 p.] — (In Rus.)

17. Burke, K. A Rhetoric of motives / K. Burke. — University of California Press, 1969. — 340 p. — Text : unmediated.

18. Lycan, W. Philosophy of the language. Contemporary Introduction. — London : Routledge, 2000. — 234 p.

19. McLeod, S. A. Social identity theory. Simply psychology / S. A. McLeod. — 2019. — 24 Oct. — URL: <https://www.simplypsychology.org/social-identity-theory.html>. — Text : electronic.

Н. Б. Дубенец

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

ORCID ID: —

 E-mail: dubenetsnb@mail.ru.

Реализация менасивного речевого акта в американском дипломатическом дискурсе (на примере высказываний Дональда Трампа в «Твиттере»)

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена изучению реализации речевого акта угрозы в американском внешне-политическом дискурсе. Освещаются различные типы речевого акта угрозы: угрозы-предупреждения, угрозы-наказания, угрозы с прямым и косвенным значением, также подробно рассматривается понятие и роль речевой ситуации в менасивном речевом поведении. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения такого нового феномена международных отношений, как «твитпломатия» в ситуации политического конфликта. Целью исследования является рассмотрение на различных уровнях: прагматическом, семантическом и грамматическом — характерных черт менасивного речевого поведения Дональда Трампа в дипломатическом социомедийном дискурсе в ситуации международного конфликта США с другими государствами. Материалом исследования послужили опубликованные в «Твиттере» англоязычные посты Дональда Трампа, содержащие угрозы в адрес руководителей других стран. Используются методы дескриптивного и интерпретативного анализа. Проанализированные примеры позволили автору статьи сделать вывод о том, что с точки зрения прагматики дискурса менасивное речевое поведение американского президента Дональда Трампа выполняет следующие функции: принудительную, манипулятивную, превентивную, имиджевую. На вербальном уровне речевые акты угрозы Трампа имеют семантическую и грамматическую маркированность. За счет использования сразу нескольких речевых актов агональности Трампу удается достичь наибольшего прагматического эффекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дипломатический дискурс; политический дискурс; политические деятели; американские президенты; языковая личность; лингвоперсонаология; политическая риторика; речевые тактики; речевые стратегии; речевое поведение; речевые акты; угрозы; менасивное речевое поведение; речевая ситуация; политические конфликты; международные отношения; Интернет; интернет-пространство; интернет-коммуникация; социальные сети.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Дубенец Нина Борисовна, аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20а; e-mail: dubenetsnb@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дубенец, Н. Б. Реализация менасивного речевого акта в американском дипломатическом дискурсе (на примере высказываний Дональда Трампа в «Твиттере») / Н. Б. Дубенец // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 80-86. — DOI 10.26170/pl20-05-08.

«Твитпломатия» Дональда Трампа стала уже отдельным феноменом международных отношений. Американский президент нарушает каноны дипломатического дискурса, отличительной чертой которого всегда была завуалированность критики, конвенциональный политекс, косвенность обвинений, отсутствие прямых угроз. Риторика американского президента отличается жесткостью высказываний, прямолинейностью, чрезмерной эмоциональностью и крайней агрессивностью в отношении политических оппонентов, что находит подтверждение в частом использовании стратегии устрашения.

Стратегия устрашения как один из методов информационной войны (на этапе эскалации политического конфликта) находит дикурсивное выражение в политическом тексте посредством речевых действий разоблачения, обвинения, угрозы [Блох 2015: 75—79]. При этом угроза, по мнению специалистов, является базовой категорией для

всего многообразия менасивных речевых актов в современном английском языке [Эпштейн 2009: 216].

Прагматика угрозы заключается в том, что говорящий пытается заставить слушателя сделать что-то под угрозой наказания. Речевой акт угрозы относится к агрессивным речевым актам. Обращение к менасивному речевому поведению в политическом мире в случае напряженных международно-дипломатических отношений или военного конфликта объясняется тем, что данный речевой акт апеллирует к такой сильной деструктивной эмоции, как страх. Страх способен лишить адресата угрозы объективного и рационального восприятия действительности, превращая его в удобную мишень для запугивания и манипулирования. Главная цель речевого акта угрозы во внешнеполитическом дискурсе — заставить политического оппонента выполнить выгодные для адресата угрозы действия либо отказаться от выполнения каких-либо действий. Рече-

вой акт угрозы реализуется в модели отношений «тиран — жертва», при этом угрозы являются мощным инструментом удержания власти над «жертвой».

При реализации речевого акта угрозы большую роль играет речевая ситуация, подразумевающая конкретные обстоятельства, в которых происходит речевое взаимодействие. Речевая ситуация состоит из следующих основных компонентов: участников общения; места и времени общения; цели общения; обратной связи между участниками общения [Радугин 2004: 256].

Различают два основных типа угрозы: угроза-наказание и угроза-предупреждение. «Угрозы-наказания реализуются в ситуациях, когда адресат сделал что-то нежелательное для говорящего, и он предупреждает адресата о наказании, которое за это последует». Истолкование угрозы-наказания, согласно А. Н. Баранову, выглядит следующим образом: «X угрожает / грозит, Y-у, что сделает P = „X говорит Y-у, что сделает P — нечто плохое для Y-ка, из-за того, что X сделал что-то плохое Y-ку (=Q), чтобы Y боялся P и осознал, что нехорошо делать плохое для X-а (в том числе и Q) и не делал это в будущем“» [Баранов 2013].

«Угроза-предупреждение используется в тех случаях, когда говорящий понимает, что адресат может совершить нечто нежелательное для него (или связанных с ним лиц), и пытается предотвратить это. Истолкование угрозы-предупреждения: «X угрожает/грозит Y-ку, что сделает P (чтобы Y не делал Q) = X говорит Y-ку, что сделает P — нечто плохое для Y-ка, если Y сделает Q — что-то плохое для X-а, чтобы X боялся P и из-за этого не делал Q» [Баранов 2013].

Примером угрозы-предупреждения может служить обращение американского президента, опубликованное им в «Твиттере»:

(1) *Russia vows to shoot down any and all missiles fired at Syria. **Get ready Russia, because they will be coming, nice and new and «smart».** You **shouldn't be partners** with a Gas Killing Animal who kills his people and enjoys it!*

Американский президент предупреждает российскую сторону о неотвратимом возмездии в виде ракет, которые будут более точными и совершенными, в том случае если Россия не прекратит сотрудничество с Сирийской стороной. Таким образом, данное высказывание можно рассматривать как ультимативную угрозу, хотя с точки зрения синтаксической структуры здесь отсутствует союз «ог» («или, а то, в противном случае»), но условие, выдвигаемое американской стороной, имеет явно ультимативный характер. Иллокуция угрозы выражается с помощью лексических

и грамматических средств: «Get ready Russia», «will be coming», «shouldn't be partners».

Тексты, содержащие угрозу, как правило, грамматически маркированы. При передаче угрозы достаточно активны инфинитивы в составе составного глагольного сказуемого либо в безличных предикативных частях. Так, в вышеприведенном примере это «will be coming» (сочетание глагола будущего времени *will* и продолжительного инфинитива), «shouldn't be partners» (сочетание модального глагола, выражающего долженствование, требование, с простым инфинитивом). Анализ семантических типов угроз показывает, что угроза всегда направлена в будущее, адресант как бы подготавливает адресата к какому-то плохому действию, эффект которого тот может испытать. В нашем примере присутствуют как предикаты в грамматической форме будущего времени «will be coming», так и семантика будущего негативного события, содержащаяся в императиве «Get ready» и превентиве «shouldn't be partners».

Отличительной чертой менасивного речевого поведения Трампа является высокая концентрация агрессии в его высказываниях. Трамп использует сразу несколько видов речевых актов агональности: угрозу («Get ready»; «will be coming»), дискредитацию в форме речевого акта обвинения (Трамп имплицитно обвиняет Россию в сотрудничестве с преступным, с его точки зрения, главой Сирии Башаром Асадом: «...partners with... who kills his people...»), речевого акта оскорбления в адрес Башара Асада («a Gas Killing Animal»).

Рассмотрим далее пример угрозы-наказания:

(2) *NEVER, EVER THREATEN THE UNITED STATES AGAIN OR YOU **WILL SUFFER CONSEQUENCES** THE LIKES OF WHICH FEW THROUGHOUT HISTORY HAVE EVER SUFFERED BEFORE. WE ARE NO LONGER A COUNTRY THAT WILL STAND FOR YOUR DEMENTED WORDS OF VIOLENCE AND DEATH. **BE CAUTIOUS!***

Данный пример можно отнести к угрозе-наказанию. Императив «NEVER, EVER THREATEN THE UNITED STATES AGAIN» предполагает, что иранская сторона уже имела неосторожность угрожать США и поэтому должна за это ответить, т. е. понести наказание в виде каких-то негативных последствий («YOU WILL SUFFER CONSEQUENCES»). Приведенное высказывание воспринимается как прямая угроза. Содержание угрозы носит неопределенный характер, так как действие-наказание не конкретизировано, при этом адресант и адресант понимают, о чем идет речь.

В данном примере американский президент ставит иранскую сторону перед выбором,

который на языковом уровне оформлен разделительным союзом «or» («или»): приведенное высказывание имеет эксплицитно выраженные признаки ультимативной угрозы. В целях достижения экспрессивности здесь также задействуются такое синграфемное средство невербальной коммуникации, как восклицательный знак: «BE CAUTIOUS!»

В качестве лексического компонента в прямых имплицитных менасивных речевых актах используются глаголы и глагольные сочетания со следующей семантикой:

1) физического уничтожения (*to kill, to destroy, to hang, to beat, to shoot, to attack, to crush, to slaughter, to hit, to break, to wipe out, etc.*);

2) социальных санкций (*to pursue, to bring to justice, to bring to book, put in jail, to keep in custody, etc.*);

3) преследования (*to hunt down, to track down, to target, to ferret out, to rout out, etc.*);

4) лишения (*to strip, to clean from, to disarm etc.*);

5) изоляции или изменения статуса (*to impeach, to deport, to dismiss, to over throw, etc.*);

6) выдворения (*to smoke out, to drive out, to root out, to move out, etc.*);

7) удержания силой (*to capture, to catch, etc.*);

8) силового доминирования (*to prevail, to overcome, to preempt, to devour, to lead the fight, to gain triumph, etc.*) [Эпштейн 2009: 1339].

(3) *Iran has been nothing but problems for many years. Let this serve as a WARNING that if Iran strikes any Americans, or American assets, we have **targeted** 52 Iranian sites (representing the 52 American hostages taken by Iran many years ago), some at a very high level and important to Iran and the Iranian culture, and those targets, and Iran itself, **WILL BE HIT VERY FAST AND VERY HARD**. The USA wants no more threats!*

(4) *The US will respond to any attack against an American target with **tremendous overwhelming force**. In some areas it will be **complete annihilation**.*

В примерах (3) и (4) американский президент дискурсивно конструирует образ США как сильной державы, готовой отстаивать национальные интересы любыми средствами. Трамп угрожает разбомбить культурные и исторические объекты на территории Ирана, что представляет собой некую угрозу — возмездие за причиненный много лет назад моральный ущерб США (52 иранских объекта, на которые нацелились США, соответствуют 52 заложникам, которые были захвачены Ираном).

Трамп выражает в своих высказываниях в «Твиттере» намерение вести жесткую политику по отношению к Ближнему Востоку. На вербальном уровне менасивное речевое поведение реализуется за счет использова-

ния глаголов и слов, означающих «физическое уничтожение»: «we have targeted» («мы нацелены»); «will be hit very fast and very hard» («будут подвергнуты быстрому и сильному удару»); «will be complete annihilation» («будет полное уничтожение»). Использование эпитетов «**tremendous overwhelming** (force)» («ошеломляющая огромная сила»), «**complete** annihilation» («полное уничтожение»), «will be hit very fast and very **hard**» (будет нанесен быстрый и сильный удар) усиливает перлокуцию высказываний и способствует созданию устрашающего образа США.

Не менее агрессивным является речевое поведение американского лидера по отношению к Северной Корее. Так, в своем обращении к правительству Северной Кореи Дональд Трамп прямо угрожает уничтожить страну, которая посмела без согласия США запустить ракеты:

(5) *The Unites States has great strength and patience, but if it is forced to defend itself or its allies, we will have no choice but to **totally destroy** North Korea.*

В примере (6) Трамп прямо не выражает угрозу, но имплицитно осуждает политический режим корейского лидера Ким Чен Ына и объективирует угрозу — предупреждение о том, что если Ким Чен Ын не прекратит развивать такую модель политики, то его неминуемо ждет политическая смерть, как и всего его режима:

(6) *Rocket man is on a **suicide** mission for himself and his regime.* Употребление лексемы «suicide» помогает Трампу выразить угрозу — предупреждение о политическом самоубийстве адресата высказывания.

Чтобы реализовать речевой акт угрозы, говорящий должен вложить в него иллокутивную силу угрозы. В теории речевых актов слово приравнивается к действию, если высказывание содержит перформативный глагол (в грамматической форме 1 лица единственного числа настоящего времени, например: *обещаю, приказываю*). Согласно З. Вендлеру, речевой акт угрозы тяготеет к побудительному классу иллокутивных актов, однако употребление перформативного глагола «угрожаю» в данном типе речевого акта недопустимо, поскольку приводит к эффекту «иллокутивного самоубийства» [Вендлер 1985: 246]. Обратимся к примеру:

(7) *Iran **will be held fully responsible** for lives lost, or damage incurred, at any of our facilities. They **will pay a very BIG PRICE!** This is not a warning, it is a **Threat**. Happy New Year!*

Использованная номинация «threat» (угроза) в речи американского президента может приравниваться по своей функции к перформативному глаголу *I threat* («я угрожаю»), что приводит к коммуникативной неудаче. Помимо

прямого обозначения менасивной интенции, выраженной в лексеме *threat*, американский президент также прибегает к косвенному речевому акту угрозы, предупреждая Иран о некоем неминуемом наказании («will be held fully responsible», «will pay a very BIG PRICE») за причиненный США ущерб.

Имплицитность данной угрозы-наказания заключается в том, что говорящий не угрожает напрямую, а сообщает о некоторых негативных результатах противоправного действия, за которое оппонент должен понести наказание. При этом глаголы, транслирующие угрозу, содержат семантический компонент, обозначающий «санкции» (сравн.: «will be held responsible», «will pay a BIG PRICE»).

Характерной чертой внешнеполитического социомедийного дискурса Дональда Трампа является экспрессивность, выраженная с помощью синграфемных средств коммуникации. Лексемы, обладающие наибольшей менасивной нагрузкой, выделяются заглавными буквами («BIG PRICE», «Threat», «Warning»), что способствует достижению перлокутивного эффекта высказывания.

Речевой акт с эксплицитно выраженной интенцией, когда говорящий имеет в виду ровно и буквально то, что он говорит, в теории речевых актов носит название прямого речевого акта. Если же в речевом акте говорящий имеет в виду прямое значение и, кроме того, нечто большее, такой речевой акт характеризуется как косвенный акт [Эпштейн 2009: 216]. Особый интерес представляют речевые акты угрозы с косвенным значением, поскольку вычленив менасивную интенцию иногда бывает сложно и здесь нужно учитывать множество факторов.

(8) *Kim Jong Un of North Korea, who is obviously a madman who doesn't mind starving or killing his people, will be tested like never before.*

Данный пример менасивного речевого поведения американского президента манифестирует эскалацию конфликта между США и Северной Кореей, находящую выражение в нарастании агрессивности риторики двух политических противников — Дональда Трампа и Ким Чен Ына: взаимные угрозы и оскорбления с обеих сторон способствуют интенсификации конфликта.

Рассматриваемое нами менасивное речевое поведение американского президента реализуется в речевой ситуации противостояния северокорейской ядерной программе. Непосредственным триггером для вышеприведенного менасивного речевого акта послужила угроза Пхеньяна запустить самый мощный ядерный заряд над Тихим океаном.

Менасивная интенция, заключающаяся в намерении остановить ядерные испытания в

Тихом океане, вербально обыгрывается с помощью лексемы «test». Использованный глагол «test» является своего рода аллюзией на угрозу Пхеньяна протестировать ядерную бомбу над Тихим океаном. При этом в данном контексте глагол «test», денотативное значение которого «to try, use or examine sth carefully to find out if it is working properly or what it is like» [Oxford Dictionary 2005: 737], приобретает дополнительную негативную коннотацию, своего рода приращение новых смыслов: «испытать на прочность, стойкость в случае нанесения ответного удара со стороны противника», «проучить». Игра слов, основанная на полисемантичности слова «test», придает эмоциональную экспрессивность высказыванию.

Употребляя глагол «test» в пассивной форме, американский президент подчеркивает, что Северная Корея представляет глобальную угрозу для всего мирового сообщества и поэтому остановка ядерных испытаний, проводимых Северной Кореей, является первостепенной задачей не только внешней политики США, но и других акторов на мировой арене. Пассивный залог позволяет, таким образом, сместить фокус с адресанта угрозы на опасность преступления, совершаемого со стороны государства — политического оппонента.

Отличительной чертой внешнеполитического дискурса американского президента Дональда Трампа является использование сразу нескольких разновидностей речевых актов агональности, что способствует усилению степени агрессивности его риторики. Данный прием можно назвать *конвергенцией агрессии*.

В вышеприведенном высказывании Трамп одновременно обвиняет Ким Чен Ына в совершении бесчеловечных преступлений против своего народа («doesn't mind starving or killing his people»), дискредитируя своего оппонента, оскорбляет, называя корейского лидера «madman», и угрожает причинением некоего вреда («will be tested like never before»). Данный прием, основанный на использовании речевых актов обвинения, оскорбления, дискредитации и угрозы, позволяет достичь сильного эмоционального воздействия на сознание адресата.

(9) *Just heard Foreign Minister of North Korea Speak at UN. If he echoes thoughts of Little Rocket Man they won't be around much longer!*

Имплицитная менасивная интенция заложена в выражении «won't be around much longer» («долго не протянут»), которое имеет ярко выраженную негативную смысловую нагрузку. При этом американский президент не адресует угрозу Ким Чен Ыну и министру иностранных дел Северной Кореи на пря-

ую. Имплицитность угрозы реализуется за счет моделирования некой негативной ситуации, при которой прогнозируется скорая гибель или уничтожение адресата. Ультимативный характер данному речевому поведению придает выдвигаемое Трампом условие «If he echoes thoughts of Little Rocket Man» («Если он выражает то же мнение, что и маленький ракетчик»). Использование речевого акта оскорбления с использованием пейоративной лексики в адрес северокорейского лидера «Little Rocket Man» усиливает общее негативное впечатление от всего высказывания.

В данном случае трудно отличить речевой акт угрозы от прогнозирования, если не брать во внимание контекст. Под контекстом с точки зрения прагматики высказывания мы будем понимать некую речевую ситуацию, в которой реализуется данный речевой акт угрозы. В вышеприведенном примере такой речевой ситуацией выступает международно-дипломатический конфликт между США и Северной Кореей, связанный с кампанией по денуклеаризации Корейского полуострова, инициированной американской стороной. Для реализации своих интенций США неоднократно угрожали Северной Корее введением санкций, подрывом экономики и даже физическим уничтожением. Исходя из этих фоновых знаний, можно отнести данное высказывание к менасивному речевому акту.

При анализе менасивного речевого поведения в американском внешнеполитическом дискурсе довольно часто приходится иметь дело с контекстами, в которых угроза выражена имплицитно, т. е. не явно. Для того чтобы распознать скрытую угрозу, адресату необходимо совершить ряд логических операций в своем сознании.

Согласно М. В. Никитину, всякое высказывание имплицитно предполагает некую содержательную «среду обитания», в структуре которой оно приобретает смысл. Эти имплицитные фон и шлейф образуются посредством импликаций из эксплицитного значения высказывания. Совокупность этих импликаций подразделяется на ретроспективные и проспективные [Никитин 1996: 517].

Пресуппозиции определяются как ретроспективные импликации из высказываний, совокупность имплицитных суждений, которые относятся к эксплицитному смыслу высказывания как условия к следствию.

Постсуппозиции — это логические выводы, следствия из эксплицитного высказывания, возможное выводное значение [Никитин 1996: 517].

(10) *The US Embassy in Iraq is, and has been for hours, SAFE! Many of our **great Warfighters**, together with **the most lethal military***

equipment in the world, was immediately rushed to the site.

Данное высказывание имеет следующие пресуппозиции:

1) США обладает самым смертельным военным оружием в мире («the most lethal military equipment»);

2) у США есть армия бойцов («great Warfighters»);

3) и оружие, и солдаты находятся в боевой готовности («was immediately rushed to the site»).

Постсуппозиции позволяют адресату сделать выводы об угрозе, исходящей от США:

1) смертельное оружие может быть применено против Ирака;

2) армия солдат уже находится на месте, поэтому могут начаться военные действия;

3) следовательно, необходимо выполнить условия США, чтобы избежать военного противостояния.

Менасивное речевое поведение в дипломатическом социомедийном дискурсе американского президента Дональда Трампа отличается *полифункциональностью* ввиду того, что охватывает широкую целевую аудиторию по всему миру. Анализ речевых актов угрозы в твитпломатии Трампа позволяет выделить следующие функции:

1. *Принудительная функция* заключается в том, что государство, которому адресована угроза, под страхом наказания вынуждено пойти на условия, выдвигаемые американской стороной.

2. *Манипулятивная функция* позволяет осуществлять контроль над слабыми актерами на мировой арене. Американская сторона во многом навязывает выгодные для себя представления о политическом устройстве мира в сознании слушателей, пропагандируя свои политические концепции и идеологию. Угроза в этом отношении является мощным орудием управления принятием важных политических решений со стороны других государств.

3. *Превентивная функция* способствует снижению рисков, связанных с повторением противоправных действий в будущем. Данная функция направлена на защиту прежде всего интересов своей страны.

4. *Имиджевая функция* создает образ страны — победительницы, миротворца, сильного актора на мировой арене, главным приоритетом которой является защита всего мирового сообщества от глобальных угроз.

Для осуществления данных функций американский президент часто прибегает к речевой агрессии в своих сообщениях в «Твиттере», в том числе и к угрозам:

(11) *Iran leadership doesn't understand the words «nice» or «compassion», they never have. Sadly,*

the thing they do understand is Strength and Power, and the USA is by far the most powerful Military Force in the world, with 1,5 trillion Dollars invested over the last two years alone...

С целью запугать политического оппонента американский президент прибегает к косвенной угрозе-предупреждению, подчеркивая, что иранское руководство понимает только силу и власть. В своем высказывании Дональд Трамп дискурсивно конструирует образ США как мощной военной державы, способной разгромить любого противника: «the most powerful Military Force in the world». Создавая устрашающий образ непобедимой страны, президент часто использует лексемы с семантикой силы («strength», «power», «powerful», «force»). Использование синграфемных средств экспрессивности (заглавные буквы) способствует созданию перлокутивного эффекта.

На основе проанализированных примеров можно сделать вывод, что менасивные речевые акты в дипломатическом социомедийном дискурсе президента США Дональда Трампа имеют определенную общность, или маркированность на различных уровнях. На прагматическом уровне это выполнение таких функций, как принудительная, манипулятивная, превентивная, имиджевая. С точки зрения лексики в высказываниях Трампа, имеющих иллюзию угрозы, преобладают слова с семантикой физического уничтожения, что позволяет ему дискурсивно конструировать в сознании слушателя (как политического оппонента, так и всего мирового сообщества) образ США как непобедимой державы с мощной военной инфраструктурой; на грамматическом уровне используются императивы, модальные глаголы, предложения с разделительным союзом «or / или» для выражения ультимативных угроз; на графическом уровне экспрессивность передается с помощью специальных синграфемных средств выразительности (заглавные буквы, восклицательные знаки).

N. B. Dubenets

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: dubenetsnb@mail.ru.

Realization of the Menacing Speech Act in American Diplomatic Discourse (based on Donald Trump's speeches on Twitter)

ABSTRACT. *The paper deals with the study of realization of the speech act of threat in American diplomatic discourse. This article covers different types of speech acts of threat: threat-penalty, threat-warning, threats with direct and indirect meaning, etc. The article also examines the concept and role of a speech situation in the menacing speech behaviour.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре / Ю. Д. Апресян. — Текст : непосредственный // Известия Академии наук СССР. Сери. литературы и языка. — 1986. — Т. 43. — № 4. — С. 208—223.
2. Баранов, А. Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста / А. Н. Баранов. — Текст : электронный // Диалог : ежегод. Междунар. конф. — Москва : Изд-во РГГУ, 2013. — Вып. 12 : Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. — Т. 1. — С. 84—94. — URL: http://www.dialog-21.ru/media/1308/dialog_2013_vol1web.pdf.
3. Блох, М. Я. Дискурсивное выражение стратегии устрашения в политическом тексте конфликтной ситуации: (на материале английского языка) / М. Я. Блох, Е. Ю. Алешина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2015. — № 2 (52). — С. 75—79.
4. Вендлер, З. Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва, 1985. — Вып. 16. — С. 238—251.
5. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика : пер. с англ. и нем. / Р. Водак ; ВГПУ. — Волгоград : Перемена, 1997. — 139 с. — Текст : непосредственный.
6. Иссерс, О. С. Речевое воздействие / О. С. Иссерс. — Москва : Флинта : Наука, 2009. — 224 с. — Текст : непосредственный.
7. Малинович, Ю. М. Коммуникативно-прагматический класс предложений угрозы / Ю. М. Малинович, И. М. Семенова. — Текст : непосредственный // Логико-семантические и прагматические проблемы текста. — Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1990. — С. 58—62.
8. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. — Санкт-Петербург, 1996. — 517 с. — Текст : непосредственный.
9. Радугин, А. А. Русский язык и культура речи / А. А. Радугин. — Москва : Библиотека, 2004. — 256 с. — Текст : непосредственный.
10. Стеклова, Т. И. Угроза как речевой жанр / Т. И. Стеклова. — Текст : непосредственный // Жанры речи. — Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. — С. 6—7.
11. Эпштейн, О. В. Языковое оформление речевого акта угрозы (на материале английского политического дискурса) / О. В. Эпштейн. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2009. — № 1 (3). — С. 216—220.
12. Эпштейн, О. В. Косвенный речевой акт угрозы в политическом дискурсе (на материале английского языка) / О. В. Эпштейн. — Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2009. — Т. 11. — № 4—5. — С. 1337—1339.
13. Donald Trump's speeches. — URL: <https://www.realdonaldtrump.com>. (date of access: 19.07.2020). — Text : electronic.
14. Halmari, H. In Search of “successful” Political Persuasion: A Comparison of the Styles of Bill Clinton and Ronald Reagan / H. Halmari. — Text : unmediated // Persuasion Across Genres: a linguistic approach. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2005. — P. 105—134.
15. Oxford dictionary of English (для АBBYY Lingvo x3). — Oxford University Press, 2005. — Computer program : electronic (date of access: 15.06.2020).

The urgency of the study is determined by the demand for researching into twiplomacy as a new phenomenon of international relationships in the situation of political conflict. The study is aimed at describing the basic features of Donald Trump's menacing speech behavior in social media diplomatic discourse in the situation of international conflict between the USA and other states on various levels: pragmalinguistic, semantic and grammatical. The study is based on Trump's English language posts on Twitter which contain threats to other countries' leaders. The methods of descriptive and interpretative analysis are used. Having examined the examples, the author draws the conclusion that in terms of pragmalinguistics of discourse Trump's menacing speech behaviour performs the following functions: forcing, manipulative, preventive, and image-making. On the verbal level, speech acts of threat are marked semantically and grammatically. Trump manages to achieve a strong pragmatic effect by using simultaneously several acts of agonality in one speech.

KEYWORDS: *diplomatic discourse; political discourse; politicians; American presidents; linguistic personality; linguopersonology; political rhetoric; speech tactics; speech strategies; speech behavior; speech acts; threats; menacing speech behavior; speech situation; political conflicts; international relations; Internet; Internet space; Internet communication; social networks.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Dubenets Nina Borisovna, Post-Graduate Student, Astrakhan State University, Russia, Astrakhan.*

FOR CITATION: *Dubenets, N. B. Realization of the Menacing Speech Act in American Diplomatic Discourse (based on Donald Trump's speeches on Twitter) / N. B. Dubenets // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 80-86. — DOI 10.26170/pl20-05-08.*

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. Performativny v grammatike i slovare / Yu. D. Apresyan. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seri. literatury i yazyka. — 1986. — T 43. — № 4. — S. 208—223.
2. Baranov, A. N. Threat Semantics in the Linguistic Examination of the Text / A. N. Baranov. — Text : electronic // Dialogue : annual International conf. — Moscow : Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 2013. — Issue 12: Computational Linguistics and Intelligent Technology. — Vol. 1. — P. 84—94. [Semantika ugrozy v lingvisticheskoy ekspertize teksta / A. N. Baranov. — Tekst : elektronnyy // Dialog : ezhegod. Mezhdunar. konf. — Moskva : Izd-vo RGGU, 2013. — Vyp. 12 : Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. — T. 1. — S. 84—94]. — URL: http://www.dialog-21.ru/media/1308/dialog_2013_vol1web.pdf. — (In Rus.)
3. Blokh, M. Ya. Discursive Expression of the Strategy of Intimidation in a Political Text of a Conflict Situation (based on the English language) / M. Y. Blokh, E. Y. Aleshina. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2015. — No 2 (52). — P. 75—79. [Diskursivnoe vyrazhenie strategii ustrasheniya v politicheskom tekste konfliktnoy situatsii: (na materiale angliyskogo yazyka) / M. Ya. Blokh, E. Yu. Aleshina. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2015. — № 2 (52). — S. 75—79]. — (In Rus.)
4. Vendler, Z. Illocutionary Suicide / Z. Vendler. — Text : unmediated // New in Foreign Linguistics. — Moscow, 1985. — Issue 16. — P. 238—251. [Illokutivnoe samoubiystvo / Z. Vendler. — Tekst : neposredstvennyy // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — Moskva, 1985. — Vyp. 16. — S. 238—251]. — (In Rus.)
5. Vodak, R. Language. Discourse. Politics: transl. from English and German / R. Vodak ; Voronezh State Pedagogical University. — Volgograd : Change, 1997. — 139 p. — Text : unmediated. [Yazyk. Diskurs. Politika : per. s angl. i nem. / R. Vodak ; VGPU. — Volgograd : Peremena, 1997. — 139 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
6. Issers, O. S. Speech Impact / O. S. Issers. — Moscow : Flinta : Science, 2009. — 224 p. — Text : unmediated. [Rechevoye vozdeystvie / O. S. Issers. — Moskva : Flinta : Nauka, 2009. — 224 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
7. Malinovich, Yu. M. Communicative-pragmatic Class of Threat Proposals / Yu. M. Malinovich, I. M. Semenova. — Text : unmediated // Logical-semantic and Pragmatic Problems of the Text. — Krasnoyarsk : Publishing house of Krasnoyarsk University, 1990. — P. 58—62. [Kommunikativno-pragmaticheskiy klass predlozheniy ugrozy / Yu. M. Malinovich, I. M. Semenova. — Tekst : neposredstvennyy // Logiko-semanticheskie i pragmaticheskie problemy teksta. — Krasnoyarsk : Izd-vo Krasnoyarskogo un-ta, 1990. — S. 58—62]. — (In Rus.)
8. Nikitin, M. V. Course of Linguistic Semantics / M. V. Nikitin. — St. Petersburg, 1996. — 517 p. — Text : unmediated. [Kurs lingvisticheskoy semantiki / M. V. Nikitin. — Sankt-Peterburg, 1996. — 517 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Radugin, A. A. Russian Language and Culture of Speech / A. A. Radugin. — Moscow : Library, 2004. — 256 p. — Text : unmediated. [Russkiy yazyk i kul'tura rechi / A. A. Radugin. — Moskva : Biblioteka, 2004. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
10. Steksova, T. I. Threat as a Speech Genre / T. I. Steksova. — Text : unmediated // Genres of Speech. — Saratov : Publishing house of GosUNTs "College", 1997. — P. 6—7. [Ugroza kak rechevoy zhanr / T. I. Steksova. — Tekst : neposredstvennyy // Zhanry rechi. — Saratov : Izd-vo GosUNTs «Kolledzh», 1997. — S. 6—7]. — (In Rus.)
11. Epshteyn, O. V. Linguistic Design of the Speech Act of Threat (based on the material of English political discourse) / O. V. Epshteyn. — Text : unmediated // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. — Tambov : Diploma, 2009. — No. 1 (3). — P. 216—220. [Yazykovoe oformlenie rechevoy akta ugrozy (na materiale angliyskogo politicheskogo diskursa) / O. V. Epshteyn. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov : Gramota, 2009. — № 1 (3). — S. 216—220]. — (In Rus.)
12. Epshteyn, O. V. Indirect Speech Act of Threat in Political Discourse (on the material of the English language) / O. V. Epshteyn. — Text : unmediated // News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. — 2009. — Vol. 11. — No. 4—5. — P. 1337—1339. [Kosvennyy rechevoy akt ugrozy v politicheskom diskurse (na materiale angliyskogo yazyka) / O. V. Epshteyn. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. — 2009. — T. 11. — № 4—5. — S. 1337—1339]. — (In Rus.)
13. Donald Trump's speeches. — URL: <https://www.donaldtrump.com>. (date of access: 19.07.2020). — Text : electronic.
14. Halmari, H. In Search of "successful" Political Persuasion: A Comparison of the Styles of Bill Clinton and Ronald Reagan / H. Halmari. — Text : unmediated // Persuasion Across Genres: a linguistic approach. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2005. — P. 105—134.
15. Oxford dictionary of English (для АБВYY Lingvo x3). — Oxford University Press, 2005. — Computer program : electronic (date of access: 15.06.2020).

В. В. Катермина

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9141-9867

Н. А. Рябченко

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
ORCID ID: 0000-0001-6980-2894

С. Х. Липириди

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
ORCID ID: —

А. А. Гнедаш

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
ORCID ID: 0000-0002-3516-107X

О. П. Мальшева

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
ORCID ID: —

E-mail: katermina_v@mail.ru; rrrnatali@mail.ru; sofa.lipiridi@gmail.com; malisheva_83@mail.ru; anna_gnedash@inbox.ru.

Исследование лингвистической модели политических коммуникаций в социальной сети «Twitter» в отношении президента США Д. Трампа в марте — июне 2020 г.

АННОТАЦИЯ. Специфика современных социально-политических и языковых изменений наиболее ярко отражена в функционировании лингвистических моделей социально-политической коммуникации между гражданами/потребителями в отношении институализированных и неинституализированных политических акторов. Современная общественная реальность в значительной мере формируется под влиянием Интернета и социальных медиа. Функциональная сегментация социальных медиа — это эффект эпохи коронавируса. Социальная сеть «Twitter» во всем мире стала источником политического контента в 2019—2020 гг. Эмпирическая база исследования включила два комплекса сетевых данных: первый дата-сет (март 2020 г., 50 000 сообщений) и второй дата-сет (июнь 2020 г., 50 000 сообщений) состоят из сетевых данных, полученных методом сплошной выгрузки сообщений, публикуемых пользователями социальной сети «Twitter» и содержащих ключевое слово «trump», через программный интерфейс приложения «Twitter» (API Twitter). Сетевые данные, входящие в полученную эмпирическую базу, содержат следующие массивы данных: сообщения, публикуемые пользователями указанных сетей; динамику ответов (ретвитов) на публикуемые сообщения; данные о пользователях, публикующих эти сообщения, с фиксацией их взаимодействия для анализа их активности в виде социального графа; используемые пользователями хештеги для маркирования и классификации информации в социальных сетях; часто употребляемые слова и словосочетания с фиксацией их взаимодействия для анализа активности употребления как социального графа с целью выявления доминирующих тематик в сетевом дискурсивном поле, составляющем основу лингвистической модели политической коммуникации пользователей «Twitter» в отношении Д. Трампа. В результате визуализации полученных дата-сетов (хабов ядра лингвистической модели политической коммуникации пользователей «Twitter» в отношении Д. Трампа за указанный период) и последующего сетевого, лингводискурсивного и частотного анализа мы показали, как позитивные и околокритичные дискурсы в отношении Д. Трампа как президента и кандидата сменились на отрицательный дискурс, в котором преобладающим стало обсуждение не предвыборной кампании, а протестов и акций #BlackLivesMatter, и резкую критику Д. Трампа со стороны всех групп населения; выделили основные характеристики лингвистических моделей политической коммуникации пользователей «Twitter» в отношении Д. Трампа в марте 2020 г. и в июне 2020 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сетевая лингвистика; лингвистические модели; политическая коммуникация; сетевой анализ; дискурс-анализ; политический дискурс; политические деятели; американские президенты; языковая личность; лингвоперсоналогия; Интернет; интернет-пространство; интернет-коммуникация; социальные сети; интернет-дискурс; интернет-тексты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет; 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; e-mail: katermina_v@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Рябченко Наталья Анатольевна, кандидат политических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Кубанский государственный университет; 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; e-mail: rrrnatali@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Липириди София Христоворвна, аспирант кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет; 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; e-mail: sofa.lipiridi@gmail.com.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Малышева Ольга Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет; 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; e-mail: malisheva_83@mail.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Гнедаш Анна Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет; 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; e-mail: anna_gnedash@inbox.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Катермина, В. В. Исследование лингвистической модели политических коммуникаций в социальной сети «Twitter» в отношении президента США Д. Трампа в марте — июне 2020 г. / В. В. Катермина, Н. А. Рябченко, С. Х. Липириди, А. А. Гнедаш, О. П. Малышева // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 87-107. — DOI 10.26170/pl20-05-09.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных» (2020—2022 гг., рук. В. В. Катермина).

ВВЕДЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВОПРОСЫ

Возрастающая роль сетевой коммуникации диктует новые типы политических стратегий. Современная общественная реальность в значительной мере формируется под влиянием Интернета и социальных медиа, в особенности социальных сетей — от «Facebook» и «Twitter» до «Instagram». Кардинально изменился характер, модели и формат представления и потребления информации в современном сетевом обществе: социальные платформы, групповые чаты в мессенджерах, комментарии и лайки к постам, видео, GIF, мемы, твиты, — сетевое дискурсивное взаимодействие в онлайн-пространстве стало фрагментарным (клиповое мышление), дигрессивным, мультимодальным и полилинейным [Murthy 2018; Рябченко 2020: 101—113]. Каждую секунду в онлайн-пространстве производится колоссальное количество сетевых данных, потенциал влияния которых сложно оценить или предсказать. Цифровые технологии формируют новую культуру взаимодействий — «коллораации», обмен информацией и ресурсами, интерактивность и мультимедийность, — позволяют формироваться новому типу контента по форме, содержанию, лингвокультурным особенностям и имплицитным смыслам [Рябченко 2018: 139—162]. Коллективное сознание, ввиду функционирования сетевых сообществ в «пузыре фильтров», становится доминирующей формой «мысли» в современном мире: индивидуальность перестает быть добродетелью, а дивергентность, инакомыслие, подход «сделай сам» и «самостоятельные расследования» воспринимаются как деструктивная составляющая дис-

курсивного взаимодействия, так как приводят к трагическим последствиям, угрожают безопасности и подрывают доверие к государственной власти, моральным устоям, что несет деструктивный потенциал влияния на развитие социально-политических систем в современном мире [Rees 2020; Рябченко 2019: 114—131].

Данный экстралингвистический процесс отражается на развитии языка, формируя новые взаимосвязи между дискурсами. Язык эволюционирует под воздействием социально-политических и социально-культурных изменений, а также вследствие научно-технического прогресса: изменились, трансформировались как сами каналы коммуникации, ее лингвокультурный и семантико-семиотический аспект, так и формат общения, роли и характеристики коммуникантов [Pearson 2017: 17—26]. Специфика данных изменений наиболее ярко отражена в функционировании лингвистических моделей социально-политической коммуникации между гражданами/потребителями в отношении институализированных и неинституализированных политических акторов.

Основные исследовательские вопросы, возникающие при рассмотрении процесса влияния новых языковых средств политической коммуникации на социум, связаны с проблемой взаимодействия когнитивного потенциала участников коллективного сетевого общения со спецификой лингвистических моделей современных субъектов коммуникации. Реалии перманентно трансформирующегося и тем самым изменяющего социальную реальность процесса требуют тщательной исследовательской рефлексии. Необходимо теоретическое обоснование происходящих в социально-политической

сфере трансформаций, объясняющее новый культурно-семиотический план коммуникативных взаимодействий, новый код, применяемый пользователями в эпоху «постправды», обусловленный использованием новых медиа и новых моделей коммуникации. Главные исследовательские вопросы, выделенные данным коллективом авторов:

– каковы характеристики лингвистической модели социально-политической коммуникации в онлайн-пространстве, формируемой и транслируемой пользователями социальных сетей в отношении ведущих политических лидеров современного мира;

– как функционирование лингвистических моделей коммуникации в пространстве социальных сетей формирует современную политическую реальность путем создания новых видов дискурсивных отношений?

Проблематика исследования лингвистических моделей социально-политической коммуникации в онлайн-пространстве находится на стыке различных направлений лингводискурсивной методологии и парадигмы реляционной социологии, а также политической науки и сетевого анализа данных: полноценное рассмотрение влияния данных коммуникационных моделей на общественные отношения становится возможным при совмещении лингвистической и сетевой парадигм, формирующем комплексное видение лингвистических и социально-политических трансформаций.

СЕТЕВАЯ ЛИНГВИСТИКА, «TWITTER» И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Научная литература, посвященная функционированию лингвистических моделей коммуникации в социальной сети «Twitter», на настоящий момент представлена рядом исследований. В данных работах анализируются как непосредственно лингвистические факторы коммуникации в «Twitter», так и экстралингвистическая специфика данного вида сетевого общения, в частности, особенности политической борьбы в текстовом пространстве «Twitter». Характер публикаций позволяет отнести их к категории сетевой лингвистики, получившей широкое распространение в 2010-х гг.

Анализу языковых особенностей коммуникации в сети «Twitter» посвящены работы Д. Мёрфи и соавторов [Murthy 2015: 816—837], в которых рассматривается специфика коммуникативных актов в социальных сетях в зависимости от технических факторов. Исследователи предполагают, что личностный и стилистический характер твитов, сделанных с мобильных устройств, отличается от

характера аналогичных публикаций, совершенных со стационарных компьютеров. Тип публикации в «Twitter» определяет стиль текста — в случае публикации со смартфона содержимое твита становится более непосредственным и экспрессивным, отражая личностные черты публикующего (жизненную позицию, пол, видение мира). Форма публикации побуждает ее автора к предельному самораскрытию, отражению мыслей, чувств, состояний сознания. Самопрезентация, опирающаяся на мгновенную передачу личностной информации, порождает новые привычки, взаимоотношения и стили языкового поведения, трансформирующие реальность. Непосредственный эгоцентризм массового участника сетевой коммуникации приводит к изменению стиля речевого акта, его дальнейшей эволюции. В данном исследовании лингвистическая специфика коммуникации в «Twitter» объясняется ее техническим характером.

Несколько иначе проблема взаимовлияния технических и языковых условий коммуникации в «Twitter» рассматривается в статье К. Яидка, А. Жу, И. Лелкес [Jaidka 2019: 345—372]. Авторами анализируется влияние лингвистического фактора лаконичности на экстралингвистическую реальность — специфику политической коммуникации. В статье были затронуты проблемы токсичности политической пропаганды в «Twitter» и пути ее преодоления. На основании компонентного анализа 358 242 сообщений (январь 2017 — март 2018 г.) в «Twitter» устанавливается прямая корреляция между краткостью твитов и характером стиля сетевой коммуникации политиков США. Удвоение максимального количества знаков в публикации привело к изменению специфики политических дискуссий в пространстве «Twitter» — в большинстве случаев полемика приобрела более вежливый, уважительный и конструктивный характер. Несмотря на наблюдаемую временную коррекцию стиля политической пропаганды в «Twitter», общий характер политической сетевой коммуникации в поле данной социальной сети все больше регрессирует, что приводит к общему понижению уровня политической полемики. Таким образом, лаконичность сетевой коммуникации рассматривается авторами как фактор, увеличивающий резкость общественных дискуссий. Отметим, что лингвистическая модель публикации в «Twitter» основана на предельном лаконизме сообщения. Краткость является центральной, основополагающей особенностью структуры твита и должна рассматриваться не только как техническая деталь, но и факт эволюции письменной речи.

Гендерный аспект политической коммуникации в «Twitter» был рассмотрен в статье Х. Бельтрана и соавторов [Beltran: 2020]. Авторы анализируют твиты политиков с помощью модели логистической регрессии Лассо, чтобы выявить лингвистические особенности, которые позволили бы заметить гендерные различия в стиле коммуникации испанских политиков. Исследователи пришли к выводу, что политики-мужчины используют больше слов, связанных с политикой, спортом, идеологией и инфраструктурой, в то время как женщины-политики говорят о гендере и социальных вопросах. Использование смайликов и эмоджи также варьируется в зависимости от пола политика-коммуниканта. Гендерный аспект влияет и на структуру и содержание адресованных политикам публикаций — в частности, данная особенность проявляется в применении оскорбительных гендерных стереотипов и инфантильных форм слов, непропорционально часто употребляемых мужчинами-политиками по отношению к женщинам-политикам. Таким образом, лингвистическая модель коммуникации находится в соотношении с гендером политика-коммуниканта.

Опираясь на более ранние научные работы из области сетевых лингвистических исследований Д. Кристала [Crystal 2006], М. Бургхардт проанализировал особенности функционирования «Twitter» и дал подробный обзор лингвистических методов анализа информации из этой сети [Burghardt 2015: 74—91].

Исследования Ф. М. Цанцотто [Zanzotto 2011: 659—669] и Р. Гонсалес-Ибаньез [González-Ibáñez 2011: 581—586] сосредоточены на изучении неочевидных аспектов лингвистических моделей микроблогинга — языковой избыточности и сарказма. Также сетевыми лингвистами подробно рассмотрено функционирование лингвосемиотических единиц «Twitter» — хештегов, которые понимаются исследователями как часть речи, созданная сетевой коммуникацией [Derczynski 2013: 198—206; Cunha 2011: 58—65].

Данные работы иллюстрируют теоретические и прикладные направления развития современной сетевой лингвистики.

Таким образом, на примере рассмотренных выше публикаций мы можем убедиться, что исследование лингвистических моделей коммуникации в «Twitter» приобретает различный характер в зависимости от целей и предпочтений ученых. Одни исследователи сосредоточивают свое внимание на сугубо лингвистических вопросах — анализе стилистической и структурной специфики текстов «Twitter». Другие делают упор на экстралингвистических факторах порождения новых языковых моделей в социальных сетях, таких как способ публикации, формат сетевых сообщений и гендерные различия. Мы полагаем, что при анализе генезиса лингвистических моделей политической сетевой коммуникации необходимо учитывать как лингвистические, так и экстралингвистические факторы — совмещение данных подходов позволит дать глобальную картину языковых трансформаций в современном социально-политическом дискурсе.

МЕТОДОЛОГИЯ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «TWITTER» В ОТНОШЕНИИ ПРЕЗИДЕНТА США Д. ТРАМПА В МАРТЕ — ИЮНЕ 2020 Г.

Глобальные социально-политические и техногенные вызовы, в том числе пандемия коронавируса, ускорили процесс цифровизации общества. Несмотря на многообразие различных социальных сервисов и социальных сетей в онлайн-пространстве и кажущееся размытие аудитории и, как следствие, эффективности различного рода коммуникации, мы находимся на новом этапе развития онлайн-пространства и коммуникации между людьми. Этот новый этап связан в первую очередь с тем, что социальные сети и социальные сервисы постепенно начинают сегментироваться по сфере жизнедеятельности общества. Мы используем одни социальные сети и сервисы, чтобы читать новости о политике (например, «Twitter»), другие для развлечения и досуга — «Tik Tok», деловой коммуникации — «Teams» или «Zoom» и т. д. Безусловно, социальные сети и сервисы дублируют друг друга, пользователи переходят из одних в другие для поддержания коммуникации друг с другом либо под влиянием «эффекта популярности». До января 2020 г. и развития пандемии сегментирование социальных сетей и сервисов происходило по принципу возрастной принадлежности пользователей. Однако в ситуации с ограничением возможностей проведения коммуникации в офлайн-пространстве пользователи стали искать новые возможности для поддержания деловых, личных и иных связей. Пользователи стали использовать новые сервисы и социальные сети для выполнения определенных задач.

Так, в исследовании компании «Brand Analytics» [Brand Analytics 2020]) «Топ-20 авторов русскоязычных соцмедиа: ВКонтакте, Instagram, Facebook и Twitter, ИЮНЬ 2019» прослеживается тенденция к продолжению описываемой нами сегментации [Топ-20 ав-

торов русскоязычных соцмедиа 2019]. Эта тенденция по функциональной сегментации безусловно идет вразрез со стремлением социальных сетей и сервисов стать полнофункциональными и закрывать все потребности пользователя в рамках одной социальной сети или сервиса, как, например,

«Telegram» и «WeChat». Но социально-политическая сфера, процессы глобализации, необходимость в онлайн-коммуникации как межличностной, так и межстрановой не позволяют одному технологическому продукту доминировать во всех сферах жизнедеятельности общества.

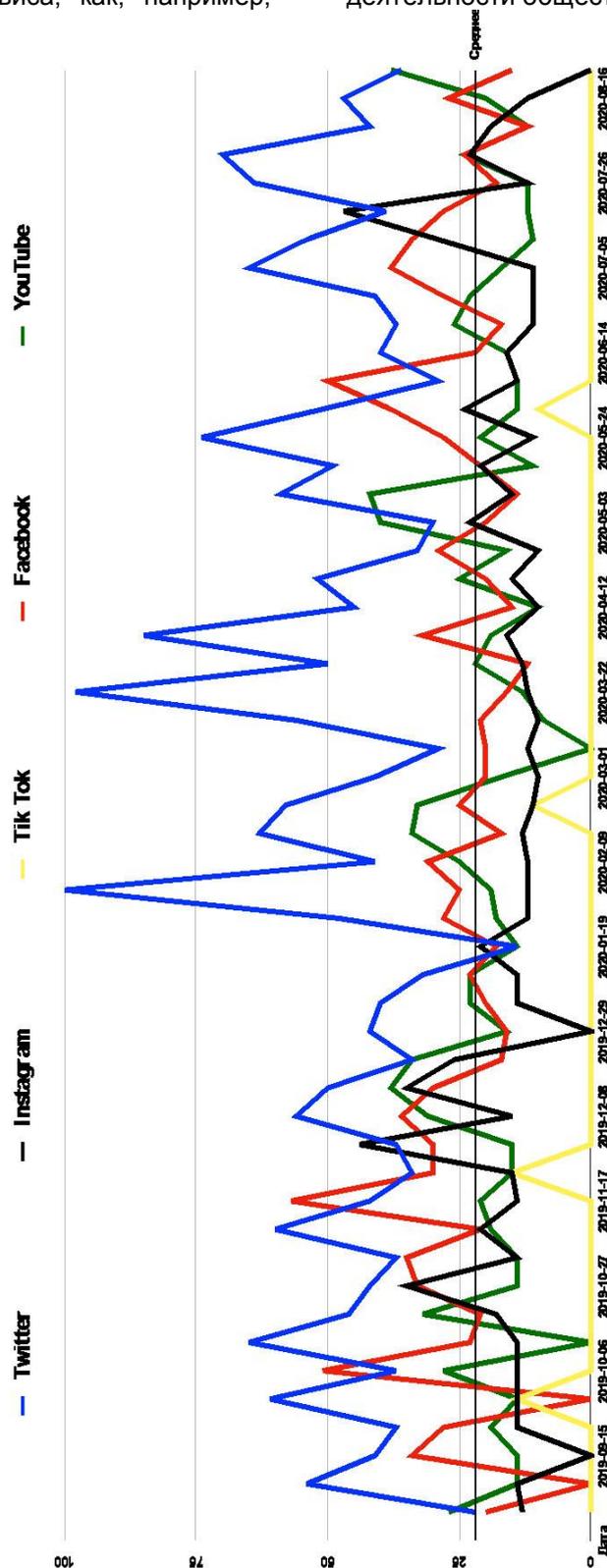

Рис. 1. Анализ участия социальных сетей в формировании новостного поля о политике в мире

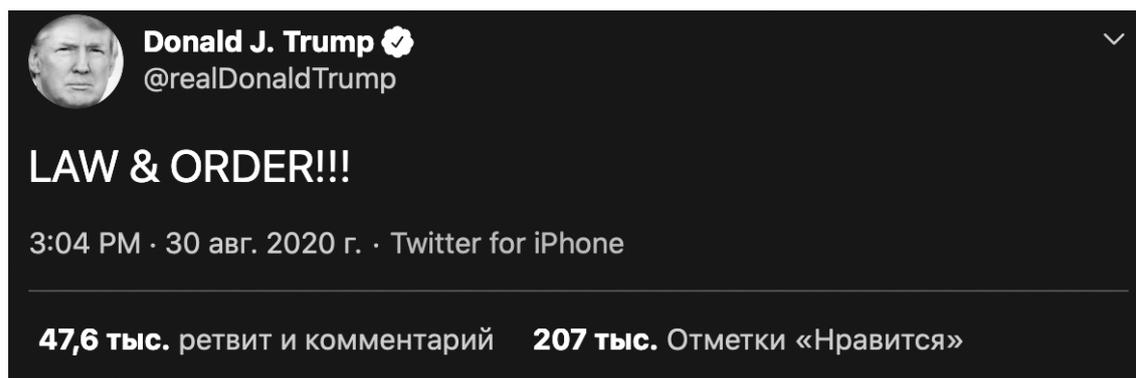

Рис. 2. Пример отклика на сообщения в официальном аккаунте Д. Трампа

Функциональная сегментация характерна не только для России, но и для всего онлайн-пространства. Так, социальная сеть «Twitter» во всем мире стала источником политического контента. В подтверждение этого мы проанализировали данные сервиса «Google Trends» на предмет частоты использования социальных сетей «Twitter», «Facebook», «Instagram», «YouTube», «Tik Tok» в поиске новостей о политике по всему миру за период с августа 2019 по август 2020 г.

На рисунке 1 показаны результаты анализа частоты использования социальных сетей «Twitter», «Facebook», «Instagram», «YouTube», «Tik Tok» в поиске новостей о политике пользователями онлайн-пространства по всему миру. Мы можем отметить лидирующие позиции социальной сети «Twitter» в формировании новостного поля о политике несмотря на то, что эта социальная сеть уступает по числу пользователей представленным социальным сетям. Фактически за 2019 г. и текущий 2020 г. «Twitter» стал источником мгновенного распространения социально-политического контента по всему онлайн-пространству.

Одним из решающих факторов функциональной фрагментации социальных сетей и сервисов, безусловно, выступает принадлежность инфлюэнсера (инфлюэнсер, или лидер мнений, — это человек, имеющий влияние на аудиторию в определенной сфере) к определенной сфере деятельности и той или иной социальной сети. В «Twitter» инфлюэнсерами являются политики, общественные деятели, топовые блогеры, топовые журналисты, представители органов власти и СМИ.

Одним из инфлюэнсеров социальной сети «Twitter» является 45-й президент США Д. Трамп, у которого 85,6 млн читателей. Именно благодаря его первой предвыборной президентской кампании (2015—2016 гг.) социальная сеть «Twitter» получила второе «политическое рождение» [Рябченко 2019: 92—106; Enli 2017: 50—61; Bhatia 2018:

123—130.]. В целом с момента объявления о желании баллотироваться на пост президента США (с января 2015 г.) Д. Трамп опубликовал 33 426 (общее количество сообщений — 52 043) сообщений в своем официальном аккаунте @realDonaldTrump [Donald J. Trump 45th President of the United States of America 2020]. Практически каждое из сообщений, опубликованное Д. Трампом, вызывает значительный отклик (рис. 2). Публикуемые сообщения тиражируются другими пользователями и цитируются различными СМИ по всему миру, формируя глобальный политический дискурс.

Наша исследовательская группа в период с 1 марта 2020 по 30 июня 2020 г. собрала и сформировала для последующего анализа два дата-сета сетевых данных, которые и составили эмпирическую базу исследования. Первый дата-сет (март 2020 г., 50 000 сообщений) и второй дата-сет (июнь 2020 г., 50 000 сообщений) состоят из сетевых данных, полученных методом сплошной выгрузки сообщений, публикуемых пользователями социальной сети «Twitter» и содержащих ключевое слово «trump», через программный интерфейс приложения «Twitter» (API Twitter), за соответствующие периоды — март и июнь 2020 г. Сетевые данные (около 100 000 сообщений) представлены в виде cvs- и gexf-файлов (Graph Exchange XML Format — формат, позволяющий анализировать данные как социальный граф). Сетевые данные, входящие в полученную эмпирическую базу, содержат следующие массивы данных:

- сообщения, публикуемые пользователями указанных сетей;
- динамику ответов (ретвитов) на публикуемые сообщения;
- данные о пользователях, публикующих эти сообщения, с фиксацией их взаимодействия для анализа их активности в виде социального графа;
- используемые пользователями хештеги для маркирования и классификации информации в социальных сетях;

Лингвистическая модель политической коммуникации пользователей «Twitter» в отношении Д. Трампа в марте 2020 г. включает 3 дискурсивных поля, определенных на основании анализа полученных хэбов ядра:

- выборы-2020 и призывы/протесты в поддержку Трампа;
- «баталии» и дискуссии между противниками и сторонниками Байдена, Сандерса и Трампа;
- пандемия коронавируса, охватившая весь мир.

Первое дискурсивное поле — тема выборов — занимает больше место в данном дата-сете: в твитах встречаются как положительные комментарии, так и резко негативные. Так, например, мелиоративная оценка прослеживается в следующих примерах:

*President Trump will be our president
And Trump is "Still your President!"* ☺
<https://t.co/pb8tcssEpz>
*President Trump is the Best President ever
Same number of people who think Trump is
a good president.
one of the best presidents the middle class
has ever had*
@snnji_4_ps4 TRUMP is your PRESIDENT!!!! 🙌 ✨

Лексемы *our* — наш, *your* — твой указывают на принадлежность и единство, также выделяются положительно окрашенные прилагательное *good* — хороший с превосходной степенью *the best* — наилучший.

Также следует отметить набор слов прописными буквами (капитализацию) и восклицательные знаки как важный графический прием для выделения основной идеи (PRESIDENT!!!!).

Единство и всеобщая взаимная любовь выражается при помощи зевгмы: *President Trump loves America! And Americans love President Trump!* Таким образом показывается обоюдность процесса.

Положительная оценка президентства Трампа связывается также и со статистикой:

@_l_B133d_Purple @kimtopher22 Same number of people who think Trump is a good president.

@mysimonsnores They want trump for president again. Ratings.

Указаниями на согласие с политикой президента служат глагол *agree* — *соглашаться* и элемент ритуального религиозного дискурса — *God Bless you* — *Да хранит Вас Бог*; *pray* — *молиться*. Также следует отметить использование графических средств — языка эмоджи (в данном примере это сердечко — символ любви и преданности):

Good Morning Patriots!! This Sunday my prayers 🙏 are for Donald Trump. No President has done so much, for so many, for so little in such short time, as he has the best yet to come. Let's give him our full support, prayers & in November our vote, so he can give us 4 more years. 🇺🇸

Интересным является тот факт, что в некоторых твитах религиозный дискурс (*my prayers*) сопоставляются с понятиями патриотизма (*Good Morning Patriots!!*). Автор твита использует интенсификаторы (*has done so much, for so many, for so little in such short time, as he has the best yet to come*) для выражения своего восхищения работой президента. Пользователь призывает оказать ему поддержку на выборах в ноябре.

Благодарность президенту Трампу и его поддержка выражаются и в этом твите:

I have never been more grateful Donald J. Trump is our president.

Использование настоящего совершенного времени с интенсификатором *never* усиливает данный связанный комментарий.

Следующий связанный комментарий, получивший множество лайков, полон эмоций и подсознательно воздействует на читателей разными способами — начиная от обобщения (*No politician in American history — Ни один политик за всю историю Америки*) до контекстуальной оппозиции (*taken more abuse for doing the right thing — испытывать несправедливость за выполнение долга*):

No politician in American history has taken more abuse for doing the right thing. He has no other motives than your safety, your prosperity, and your freedoms. And unlike his predecessors, he does it all for free.

Пользователь оперирует такими понятиями, как безопасность, процветание, свобода (*your safety, your prosperity, and your freedoms*) для того, чтобы показать важность действий президента. В последнем предложении он опять противопоставляет деятельность Трампа всем остальным политикам — *And unlike his predecessors, he does it all for free* (*В отличие от своих предшественников, он делает это безвозмездно*). Таким образом, создается совершенный портрет языковой личности президента США Дональда Трампа.

Положительная оценка показана через оппозицию «свои — чужие» — ненависть к Трампу как президенту авторы твитов связывают с желанием видеть американцев экономически беспомощными:

It boggles my mind how many people want Americans to die, panic, in economic turmoil etc.. just because they hate Trump as President#HelpAmerica #SupportYourPresident

Отрицательное отношение к Д. Трампу как к президенту выражено в следующих популярных постах, входящих в ядро и создавших целые ветки обсуждений:

@ajplus *I am so sorry for you guys, but people, in general, are stupid and they don't think. And having Trump as a president hasn't really helped at all. Unfortunately, they are a lot of racists and morons like @coockie_pasta on the whole planet.*

Автор настаивает, что уровень жизни и благосостояния не улучшился (*And having Trump as a president hasn't really helped at all*) и люди, в своем большинстве будучи глупыми и не желающими думать (*people, in general, are stupid and they don't think*), не хотят и не могут этого видеть.

Ирония прослеживается в данном твите — автор не удивляется тому, что официальная пресса поддерживает политику Дональда Трампа:

KKK's official newspaper supports Donald Trump for president *No surprise.

Нарциссизм Дональда Трампа, его самолюбование видно на следующем контрасте — Трамп скорее готов видеть людей умирающими, чем выставить себя в плохом свете:

@renato_mariotti *Because it would drive down the economy. Thus making Trump look bad. Trump rather see people die than see himself looking bad. Pitiful excuse for a man he is.*

Нарциссизм Дональда Трампа проявляется и в том, что он публично отказывается принять вину: *I don't take responsibility*. Он обвиняет всех вокруг, кроме себя (*Trump blames everyone but himself*).

The only time Trump acts is when he thinks it reflects his ego. We need to trick him into thinking this is all about him, let him believe he can call every new hospital wing Trump. "Sure, Donald, it's the 'Trump Wing,' uh-huh, just keep sending the \$\$..."

Трампа обвиняют в том, что он идет в сговоре с богачами и «потакает» им:

@johnrobertsFox @FoxNews @realDonaldTrump *Donald Trump is always feeding the rich*

Демонстрируется негативное отношение к людям, которые поддерживают Трампа: от этих «милых людей» («nice people») можно ожидать всего — даже предательства (*backstabbing*). Перед выборами Трамп готов на все. Он даже пообещал поднять налог на богатых: *He even said he would raise taxes on the rich*. Тем не менее данное обещание не производит необходимого эффекта: пользователи уверены, что он говорит неправду (*Of course, he was lying*).

Get a load of this, trump supporters. Trump's "nice people" are backstabbing. Trump pendeho

@marcorubio *Bur we have no money, because you and your idol Trump don't want rich people to pay taxes.*

He even said he would raise taxes on the rich.

Of course, he was lying. But it is what America wants, so plan on at least five more Infrastructure Weeks between now and the election.

Второе дискурсивное поле — баталии и дискуссии между пользователями — сторонниками и противниками Джо Байдена, Берни Сандерса и Дональда Трампа. В большинстве случаев Байден и Сандерс называются только по именам, в то время как Трамп — исключительно по фамилии.

Одно из мнений — Джо Байден уступит Дональду Трампу (использование интенсификатора *absolutely* — абсолютно, точно — не оставляет Джо Байдену никаких надежд), пользователями критикуется его предвыборная кампания:

Thus a vote for Joe means you would rather elect Trump than help people:

Берни Сандерс также не является фаворитом. Впрочем, как и Трамп. Пользователи считают, что если не произойдет чудо, у него нет никаких шансов:

Bernie is bad as Trump. Everybody's against him until something good happens. When that happens it's the will of the people. People who have credibility use it. People who don't try to tear down others to help themselves! <https://t.co/57zBCJ4jb9>

Тем не менее, совет — голосовать все-таки за Берни Сандерса:

@BenjaminPDixon *Trump's already running left and using movement language. The only one who matches what Trump falsely promises and didn't already agree to Trumps big "wins" is Bernie. If Trump is the fear, even if people don't like Bernie, they should vote for him. Sabotage later if they want.*

В данном твите пользователь говорит о том, что Трамп никогда не был «своим»:

@KoenigRiver @OnlineDissident *THANK YOU! I am so sick of low-tier, childish quips being considered the "new right". We need standards. Trump is not our guy, he never was. It seems like people will settle for someone who says a few things they like, and then they ignore the other things they say and do.*

Его победу на выборах объясняют тем, что здравомыслящие люди (*sane people*) не захотели голосовать за Хиллари Клинтон:

@DavidJHarrisJr *Trump won because most sane people wouldn't vote for Hillary to be their assistant dog catcher.*

Говоря о предвыборной кампании Дональда Трампа, пользователи считают, что в

ход идут любые средства, и как в прошлом, в настоящей кампании будет идти речь о ментальном здоровье Джо Байдена.

The Trump campaign will adapt to its own use the current campaign by Sanders trolls to denigrate Biden's mental fitness. And as with Clinton's physical fitness, consider how crazy it is that TRUMP of all people would talk about anybody else's cognitive decline.

Выражается возмущение, что именно Трамп (капитализация) говорит о когнитивных способностях других, не принимая во внимание себя.

В связи с предвыборной политикой возникает тема о пропаганде нагнетания страха: русские — всеобщая угроза:

Four years of endless fear-mongering propaganda have brought us to a point where "the Russians" are an all-powerful menace & Joe Biden can be

В теме выборов неминуемо оценивается личность Джо Байдена. Как и везде, сообщения данной тематики получают как положительную, так и оценочную коннотацию. Возраст и проблемы, связанные с ним, проходят красной нитью через многие твиты. Состоянию здоровья Байдена дают следующую характеристику — *advancing neuro cognitive decline*, прогрессирующий нейрокогнитивный упадок:

@JRubinBlogger You're promoting a candidate with advancing neuro cognitive decline right before our eyes. He will be destroyed by Trump. Biden should not be the Democratic nominee.

Авторитет Трампа настолько велик, что для некоторых пользователей он несокрушим — ему в заслуги ставят как предыдущие победы (*Hillary lost to Trump*), так и будущие (*Biden certainly can't stand up to Trump during the debates*).

В некоторых твитах очень недоверчиво относятся к кандидатуре Джо Байдена — считается, что он даже хуже, чем Хиллари Клинтон:

@justicedems Biden will get an even worse beating than Hilary received.

Другие пользователи убеждены, что Джо Байден имеет очень хорошие шансы и его можно победить, если только использовать нечестную игру:

It takes two to bicker — and this nonsense is solely coming from Bernie Sanders. Like Trump, he knows he can't beat Joe Biden without cheating.

Трамп пойдет на все, чтобы остановить Джо Байдена — данное высказывание имплицитно показывает, что последний имеет очень хорошие шансы на победу и вызывает страх у своих противников.

trump will do anything! to stop VP Biden from beating him. <https://t.co/Svl68fjDKK>

Trump will win this easy. Joe Biden has absolutely lost his damn sense and ability to form a coherent sentence. <https://t.co/4PJTF4lncP>

@jpirrone28 @KatrinaNation Enjoy 4 more years of Trump. Because Biden needs left votes to win, but with the platform he's running on, it may not happen.

@DanScavino @realDonaldTrump BIDEN will re-elect President Trump on November 3rd 2020!

Еще одним «минусом» по состоянию здоровья Джо Байдена считается следующее: *Joe Biden has absolutely lost his damn sense and ability to form a coherent sentence* («Джо Байден полностью потерял способность мыслить и говорить внятно и понятно»).

Тем не менее в некоторых постах утверждается, напротив, что именно у Трампа проблемы со здоровьем и здравым смыслом. У Джо Байдена — всего лишь проблемы с заиканием:

@BenjaminPDixon For all of you who laugh & think Joe Biden is not well, the one not well is Trump. Joe Biden has a stuttering issue. Nothing more. So

Тем не менее раздаются голоса неудовлетворенных обоими кандидатами. Пользователь — автор следующего сообщения считает, что ни один из них не «подходит» для должности президента:

@DBF_NYC @Loresia @JeffreywSchultz @williamlegate Yes we are that's exactly what this is I don't know what I'm going to do in the general election I really don't neither trump nor Biden are fit for office.

Другие считают, что возраст обоих кандидатов — это серьезная проблема, которая помешает им достойно выступить на дебатах. Предполагается, что это больше будет походиться на шоу двух стариков, кричащих друг на друга, так как они не способны помнить свою политику:

@david_svrjcek @HTFRecords The debates are just going to be two old men yelling at each other. Neither Trump or Biden is either capable of remembering policy, or disciplined enough to be able to stay on point.

Пенсионный возраст в США — 66 лет. Пользователь приводит цифры, сколько лет будет Трампу и Байдену во время следующей инаугурации:

US retirement age is 66. At inauguration next year Trump will be 74/7/6 and Biden 78/2/0.

Часть твитов в ядре посвящены Берни Сандерсу. Акцент делается на возрасте трех потенциальных кандидатов (*old* — старый, а

также указание на возраст в скобках), их цвет кожи в сочетании с оценочным *dude* (*dude* — *informal a man from a city in the eastern U.S. or Canada who goes on vacation to a western ranch (=a place where you ride horses)*), что создает достаточно яркий образ кандидатов. Более того, пользователь считает, что всем кандидатам нужно иметь хорошего вице-президента (аббревиатура VPOTUS) для поддержки политической стратегии (*to prop up — to give help, encouragement, or support to someone*), так как предположительно Пенс не способен это сделать:

3 old white dudes. Trump (73), Biden (77), Sanders (78). All of them truly need VPOTUS as campaign strategy to prop themselves up. Pence has no value. He

Также в вину Берни Сандерсу ставится его «эгопутешествие» — если бы не этот факт, потенциальными кандидатами на пост президента сейчас были бы Байден и Уоррен:

@wpbeyer @tomhardly @AOC @nbcsnl If it weren't for Bernie's egotrip, this would be a Biden v Warren race by now. But it is what it is so our only chance of

@GreenFairy2003 @redwinepolitics @tribelaw Bernie has plenty of polls showing he would beat Trump, just like Biden. You dissenting any further policy

В отдельных постах заявляется, что у Берни Сандера, так же как и у Джо Байдена, есть шанс побороться с Трампом. Только Берни Сандерс, по мнению некоторых пользователей, может победить Трампа, так как Джо Байден лжет, что является жутким и страшным (*creepy — unpleasant in a way that makes you feel nervous or frightened*). И только Берни Сандерс может привести как администрацию президента, так и всю страну к процветанию (*Only BERNIE can fix Admin/country!*). Повторяющиеся конструкции (*Only Bernie*) и капитализация (написание прописными) имени (BERNIE) усиливают важность сообщения.

В некоторых связанных твитах ядра даются прогнозы на будущее — делается акцент на тот факт, что ввиду корпоративной жадности интересы рабочего класса опять не берутся во внимание. В результате этого возможны забастовки и волнения. В этом твите мысль о возможности классовой борьбы связывается с настоящим моментом и необходимостью победы рабочего класса в этой войне.

If there is going to be class warfare in this country, it's about time the working class won that war

В отдельных твитах пользователи призывают Трампа решить социальные про-

блемы (*daylight saving time, protecting our animals*), что может вылиться в поддержку на выборах (*Southern Colorado will be votes grateful, you will have an increase in votes*).

В твитах неоднократно появляется мысль о том, что в недалеком будущем президентом Америки станет сын Трампа (*in 2024 Trump Jr will become President*), таким образом намекается на nepотизм семейства.

Отдельные твиты можно причислить к жанру ритуального дискурса, когда сообщение передается при помощи молитвы — в следующем твите пользователь благодарит Всевышнего за то, что он послал патриотам сына Дональда Трампа для того, чтобы тьма не окутывала мир:

Dear Lord our Savior.

Thank you for sending Donald J. Trump to the Patriots.

So that we may keep darkness from engulfing the World.

Amen!

Третья тематика твитов в ядре лингвистической модели — пандемия коронавируса, охватившая весь мир.

Часть пользователей связывает угрозу коронавируса с Трампом как президентом, человеком, занимающим самый высокий пост в стране, от которого зависит благосостояние населения — они видят нежелание президента предпринять решительные меры в борьбе с заболеванием (*@TravisAllen02 Coronavirus is a threat in part because trump is president*).

Частотное использование отрицательно-оценочной лексики для выражения негативных эмоций, связанных с действиями президента по поводу коронавируса: *ignorance* — невежество, *arrogance* — надменность, *total incompetence* — полная некомпетентность:

Donald Trump has responded to a public health emergency affecting the entire American public with a startling combination of ignorance, arrogance and total incompetence.

В отдельных твитах звучит мысль о том, что правительство и президент знали о надвигающейся опасности заранее (об этом было известно в январе), но проигнорировали ее (*They ignored it*) — данная фраза повторяется два раза, как бы усиливая важность сообщаемого. Твит заканчивается «приговором». Президента обвиняют в некомпетентности (*presidential malpractice*; обычно термин *malpractice* используется в медицине для обозначения врачебной некомпетентности и халатности, приводящих к фатальным последствиям). Данная халатность уже привела и может привести ко многим смертям (*has led and will lead to many more Covid19 deaths*):

Donald Trump and this administration have screwed the damn pooch. We have community spread. We knew about this problem in January and they ignored it. They ignored it. Could have gotten testing kits in all hospitals and created zones of activity. This is on their hands

THREAD:

Trump presidential malpractice that has led and will lead to many more Covid19 deaths than necessary:

*Trump picked a terrible leader for Centers for Disease Control <https://t.co/tdxfwAik2u>

Обвиняется не только президент, но также и его окружение — так, в частности, упреки адресуется зятю Дональда Трампа: *what your son in law knows about management of diseases and its progression? Trump picked a terrible leader for Centers for Disease Control.* Некомпетентность людей, отвечающих за важные вопросы, приводит к трагическим результатам.

Многие считают, что нежелание Трампа решить вопрос с коронавирусом или его отрицание приведет к падению рейтинга — *Trump*s the 1st president in modern history never to achieve majority approval (Трамп — первый президент в современной истории, который никогда не достигнет одобрения большинства).* Тема рейтингов, неоднократно обсуждающаяся в твитах, усиливается наречием «никогда» — *never*.

Пользователи обеспокоены нарастанием угрозы коронавируса и призывают президента закрыть границы штатов ради безопасности граждан (*President Trump please close State to State travel, close it all down for the safety of the American people. Although, we are taking precautions, many others are still traveling only to spread this virus*).

Ложь Дональда Трампа по поводу угрозы коронавируса помешала стране вовремя провести тестирование и принесла большой вред населению (*Donald Trump's lies have done a great deal of harm; We are significantly behind on testing; the verification/manufacture of the kits should have happened weeks ago*).

Отсутствие заботы о гражданах, безразличие выражается и в значительном количестве твитов, где это подчеркивается при помощи параллельных конструкций — люди умирают, а Трамп играет в гольф (как всегда): *PEOPLE DYING TRUMP GOLFING AS USUAL #UnfitToBePresident*

В продолжение темы коронавируса — люди недоумевают, неужели президент на самом деле сказал тем, кто заразился коронавирусом, ходить на работу:

Did Trump really tell people who have the corona virus to go back to work?

@MMFlint one mistake pal.....trump,has told people TO GO TO work.....not to stay home! Get your facts straight. He is goi g to kill us.

Капитализация слов «ходить на работу» подтверждает то, что все это — чистая правда и правительство во главе с президентом не заботятся о здоровье своих граждан.

Тем не менее слышатся голоса считающих, что паника нагнетается средствами массовой информации (*The panic is coming from outlets like @CNN and @MSNBC CNN — Cable News Network is a U.S. cable news channel founded in 1980 by American media mogul Ted Turner; MSNBS — MSNBC is an American cable television channel that provides NBC News coverage as well as its own reporting and political commentary on current events*).

Угроза и паника из-за коронавируса — не что иное как негативный выпад против кампании Трампа:

MSNBC's O'Donnell: 'More People Are Dead And Dying in America' Because Donald Trump Is President... ** MSNBC O'Donnell using the coronavirus pandemic to attack our President. So DISGUSTING & HATEFUL sadly not surprising. Hate & Ignorance is their MOTTO <https://t.co/9KfDErTgn7>

Еще одно подтверждение тому, что данный канал использует коронавирус как пропаганду против президента. Пользователи находят это неприятным, ненавистным, но неудивительным (*disgusting, hateful but not surprising*). Они считают, что кредо данного канала — невежество.

Губернатор-демократ высоко ценит быструю реакцию президента и вице-президента на расширение тестирования, свидетельством чего является лексика с положительной коннотацией (*praise — ценить, quick response — быстрый ответ, быстрая реакция*):

Democrat Gov. Andrew Cuomo praises the quick response of President Trump & Vice President Pence on expanding coronavirus testing.

Президента и вице-президента благодарят также и за то, что они держат народ в курсе (*in keeping us updated*). Приветствуются и действия президента в работе с губернаторами по обеспечению безопасности американцев:

@Mike_Pence Thank you President Trump and Vice President Pence and your Corona-virus team in keeping us updated.

President Trump is working with governors across the U.S. to ensure ALL Americans are safe! <https://t.co/BTk9GXjdVF>

Важный акцент делается на том, что американцы — это нация, которая сможет пережить все. Это нация, которая, сплотившись, все выдержит и победит — капитализация практически всех слов в данном твите свидетельствует о патриотическом настрое пользователя:

We have NEVER ENCOUNTERED a situation like this 🙏 THANK GOD PRESIDENT TRUMP IS OUR PRESIDENT WITH THIS CRISIS Remember friends stay vigilant stay safe each of us do what we should & everything will be OK 🇺🇸 TOGETHER WE STAND DIVIDED WE FAIL 🇺🇸 WE ARE AMERICANS WE WILL OVERCOME 🇺🇸 @POTUS <https://t.co/D0ScsiMhFA>

Часть II — июнь 2020 г.

Визуализация хабов ядра лингвистической модели политической коммуникации пользователей «Twitter» в отношении Д. Трампа за июнь 2020 г. представлена на рисунке 4, иллюстрирующем часто употреб-

ляемые слова и словосочетания, с фиксацией их взаимодействия для анализа активности их употребления как социального графа с целью выявления доминирующих тематик в сетевом дискурсивном поле, составляющем основу лингвистической модели политической коммуникации пользователей «Twitter» в отношении Д. Трампа.

Лингвистическая модель политической коммуникации пользователей «Twitter» в отношении Д. Трампа в марте 2020 г. включает 4 дискурсивных поля, определенных на основании анализа полученных хабов ядра:

- выборы-2020 и призывы/протесты в поддержку Трампа (продолжающаяся тема с марта 2020 г., но с явным уклоном в критику президента Трампа);
- нарастание дискуссии вокруг протеста и акций #BlackLivesMatter и критика позиции Трампа;
- «баталии» и дискуссии между противниками и сторонниками Байдена и Трампа (Берни Сандерс «уходит» из тематического поля);

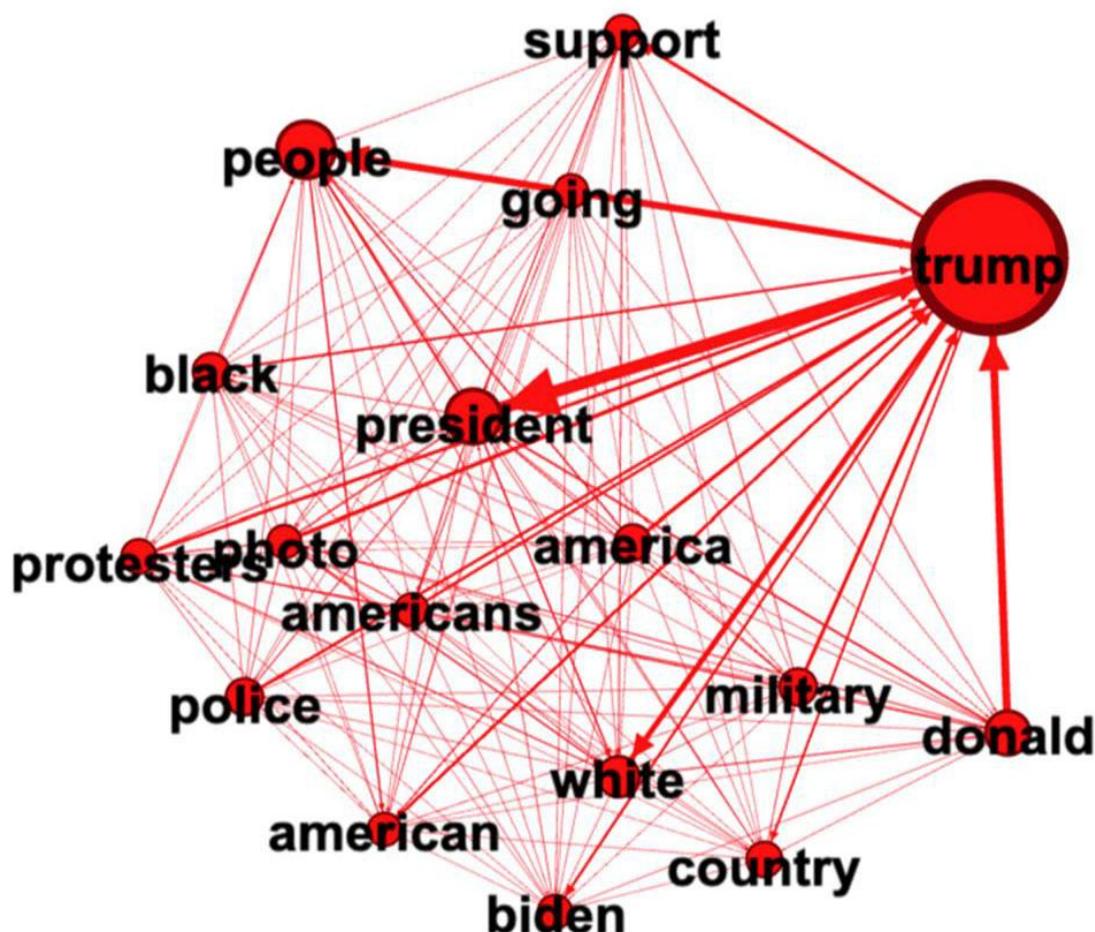

Рис. 4. Социальный граф хабов ядра лингвистической модели политической коммуникации пользователей «Twitter» в отношении Д. Трампа за март 2020 г.

– пандемия коронавируса, охватившая весь мир, — тема минимальна.

Как и в марте, **дискурсивное поле, связанное с предстоящими ноябрьскими выборами президента**, — основная тема; продолжаются дебаты сторонников и противников Президенты США Д. Трампа, причем если в марте мы констатируем большинство положительных твитов в отношении действующего президента, но в июне дискурсивное поле характеризуется критическими и отрицательными твитами.

Отрицательные мнения о президентстве Дональда Трампа можно оценить следующим образом:

It's about time to stop calling Donald Trump 'President'

В данном твите пользователь считает, что пришла пора перестать называть Дональда Трампа «президентом». Примечательно, что на семиотическом уровне в языке эмоджи появляются ладони темного цвета, символизирующие голоса афроамериканской части Америки.

Деятельность президента Трампа связывают с резким ухудшением жизни в Америке и самой роли Америки на глобальном уровне:

US used to be a role model. Ever since Trump became the President, there has been a systematic destruction of the country. Now it is like an underdeveloped country run by a despot, using military force to squash all dissent, squeeze the judiciary, and corrupt every institution

Пользователи считают, что до начала правления Трампом США считалась моделью для подражания (*US used to be a role model*) — использование оборота *used to* (бывало, прежде) и выражения *role model* — ролевая модель выражают сожаление о сегодняшнем состоянии дел.

В популярном твите преобладает лексика с отрицательной коннотацией:

– *destruction — damage that is so severe that something stops existing or can never return to its normal state* («такое сильное разрушение, что все перестает существовать и не возвращается в нормальное состояние»),

– *underdeveloped — an underdeveloped country or region is poor and does not have modern industries or advanced technology. Many people consider this to be an offensive word, and prefer to use the word developing* («развивающаяся страна или регион беден и не имеет современной индустрии или технологии»).

Интересным является тот факт, что пользователь выбирает именно этот термин (*underdeveloped*) для выражения своих эмоций. Предпочитают использовать эвфемизм *developing*.

Трампа считают деспотом, который использует военную силу для подавления любого проявления инакомыслия, ущемления судебной власти к коррумпированию всех институтов власти (*using military force to squash all dissent, squeeze the judiciary, and corrupt every institution*).

Пользователи возмущаются расистской Америкой, которая выбрала такого человека, как Трамп, президентом. Негодование подчеркивается инверсией: *Deep how racist America truly is to have elected someone like Trump for president...*

В другом популярном посте Трамп уличается в двуличии и следовании своим личным целям. Он «притворяется» для того, чтобы собрать больше голосов. Он говорит, что сделал для афроамериканцев больше, чем кто-либо другой, на самом деле он указывает им на их место в обществе. В данном посте ключевым словом выступает сочетание *white supremacy* — «превосходство белых людей», их «доминирование»:

@Yamiche Let's be clear, Trump doesn't practice faith and only claims to be a Christian to garner the Evangelical vote, just as he says he's done more for black people than any other president, Trump is fine with white supremacy letting the black man know his place in society

Еще один пользователь считает, что демократия Америки под угрозой, и эту угрозу представляет собой Дональд Трамп:

911: "Our democracy is being attacked by Donald Trump. Please send police, national guard and military forces to apprehend him before he causes more violence and harm." <https://t.co/wKLcLLU8zX>

Он призывает полицию, национальную гвардию и военные силы объединиться и арестовать Трампа, пока он не принес еще больше вреда и насилия. Пользователь считает, что сейчас наступил конец «игры» — он называет Трампа «сумасшедшим королем», а полицию и войска — его пироманами. Он отдает им приказ, используя слезоточивый газ и оружие, сжечь всех. Он повторяет этот приказ, и они нападают на граждан:

We're in the endgame now.

Trump is the mad king, the police and military his pyromancers.

'Burn them all' he says, ordering for tear gas and gunfire.

'Burn them all' he repeats, his men attacking the citizens

Другой популярный пользователь, используя графический прием — капитализацию — призывает свергнуть Трампа. Он также призывает проголосовать за Байдена, чтобы спасти страну:

GOD ALMIGHTY! What evilness Trump is filled with. PLEASE LET'S GET TRUMP OUT OF THE WHITE HOUSE Vote for Biden to save our country

Donald Trump is a weak president who exploits crises for personal and political gain rather than leading the nation through them. He has weakened our great nation.
<https://t.co/YJs5XxZd1Y>

Дональда Трампа считают «слабым» президентом: он использует кризисы для достижения своих политических амбиций (*exploits crises for personal and political gain*) вместо того, чтобы помогать стране преодолеть их (*rather than leading the nation through them*). Такая политика президента привела к ослаблению великой американской нации (*He has weakened our great nation*).

Период правления Трампа связывают с началом гражданской войны и последующего холокоста:

Okay.

So let me get this straight.

There's a whole civil war about to happen,

The pandemic is still going on,

And there's another holocaust going on.

You see what Donald trump becoming president has come to? My dad works in the oil industry as well in which the prices dropped

Пользователь номинирует ключевые слова *civil war* и *holocaust*, проецируя время их возникновения.

Существуют мнения, согласно которым люди готовы отдать свой голос за любого кандидата вследствие своей ненависти к Трампу:

People HATE trump more then any past president has been hated. ANYONE is better then Donald Trump, anyone.

Твиты, позитивные в отношении Трампа:
@vleras_ Trump is the best president americ has ever had, black ppl exist and so does racism, jewish ppl deserved the holocaust, Hitler was the best ruler that earth probably had

Данный пользователь не только считает, что Трамп — это лучший из всех американских президентов (*Trump is the best president americ has ever had*). Он идет дальше и объявляет, что афроамериканцы существуют и существует расизм, а евреи заслужили холокост. Что касается Гитлера — он был самым лучшим правителем.

Пользователь вспоминает период правления семьи президента Буша — 12 лет (отца и сына), заявляя, что они ничего не сделали для улучшения расового вопроса. Президент же Трамп, будучи на посту менее 4 лет, сделал гораздо больше для решения данного вопроса.

We had 12 years of the bushes Sr & Junior and they did nothing to help race rela-

tions. President Trump has been president for just short of four years and did more for race relations and black people than any of the other presidents

Следующий популярный пост говорит о массовой поддержке Трампа населением:

Facebook and Twitter chose Trump to be US president

В данном твите выражается благодарность Трампу за всю работу, которую он ведет:

*@realDonaldTrump President Trump, you are right! We knew you always to do the good jobs for our country and we are the people! We so thank you for your terms and your hardworking! The God bless America! Everything will be gone ~ please be safe and heathy anytime~
Amen!*

Отдельно стоит отметить использование выражения *The God bless America!* («Боже, благослови Америку», англ. *God Bless America* — американская патриотическая песня, которую в 1918 г. написал Ирвинг Берлин во время своей службы в армии США). Данное название является своего рода «визитной карточкой», свидетельствующей о патриотизме и силе Америки.

Следующий популярный твит пользователь начинает со слов, что Трамп — его президент. Он рассуждает о существовании плохих и хороших полицейских. Он убежден, что жизнь любого человека, вне зависимости от цвета кожи, имеет важное значение:

Trump is my president. I back the blue. Most cops are good. Some cops are shit. The cop who killed George Floyd should rot in jail. I am not black so I don't know what it's like to be black. Black lives matter. White lives matter. Every American matters.

Отдельные пользователи, выступая в защиту Трампа, считают, что есть вопросы, которые должны решать губернаторы и мэры:

Polkameister I honestly do not understand what Trump was supposed to do?

US is very sensitive about states rights

It is up to Governors and Mayors to handle this stuff

They should be the one to call int he National Guard

Trump can do it, but any President is hesitant to override them

Пользователь пишет о том, что Америка очень чувствительна к вопросам, касающимся прав штатов. Он считает, что именно они должны были «подключить» Национальную гвардию для решения вопроса.

Второе дискурсивное поле: в конце июня мы наблюдали фактически слияние «старого» дискурса, связанного с выборами, с «новым» дискурсом — тема **#BlackLivesMatter** и

критика Д. Трампа и как президента, и как кандидата.

Расовый вопрос затрагивается почти в каждом третьем твите. Пользователи убеждены, что Трамп не уважает афроамериканское население (*He has no respect for us as black people*), следовательно, он не может являться «его» президентом (*Trump is not my president!*).

Отрицательное отношение к деятельности президента Д. Трампа в отношении «небелого населения» прослеживается и в следующих постах:

To Trump, people of colour are not citizens to whom he owes a duty of care, but an enemy that must be defeated.

The world stands in solidarity against him.
#BlackLivesMatter

Пользователи также считают, что для Трампа люди с другим цветом — не те люди, о которых он обязан заботиться, а враги, которых надо уничтожить. Контраст между долгом (*duty*) и реальностью (*enemy that must be defeated*) создает яркий эффект. Далее пользователь заявляет, что весь мир консолидировался против него (Трампа). Хештег #BlackLivesMatter завершает мысль, с которой начинается этот твит (*people of colour — black lives matter*).

Начало популярного твита с требованием голосовать против Трампа и окончание с требованием уничтожения данного режима также ярко показывает необходимость действовать:

"Vote Trump Out!" How many more people have to die between now and November? He must resign now.

A massive restructure or abolition of U.S. police departments in order to protect black lives, and life in general, cannot wait another day.

We demand the fall of the regime.

В самом твите автор задает риторический вопрос (*Сколько еще людей должно умереть до ноября? Трамп должен уйти в отставку прямо сейчас*). Он настаивает на реструктурировании системы полиции для возможности защитить жизнь афроамериканцев и жизнь в общем.

В одном из твитов пользователь вспоминает слова Трампа, произнесенные им во время избирательной кампании 2016 г., обращенные к афроамериканцам (*Голосуйте за меня, вам терять нечего!*):

Do you remember when Trump said to people of color during the 2016 campaign ...

Vote for me, what do you have to lose?

We have our answer. Everything, including your life, your freedoms and your democracy.

#VoteBlueToSaveAmerica2020

#wtpEBRC

<https://t.co/0WusU6xmws>

Сейчас, как считает пользователь, у них есть ответ на его слова: *Нам есть, что терять: все, включая жизнь, свободу и демократию, которую ты нам пообещал.*

Считается, что Трамп победил на выборах в 2016 г., потому что афроамериканцы не голосовали за Хиллари Клинтон в отдельных штатах (*bcuz blacks didn't come out for hillary in MI, WI, PA*). Трамп хочет «повторить» ту же тактику и в 2020 г., но пользователь считает, что Байдена достаточно любить, чтобы проголосовать именно за него:

@sexybeastt911 @Robert_E_Kelly *Trump won in 2016 bcuz blacks didn't come out for hillary in MI, WI, PA.*

He wants to repeat 2016 tactics to 2020. But i think biden is likable enough to blacks and will come out to vote for him.

If you compare the response of President Xi Jinping to the Hong Kong disturbances and President Trump to the Black Lives Matter protests then you can only conclude that President Xi is an infinitely more democratic, conscientious, and statesmanlike leader than Donald Trump.

Пользователь считает, что Трамп принес больше вреда афроамериканцам, чем какой-либо другой американский президент — образное выражение *tear gas and rubber bullets* (*слезоточивый газ и резиновые пули*) показывает то, на что способен этот человек:

Trump has given the "Black Community" more tear gas and rubber bullets than any President in a generation. <https://t.co/liomjdpP30>

Волна недовольства становится все сильнее, поэтому в твитах появляются сообщения о том, что люди, работающие в Белом доме с Трампом — предатели своей страны:

No more excuses — anyone who continues to work for Trump's White House is a traitor to our country

A pandemic kills 100,000 Americans. Trump does nothing.

A depression puts 40,000,000 out of work. Trump does nothing.

Armed white nationalists shut down state legislatures. Trump does nothing.

Black people march for their freedom.

Trump launches a military occupation.
<https://t.co/SE3x5p7tSx>

В качестве суммирования «работы» президента пользователь приводит цифры:

A pandemic kills 100,000 Americans. — 100 000 американцев, умерших в результате пандемии.

A depression puts 40,000,000 out of work. — 40 000 000 американцев, потерявших работу.

Пользуясь параллельной конструкцией, пользователь отмечает, что Трамп никак не отреагировал на эти ужасающие цифры: *Trump does nothing*. Все эти действия описаны простыми предложениями, они лишены эмоциональной окраски, и от этого ярче обнажается весь ужас возникшей ситуации и отношение к действиям президента.

Пользователь считает, что Трамп против людей, которые являются антифашистами, следовательно, делается вывод, что и он, и все его последователи — фашисты. Трамп — это «цифровой» Гитлер:

@Gaidheal_Alaska @dabiggapicta
@zac1967 Gaidheal Alaskanach: *Trump is against people who are antifascists. So Trump is a fascist. So all who are for Trump are fascists. Trump is Hitler 2.0, you dumb-ass.*

В июне 2017 г. при решении вопроса об американских визах Трамп заявил, что люди с Гаити «заражены СПИДом», а иммигранты из Нигерии никогда «не отправятся обратно в свои шалаши», вкусив жизни в США:

@isidags @jiddy203 2. June 2017: *During a meeting to talk about U.S. visas, Trump said that people from Haiti "all have AIDS" and that Nigerian immigrants would never "go back to their huts" after experiencing the United States.*

В следующем популярном твите пользователь настаивает, что Трамп — ни хороший, ни плохой президент. От него отстраняются, потому что он сделал все, чтобы обстановка в стране накалилась, а потом приказал полиции напасть на митингующих. Единственное, о чем жалеет пользователь, — о любви к политике его сторонников.

Слышны голоса о необходимости пойти на выборы и отдать свой голос — *All My Followers Need To Vote Period (все мои последователи должны пойти и проголосовать. И точка)*. Пользователь считает, что меньше всего сейчас Америке нужно иметь Трампа переизбранным на второй срок.

Данный пользователь говорит о необходимости пойти на выборы и выполнить свой гражданский долг — он считает, что в 2016 г. случилось то, что случилось, потому что некоторые люди проголосовали за *третью партию или не голосовали вообще (because of people who voted third party, didn't vote)*. Население считало, что для страны Клинтон хуже, чем Трамп — и результаты налицо:

@esglaupe @KathyOR808 2016 *happened. We have Trump because of people who voted third party, didn't vote or wanted to "burn the whole thing down" Actions taken during that time can't or shouldn't be dismissed. You all thought Clinton would be worse for our country than a Trump and here we are.*

Заключительным аккордом можно считать популярный пост, опубликованный несколько раз, в котором, как в мантре, «заклинаются» негативные оценочные номинации президента. Начиная от номинирования Дональда Трампа террористом, расистом, сексистом, пользователи приходят к выводу, что Дональд Трамп — это не их президент. Графически внимание на всех оценочных номинациях акцентировано прописными буквами (капитализацией):

*Donald Trump is a **TERRORIST***
*Donald Trump is a **CHILD ABUSER***
*Donald Trump is a **RACIST***
*Donald Trump is a **SCAM ARTIST***
*Donald Trump is a **SEXIST***
*Donald Trump is a **COWARD***
*Donald Trump is a **LIAR***
*Donald Trump is a **CROOK***
*Donald Trump is a **CRIMINAL***
*Donald Trump is **NOT MY PRESIDENT***

Как мы отметили выше, **дискурсивное поле «баталии» и дискуссии между противниками и сторонниками Байдена и Трампа** (Берни Сандерс «уходит» из тематического поля) остается в ядре, но со 2-го места по популярности и обсуждаемости переходит на 3-е.

Безусловно, звучат и голоса в защиту Трампа и против Байдена. Пользователь призывает начать поддерживать Трампа, чтобы губернаторы и штаты издавали строгие законы. Он не видит никакого выбора, кроме Трампа. Байден для него расист, который лжет:

Better start supporting Trump to push his governors and states to make strict laws re: Racism and Police Brutality.

Trump will be the President once again, there is no other Choice. Biden?? a Big lying racist. <https://t.co/GSxwjGXO9g>

Biden?? a Big lying racist.

Личность Джо Байдена оценивается положительно:

@GOP I CALL BS, but nice try gop. *Biden is a good and HONEST man, something trump will never be. People LOVE BIDEN, ALWAYS HAVE*

Набор прописными лексем с мелиоративной оценкой указывает на положительное отношение: *honest, love*.

Джо Байден противопоставляется Дональду Трампу: порядочность и доброта Байдена — это то, чего никогда не будет у Трампа (*Biden is a good and HONEST man, something trump will never be*).

Джо Байден, безусловно, имеет преимущества перед Трампом, но его возраст, цвет кожи и «политическая история» — это не то, в чем Америка сейчас нуждается (по мнению одного из пользователей):

@neeratanden Joe Biden is a politician who says and does what he needs to to get elected.

He's been in DC for 47 years, so he's well practiced in the art.

Yes, he's better than Trump, but a 77 year old white guy with a spotty (at best) political history is not what America needs right now

ВЫВОДЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Основной вывод, который мы делаем, связан с усилением роли социальных медиа в формировании политических дискурсов и векторов политической коммуникации в современных странах; особо значимой и конгруэнтной работа с массовым сознанием в интернет-пространстве должна стать в период предвыборных кампаний и сохраняющейся ситуации пандемии.

На примере приведенного сетевого и лингводискурсивного анализа лингвистической модели политической коммуникации пользователей «Twitter» в отношении Д. Трампа за март — июнь 2020 г. мы показали, как позитивные и околоритичные дискурсы в отношении Д. Трампа как действующего президента и кандидата в президенты сменились на отрицательный дискурс, в котором предвыборные дискуссии фактически заменились обсуждением протеста и акций #BlackLivesMatter и резкой критикой Д. Трампа со стороны всех групп населения. Дискурс коронавируса и критики действий президента и власти в марте 2020 г. также перетек в тематическое поле #BlackLivesMatter в июне 2020 г. Как мы наблюдаем, активное обсуждение гибели 25 мая 2020 г. афроамериканца во время задержания офицером полиции стало катализатором обсуждения проблем различных групп американского населения в «Twitter»; консолидация пользователей в online способствовала массовым протестам и беспорядкам в offline в июне 2020 г. Твиты и ретвиты как комментарии пользователей к указанным событиям запустили новый виток выражения негативного отношения к властям различного уровня в стране, президенту Д. Трампу и двум кандидатам на пост президента США (предстоящие ноябрьские выборы).

Основные характеристики лингвистической модели политической коммуникации пользователей «Twitter» в отношении Д. Трампа в марте 2020 г.:

- в основном положительные твиты;
- в большей степени твиты связаны с обсуждением кандидатов на пост президента США (предвыборные программы, предложения, статистика и т. д.);

- используются приемы: мелиоративная оценка; капитализация (набор слова или части текста прописными буквами); интенсификаторы; оппозиция «мы — они» и «свои — чужие»; акцент на пожилом возрасте кандидатов; использование религиозных коннотаций; алармистские настроения в отношении коронавируса; патриотический настрой; призывы голосовать за Трампа, так как другой кандидат еще хуже.

Основные характеристики лингвистической модели политической коммуникации пользователей «Twitter» в отношении Д. Трампа в июне 2020 г.:

- в основном негативные твиты;
- в большей степени твиты связаны с обсуждением #BlackLivesMatter, критикой Трампа как президента США;
- используются приемы: активное использование эмоджи небелых цветов; акцент на проблемах «небелого» населения; отрицательные коннотации и лексика; расистская тематика; капитализация; патриотические настроения; религиозные коннотации; призывы к отставке президента и блокировке Трампа как кандидата; призывы не голосовать за Трампа; необходимость действовать; риторические вопросы; статистические примеры; исторические примеры; негативные оценочные номинации президента.

Информационно-коммуникационные технологии трансформируют социальную действительность и ставят перед наукой новые исследовательские вопросы, связанные с тем, как именно лингвистические модели коммуникации и дискурсивные поля инициируют социальное действие, влияющее на развитие и трансформации социально-политических систем современных государств.

Колоссальный массив сетевых данных, порождаемых в онлайн-пространстве, не позволяет мгновенно или своевременно отслеживать деструктивные изменения в социально-политической сфере. Результатом является регистрация деструктивных практик влияния дискурсивного пространства на развитие социально-политических систем постфактум. Понимание основополагающих принципов функционирования лингвистических моделей политической коммуникации пользователей социальных медиа в отношении персон/фактов/событий/процессов даст нам возможность выявлять триггеры и определять точку появления «критического числа» пользователей, приводящего к формированию определенного дискурсивного поля, и выявлять развитие конструктивных и деструктивных социально-политических практик граждан и групп граждан.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных» (2020—2022 гг., рук. В. В. Катермина).

ЛИТЕРАТУРА

1. Рябченко, Н. А. Региональный политический дискурс: теоретическая модель, методология исследования и практики управления политическим контентом в online-пространстве субъектов РФ / Н. А. Рябченко, В. В. Катермина, А. А. Гнедаш, Б. Г. Вульфвич. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 114—131. — DOI 10.26170/pl19-05-12.
2. Рябченко, Н. А. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика / Н. А. Рябченко, В. В. Катермина, А. А. Гнедаш, О. П. Малышева. — Текст : непосредственный // Южно-российский журнал социальных наук. — Краснодар, 2018. — № 3. — С. 139—162.
3. Рябченко, Н. А. Характеристики современной политической коммуникации в онлайн-пространстве / Н. А. Рябченко, О. П. Малышева. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2020. — № 2. — С. 101—113.
4. Рябченко, Н. А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды / Н. А. Рябченко, О. П. Малышева, А. А. Гнедаш. — Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. — 2019. — № 2. — С. 92—106. — DOI <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.07>.
5. Top-20 авторов русскоязычных соцмедиа: ВКонтакте, Instagram, Facebook и Twitter, ИЮНЬ 2019. Молодые видеоблогеры, украинские журналисты и двойной успех Ольги Бузовой. — URL: https://br-analytics.ru/blog/top-20-russian-language-authors-vk-fb-insta-twi_june2019/ (дата обращения: 13.09.2020). — Текст : электронный.
6. Beltran, J. Male and female politicians on Twitter: A machine learning approach / J. Beltran, A. Gallego, A. Huidobro, E. Romero, L. Padro. — Text : electronic // *European Journal of Political Research*. First published: 17 March 2020. — URL: <https://ejpr.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1475-6765.12392?af=R> (date of access: 13.09.2020).
7. Bhatia, S. Trait Associations for Hillary Clinton and Donald Trump in News Media. A Computational Analysis / S. Bhatia, G. P. Goodwin, L. Walasek. — Text : unmediated // *Social Psychological and Personality Science*. — 2018. — Vol. 9. — № 2. — P. 123—130. — DOI <https://doi.org/10.1177/1948550617751584>.
8. Brand Analytics. — URL: <https://br-analytics.ru/about/> (date of access: 13.09.2020). — Text : electronic.
9. Burghardt, M. Introduction to Tools and Methods for the Analysis of Twitter Data / M. Burghardt. — Text : unmediated // *Living Linguistics. Media Linguistics*. — № 2015. — Iss. 1. — P. 74—91.
10. Crystal, D. *Language and the Internet* / D. Crystal. — Cambridge : CUP, 2006. — Text : unmediated.
11. Cunha, E. Analyzing the Dynamic Evolution of Hashtags on Twitter: a Language-Based Approach / E. Cunha. — Text : unmediated // *Proceedings of the Workshop on Language in Social Media LSM*. — 2011. — P. 58—65.
12. Derczynski, L. Twitter Part-of-Speech Tagging for All: Overcoming Sparse and Noisy Data / L. Derczynski. — Text : unmediated // *Proceedings of the International Conference on Recent Advances in Natural Language Processing, ACL*. — 2013. — P. 198—206.
13. Donald J. Trump 45th President of the United States of America. — URL: https://twitter.com/realDonaldTrump?ref_src=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etweetembed%7Ctwtterm%5E146994336670822400%7Ctwgr%5E&ref_url=http%3A%2F%2Fwww.trumptwitterarchive.com%2F (date of access: 13.09.2020). — Text : electronic.
14. Enli, G. Twitter as arena for the authentic outsider: exploring the social media campaigns of Trump and Clinton in the 2016 US presidential election / G. Enli. — Text : unmediated // *European Journal of Communication*. — 2017. — Vol. 32. — № 1. — P. 50—61. — DOI <https://doi.org/10.1177/0267323116682802>.
15. González-Ibáñez, R. Identifying Sarcasm in Twitter: a Closer Look / R. González-Ibáñez. — Text : unmediated // *HLT '11 Proceedings of the 49th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies: Short Papers*. — 2011. — P. 581—586.
16. Jaidka, K. Brevity is the Soul of Twitter: The Constraint Affordance and Political Discussion / K. Jaidka, A. Zhou, Y. Lelkes. — Text : unmediated // *Journal of Communication*. — 2019. — Vol. 69. — Iss. 4. — P. 345—372.
17. Murthy, D. Introduction to Social Media, Activism, and Organizations / D. Murthy. — Text : unmediated // *Social Media + Society*. — 2018. — № 1—4. — DOI 10.1177/2056305117750716.
18. Murthy, D. Do We Tweet Differently From Our Mobile Devices? A Study of Language Differences on Mobile and Web-Based Twitter Platforms / D. Murthy, S. Bowman, A. J. Gross, M. McGarry. — Text : unmediated // *Journal of Communication*. — 2015. — Vol. 65. — Iss. 5. — P. 816—837.
19. Pearson, M. Teaching Media Law in a Post-truth Context: Strategies for Enhancing Learning about the Legal Risks of Fake News and Alternative Facts / M. Pearson. — Text : unmediated // *Asia Pacific Media Educator*. — 2017. — № 27 (1). — P. 17—26. — DOI <https://doi.org/10.1177/1326365X17704289>.
20. Rees, A. Digital and Online Activism / A. Rees. — URL: <https://en.reset.org/knowledge/digital-and-online-activism> (date of access: 13.09.2020). — Text : electronic.
21. Zanzotto, F. M. Linguistic Redundancy in Twitter / F. M. Zanzotto // *Proc. of the 2011 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing, ACL*. — 2011. — P. 659—669.

V. V. Katermina

ORCID ID: 0000-0001-9141-9867

N. A. Ryabchenko

ORCID ID: 0000-0001-6980-2894

S. Ch. Lipiridi

ORCID ID: —

A. A. Gnedash

ORCID ID: 0000-0002-3516-107X

O. P. Malysheva

ORCID ID: —

Kuban State University, Krasnodar, Russia

E-mail: katermina_v@mail.ru; rrrnatali@mail.ru; sofa.lipiridi@gmail.com; malisheva_83@mail.ru; anna_gnedash@inbox.ru.

The Study of Linguistic Model of Political Communications on Twitter about US President D. Trump in March-June 2020

ABSTRACT. *The specificity of modern socio-political and linguistic changes is most clearly reflected in the functioning of linguistic models of socio-political communication between citizens / consumers in relation to institutionalized and non-institutionalized political actors. Modern social reality is largely shaped by the influence of the Internet and social media. The functional segmentation of social media is an effect of the coronavirus era. The social networking website Twitter has become a source of political content worldwide in 2019-2020. The empirical base of the study includes two sets of network data: the first data set (March 2020, 50,000 messages) and the second data set (June 2020, 50,000 messages) consist of network data obtained by the method of continuous unloading of messages published by Twitter users and containing the keyword "trump" through the Twitter API. The network data in the empirical base obtained contain the following data sets: messages published by users of the networks specified; dynamics of responses (retweets) to published messages; data about users publishing these messages containing records of their interaction instances to allow analyzing their activity as a social graph; hashtags used by users to label and classify information on social networks; frequently used words and phrases accompanied by records of their usage instances to allow analyzing the activity of their use as a social graph in order to identify the dominant topics in the network discourse field which forms the basis of the linguistic model of political communication of Twitter users about D. Trump. As a result of visualization of the data sets obtained (hubs of the core of the linguistic model of political communication of Twitter users in relation to D. Trump for the period specified) and the subsequent network, linguodiscursive and frequency analysis, the authors demonstrate the change of positive and near-critical discourses regarding D. Trump as President and presidential candidate into a negative discourse in which the prevailing discussion is not the election campaign but Black Lives Matter protests and actions, as well as harsh criticism of D. Trump from all groups of the population. The authors have also highlighted the main characteristics of the linguistic models of political communication of Twitter users in relation to D. Trump in March 2020 and June 2020.*

KEYWORDS: network linguistics; linguistic models; political communication; network analysis; discourse analysis; political discourse; politicians; American presidents; linguistic personality; linguopersonology; Internet, Internet space; Internet communication; social networks; Internet discourse; Internet texts.

AUTHOR'S INFORMATION: *Katermina Veronika Viktorovna, Doctor of Philology, Professor of Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ryabchenko Natal'ya Anatol'evna, Candidate of Political Science, Associate Professor of Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Lipiridi Sofiya Khristoforovna, Post-Graduate Student of Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Gnedash Anna Aleksandrovna, Candidate of Political Science, Associate Professor of Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Malysheva Ol'ga Petrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.*

FOR CITATION: *Katermina, V. V. The Study of Linguistic Model of Political Communications on Twitter about US President D. Trump in March-June 2020 / V. V. Katermina, N. A. Ryabchenko, S. Ch. Lipiridi, A. A. Gnedash, O. P. Malysheva // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 87-107. — DOI 10.26170/pl20-05-09.*

ACKNOWLEDGMENTS. *The research has been carried out with financial support of Russian Foundation for Basic Research (Department of Humanitarian and Social Science) project № 20-012-00033 "Linguistic Models of Sociopolitical Communication in Online Space: Discursive Fields, Patterns and Hybrid Methodology of Network Data Analysis" (2020-2022).*

REFERENCES

1. Ryabchenko, N. A. Regional Political Discourse: Theoretical Model, Methodology of Research and Practice of Managing Political Content in the Online Space of the Russian Federation Subjects / N. A. Ryabchenko, V. V. Katermina, A. A. Gnedash, B. G. Vulfovich. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2019. — № 5 (77). — P. 114—131. — DOI 10.26170/pl19-05-12. [Regional'nyj politicheskij diskurs: teoreticheskaja model', metodologija issledovanija i praktiki upravlenija politicheskim kontentom v online-prostranstve sub#ektov RF // Politicheskaja lingvistika. 2019. № 5 (77). S. 114-131]. — (In Rus.)
2. Ryabchenko, N. A. Political Content of Social Movements in the Online Space of Modern States: Analysis Methodology and Research Practice / N. A. Ryabchenko, V. V. Katermina, A. A. Gnedash, O. P. Malysheva. — Text : unmediated // South Russian Journ. of Social Sciences. Krasnodar, 2018. № 3. P. 139-162. [Politicheskij kontent sotsial'nykh dvizhenij v online-prostranstve sovremennykh gosudarstv: metodologija analiza i issledovatel'skaja praktika // Yuzhno-rossijskij zhurnal sotsial'nykh nauk. Krasnodar, 2018. № 3. S. 139-162]. — (In Rus.)
3. Ryabchenko, N. A. Characteristics of modern political communication in the online space / N. A. Ryabchenko, O. P. Malysheva. — Text : unmediated // Questions of cognitive linguistics. — 2020. — № 3. — P. 101—113. [Harakteristiki sovremennoj politicheskij komunikacii v onlajn-prostranstve // Voprosy kognitivnoj lingvistiki 2020. № 3. S. 101-113]. — (In Rus.)
4. Ryabchenko, N. A. Presidential Campaign in Post-truth Era: Innovative Digital Technologies of Political Content Management in Social Networks Politics / N. A. Ryabchenko, O. P. Malysheva, A. A. Gnedash. — Text : unmediated // Polis. Political Research. — 2019. — № 2. — P. 92—106. — DOI 10.17976/jpps/2019.02.07 [Upravlenie politicheskim kontentom v sotsial'nykh setyakh v period predvybornoy kampanii v epokhu postpravdy // Polis. Politicheskije issledovanija. 2019. № 2. S. 92-106]. — (In Rus.)
5. Top-20 authors of Russian-speaking social media: VKontakte, Instagram, Facebook and Twitter, JUNE 2019. Young video bloggers, Ukrainian journalists and Olga Buzova's double success [Top-20 avtorov ruskojazychnyh socmedia: VKontakte, Instagram, Facebook i Twitter, IJuN" 2019. Molodye videoblogery, ukrainskie zhurnalisty i dvojnoj uspeh Ol'gi Buzovoj]. — URL: https://br-analytics.ru/blog/top-20-russian-language-author-s-vk-fb-insta-twi_june2019/ (date of access: 13.09.2020). — (In Rus.)
6. Beltran, J. Male and female politicians on Twitter: A machine learning approach / J. Beltran, A. Gallego, A. Huidobro, E. Romero, L. Padro. — Text : electronic // European Journal of Political Research. First published: 17 March 2020. — URL: <https://ejpr.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/1475-6765.12392?af=R> (date of access: 13.09.2020).
7. Bhatia, S. Trait Associations for Hillary Clinton and Donald Trump in News Media. A Computational Analysis / S. Bhatia, G. P. Goodwin, L. Walasek. — Text : unmediated // Social Psychological and Personality Science. — 2018. — Vol. 9. — № 2. — P. 123—130. — DOI <https://doi.org/10.1177/1948550617751584>.
8. Brand Analytics. — URL: <https://br-analytics.ru/about/> (date of access: 13.09.2020). — Text : electronic.
9. Burghardt, M. Introduction to Tools and Methods for the Analysis of Twitter Data / M. Burghardt. — Text : unmediated // Living Linguistics. Media Linguistics. — № 2015. — Iss. 1. — P. 74—91.
10. Crystal, D. Language and the Internet / D. Crystal. — Cambridge : CUP, 2006. — Text : unmediated.
11. Cunha, E. Analyzing the Dynamic Evolution of Hashtags on Twitter: a Language-Based Approach / E. Cunha. — Text : unmediated // Proceedings of the Workshop on Language in Social Media LSM. — 2011. — P. 58—65.
12. Derczynski, L. Twitter Part-of-Speech Tagging for All: Overcoming Sparse and Noisy Data / L. Derczynski. — Text : unmediated // Proceedings of the International Conference on Recent Advances in Natural Language Processing, ACL. — 2013. — P. 198—206.
13. Donald J. Trump 45th President of the United States of America. — URL: https://twitter.com/realDonaldTrump?ref_src=twsrc%5Etfw%7Ctwcamp%5Etweetembed%7Ctwtterm%5E146994336670822400%7Ctwgr%5E&ref_url=http%3A%2F%2Fwww.trumptwitterarchive.com%2F (date of access: 13.09.2020). — Text : electronic.
14. Enli, G. Twitter as arena for the authentic outsider: exploring the social media campaigns of Trump and Clinton in the 2016 US presidential election / G. Enli. — Text : unmediated // European Journal of Communication. — 2017. — Vol. 32. — № 1. — P. 50—61. — DOI <https://doi.org/10.1177/0267323116682802>.
15. González-Ibáñez, R. Identifying Sarcasm in Twitter: a Closer Look / R. González-Ibáñez. — Text : unmediated // HLT '11 Proceedings of the 49th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies: Short Papers. — 2011. — P. 581—586.
16. Jaidka, K. Brevity is the Soul of Twitter: The Constraint Affordance and Political Discussion / K. Jaidka, A. Zhou, Y. Lelkes. — Text : unmediated // Journal of Communication. — 2019. — Vol. 69. — Iss. 4. — P. 345—372.
17. Murthy, D. Introduction to Social Media, Activism, and Organizations / D. Murthy. — Text : unmediated // Social Media + Society. — 2018. — № 1—4. — DOI 10.1177/2056305117750716.
18. Murthy, D. Do We Tweet Differently From Our Mobile Devices? A Study of Language Differences on Mobile and Web-Based Twitter Platforms / D. Murthy, S. Bowman, A. J. Gross, M. McGarry. — Text : unmediated // Journal of Communication. — 2015. — Vol. 65. — Iss. 5. — P. 816—837.
19. Pearson, M. Teaching Media Law in a Post-truth Context: Strategies for Enhancing Learning about the Legal Risks of Fake News and Alternative Facts / M. Pearson. — Text : unmediated // Asia Pacific Media Educator. — 2017. — № 27 (1). — P. 17—26. — DOI <https://doi.org/10.1177/1326365X17704289>.
20. Rees, A. Digital and Online Activism / A. Rees. — URL: <https://en.reset.org/knowledge/digital-and-online-activism> (date of access: 13.09.2020). — Text : electronic.
21. Zanzotto, F. M. Linguistic Redundancy in Twitter / F. M. Zanzotto // Proc. of the 2011 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing, ACL. — 2011. — P. 659—669.

П. С. Погостина

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-4330-4023

 E-mail: pollypogostina@mail.ru.

Дискурс сквозь призму диалогичности (на материале американского вечернего шоу)

АННОТАЦИЯ. Исследование посвящено проблеме дискурса — одного из самых многогранных и сложных явлений, изучаемых в современной лингвистике. В данной статье дискурс анализируется как среда, в которой реализуется принцип диалогичности, а выявление сущностных свойств дискурса производится с точки зрения существования в нем диалогов. На материале телепрограмм, относящихся к жанру американского вечернего шоу, моделируется дискурсивное пространство-время. Дискурсивное пространство-время представляет собой среду, в которой сосуществуют сферы-источники, из которых автор вечернего шоу «выбирает» нужные ему тексты. Эти тексты связываются диалогами с текстом вечернего шоу. В работе анализируются компоненты модели дискурсивного пространства-времени. При помощи кейс-метода, стилистического анализа, контент-анализа, нарративного анализа, структурно-функционального метода, анализа текстовой информации (фактуальной, концептуальной и подтекстовой — по И. Р. Гальперину) исследованы способы реализации внутренней и внешней диалогичности. Внутренний диалог рассматривается в работе как диалог, реализующийся на уровне текста и существующий независимо от включенности этого текста в любое дискурсивное пространство-время и далее в дискурс. В свою очередь, под внешним диалогом понимается диалог на уровне дискурсивного пространства-времени, а значит диалог дискурсивный. В статье производится сопоставление понятий «текст», «дискурсивное пространство-время» и «дискурс», обосновывается причина обращения к компоненте времени при изучении дискурса, анализируется проблема оценки, проявляющейся в дискурсивном пространстве-времени американского вечернего шоу. Делается вывод о том, что дискурс — это не математическая сумма существующих в его пределах текстов: с точки зрения диалогичности дискурс ярко проявляет себя как сверткостное единство, возникающее при диалогизации его компонентов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурсивное пространство; диалогичность; внутренний диалог; внешний диалог; вечерние шоу; дискурс-анализ; английский язык; телепрограммы; языковые средства; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Погостина Полина Сергеевна, аспирант кафедры английской филологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; 196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское ш., д. 10; e-mail: pollypogostina@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Погостина, П. С. Дискурс сквозь призму диалогичности (на материале американского вечернего шоу) / П. С. Погостина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 108-120. — DOI 10.26170/pl20-05-10.

ВВЕДЕНИЕ. ПРОБЛЕМА ДИСКУРСА

На протяжении долгого времени одним из самых важных и популярных направлений в современной лингвистике остается дискурс-анализ. Работая с различным материалом на стыке с другими дисциплинами, изучая предмет и объект под разным углом, исследователи тщательно и подробно описывают дискурс со многих позиций. Так, под дискурсом понимается «речевое произведение», «манifestация высказывания» [Бенвенист 1974: 312], дискурс определяется как «практика» [Фуко 2004: 106], как «автономный вербальный объект» и в то же время «контекстуальное взаимодействие, социальная практика или тип коммуникации в социальном, культурном, историческом или политическом контексте» [ван Дейк 2013 21]. В работах обращают внимание на то, что дискурс — это «явление когнитивное, то есть

имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [Кубрякова 2000: 12]. В то же время дискурс описывается как «один из ключевых семиотических концептов» — «когнитивная структура, стремящаяся к автономии» [Красина 2004: 7].

Несмотря на популярность и существенную проработанность темы (или, наоборот, ввиду этого), нет единого мнения о сущности анализируемого явления. В. Е. Чернявская пишет об этом так: «...дискурс стал „фантомным объектом“ лингвистического анализа, ускользающим от возможности четкого определения предмета и методики анализа» [Чернявская 2014: 54]. Не существует и базовой обобщающей дефиниции, которой можно воспользоваться в преобладающем числе случаев, что при обращении к теме дискурса приводит к необходимости выделять основную черту, на которой делается

© Погостина П. С., 2020

акцент. С одной стороны, эта «многоликость» дискурса усложняет работу по его изучению, но с другой — дает широкую возможность для междисциплинарных исследований, а также позволяет использовать разнообразные методы и приемы. Ввиду этого современные ученые ставят перед собой масштабную задачу, связанную с обобщением накопленного массива знаний о дискурсе и дальнейшим изучением предметной области, а достижение высокого уровня точности в том числе связывают с разработкой и усовершенствованием надежных методов анализа [Bila, Ivanova 2020: 235].

В этой работе хотелось бы рассмотреть дискурс с позиции диалогичности. Представляется, что именно этот принцип является центральным для дискурса, поскольку принимает во внимание явление диалогичности, позволяющее раскрыть подлинную сущность текста, которая «всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [Бахтин 1986: 477]. Соответственно, в этой работе производится фокусировка на дискурсе как диалогическом образовании. Т. Н. Хомутова пишет, что «между составляющими дискурса существует определенная сеть отношений, которая и позволяет утверждать, что дискурс представляет собой интегральный объект» [Хомутова 2014: 16]. Диалогичность дискурса в данном исследовании выражается именно как следствие существования упомянутой «сети отношений», т. е. она синонимична интертекстуальности: диалог позволяет связать компоненты дискурса — тексты. По Ю. Кристевой, «любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [Кристева 2004: 167]. Дискурсу при этом свойственна не только интертекстуальность, о которой пишет ученый, но и интерсубъективность, отмеченная М. М. Бахтиным: диалогичность не ограничивается простой связью между текстами, ведь наличие интертекстуальных вкраплений обусловлено фактором адресанта и в особенности адресата. Таким образом, диалогичность как свойство дискурса представляет собой фундаментальную связь, присутствующую и между субъектами общения (в соответствии с М. М. Бахтиным), и между объектами — текстами (в соответствии с Ю. Кристевой). Диалогичность проявляет себя в дискурсе, что приводит к пониманию дискурса как «единства двух сущностей — процесса языковой коммуникации и получающегося в ее результате объекта, т. е. текста» [Кибрик 2009: 4].

Текст в современной лингвистике выступает в роли основной оппозиции для дискур-

са [Чернявская 2009: 11]. Сопоставление понятий «дискурс» и «текст» представляет актуальную проблему, и их разграничение можно довольно точно описать при помощи привлечения лежащего между текстом и дискурсом «дискурсивного пространства» (С. Н. Плотникова наделяет термин значением «среды сосуществования определенных дискурсов, объединенных по какому-либо признаку» [Плотникова 2011: 156]). Отталкиваясь от понятия «хронотоп», введенного М. М. Бахтиным (имеется в виду «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений» [Бахтин 1975: 234]), в данной работе производится попытка расширить исходное понятие «дискурсивное пространство» и в качестве противопоставления «дискурсу» и «тексту» рассмотреть «дискурсивное пространство-время».

ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель данного исследования — посредством моделирования дискурсивного пространства-времени американского вечернего шоу определить существенные свойства дискурса с позиции диалогичности. Американское вечернее шоу, являющееся объектом данного исследования, рассматривается как жанр диалогический, соответственно к задачам исследования относится анализ способов реализации диалогичности на уровне текста, дискурсивного пространства-времени и дискурса и подтверждение того, что эти три уровня также всецело диалогичны. Характеристики дискурса проявляют себя в дискурсивном пространстве-времени, исходя из этого задачи исследования также включают описание модели дискурсивного пространства-времени на примере американского вечернего шоу; сопоставление понятий «текст американского вечернего шоу», «дискурсивное пространство-время американского вечернего шоу» и «дискурс»; обоснование необходимости учета категории «времени» при работе с дискурсом. Материалом исследования служат видеозаписи программ жанра late-night show (2018—2020 гг., общее время просмотра — 50 часов), доступные на сайте *YouTube*.

Методы исследования, использованные в данной работе, включают моделирование дискурсивного пространства-времени, анализ компонентов модели дискурсивного пространства-времени, кейс-метод, стилистический анализ, контент-анализ, нарративный анализ, структурно-функциональный метод, анализ текстовой информации (фактуальной, концептуальной и подтекстовой — по И. Р. Гальперину [Гальперин 1981: 27—28]).

ДИАЛОГИЧНОСТЬ ЖАНРА АМЕРИКАНСКОГО ВЕЧЕРНЕГО ШОУ

Диалог подразумевает наличие двух сознаний, адресата и адресанта, т. е. одной из его основных черт является интерсубъективность. Л. Р. Дускаева отмечает, что «диалогичность наиболее явно эксплицируется в собственно диалоге как форме речи, но пронизывает и другую ее форму — монолог» [Дускаева 2012: 15]. Являясь частью дискурса, никакая речь не может быть истинно монологической, и термин «монолог» может быть использован скорее лишь для обозначения речевого жанра. Жанр монолога типичен для американского вечернего шоу, и в нем ярко проявляет себя явление диалогизации, т. е. «намеренного наделения монологической речи чертами диалога» [Матвеева 2010: 89]. Помимо этого, диалогизация может проявляться одновременно с тем, как вечернее шоу сочетает в себе «интертекстуальность, интердискурсивность, размывание жанрового канона, диффузию, интерференцию и наслаивание дискурсивных практик», которые в рамках передачи «являются не только результирующим итогом дискурсивной деятельности», но и «составляют цель участников коммуникативного события» [Иванова 2017: 142].

Наполненное интертекстуальными вкраплениями, любое изречение по своей сути диалогично, а его автор (облекший мысль в жанровую форму монолога или диалога) выступает в роли организатора этого диалога. При этом, являясь частью национально-культурного сообщества, т. е. обладая определенными фоновыми знаниями, автор текста нарочно (или же наоборот — абсолютно неосознанно) обязательно выстраивает диалог с другими источниками. Текст, им создаваемый, никоим образом не может принадлежать ему единолично, ведь этот текст никогда не является на сто процентов оригинальным: автор как будто «смешивает типы письма» — выстраивание текста вечернего шоу здесь созвучно тому, как в «Смерти автора» Р. Барт описывает роль писателя, у которого «текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [Барт 1994: 388]. Ввиду этого под «автором» в этой работе интегрально понимается коллектив создателей шоу, который задает тему передачи, прописывает то, как будет преподнесена информация, и определяет то, какую точку зрения шоу будет представлять. Олицетворением этого «автора» является ведущий американского вечернего шоу.

Изучение особенностей американского вечернего шоу с точки зрения реализации в нем принципа диалогичности позволяет со

многих сторон рассмотреть и описать дискурс. Это возможно благодаря тому, что диалогичность в вечернем шоу одновременно проявляется и внутренне, и внешне. Внутренняя диалогичность (например, между репликами, сегментами) во многом свойство жанровое, выражающееся как в присутствии в шоу реальных диалогов ведущего и гостей, ведущего и аудитории, так и в остром реагировании на повестку дня, сопровождаемом возобновляемым в течение одной передачи обращением к главной теме. В свою очередь, внешняя диалогичность (диалог текста с внешними сферами-источниками) — это свойство в абсолютной степени дискурсивное, потому что, независимо от формата выстраивания текста шоу, авторами привлекаются фоновые знания аудитории, в тексте присутствуют явные и скрытые апелляции к прецедентным феноменам, а наличие интертекстуальных вкраплений отражает в том числе и жесткую зависимость шоу от других представителей средств массовой информации при производстве собственного контента.

ДИАЛОГИЧНОСТЬ ТЕКСТА АМЕРИКАНСКОГО ВЕЧЕРНЕГО ШОУ

Текст американского вечернего шоу включает все вербальные и невербальные средства, используемые автором, и представляет собой некоторую схему со сложными связями-диалогами. К таким диалогам относятся переключки между репликами или сегментами, проявляющиеся в речи ведущего, а также вербализованные межличностные диалоги, появляющиеся в результате привлечения самого жанра диалога, который выходит на первый план, например, при общении с гостем программы. Текст вечернего шоу состоит из знаков, которые считаются целевой аудиторией как цельное «произведение». Этот текст может быть воспринят любым зрителем — представителем национально-культурного сообщества, каждым носителем языка, а при активном использовании невербальных средств он будет полностью или частично доступен для восприятия и тому, кто не владеет английским языком. Текст представляет собой явное послание зрителю, его формат напрямую зависит не только от того, кто его автор (адресант), но и от того, кого шоу рассматривает в качестве основной целевой аудитории. Адресат, на которого больше всего рассчитывает вечернее шоу, — это американец, являющийся умеренным или даже ярким приверженцем Демократической партии США, и именно для него и подготавливается определенный текст. Таким образом, текст одновременно

принадлежит и автору, и зрителю, с которым ведущий напрямую (ломая «четвертую стену») или косвенно (сообщая, как и любое другое СМИ, в нужной ему форме определенную информацию) ведет диалог. Это подводит к выводу, что **текст американского вечернего шоу диалогизирован, и диалогичность текста является его базовой характеристикой**, которая считается даже в том случае, если пренебречь тем, какой массив скрытой информации может стоять за ним.

ДИАЛОГ АМЕРИКАНСКОГО ВЕЧЕРНЕГО ШОУ И ВНЕШНЕЙ СФЕРЫ-ИСТОЧНИКА: ОРГАНИЗАЦИЯ ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

На уровне между текстом и дискурсом лежит дискурсивное пространство-время вечернего шоу. Оно, в отличие от самого дискурса, не вбирает в себя весь пласт культуры, но именно в его границах происходит притяжение разнообразных внешних текстов, аспекты которых были обозначены в тексте шоу. Это означает, что в дискурсивном пространстве-времени сосуществуют вычлененные из дискурса тексты, к которым производилась явная апелляция или скрытая аллюзия, в связке со своими сферами-источниками. Текст, создаваемый автором вечернего шоу, может существовать обособленно как завершенный объект лишь в теории. В дискурсивном пространстве-времени он активно проявляет свою социально-коммуникативную функцию, обеспечивая процессы общения между адресатом и адресантом, между аудиторией и культурной традицией, общения читателя (в случае жанра вечернего шоу — зрителя) с самим собой, зрителя с текстом, общение между текстом и культурным контекстом [Лотман 1992: 131]. Эти диалоги отчетливо видны в дискурсивном пространстве-времени.

Дискурсивное пространство-время можно метафорически изобразить как атлас — сборник различных карт. Различные по дате (современные, исторические), отличающиеся по своей роли (физические, политические), карты, представленные в атласе, неразрывно связаны между собой, одновременно абстрактно, ввиду того что они описывают один «мир», и конкретно-вербально — при помощи указателя. Человеку, уже обладающему достаточными фоновыми знаниями, при взгляде на одну страницу (один текст) в атласе не нужно обращаться к другим; «чужак» же может дополнительно ознакомиться с необходимыми ему фактами. Так или иначе, сквозная диалогичность этих карт находится на виду и для первого, и для вто-

рого — разница лишь в том, сколько усилий оба приложат для считывания информации. То же самое происходит и в ситуации с дешифровкой зрителем текста американского вечернего шоу. Апеллируя к разным фактам, шоу притягивает в свое дискурсивное пространство-время дополнительные источники информации (своеобразные «карты»), вербально или невербально предоставляя сноску на внешнюю сферу-источник. Целевая аудитория расшифровывает эту «сноску» автоматически, а человек извне может при необходимости «переходить по ссылке». Для автора и аудитории очевидна связь текста шоу и внешнего текста, соответственно происходит уже не только диалогическое общение двух сознаний — авторского и зрительского, но и привлекается сознание внешнее — ассоциируемое с конкретной сферой-источником.

ДИАЛОГИЧНОСТЬ ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ АМЕРИКАНСКОГО ВЕЧЕРНЕГО ШОУ. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ И ВРЕМЕННАЯ КОМПОНЕНТА

Для того, чтобы проиллюстрировать реализацию принципа диалогичности на уровне дискурсивного пространства-времени, создадим его модель. Как уже упоминалось, с точки зрения терминологии дискурсивное пространство является средой, в которой притянуты друг к другу разные дискурсы. Представляется, что при составлении нашей модели точнее будет назвать дискурсивное пространство-время не «сосуществованием дискурсов» [Плотникова 2011: 156], а сосуществованием определенных сфер-источников, из которых автором выбираются определенные тексты.

Текст в данной работе понимается в широком значении — как обособленный конструкт, вербальный и невербальный, несущий в себе определенную информацию — то есть это «отграниченное, замкнутое в себе конечное образование» [Лотман 1992: 148]. Учитывая то, что текст — это «язык в действии» [Хэллидей 1978: 142], нельзя не отметить, что он при этом не всегда находит выражение в вербальной форме. Текст вечернего шоу — креолизованный, он представляет собой «текстовое образование, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата» [Ворошилова 2006: 187]. Большая часть внешних текстов, на которые ссылаются авторы шоу, также являются поликодовыми. Приведем несколько примеров «внешних текстов».

Текстом, попадающим в дискурсивное пространство-время вечернего шоу, может оказаться литературное произведение, например в вечернем шоу Саманты Би в сегменте — диалоге с политиком Стейси Абрамс — присутствует внешняя отсылка к роману Джоан Роулинг «Гарри Поттер»: *How do we talk about voter suppression without talking about race — or are they like Lord Voldemort and Harry Potter, like one cannot live if the other survives?* [Full Frontal with Samantha Bee: Harry Potter and The Suppressed Vote] / *Как мы можем разговаривать о подавлении избирателей, не говоря о расе, или они как Лорд Волдеморт и Гарри Поттер — один не может жить, пока жив другой?*

В роли текста может выступать внешний вид человека, к примеру в одном из выпусков шоу Стивена Кольбера демонстрируется видео, на котором Дональд Трамп на митинге в Пенсильвании произносит: «Look at this guy!» / «Посмотрите на этого парня!» [The Late Show with Stephen Colbert: Trump's Records Are In Merrick Garland's Hands] — и просит подняться на сцену участника встречи, одетого в свитер, узор которого напоминает стену. В тексте — «внешнем виде», в свою очередь, присутствует невербальная апелляция к стене между США и Мексикой, занимающей важное место в сфере-источнике «Политика Дональда Трампа».

Текстом, попадающим в дискурсивное пространство-время вечернего шоу, может оказаться и любой город мира. Так, в заставке скетча «Встреча в Кремле» в выпуске шоу «Saturday Night Live» показывается панорама Кремля в российской столице, затем появляется надпись «The Kremlin», тем самым текст выпуска связывается диалогом с текстом «Москва», обычно входящим в американском дискурсе в сферу-источник «Внешняя политика США». При помощи этой визуально-вербальной отсылки шоу еще до того, как из уст участника передачи зазвучит первое слово, задает контекст, и уже вслед за этим при помощи атрибута «облик» в дискурсивное пространство-время вводится еще один внешний текст «Владимир Путин» (участник шоу загримирован под президента РФ) и текст «русский акцент», отсылка к которому реализуется аудиально — при помощи имитирования речи русскоязычного человека. Неожиданно для заявленной авторами темы к дискурсивному пространству подключается еще и сфера-источник «Баскетбол». Авторами скетча используется эффект обманутого ожидания, когда актеру, изображающему Путина, задают вопрос, на который тот дает парадоксальный для си-

туации ответ: *Have you heard the news out of America — Yes, North Carolina not in final four of March Madness? This is crazy! — No, Mr. President, the other story, the Mueller Report / Вы слышали о новостях из Америки? — Да, Северная Каролина не вошла в финальную четверку чемпионата. Это безумие! — Нет, господин президент, другие новости, отчет Мюллера* (о расследовании вмешательства России в президентские выборы 2016 года) [Saturday Night Live: Kremlin Meeting]. На основе этих и многих других диалогов со внешними текстами моделируется юмористический образ главного персонажа скетча. Принимая во внимание тот факт, что передача пародирует реального человека — политика, хорошо знакомого зрителю, можно заметить, что четкое подражание речи президента России не столь важно для зрителя шоу, как выстраивание диалога визуальными средствами. Для сравнения можно упомянуть, что особенности речи Дональда Трампа (голос, акцент, манера разговора, интонационные паттерны), наоборот, в американском вечернем шоу просодически повторяются как ведущими, так и актерами гораздо более точно, зачастую самостоятельно становясь основой для комического эффекта.

Создавая текст шоу, наполняя его различными явными и скрытыми аллюзиями, автор диалогически «притягивает» внешний текст к создаваемому им тексту шоу, таким образом пунктирно намечая в дискурсе границы дискурсивного пространства-времени. При анализе вечернего шоу как программы информационной, политизированной, идеологизированной (одновременно и в значении приверженности авторов либеральной идеологии, и в значении преподнесения аудитории информации с целью продвижения симпатичной автору идеи) важно определить, с какими именно текстами и, соответственно, с какими сферами-источниками ведется диалог.

Для демонстрации того, что для СМИ США свойственен американоцентризм как в выборе тем для освещения, так и в наборе актуализируемых фоновых знаний, на одной из осей модели дискурсивного пространства вечернего шоу обозначим пространственную (или «географическую») характеристику внешнего текста. Так как одной из сторон диалога по определению является текст вечернего шоу, то нас интересует не точная физическая координата, а пространственная «отдаленность» сферы-источника от условного «места создания текста шоу». В условиях того, что шоу нацелено на всю страну, дифференциация «студия в Нью-Йорке» и

«студия в Лос-Анджелесе» также не обязательна — за «пространственный» ноль можно взять интегрально «крупные города США» (шоу в них создаются, большинство зрителей-демократов также проживают в них), а ближний круг будет включать остальную территорию страны (маленькие городки, отдаленные от культурных, экономических и политических центров штаты, в которых меньше и целевой «нереспубликанской» аудитории). Чем меньше разница между пространственными координатами, тем более «близкие» для американца апелляции используются в шоу, а значит автор избрал для себя задачу показать, что повестка дня касается не только участников ситуации, но и зрителя, который теперь тоже должен чувствовать себя сопричастным событию.

К примеру, в выпуске шоу «Last Week Tonight», посвященном Саудовской Аравии, можно проследить, к каким персоналиям обращаются авторы при преподнесении информации. Материал шоу предназначен для американского зрителя, а значит и история рассказывается с точки зрения значимости происходящего для гражданина США. Основной упор, конечно, делается на использовании образа семьи Дональда Трампа, имена представителей которой так активно звучат в американской прессе, что неизбежно значат для целевой аудитории шоу гораздо больше, чем даже имена более актуальные в реальном контексте выпуска, но новые или реже появляющиеся в СМИ. Имея набор знакомых имен (*Donald Trump, Ivanka Trump, Jared Kushner*), зритель гораздо быстрее и активнее включится в «беседу», которую ведет передача, а значит и эмоциональное воздействие будет мощнее. А используя собирательное имя «Every US President» / «Каждый американский президент», шоу преподносит зрителю возможность расширить диапазон диалогического взаимодействия текстов за счет большого количества имеющихся у аудитории фоновых знаний: *Every US leader has chosen to make compromises when it comes to Saudi Arabia but Trump may well be the first one who doesn't see it as a compromise. / Каждый президент США делал выбор в пользу компромисса, когда дело касалось Саудовской Аравии, но Трамп, вполне возможно, первый, кто не видит в этом компромисс* [Last Week Tonight: Saudi Arabia].

Для анализа того, как задействована авторами шоу временная характеристика, снова обратимся к понятию «хронотоп» и определим для каждого внешнего текста не только координату пространства, но и времени. Координата времени отмечается по второй

оси модели. Так как вечернее шоу в подавляющем большинстве случаев отражает (или даже формирует) повестку дня, то очевидной является связь текста шоу с текстами, создаваемыми синхронно с выпуском шоу, например с текстом — политическим событием. Данный диалог обычно первым наносится на модель дискурсивного пространства-времени вечернего шоу, потому что фактически невозможно создать контент, например, по поводу послания президента «О положении страны», не соединив эти два текста (порождаемый и референтный) неразрывным диалогом. *The theme of President Trump's State of the Union address was supposed to be unity. / Темой послания президента Трампа должно было быть единство* [Late Night with Seth Meyers: Trump's 2019 State of the Union Address: A Closer Look], — говорит ведущий вечернего шоу «Late Night» Сет Майерс, тем самым вербально притягивая в дискурсивное пространство-время внешний текст с максимально приближенными на модели к нулю координатами.

Помимо этого «синхронного» диалога, в вечернем шоу проявляется и следующий «временной» вид. Для любой культуры характерно наличие важных, определяющих вех, к которым постоянно идет обращение. Ввиду этого авторы прибегают к актуализации в тексте национальных или даже универсальных прецедентных феноменов для сравнения текущей ситуации с важными событиями, повлиявшими на страну в прошлом. Часто в текстах присутствует апелляция к именам, вошедшим в историю. Как результат, публика лучше запоминает ту информацию, которую автор при помощи разных средств наделил своей оценкой. Именно с этой целью шоу очень часто обращаются к сфере-источнику «Президенты США», привлекая важные для американского зрителя внешние тексты в поле дискурсивного пространства-времени передачи. Так, «Saturday Night Live», используя скрытое вербально-визуальное (на экране представлен видеоряд с перечисленными президентами) противопоставление Трамп — Рузвельт, Кеннеди, Картер, Рейган, высмеивает твиттер-аккаунт действующего президента: *Every president since FDR has communicated directly with the American people. He had fireside chats. And now President Trump has emergency alerts. / Каждый президент, начиная с Франклина Рузвельта, общался с американским народом напрямую. Тот проводил беседы у камина. А у президента Трампа теперь есть система экстренного оповещения* [Saturday Night Live: Emergency Alert]. Этот скетч строится на пародировании жан-

ра рекламы: в ролике демонстрируется абсурдная ситуация, в которой твиты Трампа приходят каждому американцу в виде СМС-информирования с заголовком «экстренное оповещение», а затем некая компания предлагает купить программу для блокирования этих сообщений. Используя сильные прецедентные имена (одно вербально, остальные визуально), все близкие к нулю пространственно, но отдаленные во времени (в дискурсивное пространство-время включаются тексты, принадлежащие двадцатому веку), шоу акцентирует внимание публики на серьезности политиков прошлого, тем самым успешно высмеивая центральную персоналию.

Шоу зачастую апеллирует к текстам как к объектам, отдаленным не только географически, но и хронологически. Модель дискурсивного пространства-времени, таким образом, представляет собой график с двумя осями — пространственной (на ней отмечаются координаты x) и временной (координаты t), пересекающимися в точке «ноль», в которой интегрально располагается текст вечернего шоу. Любой диалог есть отрезок, связывающий на графике две точки, одна из которых — текст шоу. Если диалог связывает текст шоу с другим текстом, то длина отрезка не-нулевая, то есть это внешний диалог, который функционирует на уровне дискурса. Если же диалог связывает на графике точку «ноль» с самой собой — то это внутренний диалог, то есть диалог на уровне текста. Диалог внутри текста, исходя из модели, на уровне дискурсивного пространства-времени невидим, а значит за формирование дискурса он не отвечает. Это приводит нас к следующему выводу: **дискурс не состоит из текстов самих по себе, то есть не является их математической суммой. Для существования дискурса важны именно межтекстовые связи — диалоги.**

ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ

Как уже отмечалось, внутренняя диалогичность — это диалогичность текста, которая существует независимо от включенности этого текста в любое дискурсивное пространство-время и далее в дискурс. Этот диалог способствует композиционной организации текста, отвечает за структуру сегмента и выпуска и позволяет автору воздействовать на адресата при помощи формы, а зрителю выражать свое вербализованное или невербализованное мнение о событиях и о точке зрения программы.

В типичном для вечернего шоу сегменте — диалоге с гостем можно выделить как минимум троих участников (ведущий, гость,

аудитория), а значит по крайней мере шесть векторов передачи информации — шесть способов задействования внутренней диалогичности. Главными являются, конечно, те линии, что связывают двух основных действующих лиц — ведущего и гостя. Приведем пример: в видеозаписи первой части беседы (позже прерванной на рекламу) Стивена Кольбера с сенатором Элизабет Уоррен ведущий обращается к гостю двенадцать раз и столько же раз получает ответ. Разговор строится в формате «вопрос — ответ», характерном для интервью, однако можно явно выделить еще одну очень важную линию внутренней диалогичности: линию «аудитория — гость». Зрители в студии при помощи аплодисментов, слов «Right!» / «Правильно!» и «Yes! / Yeah!» / «Да!» обращаются к тем, кто находится перед камерой. В анализируемом сегменте это происходит одиннадцать раз менее чем за семь минут разговора, например ярко вербально выражается поддержка аудитории в ответ на слова Уоррен о том, что правительству нужно опубликовать отчет Мюллера. Гость произносит: *We're big, we can all read it / Мы большие, мы можем его прочитать* [The Late Show with Stephen Colbert: Sen. Elizabeth Warren: Make The Mueller Report Public], и ее слова являются одновременно эффектной внешней отсылкой к факту его «не-публикации» и прямым обращением к тем, кто за это отвечает. Аудитория олицетворяет зрителей, наблюдающих за шоу с экранов телевизоров и в Интернете: по их вербализованному одобрению или критике можно судить о том, солидарен ли адресат с тем, кто и как преподносит информацию, а также об успешном выстраивании внешних диалогов.

ВНЕШНИЙ ДИАЛОГ

В свою очередь, внешний диалог, в отличие от внутреннего, является выражением диалогичности дискурса, преломленного на ограниченном автором дискурсивном пространстве-времени.

Рассмотрим «монолог ведущего» (также жанр, типичный для вечернего шоу), в котором Джимми Фэллон анализирует тот факт, что уже упомянутая ранее сенатор Элизабет Уоррен 5 марта 2020 г. сняла свою кандидатуру с президентских выборов. В дискурсивном пространстве-времени присутствуют внешние диалоги с рядом текстов (одной из сторон диалога каждый раз является текст шоу).

В первую очередь дается аллюзия к внешнему тексту — самому событию: *Earlier today, Elizabeth Warren announced that she is dropping out of presidential race / Ранее сегодня Элизабет Уоррен объявила, что она*

выбывает из президентской гонки [The Tonight Show Starring Jimmy Fallon: Elizabeth Warren Drops Out of 2020 Presidential Race]. Координаты внешнего текста x и t близки к нулю, ведь место действия — США, а время — совсем недавнее прошлое, а именно озвученное ведущим «ранее сегодня». Таким образом, отдаленность этого внешнего текста от текста шоу минимальна.

Далее авторами предлагается антитеза: *Most democrats were sad, while Mike Bloomberg threw a party and got back in the race / Большинство демократов расстроились, но Майк Блумберг устроил вечеринку и вернулся к участию в (президентской) гонке* [The Tonight Show Starring Jimmy Fallon: Elizabeth Warren Drops Out of 2020 Presidential Race]. В одном предложении притягиваются диалогами сфера-источник «Демократическая партия» и, в частности, прецедентное имя *Michael Bloomberg* (Фэллон также и визуально-аудиально пародирует Блумберга: *I think it's safe now, no one's gonna hit me, perfect! / Похоже, теперь я в безопасности, никто не будет меня бить, прекрасно!* [The Tonight Show Starring Jimmy Fallon: Elizabeth Warren Drops Out of 2020 Presidential Race]). Координата x близка к нулю, но отдаленность по времени больше, чем в первом примере, потому что идет апелляция не к реальным событиям (ведь озвученного на самом деле не случилось, у фразы явно считывается подтекст), а к прошлой информации об известном политике. В определении временной координаты можно отталкиваться от того, что шоу, скорее всего, рассчитывает на наличие у аудитории фоновых знаний о том, что Блумберг за день до этого вышел из гонки, решив поддержать Джо Байдена.

В тексте шоу находится еще одна близкая по времени отсылка: ведущий говорит, что понимает, почему Уоррен сняла кандидатуру, ведь *if there ever were a time you want to stop shaking millions of hands, this might be it / сейчас самое время, чтобы не хотеть пожимать руку миллионам людей* [The Tonight Show Starring Jimmy Fallon: Elizabeth Warren Drops Out of 2020 Presidential Race]. Это апелляция к прецедентному феномену *Covid-19*: благодаря разным источникам, в том числе и самому шоу, зритель уже хорошо знаком с его атрибутами — к одному из них авторы и обращаются. Временная координата — сейчас, то есть «ноль», а за пространственную можно принять как США (вирус к 5 марта, когда вышла передача, уже затронул страну), так и Китай, в котором эпидемия началась: на момент трансляции шоу Всемирная организация здравоохранения еще не объявила *Covid-19* пандемией.

Помимо этого, в сегменте происходит апелляция к прецедентным именам *Joe Biden* и *Bernie Sanders*. При помощи ярких эпитетов, иронии и даже гиперболы ведущий в абсурдной форме сообщает публике на самом деле серьезную с точки зрения политики информацию о том, что эти два участника президентской кампании будут добиваться, чтобы Уоррен поддержала именно их кандидатуру: *Joe Biden and Bernie Sanders are both trying to win her support. That's right, two guys in their late 70s are fighting over a woman / Джо Байден и Берни Сандерс оба пытаются добиться ее поддержки. Да, именно так, два парня, которым далеко за 70, дерутся за женщину* [The Tonight Show Starring Jimmy Fallon: Elizabeth Warren Drops Out of 2020 Presidential Race]. В этих двух предложениях, между прочим, скрыта и внутренняя диалогичность: заметно, что вторая часть как будто отвечает на невербализованный вопрос публики. В нарративе Фэллона можно дешифровать его послание аудитории: «Да, вы правы» — «That's right», будто шутку о борьбе за внимание женщины придумали именно зрители. Таким образом, комический эффект усиливается, ведь зритель становится непосредственным участником беседы, а значит и согласится он с автором, на самом деле организовавшим этот диалог, гораздо охотнее.

Также в монологе упоминается, что Джо Байдена поддержали две главные газеты Детройта (x и t близки к нулю), шоу вспоминает о неудачном результате предварительного голосования для Берни Сандерса, используя неофициальное имя события «*Super Tuesday*» / «Супервторник» (голосование происходило 3 марта 2020 г., то есть оно отдалено по времени на два дня от текста вечернего шоу).

В монологе присутствует визуальновербальная аллюзия к премии «Эмми». В качестве координаты t на модели берем будущее время, ведь авторы при помощи подтекста иронически заявляют о таком высоком качестве шутки, что шоу заслуживает награды, когда названные премии будут в следующий раз вручать. В визуальном ярко оформленной внизу экрана надписи *For your Emmy consideration / На ваше рассмотрение для Эмми* [The Tonight Show Starring Jimmy Fallon: Elizabeth Warren Drops Out of 2020 Presidential Race] скрыта и дополнительная ссылка на прецедентное выражение.

В ходе шуточного анализа на шоу также обращаются к американскому телесериалу «*The Golden Girls*», и этот текст — единственный сильно удаленный от нуля по временной оси: «Золотые девочки» выходили в эфир с 1985 по 1992 г.

Почти все внешние диалоги, как заметно, связывают текст шоу с объектами, пространственно расположенными на модели именно в США, что, впрочем, вполне ожидаемо для отражения новостей внутренней политики.

ТЕКСТ И ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ АМЕРИКАНСКОГО ВЕЧЕРНЕГО ШОУ, ВКЛЮЧЕННОСТЬ В ДИСКУРС

Для того, чтобы с точки зрения диалогичности дать определение тексту, дискурсивному пространству-времени и вслед за этим дискурсу, вновь обратимся к термину «хронотоп». М. М. Бахтин пишет, что хронотопы «могут включаться друг в друга, сосуществовать, переплетаться, сменяться, сопоставляться, противопоставляться или находиться в более сложных взаимоотношениях. Эти взаимоотношения между хронотопами сами уже не могут входить ни в один из взаимоотносящихся хронотопов. Общий характер этих взаимоотношений является диалогическим» [Бахтин 1975: 402]. Хронотоп по своей сути есть наличие у каждого обозначенного на модели текста координаты пространства и времени. Связанные диалогами, тексты (один из которых — текст шоу) вбирают в себя и пространственно-временные черты другого текста. Это взаимное наделение текстов характеристиками друг друга отчетливо можно увидеть в разнице мнений об одном и том же событии у двух людей — так проявляется ассоциативное мышление. Ознакомленный с тем, как повестку дня преподнесли в «Fox News», республиканец будет в памяти связывать информацию с вещами, отличными от тех, что будут возникать перед глазами у демократа, который приобщался к другому авторскому видению, а значит «погружался» в другое дискурсивное пространство-время и прочувствовал на себе совершенно иной диалог текстов. Хотя они оба взаимодействуют с внешними текстами, чьи сферы-источники лежат в пределах одного дискурса, эти два зрителя оценивают ситуацию по-разному, потому что один и тот же текст посредством вечернего шоу или другого СМИ вбирает в себя разные внешние хронотопы. На высшем уровне — в дискурсе — один текст связан со множеством разнообразных текстов и сфер-источников, но в дискурсивном пространстве-времени авторы способны очертить границы и определить для аудитории (конечно, отталкиваясь и от ее первоначальных запросов) очень разные точки зрения на обсуждаемые вопросы.

Как видно, диалог между текстами неизбежен. Однако сам этот диалог не является

элементом того текста, с которым зритель знакомится. Диалог находится «вне изображенного мира, хотя и не вне произведения в его целом» [Бахтин 1975: 402], т. е. он существует в дискурсивном пространстве-времени вечернего шоу и доступен для прочтения аудиторией, из чего следует, что восприятие этого диалога субъективно.

Диалог как форма объективная и независимая, как феномен, регулирующий факт существования связей между текстами и сферами-источниками, дискурсивен, то есть «он (этот диалог) входит в мир автора, исполнителя и в мир слушателей и читателей» [Бахтин 1975: 402]. Этот «мир» и есть дискурс, общий для всех, и в нем все взаимосвязано. На этом уровне можно сделать предположение, что дискурс «пассивен» и лишен оценочности, а оценка проявляет себя в дискурсивном пространстве-времени, являющемся **активной манифестацией дискурса**. При порождении дискурсивного пространства-времени из дискурса вычлениваются тексты, между которыми высвечиваются тексты, активизируются диалоги (и так в «спящем режиме» существующие на высшем уровне — уровне дискурса), а эти диалоги, в свою очередь, переносят определенный смысл, который может быть индивидуальным для автора (в итоге появляется личная точка зрения), общим для него и зрителя (что является одновременно и причиной, и результатом приверженности группы людей одной идеологии) или же унифицированным для всей страны (как, например, в случае с универсальным характером национальных ценностей).

СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИСКУРСА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДИАЛОГИЧНОСТИ

При рассмотрении дискурса через призму диалогичности в фокусе оказывается свойство, дополняющее длинный ряд существующих характеристик этого явления. В то время как во многих исследованиях обращается внимание на факт, что дискурс проявляет себя и в качестве высказывания, и как социальная практика, и выступает в роли речевого произведения, при рассмотрении под данным углом обнаруживается иная его сущностная характеристика: **дискурс — это сверхтекстовое единство, порождаемое при диалогизации его компонентов**. Без диалога дискурс представляет собой застывшую «вселенную», состоящую из отдельных текстов, а диалог — как своеобразный «Большой взрыв» — его пробуждает: благодаря нему начинается отсчет времени и определяется взаимное пространственное

влияние объектов друг на друга (то есть диалог текстов сродни гравитации, и чем массивнее объект — значимее текст — тем сильнее притяжение, тем больше воздействие). Автор, создавая текст, при помощи совокупности диалогов определяет форму дискурсивного пространства-времени, в которое «погружается» зритель. Вечернее шоу указывает на свое видение, приглашая зрителя его разделить, а порой и манипулируя им при помощи намеренного лингвистического моделирования ситуации. Каждая внешняя отсылка в тексте активизирует диалог, а значит в дискурсе запускается сосуществование нескольких текстов и сфер-источников. Набор актуализированных диалогов позволяет адресанту сообщения дать событию оценку, с которой адресат может согласиться или не согласиться. При помощи другого текста может быть сформировано отличное от первого дискурсивное пространство-время, диалоги в котором будут создавать уже другой смысл.

Дискурс, в отличие от дискурсивного пространства-времени, включает в себя все тексты, которые могут быть связаны диалогами. Объективный, безоценочный, универсальный — дискурс представляет собой своеобразный *интеграл всех возможностей диалогического взаимодействия текстов*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в дискурсе, дискурсивном пространстве-времени и тексте американского вечернего шоу всецело проявляется явление диалогичности, подразумевающее как связь между субъектами общения, так и между текстами.

Текст вечернего шоу одновременно принадлежит и автору, и зрителю, с которым ведущий напрямую или косвенно ведет диалог, отчего диалогичность текста является его базовой характеристикой.

Дискурсивное пространство-время является активной формой существования дискурса. В нем сосуществуют вычлененные из дискурса тексты в связке со своими сферами-источниками. В дискурсе один текст связан со множеством разнообразных текстов и сфер-источников, но в дискурсивном пространстве-времени авторы при помощи совокупности диалогов намечают границы, определяя способ преподнесения информации.

Дискурсивное пространство-время можно визуализировать при помощи графика, на который наносятся точки — тексты, обладающие координатами x и t . Любой диалог на модели выражается как отрезок, связывающий две точки, одна из которых — текст шоу. При этом возможны два варианта ре-

ализации принципа диалогичности: в виде внутреннего и внешнего диалога.

Внутренняя диалогичность — это диалогичность текста, и она существует независимо от включенности этого текста в любое дискурсивное пространство-время и далее в дискурс. Внутренний диалог способствует композиционной организации текста, а воздействие на зрителя производится при помощи формы и структуры. Диалог внутри текста за формирование дискурса не отвечает. **Внешняя диалогичность** отражает связь текста шоу с другими текстами. Внешний диалог является выражением диалогичности дискурса, преломленного на ограниченном авторами дискурсивном пространстве-времени.

Дискурс также является уровнем, на котором проявляется принцип диалогичности. Он включает и дискурсивное пространство-время, и его элементы — тексты, однако дискурс не состоит из текстов самих по себе, то есть не является их математической суммой. Для существования дискурса важны именно межтекстовые связи — **диалоги**. Таким образом, с точки зрения диалогичности дискурс ярко проявляет себя как сверхтекстовое единство, порождаемое при диалогизации его компонентов.

Дальнейшее исследование дискурса как диалогического явления с использованием метода моделирования дискурсивного пространства-времени имеет много перспектив, что позволит точнее проследить особенности функционирования дискурса. К примеру, актуальный для современной лингвистики вопрос типологизации дискурса может быть рассмотрен именно с точки зрения диалогичности. Так, интересен анализ того, что представляет собой с позиции диалогичности личный дискурс персоналии: принадлежит ли человеку вся совокупность создаваемых им текстов, является ли он автором — организатором сходных, дополняющих друг друга дискурсивных пространств или каким-то иным субъектом коммуникации? Последующее обращение к теме дискурсивного пространства-времени любопытно и с точки зрения того, чтобы, *vice versa*, рассмотреть ситуацию, в которой за точку отсчета на модели берется текст, часто выступающий в СМИ как внешний, то есть к которому производится много апелляций при отражении повестки дня. Благодаря разным «новым» текстам он вбирает в себя их хронотопы, в то время как авторы наделяют факты различными противоречивыми вариантами оценки и восприятия. Основной проблемой в этом направлении работы представляется то, что в дискурсе постоянно присутствует

такая внешняя «многоликость», неоднозначность текстов, ввиду того что авторы ретроспективно дополняют их новыми характеристиками. Такое исследование, к примеру, будет отражать современное состояние и языка, и культуры, ведь диалоги в дискурсивном пространстве-времени часто вторят духу эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт, Р. Избранные работы: семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — Москва : Прогресс, 1989. — 616 с. — Текст : непосредственный.
2. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с. — Текст : непосредственный.
3. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1986. — 544 с. — Текст : непосредственный.
4. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; под ред. Ю. С. Степанова. — Москва : Прогресс, 1974. — 448 с. — Текст : непосредственный.
5. Ворошилова, М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения / М. Б. Ворошилова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2006. — Вып. 20. — С. 180—189.
6. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Москва : Наука, 1981. — 138 с. — Текст : непосредственный.
7. Дейк, Тён А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. / Тён А. ван Дейк. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 344 с. — Текст : непосредственный.
8. Дускаева, Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л. Р. Дускаева ; под ред. М. Н. Кожинной. — Изд. 2-е, доп., испр. — Санкт-Петербург : Филол. факультет, 2012. — 274 с. — Текст : непосредственный.
9. Иванова, С. В. Актовая речь как гибридная полидискурсивная практика / С. В. Иванова. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. — 2017. — № 21 (1). — С. 141—160. — DOI 10.22363/2312-9182-2017-21-1-141-160.
10. Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 2009. — № 2. — С. 3—21.
11. Красина, Е. А. К интерпретации понятия «дискурс» / Е. А. Красина. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. — 2004. — № 6. — С. 5—8.
12. Кристева, Ю. Избранные труды: разрушение поэтики / Ю. Кристева ; пер. с франц. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — 656 с. — Текст : непосредственный.
13. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) / Е. С. Кубрякова. — Текст : непосредственный // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания ; отв. ред. С. А. Ромашко. — Москва, 2000. — 232 с.
14. Лотман, Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман. — Текст : непосредственный // Избранные статьи / Ю. М. Лотман. — Таллинн, 1992. — Т. 1. — С. 129—132.
15. Матвеева, Т. Н. Полный словарь лингвистических терминов / Т. Н. Матвеева. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. — 562 с. — Текст : непосредственный.
16. Плотникова, С. Н. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия / С. Н. Плотникова. — Текст : непосредственный // Magister Dixit : научно-педагогический журнал Восточной Сибири. — 2011. — № 2. — С. 152—158.
17. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко ; пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой ; вступ. ст. А. С. Колесникова. — Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия : Университетская книга, 2004. — 416 с. — Текст : непосредственный.
18. Хомутова, Т. Н. Типология дискурса: интегральный подход / Т. Н. Хомутова. — Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. — 2014. — Vol. 11, no. 2. — С. 14—20.
19. Хэллiday, М. А. К. Место «функциональной перспективы предложения» в системе лингвистического описания / М. А. К. Хэллiday. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1978. — Вып. VIII : Лингвистика текста. — С. 138—148.
20. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. — 248 с. — Текст : непосредственный.
21. Чернявская, В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы / В. Е. Чернявская. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2014. — № 1. — С. 54—61.
22. Bilá, M. Language, culture and ideology in discursive practices / M. Bilá, S. V. Ivanova. — Text : unmediated // Russian Journal of Linguistics. — 2020. — No 24 (2). — P. 219—252.
23. Full Frontal with Samantha Bee. Harry Potter and The Suppressed Vote | Full Frontal on TBS // YouTube : video hosting. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VEBmq39kEnA&list=PLur87nTwD0Bu3Tj4k0U2Y8I9YmWRIZjCX&index=5> (date of access: 23.08.2020). — Video : electronic.
24. Last Week Tonight. Saudi Arabia: Last Week Tonight with John Oliver (HBO) // YouTube : video hosting. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ViDPIyiszo0> (date of access: 23.08.2020). — Video : electronic.
25. Late Night with Seth Meyers. Trump's 2019 State of the Union Address: A Closer Look // YouTube : video hosting. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HEacyQaJ40Q> (date of access: 23.08.2020).
26. Saturday Night Live. Emergency Alert — SNL // YouTube : video hosting. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=D4c9pbqJHo&index=7&list=WL> (date of access: 23.08.2020).
27. Saturday Night Live. Kremlin Meeting — SNL // YouTube : video hosting. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=UhE_mGaSJ-Y&list=PLS_gQd8UB-hIj13nQJ5XEfTfnVYkF_gFC&index=3 (date of access: 23.08.2020).
28. The Late Show with Stephen Colbert: Trump's Records Are In Merrick Garland's Hands // YouTube : video hosting. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Wi84u1F9La4> (date of access: 23.08.2020).
29. The Late Show with Stephen Colbert. Sen. Elizabeth Warren: Make The Mueller Report Public // YouTube : video hosting. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qpBVfZXYFTQ&list=PLiZxWe0ejyv-CNpueWwhFLvzGxNRXkuO&index=4> (date of access: 23.08.2020).
30. The Tonight Show Starring Jimmy Fallon. Elizabeth Warren Drops Out of 2020 Presidential Race // YouTube : video hosting. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nTmna0ApULE> (date of access: 23.08.2020).

P. S. Pogostina

Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg, Russia

ORCID ID: 0000-0003-4330-4023

 E-mail: pollypogostina@mail.ru.

Discourse Through the Lens of Dialogism (On the basis of American Late-Night Show)

ABSTRACT. *The study focuses on the problem of discourse, one of the most multifaceted and complex phenomena in modern linguistics. In this article, discourse is analyzed as a medium in which the principle of dialogism is implemented, and the typical properties of discourse are viewed upon as a result of existence of dialogues within it. The purpose of the study is to identify the intrinsic character of discourse in terms of dialogism. The article suggests a model of discourse space-time on the basis of American late-night show programs. Discourse space-time is a medium in which certain sphere-sources coexist, from which the author of the late-night show “selects” certain texts. These texts are dialogically associated with the text of the late-night show. The article analyzes the components of the discourse space-time model. Case-method, stylistic analysis, content analysis, narrative analysis, structural-functional method, and analysis of text information (factual, conceptual and subtextual – according to I.R. Gal’perin) are used to explore the ways of implementing inner and outer dialogues. Inner dialogue is seen in the paper as a dialogue realized on the level of the text and existing independently of whether this text is included in any discourse space-time and, finally, in discourse. In its turn, outer dialogue is the one that functions on the level of discourse space-time, which means that this dialogue is discursive. The article compares the notions “text”, “discourse space-time” and “discourse” from the point of view of dialogism and substantiates the reason for addressing the time component while studying discourse. It also analyzes the problem of evaluation, manifested in the discourse space-time of American late-night shows. The author makes a conclusion that discourse is not just a mathematical sum total of the texts existing within its limits: from the point of view of dialogic nature discourse is nothing but a super-textual unity emerging as a result of dialogization of its components.*

KEYWORDS: *discursive space; dialogism; inner dialogue; outer dialogue; late night show; discourse analysis; English; TV programs; linguistic means; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media; language of mass media.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Pogostina Polina Sergeevna, Post-Graduate Student, Department of English Philology, Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg, Russia.*

FOR CITATION: *Pogostina, P. S. Discourse Through the Lens of Dialogism (On the basis of American Late-Night Show) / P. S. Pogostina // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 108-120. — DOI 10.26170/pl20-05-10.*

REFERENCES

1. Bart, R. Selected Works: Semiotics. Poetics: transl. from French / R. Bart ; comp., total. ed. and preface by G. K. Kosikov. — Moscow : Progress, 1989. — 616 p. — Text : unmediated. [Izbrannye raboty: semiotika. Poetika : per. s fr. / R. Bart ; sost., obshch. red. i vstup. st. G. K. Kosikova. — Moskva : Progress, 1989. — 616 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
2. Bakhtin, M. M. Problems of Literature and Aesthetics / M. M. Bakhtin. — Moscow: Fiction, 1975. — 504 p. — Text : unmediated. [Voprosy literatury i estetiki / M. M. Bakhtin. — Moskva : Khudozhestvennaya literatura, 1975. — 504 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
3. Bakhtin, M. M. Literary Critical Articles / M. M. Bakhtin. — Moscow : Fiction, 1986. — 544 p. — Text : unmediated. [Literaturno-kriticheskie stat'i / M. M. Bakhtin. — Moskva : Khudozhestvennaya literatura, 1986. — 544 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
4. Benvenist, E. General Linguistics / E. Benveniste ; ed. Yu. S. Stepanova. — Moscow : Progress, 1974. — 448 p. — Text : unmediated. [Obshchaya lingvistika / E. Benvenist ; pod red. Yu. S. Stepanova. — Moskva : Progress, 1974. — 448 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
5. Voroshilova, M. B. Creolized Text: Aspects of the Study / M. B. Voroshilova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2006. — Issue. 20. — P. 180—189. [Kreolizovannyi tekst: aspekty izucheniya / M. B. Voroshilova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2006. — Vyp. 20. — S. 180—189]. — (In Rus.)
6. Gal’perin, I. R. Text as an Object of Linguistic Research / I. R. Gal’perin. — Moscow : Science, 1981. — 138 p. — Text : unmediated. [Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya / I. R. Gal’perin. — Moskva : Nauka, 1981. — 138 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
7. Dijk, Tyon A. van. Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication : transl. from English / Tyon A. van Dijk. — Moscow : Book House “LIBRO-KOM”, 2013. — 344 p. — Text : unmediated. [Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii : per. s angl. / Ten A. van Deyk. — Moskva : Knizhnyy dom «LIBRO-KOM», 2013. — 344 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
8. Duskaeva, L. R. Dialogical Nature of Newspaper Speech Genres / L. R. Duskaeva ; ed. M. N. Kozhina. — Ed. 2nd, add., rev. — St. Petersburg : Philol. Faculty, 2012. — 274 p. — Text : unmediated. [Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov / L. R. Duskaeva ; pod red. M. N. Kozhinoy. — Izd. 2-e, dop., ispr. — Sankt-Peterburg : Filol. fakul'tet, 2012. — 274 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Ivanova, S. V. Acting Speech as a Hybrid Polydiscursive Practice / S. V. Ivanova. — Text : unmediated // Bulletin of RUDN. Series: Linguistics. — 2017. — No. 21 (1). — P. 141—160. [Aktovaya rech' kak gibridnaya polidiskursivnaya praktika / S. V. Ivanova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika. — 2017. — № 21 (1). — S. 141—160]. — DOI 10.22363/2312-9182-2017-21-1-141-160. — (In Rus.)
10. Kibrik, A. A. Modus, Genre and Other Parameters of the Classification of Discourses / A. A. Kibrik. — Text : unmediated // Issues of Linguistics. — 2009. — No. 2. — P. 3—21. [Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov / A. A. Kibrik. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy yazykoznaneya. — 2009. — № 2. — S. 3—21]. — (In Rus.)
11. Krasina, E. A. To the Interpretation of the Concept of “Discourse” / E. A. Krasina. — Text : unmediated // Russian Journal of Linguistics. — 2004. — No. 6. — P. 5—8. [K interpretatsii ponyatiya «diskurs» / E. A. Krasina. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika. — 2004. — № 6. — S. 5—8]. — (In Rus.)
12. Kristeva, Yu. Selected Works: Destruction of Poetics / Yu. Kristeva ; transl. from French. — Moscow : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004. — 656 p. — Text : unmediated. [Izbrannye trudy: razrusheniye poetiki / Yu. Kristeva ; per. s frants. — Moskva : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya

(ROSSPEN), 2004. — 656 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. Kubryakova, E. S. On the Concepts of Discourse and Discourse Analysis in Modern Linguistics (review) / E. S. Kubryakova. — Text : unmediated // Discourse, Speech, Speech Activity: Functional and Structural Aspects : collection of articles reviews / RAS. INION. Center for Humanities. scientific-inform. issled. Depart. of linguistics ; resp. ed. S. A. Romashko. — Moscow, 2000. — 232 p. [O ponyatiyakh diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoy lingvistike (obzor) / E. S. Kubryakova. — Tekst : neposredstvennyy // Diskurs, rech', rechevaya deyatelnost': funktsional'nye i strukturnye aspekty : sb. obzorov / RAN. INION. Tsentr gumanitar. nauch.-inform. issled. Otd. yazykovedeniya ; otv. red. S. A. Romashko. — Moskva, 2000. — 232 s.]. — (In Rus.)

14. Lotman, Yu. M. Semiotics of Culture and the Concept of Text / Yu. M. Lotman. — Text : unmediated // Selected Articles / Yu. M. Lotman. — Tallinn, 1992. — Vol. 1. — P. 129—132. [Semiotika kul'tury i ponyatie teksta / Yu. M. Lotman. — Tekst : neposredstvennyy // Izbrannye stat'i / Yu. M. Lotman. — Tallinn, 1992. — T. 1. — S. 129—132]. — (In Rus.)

15. Matveeva, T. N. Complete Dictionary of Linguistic Terms / T. N. Matveeva. — Rostov on Don : Phoenix, 2010. — 562 p. — Text : unmediated. [Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov / T. N. Matveeva. — Rostov-na-Donu : Feniks, 2010. — 562 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

16. Plotnikova, S. N. Discursive Space: to the Problem of Definition of the Concept / S. N. Plotnikova. — Text : unmediated // Magister Dixit: scientific and pedagogical journal of Eastern Siberia. — 2011. — No. 2. — P. 152—158. [Diskursivnoe prostranstvo: k probleme opredeleniya ponyatiya / S. N. Plotnikova. — Tekst : neposredstvennyy // Magister Dixit : nauchno-pedagogicheskiy zhurnal Vostochnoy Sibiri. — 2011. — № 2. — S. 152—158]. — (In Rus.)

17. Fuko, M. Archeology of Knowledge / M. Fuko ; transl. from French. by M. B. Rakova, A. Yu. Serebryannikova ; entry art. by A. S. Kolesnikov. — St. Petersburg : Academy of Humanities : University book, 2004. — 416 p. — Text : unmediated. [Arkheologiya znaniya / M. Fuko ; per. s fr. M. B. Rakovoy, A. Yu. Serebryannikovoy ; vstup. st. A. S. Kolesnikova. — Sankt-Peterburg : Gumanitarnaya Akademiya : Universitetskaya kniga, 2004. — 416 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

18. Khomutova, T. N. Discourse Typology: an Integral Approach / T. N. Khomutova. — Text : unmediated // Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics. — 2014. — Vol. 11, no. 2. — P. 14—20. [Tipologiya diskursa: integral'nyy podkhod / T. N. Khomutova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. — 2014. — Vol. 11, no. 2. — S. 14—20]. — (In Rus.)

19. Halliday, M. A. K. The Place of the “Functional Perspective of a Sentence” in the System of Linguistic Description / M. A. K. Halliday. — Text : unmediated // New in Foreign Lin-

guistics. — Moscow : Progress, 1978. — Issue VIII: Linguistics of the Text. — P. 138—148. [Mesto «funktsional'noy perspektivy predlozheniya» v sisteme lingvisticheskogo opisaniya / M. A. K. Kheillidey. — Tekst : neposredstvennyy // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — Moskva : Progress, 1978. — Vyp. VIII : Lingvistika teksta. — S. 138—148]. — (In Rus.)

20. Chernyavskaya, V. E. Text Linguistics. Polycode, Intertextuality, Interdiscursiveness. — Moscow : Book House “Librokom”, 2009. — 248 p. [Lingvistika teksta. Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'. M. : Knizhnyy dom «Librokom», 2009. — 248 s.]. — (In Rus.)

21. Chernyavskaya, V. E. Phantoms and Syndromes of the Discursive Paradigm / V. E. Chernyavskaya. — Text : unmediated // Issues of Cognitive Linguistics. — 2014. — No. 1. — P. 54—61. [Fantomy i sindromy diskursivnoy paradigmy / V. E. Chernyavskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. — 2014. — № 1. — S. 54—61]. — (In Rus.)

22. Bilá, M. Language, culture and ideology in discursive practices / M. Bilá, S. V. Ivanova. — Text : unmediated // Russian Journal of Linguistics. — 2020. — No 24 (2). — P. 219—252.

23. Full Frontal with Samantha Bee. Harry Potter and The Suppressed Vote | Full Frontal on TBS // YouTube : video hosting. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VEBmq39kEnA&list=PLur87nTwD0Bu3Tj4k0U2Y8I9YmWRljzCX&index=5> (date of access: 23.08.2020). — Video : electronic.

24. Last Week Tonight. Saudi Arabia: Last Week Tonight with John Oliver (HBO) // YouTube : video hosting. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ViDPiyszoo> (date of access: 23.08.2020). — Video : electronic.

25. Late Night with Seth Meyers. Trump's 2019 State of the Union Address: A Closer Look // YouTube : video hosting. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HEacyQaJ4OQ> (date of access: 23.08.2020).

26. Saturday Night Live. Emergency Alert — SNL // YouTube : video hosting. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=D4c9pbqJHo&index=7&list=WL> (date of access: 23.08.2020).

27. Saturday Night Live. Kremlin Meeting — SNL // YouTube : video hosting. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=Uhe_mGaSJ-Y&list=PLS_gQd8UB-hJl3nQJ5XEFtfnVYkF_gFC&index=3 (date of access: 23.08.2020).

28. The Late Show with Stephen Colbert: Trump's Records Are In Merrick Garland's Hands // YouTube : video hosting. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Wi84u1F9La4> (date of access: 23.08.2020).

29. The Late Show with Stephen Colbert. Sen. Elizabeth Warren: Make The Mueller Report Public // YouTube : video hosting. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=qpBVFZXYFTQ&list=PLiZxWe0ejyv-_CNpueWwhFLvzGxNRXkuO&index=4 (date of access: 23.08.2020).

30. The Tonight Show Starring Jimmy Fallon. Elizabeth Warren Drops Out of 2020 Presidential Race // YouTube : video hosting. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nTmna0ApULE> (date of access: 23.08.2020).

Т. Г. Попова

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-4365-6723

К. А. Кокорина

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID ID: —

 E-mail: tatyana_27@mail.ru; oktober234@yandex.ru.

Речевой портрет Терезы Мэй: вербально-семантическая составляющая

АННОТАЦИЯ. Статья представляет собой анализ речевого портрета языковой личности в политическом дискурсе. Работа выполнена в русле когнитивно-социокоммуникативных исследований национально-культурной семантики языка. Материал был отобран и проанализирован в соответствии с методами контекстуального и концептуального анализов. В работе также использован коммуникативно-прагматический метод исследования. Авторами выявляются основные речевые стратегии и тактики политического деятеля, способствующие речевому воздействию, а также составляется речевой портрет женщины-политика. На основании анализа практического материала авторами статьи были сделаны выводы относительно тактик и стратегий, использующихся в политическом дискурсе Терезой Мэй. В статье подчеркивается, что основными стратегиями в выступлениях бывшего премьер-министра Великобритании являются такие, как интимизация (призывы к объединению нации в непростое для страны время с акцентированием внимания на общих интересах и ценностях нации; употребление местоимений «we» и «ours», в том числе в сочетании с эпитетом); раскрытие подробностей собственной семейной жизни), стратегия положительной самопрезентации (например, создание образа трудолюбивого самоотверженного политика), стратегия обещания, стратегия воздействия и стратегия запугивания. Авторы статьи выявили, что будущи женщиной-политиком, Тереза Мэй умело использует как стандартные стратегии политического дискурса, так и индивидуальные тактики и приемы, характерные только для нее. В публичных выступлениях Терезы Мэй превалирует лексика высокого регистра, используется сугубо политическая лексика и речевые клише, а в целях придания речи эмоциональности — эпитеты и метафоры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая риторика; политические деятели; женщины-политики; речевой портрет; коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; коммуникативное поведение; языковая личность; лингвоперсонализация; эмотивная лексика; речевая деятельность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка, факультет иностранных языков, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; 123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14; e-mail: tatyana_27@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кокорина Ксения Александровна, адъюнкт, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; 123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14; e-mail: oktober234@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Попова, Т. Г. Речевой портрет Терезы Мэй: вербально-семантическая составляющая / Т. Г. Попова, К. А. Кокорина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 121-129. — DOI 10.26170/pl20-05-11.

ВВЕДЕНИЕ

Политическая коммуникация в современном мире все чаще не только оказывается в фокусе внимания работников средств массовой информации и представителей общества в целом, но и становится объектом исследования разных научных областей — социологии, политологии, межкультурной коммуникации, психологии, философии и лингвистики. На сегодняшний день политический дискурс масштабно изучается в рамках когнитивно-дискурсивных исследований, которые способствуют всестороннему раскрытию механизмов влияния и воздействия на адресата, изучению объектов и субъектов политики. В политической лингвистике все

большее внимание уделяется исследованию таких концептов, как «власть» и «сила»; созданию речевых портретов политических деятелей, выявлению не только унифицированных, но и индивидуальных тактик и стратегий коммуникации, способов манипуляции сознанием, средств убеждения и многих других аспектов.

В свете идеологии современного демократического общества, где во главу угла ставятся принципы равных возможностей для участия в политической деятельности мужчин и женщин, нельзя не отметить тот факт, что до сих пор преобладающее большинство политических деятелей составляют мужчины. Несмотря на это на арене мировой

политики появляется все больше женщин, имеющих определенный политический вес, чьи имена становятся так же хорошо известны, как и имена их коллег-мужчин.

Это делает актуальным составление речевого портрета женщины-политика, что представляется интересным сделать на примере анализа коммуникативных стратегий, тактик и приемов, используемых бывшим премьер-министром Великобритании Терезой Мэй. Кроме названных задач, важным представляется выявление характерных черт и особенностей политического дискурса как такового, что будет способствовать выработке алгоритма составления речевого портрета.

Материалом исследования послужили публичные выступления бывшего премьер-министра Великобритании Терезы Мэй с 2016 по 2019 г. В своей работе мы использовали коммуникативно-прагматический метод, а также методы контекстуального и концептуального анализов. Вслед за Е. С. Кубряковой мы будем придерживаться понимания дискурса как «формы использования языка в реальном времени, отражающей определенный тип социальной активности человека» [Кубрякова 2004: 525].

ИССЛЕДОВАНИЕ

Публичные выступления являются богатейшим материалом для исследования политического дискурса [см., напр.: Попова, Таратынова 2009: 90—97]. По мнению Е. И. Шейгал, к категории политического дискурса следует относить материалы, темой которых является политика [Шейгал 2004: 37]. В самой структуре политического дискурса выделяются следующие подвиды: *институциональный* политический дискурс, который включает в себя тексты, созданные политическими деятелями (интервью политических лидеров, парламентские стенограммы, публичные выступления), а также *массмедийный* политический дискурс, в рамках которого журналистами создаются тексты для распространения в СМИ и сети «Интернет» [Будаев 2011: 198]. Следует также отметить, что политический дискурс может пересекаться с другими видами дискурса, такими как, например, бытовой, экономический, научный и иные.

При этом можно сказать, что отличительным, маркирующим для политического дискурса признаком является наличие манипулятивной составляющей. Именно манипулятивная функция в политическом дискурсе является ключевым фактором психологического воздействия с целью трансформации картины мира реципиента, которое может

повлечь за собой изменение действий целевой аудитории в пользу оратора.

При анализе политического дискурса и в частности политического портрета мы опираемся на работы А. П. Чудинова [Чудинов 2018: 45—52; 2019: 110—115], чьи фундаментальные труды являются методологической базой при исследовании речевого портрета политического деятеля.

Н. Б. Руженцева и Е. А. Нахимова говорят о том, что существует множество разновидностей политического портрета. Ими могут являться, например, политический портрет — интервью, портрет-отзыв, постпортрет политика, сделанный по окончании срока его пребывания на высокой должности, портрет-комментарий, портрет в стихах и другие разновидности [Руженцева, Нахимова 2019: 87].

Нельзя обойти стороной и саму личность политика, от которой во многом зависит успех того или иного процесса. Любой политический деятель заинтересован в завоевании внимания аудитории, поэтому язык политической личности должен соответствовать тем или иным политическим стратегиям при доминировании функции манипулятивности с целью завоевания и удержания внимания аудитории.

При исследовании языковой личности мы придерживаемся трехуровневой структуры языковой личности, предложенной Ю. Н. Карауловым. Под самой языковой личностью этот лингвист понимает, во-первых, личность, выраженную «в языке (текстах) и через язык, <...> реконструированную в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 1987: 38], во-вторых, «...совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1987: 245]. Кроме того, в структуре языковой личности ученым было выделено три уровня: вербально-семантический, лингвокогнитивный и мотивационный, каждый из которых отражает особые характеристики языковой личности [Караулов 1987: 51].

В данной системе в качестве базового был выделен *вербально-семантический*, или *лексический* уровень, который отвечает за формирование лексикона языковой личности и характеризуется наличием лексических единиц, связанных между собой различного рода отношениями. На *лингвокогнитивном* уровне в качестве основных элементов выделяются различные обобщенные понятия, которые существуют в виде идей и

концептов. К ним могут относиться крылатые выражения, афоризмы, клишированные высказывания, а также пословицы. Высшей степенью индивидуализации соответственно обладает *мотивационный* уровень, основными элементами которого принято считать не лексику, а коммуникативно-деятельностные потребности. Таким образом, данный уровень представляет собой прагматикон языковой личности. В связи с тем, что именно вербально-семантический уровень формирует лексикон языковой личности и составляет его основу, в данной работе мы ставим перед собой задачу описать речевой портрет Терезы Мэй на основе характеристик использования ею вербально-семантического уровня языка.

Прагматическая составляющая политического дискурса во многом отражена в тех стратегиях, тактиках и приемах, которые использует политический деятель при продуцировании такого вида дискурса. В данной работе мы придерживаемся точки зрения О. С. Иссерс [Иссерс 2008: 54] и понимаем под коммуникативной стратегией «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана». Так, коммуникативная стратегия является своеобразным объединением речевых действий, направленных на достижение поставленной коммуникативной цели, которая основывается на потребностях, мотивах участников коммуникации. В свою очередь, коммуникативные тактики направлены на стимуляцию определенных действий адресата [Иссерс 2008: 77], в то время как стратегии предполагают последовательность коммуникативных шагов, которые могут находиться в зависимости друг от друга и тем самым включать в себя те или иные тактики.

Переходя к описыванию вербально-семантической составляющей речевого портрета женщины-политика (на материале выступлений Терезы Мэй), прежде всего отметим то обстоятельство, что политическая карьера Терезы Мэй началась в 1997 г. В 2002 г. госпожа Мэй стала первой женщиной — председателем Консервативной партии, а в 2010 г. приняла назначение на должность министра внутренних дел и одновременно министра по делам женщин и равноправия. В 2016 г. Тереза Мэй становится второй женщиной в истории Соединенного Королевства (после Маргарет Тэтчер), занявшей пост премьер-министра. Подчеркнем, что, по версии журнала «Forbes», Тереза Мэй стала второй в списке самых влиятельных женщин мира в 2017 г.

Таким образом, Тереза Мэй зарекомендовала себя влиятельным и авторитетным политическим деятелем. В этом контексте следует отметить то немаловажное обстоятельство, что одной из основных тактик британского политика является *стратегия интимизации*, или сближения с аудиторией. Так как политические деятели находятся в постоянном диалоге со своей аудиторией, основной целью тактики сближения для политика является демонстрация того, что он является одним целым с тем обществом, которое представляет. Анализируя публичные выступления Терезы Мэй в должности премьер-министра Соединенного Королевства, мы пришли к выводу, что ключевой идеей в сообщениях и выступлениях политика, вне всякого сомнения, является патриотизм. Идеи патриотизма, единения нации проходят сквозной нитью через все публичные выступления британского политика.

Для подтверждения этого можно привести следующие высказывания Терезы Мэй: *The UK has never been afraid to defend our values and our interests, stand up for global rules and tackle difficult issues* [PM words ahead of the G20 Summit www]. — *Соединенное Королевство никогда не боялось защищать наши ценности и наши интересы, отстаивать мировой порядок и решать сложные вопросы; Together we will defeat those who seek to destroy our values, our way of life and seek to divide us* [PM statement on the New Zealand attack... www]. — *Вместе мы одолеем тех, кто стремится разрушить наши ценности, наш образ жизни и стремится разделить нас.*

В этих высказываниях Терезы Мэй звучит призыв к объединению нации в непростое для страны время. При этом акцентируется внимание на общих интересах и ценностях нации.

Еще одним приемом стратегии сближения является использование в речи бывшего премьер-министра Великобритании таких местоимений, как *we* и *ours*, что видно, например, в следующем высказывании: *From the stories we have heard, to the names we have read, their memories live on engrained in our national consciousness. And will do so, rightly, for evermore* [PM speech to the Lord Mayor's Banquet... www]. — *От историй, которые мы слышали, до имен, которые мы читали, их воспоминания живут в нашем национальном сознании. И останутся там, правильно, навсегда.*

В своих выступлениях на тему Brexit бывший премьер-министр Великобритании Тереза Мэй весьма часто прибегает к использованию данного приема с целью соз-

дания у целевой аудитории ощущения сплоченности и необходимости принять единственно верное решение, что видно, например, в следующем ее высказывании: *It frees our farmers from the Common Agricultural Policy and means restoring full sovereign control of our waters so we can decide as an independent coastal state who fishes in them* [PM: We can deliver the change you voted for www]. — Это освобождает наших фермеров от Общей сельскохозяйственной политики и означает восстановление полного суверенного контроля над нашими водами, чтобы мы могли принять решение как независимое прибрежное государство, которое будет ловить рыбу в них.

Проиллюстрируем отмеченные особенности другими высказываниями госпожи Терезы Мэй: *We may not leave the EU for many months; we may leave without the protections that the deal provides; or we may never leave at all* [PM: We can deliver the change you voted for www]. — Мы можем не покидать ЕС в течение многих месяцев; мы можем уйти без защиты, которую обеспечивает сделка; или мы можем не уходить вообще; *When we look forward to the next century of progress, we know our security can only be upheld by collective endeavour. We know our prosperity can only be advanced by cooperation across borders. And we know our success as a nation depends not just on a strong economy at home, but our role in the world* [PM speech to the Lord Mayor's Banquet... www]. — Когда мы с нетерпением ожидаем следующего века прогресса, мы знаем, что наша безопасность может поддерживаться только коллективными усилиями. Мы знаем, что наше процветание может быть достигнуто только путем сотрудничества через границы. И мы знаем, что наш успех как нации зависит не только от сильной экономики внутри страны, но и от нашей роли в мире.

Далее приведем пример использования Терезой Мэй такого приема, как эпифора. *"We will do everything we can to give you more control over your lives. When we take the big calls, we'll think not of the powerful but you. When we pass new laws, we'll listen not to the mighty, but you. When it comes to taxes we'll prioritize not the wealthy, but you* [PM: We can deliver the change you voted for www]. — Мы сделаем все от нас зависящее, чтобы дать вам больше контроля над своей жизнью. Когда мы принимаем большие вызовы, мы думаем не о сильных, а о вас. Когда мы принимаем новые законы, мы будем слушать не сильных мира сего, а вас. Когда речь идет о налогах, мы будем отдавать приоритет не богатым, а вам.

Синтаксический параллелизм представляет собой один из наиболее частотных приемов выражения экспрессии в речи Терезы Мэй и применяется с целью интенсификации выражаемой мысли.

Следующая вербально-семантическая особенность речевого портрета, на которой нам хотелось бы остановиться, — использование местоимения *you*, посредством которого в публичных выступлениях премьер-министр создает впечатление, что обращается к каждому жителю страны лично. При этом Тереза Мэй умело акцентирует внимание на том, что именно голос каждого из жителей страны повлиял на тот путь, которым сейчас идет Великобритания.

В следующем примере анафора служит усилению этого впечатления: *You voted to leave the European Union and take back control of our borders, laws, money and trade. You voted to leave the Common Fisheries Policy which has failed this famous fishing town, like so many of Britain's coastal communities. And you voted for real improvements in your local area, as part of a country that truly works for everyone* [PM: We can deliver the change you voted for www]. — Вы проголосовали выйти из Европейского союза и вернуть контроль над нашими границами, законами, деньгами и торговлей. Вы проголосовали за выход из Общей политики в области рыболовства, которая вызвала крах этого знаменитого рыбацкого города, как и многих прибрежных сообществ Великобритании. И вы проголосовали за реальные улучшения в вашем регионе как части страны, которая действительно работает для всех.

Подобные обращения Терезы Мэй к аудитории показывают, что одной из ключевых тактик, используемых премьер-министром в стратегии интимизации, является такой вариант тактики сближения, который реализуется посредством призыва защищать ценности, призыва сделать осознанный выбор и воззвания к чувству патриотизма. Тактика сближения с обществом, основанная на чувстве патриотизма, становится основной для стратегии интимизации, поскольку общество является одним из влиятельных участников политической коммуникации.

Наряду с вышеперечисленными, бывший премьер-министр Великобритании Тереза Мэй использует и другие приемы интимизации, в частности, раскрывая подробности семейной жизни, показывает, что ей не чужды семейные радости и ценности, например: *Finally and most of all, I want to thank my husband Philip — who has been my greatest supporter and my closest companion* [Theresa

May's final speech as Prime Minister www]. — *Наконец, самое главное, я хочу поблагодарить моего мужа Филиппа, который был моим самым ярким сторонником и моим ближайшим компаньоном; This year is the tenth anniversary of the death of the woman who introduced me to my husband, and who was known well to many of us in this United Nations [Theresa May's speech to the UN General Assembly 2017 www]. — В этом году исполняется десятая годовщина со дня смерти женщины, которая представила меня моему мужу и которая была хорошо известна многим из нас в Организации Объединенных Наций.*

Говоря о терроризме, Тереза Мэй подчеркивает, что вызываемые террористами трагедии коснулись и ее семьи. Примеры из личной жизни, которые приводит политик, не показывают ее слабость как женщины, а наоборот, служат доказательством того, что, помимо успешной карьеры государственного деятеля, Тереза Мэй счастлива в браке, а ее семья, которая ничем не отличается от обычной британской семьи с ее переживаниями и ценностями, поддерживает ее.

Подобная коммуникативная стратегия самопрезентации основывается на создании у аудитории положительного впечатления об ораторе. Самопрезентация — одна из важнейших составляющих в формировании имиджа политика; она призвана сводить на нет негативные ассоциации с образом политического деятеля и формировать о нем благоприятное впечатление. Будучи успешным политиком, имеющим вес на мировой арене, Тереза Мэй активно использует данную стратегию. Например:

I have just been to Buckingham Palace where Her Majesty the Queen has asked me to form a new government, and I accepted [Theresa May's first speech to the nation as prime minister www]. — Я только что была в Букингемском дворце, где Ее Величество Королева попросила меня сформировать новое правительство, и я согласилась.

В одной из ее последних речей также прослеживается стратегия самопрезентации:

"I am about to go to Buckingham Palace to tender my resignation to Her Majesty the Queen and to advise her to ask Boris Johnson to form a new administration. I repeat my warm congratulations to Boris on winning the Conservative leadership election". — Я собираюсь отправиться в Букингемский дворец, чтобы подать в отставку Ее Величеству Королеве и посоветовать ей попросить Бориса Джонсона сформировать новую администрацию. Я повторяю мои теплые

поздравления Борису с победой на выборах консервативного руководства; I wish him and the Government he will lead every good fortune in the months and years ahead [Theresa May's final speech as Prime Minister www]. — Я желаю ему и правительству большой удачи в предстоящие месяцы и годы.

В приведенных примерах самой первой и самой последней речи в должности премьер-министра Великобритании Тереза Мэй часто использует обращение от первого лица. Подобное использование личного местоимения *I* является одной из основных черт стратегии самопрезентации, позволяющей добиться высокой степени индивидуализации в дискурсе. Местоимением *I* политик подчеркивает не только свой статус и вес в качестве главы правительства, но и свою позицию как сильного и авторитетного политического лидера, что проявляется, например, в следующем высказывании: *Because I do want this to be a country that works for everyone, where all of our young people — all of you — can grow up optimistic about their futures [PM speech at positive opportunities reception www]. — Потому что я хочу, чтобы это была страна, которая работает для всех, где все наши молодые люди — все вы — могут расти с оптимизмом в отношении своего будущего.* В данном примере Тереза Мэй создает положительный образ и выказывает себя не только политиком-патриотом, но и человеком, которому не безразличны судьбы молодежи.

В публичных выступлениях Тереза Мэй также создает свой образ в виде трудолюбивого политика, который посвящает всего себя работе и достижению целей, составляющих курс всей политики Великобритании: *"I have never accepted that. I have been committed day and night to delivering on the result of the referendum and ensuring the UK leaves the EU absolutely and on time". [PM statement on Brexit negotiations... www]. — Я никогда не принимала этого. Дни и ночи я посвятила себя достижению результатов референдума и обеспечению того, чтобы Великобритания полностью и своевременно покинула ЕС; I choose to do what is in our national interest. And I commend this Statement to the House [PM statement on Brexit negotiations... www]. — Я выбираю делать то, что в наших национальных интересах. И я представляю это заявление палате.*

Как правило, стратегия самопрезентации тесно переплетается со стратегией дискредитации оппонента. Примечательно, что при анализе выступлений Терезы Мэй нам практически не встречались примеры дискредитации оппонента. В исследованных нами

публичных выступлениях политик не использовала характерные для данной стратегии приемы, не прибегала к тактике обвинения. В своих политических выступлениях она не применяет оскорбления, а также не использует негативно окрашенные тропы. Мы можем отметить, что основной упор в публичных выступлениях бывшего премьер-министра Великобритании делается на ее собственные заслуги или заслуги ее партии в сугубо толерантной форме и без попыток третировать кого-либо.

Кроме того, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что Тереза Мэй успешно сочетает стратегию самопрезентации со *стратегией обещания*, упоминая необходимость выполнить определенные обязательства перед реципиентом. На одном из обсуждений Brexit Т. Мэй так реализует сочетание этих стратегий: *As Prime Minister of the United Kingdom, I have a responsibility to people in every part of our country and I intend to honour that promise* [PM statement on Brexit negotiations... www]. — *Как премьер-министр Соединенного Королевства, я несу ответственность перед людьми во всех уголках нашей страны, и я намерена выполнить это обещание*. Как видно из примера, прежде всего политик делает акцент на патриотической составляющей, которая в данном примере служит для создания у реципиента уверенности в том, что Мэй — надежный, ответственный политик.

Как правило, сочетание этих стратегий в публичных выступлениях Терезы Мэй наблюдается при упоминании темы Brexit'a и обещания построить «лучшую Великобританию», сделать выход из ЕС безболезненным и максимально успешным. *“We will move forward by calm, patient discussion of each other's positions. It is my responsibility as Prime Minister to provide that leadership for our country at this crucial time. By following the course I have set out today, I am confident we will get there and deliver the right outcome for Britain and the EU”* [In full... www]. — *Мы будем двигаться вперед путем спокойного, терпеливого обсуждения позиций друг друга. Как премьер-министр я несу ответственность за руководство этой страной в этот критический момент. Следуя выбранному мною курсу сегодня, я уверена, что мы доберемся до этого и обеспечим правильный результат для Британии и ЕС*.

Кроме вышеперечисленных стратегий, в некоторых выступлениях политика можно выделить стратегию запугивания, которая призвана напугать адресата и вызвать у него ощущения страха и беспомощности. Приведем примеры:

The past year has tragically proven those threats to be ever more real — not least through the reckless use of a chemical weapon on our own streets by two agents of the Russian intelligence services [PM speech to the Lord Mayor's Banquet... www]. — *Прошедший год трагически доказал, что эти угрозы становятся все более реальными — не в последнюю очередь благодаря безрассудному применению химического оружия на наших улицах двумя агентами российских спецслужб; Together with our allies, in response to the attack in Salisbury, we coordinated the largest ever collective expulsion of Russian intelligence officers, fundamentally degrading Russian intelligence capability for years to come* [PM speech to the Lord Mayor's Banquet... www]. — *Вместе с нашими союзниками в ответ на нападение в Солсбери мы координировали крупнейшую в истории коллективную высылку офицеров российской разведки, что существенно ухудшило потенциал российской разведки на долгие годы*.

В публичных выступлениях Терезы Мэй превалирует лексика высокого регистра. В качестве особенностей ее речи можно выделить использование сугубо политической лексики и речевых стереотипов: *de-escalation of tensions* — «снижение напряженности», *diplomatic solution* — «дипломатическое решение», *constructive meeting* — «конструктивная встреча», *balance of powers and responsibilities* — «баланс сил и зон ответственности», *commitments to protect workers' rights* — «обязательства по защите прав работников».

Кроме того, с целью придания своим публичным выступлениям эмоциональности и оценочности политик прибегает к использованию таких тропов, как эпитет и метафора (*spirit of genuine collaboration* — «дух истинного сотрудничества», *relentless fight against extremism* — «неустанная борьба с экстремизмом», *horrifying terrorist attack* — «ужасающая террористическая атака», *stand shoulder to shoulder* — «плечом к плечу»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав ряд публичных выступлений Терезы Мэй в должности премьер-министра Великобритании в период с 2016 по 2019 г., можно выделить основные стратегии, используемые в ее политическом дискурсе. В качестве основной можно назвать *стратегию интимизации*, которая нацелена на психологическое сближение с целевой аудиторией.

В своих публичных выступлениях Тереза Мэй сочетает стратегию самопрезентации и *стратегию обещания*, свидетельствующую

о нацеленности на выполнение тех или иных обязательств. Наличие в речи сложных синтаксических конструкций, синтаксического параллелизма, анафоры, эпитеты и таких тропов, как эпитет и метафора, широко используемых политиком при продуцировании влиятельного дискурса, служит для произведения на аудиторию необходимого впечатления и внушения ей определенных оценок.

Также мы пришли к выводу, что Тереза Мэй сознательно провоцирует у адресата высказывания определенную реакцию и оценку, которая может быть как положительной, так и отрицательной. При этом для Терезы Мэй характерны как стандартные стратегии политического дискурса, так и присущие ей одной индивидуальные тактики и приемы.

В итоге мы делаем вывод о том, что, применяя все вышеперечисленные стратегии, тактики и речевые приемы, Тереза Мэй проявляет себя не только как сильный оратор, способный воздействовать своими речами на аудиторию, но и как успешная женщина-политик, обладающая значительным влиянием на мировой политической арене.

ИСТОЧНИКИ

1. В полном объеме : речь Терезы Мэй о будущих отношениях Великобритании и ЕС // Gov.uk : веб-сайт. — URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-43256183> (дата обращения: 22.02.2020). — Текст : электронный.
2. Выступление премьер-министра на приеме о возможностях для молодежи // Gov.uk : веб-сайт. — URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-at-positive-opportunities-reception> (дата обращения: 12.02.2020). — Текст : электронный.
3. Речь премьер-министра на банкете лорд-мэра: 12 ноября 2018 года // Gov.uk : веб-сайт. — URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-to-the-lord-mayors-banquet-12-november-2018> (дата обращения: 18.02.2020). — Текст : электронный.
4. Заявление премьер-министра о переговорах по Brexit: 15 ноября 2018 года // Gov.uk : веб-сайт. — URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-on-brexit-negotiations-15-november-2018> (дата обращения: 18.02.2020). — Текст : электронный.
5. Заявление премьер-министра о террористической атаке в Новой Зеландии: 15 марта 2019 года // Gov.uk : веб-сайт. — URL: <https://www.gov.uk/government/news/pm-statement-on-the-new-zealand-attack-15-march-2019> (дата обращения: 12.02.2020). — Текст : электронный.
6. Слова премьер-министра перед саммитом G20 // Gov.uk : веб-сайт. — URL: <https://www.gov.uk/government/news/pm->

words-ahead-of-the-g20-summit (дата обращения: 12.02.2020). — Текст : электронный.

7. Премьер-министр: «Мы можем провести изменение, за которое вы проголосовали» // Gov.uk : веб-сайт. — URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-we-can-deliver-the-change-you-voted-for> (дата обращения: 15.02.2020). — Текст : электронный.

8. Заключительная речь Терезы Мэй на посту премьер-министра: 24 июля 2019 г. // Gov.uk : веб-сайт. — URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/theresa-mays-final-speech-as-prime-minister-24-july-2019> (дата обращения: 15.02.2020). — Текст : электронный.

9. Первая речь Терезы Мэй перед нацией в качестве премьер-министра // Gov.uk : веб-сайт. — URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/theresa-mays-first-speech-to-the-nation-as-prime-minister-in-full-a7135301.html> (дата обращения: 17.02.2020). — Текст : электронный.

10. Речь Терезы Мэй на Генеральной Ассамблее ООН — 2017 // Gov.uk : веб-сайт. — URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/theresa-mays-speech-to-the-un-general-assembly-2017> (дата обращения: 17.02.2020). — Текст : электронный.

ЛИТЕРАТУРА

11. Будаев, Э. В. Современная политическая лингвистика : учебное пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. — 252 с. — Текст : непосредственный.
12. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — 5-е изд. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с. — Текст : непосредственный.
13. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 257 с. — Текст : непосредственный.
14. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 555 с. — Текст : непосредственный.
15. Попова, Т. Г. Политический текст и его лексические особенности / Т. Г. Попова, Н. В. Таратынова. — Текст : непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2009. — № 2. — С. 90—97.
16. Руженцева, Н. Б. Функции ярлыка в коммуникативном портрете политика (на материале современных печатных СМИ) / Н. Б. Руженцева, Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. — 2019. — № 4 (2). — С. 87—98.
17. Чудинов, А. П. Лингвополитическая персонология как научное направление / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2018. — № 1. — С. 45—52.
18. Чудинов, А. П. Дискурсивный поворот в российской когнитивной политической метафорологии / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. Г. Скворцов. — Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка / Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». — Тамбов, 2019. — С. 110—115.
19. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 324 с. — Текст : непосредственный.

T. G. Popova

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-4365-6723

K. A. Kokorina

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID ID: —

 E-mail: tatyana_27@mail.ru; oktober234@yandex.ru.

Speech Portrait of Theresa May: Verbal-Semantic Component

ABSTRACT. *The article analyzes the speech portrait of a linguistic personality in political discourse. The study is performed in the tradition of cognitive-sociocommunicative research of national-cultural language semantics. The material has been selected and analyzed in accordance with the methods of contextual and conceptual analyses. The study also uses the communicative-pragmatic method of research. The authors reveal the main communicative strategies and tactics of a politician, enhancing the verbal impact, and make up a speech portrait of a woman-politician. As a result of analysis of practical material, the authors make a conclusion about the tactics and strategies used by Theresa May in political discourse. The article stresses that the main strategies in the speeches of the former Prime Minister of Great Britain are intimidation (calls to unite at a difficult time for the country emphasizing the common interests and values of the nation; use of the pronouns “we”, “ours” and specifically in combination with epiphora; sharing details of her private life), strategy of positive self-presentation (for example, creation of the image of a painstaking self-sacrificing politician), strategy of promise, strategy of intervention and intimidation. The authors of the article have revealed that, being a woman-politician, Theresa May skillfully uses both standard strategies of political discourse and also individual tactics and techniques characteristic of her personal communicative behavior. The public speeches of Theresa May abound in high-flown vocabulary, use typically political words and clichés, and, in order to make speech more expressive, - epithets and metaphors.*

KEYWORDS: *political rhetoric; politicians; women-politicians; speech portrait; communicative strategies; communicative tactics; communicative behavior; linguistic personality; linguopersonology; emotive vocabulary; speech.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Popova Tat'yana Georgiyevna, Doctor of Philology, Professor of Department of English, Faculty of Foreign Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kokorina Kseniya Aleksandrovna, Adjunct, Department of English, Faculty of Foreign Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Popova, T. G. Speech Portrait of Theresa May: Verbal-Semantic Component / T. G. Popova, K. A. Kokorina // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 121-129. — DOI 10.26170/pl20-05-11.*

MATERIALS

1. In full: Theresa May's speech on future UK-EU relations // BBC News : site. — URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-43256183> (date of access: 22.02.2020). — Text : electronic.
2. PM speech at positive opportunities reception // Gov.uk : site — URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-at-positive-opportunities-reception> (date of access: 12.02.2020). — Text : electronic.
3. PM speech to the Lord Mayor's Banquet: 12 November 2018 // Gov.uk : site. — URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-to-the-lord-mayors-banquet-12-november-2018> (date of access: 18.02.2020). — Text : electronic.
4. PM statement on Brexit negotiations: 15 November 2018 // Gov.uk : site. — URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-on-brexit-negotiations-15-november-2018> (date of access: 18.02.2020). — Text : electronic.
5. PM statement on the New Zealand attack: 15 March 2019 // Gov.uk : site. — URL: <https://www.gov.uk/government/news/pm-statement-on-the-new-zealand-attack-15-march-2019> (date of access: 12.02.2020). — Text : electronic.
6. PM words ahead of the G20 Summit // Gov.uk : site. — URL: <https://www.gov.uk/government/news/pm-words-ahead-of-the-g20-summit> (дата обращения: 12.02.2020). — Text : electronic.
7. PM: We can deliver the change you voted for // Gov.uk : site. — URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-we-can-deliver-the-change-you-voted-for> (date of access: 15.02.2020). — Text : electronic.
8. Theresa May's final speech as Prime Minister: 24 July 2019 // Gov.uk : site. — URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/theresa-mays-final-speech-as-prime-minister-24-july-2019> (date of access: 15.02.2020). — Text : electronic.
9. Theresa May's first speech to the nation as prime minister // Gov.uk : site. — URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk>

politics/theresa-mays-first-speech-to-the-nation-as-prime-minister-in-full-a7135301.html (date of access: 17.02.2020). — Text : electronic.

10. Theresa May's speech to the UN General Assembly 2017 // Gov.uk : site. — URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/theresa-mays-speech-to-the-un-general-assembly-2017> (date of access: 17.02.2020). — Text : electronic.

REFERENCES

11. Budaev, E. V. Modern Political Linguistics : teaching aid. [Sovremennaya politicheskaya lingvistika : uchebnoe posobie]. / E. V. Budaev, M. B. Voroshilova, E. V. Dzyuba, N. A. Krasil'nikova ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2011. — 252 p. — Text : unmediated. — (In Rus.)
12. Issers, O. S. Communicative strategies and tactics of Russian speech [Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi] / O. S. Issers. — 5th ed. — Moskva : LKI Publisher, 2008. — 288 p. — Text : unmediated. — (In Rus.)
13. Karaulov, Yu. N. The Russian language and language personality [Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost']. / Yu. N. Karaulov. — Moscow : Science (Nauka), 1987. — 257 p. — Text : unmediated. — (In Rus.)
14. Kubryakova, E. S. Language and knowledge: On the way to gain knowledge of the language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of the language in the world cognition [Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira] / E. S. Kubryakova. — Moskva : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. — 555 p. — Text : unmediated. — (In Rus.)
15. Popova, T. G. Political text and its lexical features / T. G. Popova, N. V. Taratynova. — Text : unmediated // Bulletin of the Tula State University. Humanitarian sciences. — 2009. — No 2. — P. 90—97. [Politicheskiy tekst i ego leksicheskie osobennosti / T. G. Popova, N. V. Taratynova. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. — 2009. — № 2. — S. 90—97]. — (In Rus.)

16. Ruzhentseva, N. B. Label functions in the communicative portrait of a politician (based on the material of modern print media) / N. B. Ruzhentseva, E. A. Nakhimova. — Text : unmediated // Ecology of language and communication practice. — 2019. — No 4 (2). — P. 87—98. [Funktsii yaryka v kommunikativnom portre politika (na materiale sovremennykh pechatnykh SMI) / N. B. Ruzhentseva, E. A. Nakhimova. — Tekst : neposredstvennyy // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. — 2019. — № 4 (2). — S. 87—98]. — (In Rus.)

17. Chudinov, A. P. Linguopolitical personology as a scientific field / A. P. Chudinov. — Text : unmediated // Philological sciences. High school scientific reports. — 2018. — No 1. — P. 45—52. [Lingvopoliticheskaya personologiya kak nauchnoe napravlenie / A. P. Chudinov. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vyshey shkoly. —

2018. — № 1. — S. 45—52]. — (In Rus.)

18. Chudinov, A. P. Discursive Turn in Russian Cognitive Political Metaphorology / A. P. Chudinov, E. V. Budaev, O. G. Skvortsov. — Text : unmediated // Cognitive language research / All-Russian public organization “Russian Association of Cognitive Linguists”. — Tambov, 2019. — P. 110—115. [Diskursivnyy povорот v rossiyskoy kognitivnoy politicheskoy metaforologii / A. P. Chudinov, E. V. Budaev, O. G. Skvortsov. — Tekst : neposredstvennyy // Kognitivnye issledovaniya yazyka / Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizatsiya «Rossiyskaya assotsiatsiya lingvistov-kognitologov». — Tambov, 2019. — S. 110—115]. — (In Rus.)

19. Sheygal, E. I. Semiotics of Political Discourse / E. I. Sheygal. [Semiotika politicheskogo diskursa / E. I. Sheygal]. — Moscow : Gnozis, 2004. — 324 p. — Text : unmediated. — (In Rus.)

С. А. Тихонова

Краснодарский государственный институт культуры, Краснодар, Россия

ORCID ID: 0000-0002-3767-9577 E-mail: svetd@bk.ru.

Прецедентные феномены в британской политической карикатуре, посвященной Брекситу

АННОТАЦИЯ. В статье представлены результаты анализа британской политической карикатуры, размещенной на страницах британских электронных издательств и интернет-страницах британских карикатуристов в период 2017—2019 гг. В ходе исследования были рассмотрены особенности использования прецедентных феноменов со сферой-источником «Культура» в британской карикатуре, посвященной проблеме выхода Великобритании из Европейского союза. В рамках данной статьи проанализированы примеры использования как визуальных, так и вербальных прецедентных феноменов из следующих сфер-источников прецедентных феноменов: «Литература», «Кино», «Мифология», «Живопись», «История», «Музыка». Большинство прецедентных феноменов со сферой-источником «Литература» относится к национально обусловленным — прецедентные имена, образы и сюжеты заимствованы из английской литературы. В то время как прецедентные феномены со сферой-источником «Кино» заимствованы в большей степени из ставших уже классикой американских фильмов. Единицы со сферой-источниками «Живопись» и «Мифология» можно считать универсальными: они всемирно известны и признаны наследием всего человечества. С целью изображения сложной политической ситуации авторы нередко прибегают к синтезу прецедентных феноменов различных видов из нескольких сфер-источников, тем самым помогая реципиентам в процессе интерпретации их замысла. Для верной интерпретации смысла, заложенного в карикатуру, реципиентам необходимы фоновые лингвокультурологические знания, как актуальные, так и уже ставшие классическими. Освещая Брексит, авторы делают акцент прежде всего на главном действующем лице — премьер-министре Великобритании соответствующего периода (Т. Мэй или Б. Джонсоне). С помощью прецедентных феноменов в карикатурах гиперболизируется ситуация с затянувшимся Брекситом, указывается на слабые места британской политической системы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: креолизованные тексты; политические карикатуры; прецедентные феномены; Брексит; политический дискурс; политическая коммуникация; Интернет; интернет-пространство; интернет-ресурсы; интернет-дискурс; интернет-тексты; английский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Тихонова Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков и литературы, Краснодарский государственный институт культуры; 350028, Россия, Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33; e-mail: svetd@bk.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тихонова, С. А. Прецедентные феномены в британской политической карикатуре, посвященной Брекситу / С. А. Тихонова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 130-148. — DOI 10.26170/pl20-05-12.

Исследования политических явлений и персон на материале креолизованных политических текстов довольно актуальны в настоящее время [Ворошилова 2013; Громова 2014; Куренная 2018; Трифонова, Шапочкин 2018]. В ситуации дефицита времени и постоянного возрастания потока информации человек вынужден быстро ориентироваться и отбирать самые актуальные и необходимые данные. Именно поэтому атрибутами современных СМИ являются визуализация, яркая образность, запоминаемость и эмоциональность. Политическая карикатура как жанр креолизованного текста является сочетанием визуальной и вербальной информации, полностью соответствующей особенностям клипового мышления современного человека. По справедливому замечанию Н. С. Громовой, «креолизованный текст, в отличие от текста монокодового, позволяет автору манипулировать подсознанием чита-

теля и формировать путем различных комбинаций вербально-визуальных элементов не только восприятие индивидом текста, но и его жизненные позиции» [Громова 2014: 62]. Мощный манипулятивный потенциал, которым обладает карикатура, еще больше возрастает, если ее образность базируется на прецедентности и метафоричности. С. Г. Кара-Мурза [Кара-Мурза 2006] отмечал, что достаточно образного и эмоционального воздействия на человека, обладающего клиповым мышлением, для того чтобы он усвоил определенное мнение о каком-либо явлении, не прибегая к его критической оценке.

В настоящее время к ставшей уже традиционной классификации прецедентных феноменов (имя, текст, высказывание, ситуация) [Багаева, Гудкова, Захаренко, Красных 1997] добавляются все новые виды, например, прецедентные миры, прецедентные события, прецедентные поступки и т. д. [На-

© Тихонова С. А., 2020

химова 2018], которые к тому же можно классифицировать по семиотической системе, в которой они функционируют (вербальные, визуальные, аудиальные) [Пикулева 2003]. Кроме того, Л. А. Мардиева [Мардиева 2011: 203] предлагает использовать термины «прецедентный визуальный образ» и «прецедентный визуальный феномен». В данной статье под визуальным прецедентным образом понимается визуальное изображение персонажа или единицы предметного мира, в то время как визуальный прецедентный феномен определяется как визуализированное событие или явление, обладающее характерными, легко узнаваемыми и интерпретируемыми для носителей определенной лингвокультуры визуальными характеристиками. По справедливому утверждению Е. А. Ивановой, вербально-визуальный образ, функционирующий в карикатуре, обладает «оценочным, аргументативным, интерпретативным потенциалом» [Иванова 2018: 78]. Так как графический компонент играет главную роль в структуре креолизованного текста, данное исследование построено в основном на анализе визуального компонента политической карикатуры. Как указывает Н. И. Вольская, «текст подписи под карикатурой или „внутри“ сведен к минимуму и используется лишь для актуализации того или иного компонента значения» [Вольская 2015].

Современному человеку не хватает времени на тщательное изучение той лавины информации, которая каждую секунду на него обрушивается. Прецедентные феномены отсылают реципиентов информации к хорошо известным событиям, фактам, личностям, тем самым позволяют быстро сформировать мнение о новом событии, явлении или персоне. Наиболее простыми для восприятия и расшифровки являются как вербальные, так и в большей степени визуальные прецедентные феномены со сферой-источником «(Массовая) культура». В данной статье мы рассмотрим особенности использования прецедентных феноменов со сферой-источником «Культура» в британской карикатуре, посвященной проблеме выхода Великобритании из Европейского союза.

С 23 июня 2016 г. одним из основных политических вопросов, стоящих перед Великобританией, являлся так называемый Брексит (Brexit). Длительный процесс выхода Великобритании из ЕС, сопровождаемый изменяющимися условиями и действующими лицами, формально был завершён 31 января 2020 г. Этот непростой период в истории Великобритании нашел отражение в политических карикатурах.

В настоящем исследовании нами были проанализированы 60 британских политических карикатур 2017—2020 гг., объединенных общей сферой-источником «культура», отобранные методом сплошной выборки на страницах британских электронных издательств («The Times», «The Observer», «The Telegraph», «The Independent», «The Sun») и интернет-страницах британских карикатуристов (Peter Brookes, Chris Riddell, David Simonds, Dave Brown, Rob Moran, Gary Barker, Christian Adams).

Первым этапом исследования было определение сфер-источников прецедентности, лежащих в основе карикатур. Анализ карикатур выявил следующие сферы-источники прецедентных феноменов: «Литература» (34 %), «Кино» (26 %), «Мифология» (26 %), «Живопись» (5 %), «История» (5 %), «Музыка» (4 %). В рамках данной статьи рассмотрим наиболее яркие примеры использования как визуальных, так и вербальных прецедентных феноменов из выделенных сфер-источников.

В рамках второго основного этапа исследования карикатуры подверглись критическому дискурсу-анализу с целью определения механизма создания общественного мнения о процессе выхода Великобритании из Евросоюза.

Сфера-источник «Литература» является ведущей среди выявленных. Однако вряд ли это может говорить о большой начитанности британцев или о их любви к литературе, так как обнаруженные прецедентные феномены в большей степени относятся к детской литературе. Вербально-визуальные прецедентные феномены, основанные на детской литературе, достаточно просты для интерпретации в связи с тем, что персонажи яркие, узнаваемые, обладают явной оценочностью. Лидером среди прецедентных имен является Мэри Поппинс — няня-волшебница из сказочной повести английской писательницы Памелы Трэверс. В образе Мэри Поппинс выступает уже бывший премьер-министр Великобритании Тереза Мэй (рис. 1—3). Без сомнения, выбор этого прецедентного визуального образа объясняется национальной принадлежностью, строгостью, чопорностью и отсутствием боязни перемен у бывшего премьер-министра. Однако образ Терезы Мэй претерпевает изменения в разных политических условиях.

В карикатуре 2017 г., когда Дональд Трамп стал одним из немногих политиков, положительно высказавшихся о Брексите, Тереза Мэй предстает дамой, владеющей ситуацией, с характерным атрибутом — зонтом цвета британского флага (рис. 1).

В декабре 2018 г. ряд консерваторов выразил вотум недоверия Терезе Мэй в связи с проводимыми ею переговорами по Брекситу. В карикатуре, опубликованной за день до голосования в парламентской фракции 12 декабря, Т. Мэй изображена в образе падающей Мэри Поппинс, с зонтом — сделкой по Брексит, который уже не помогает ей лететь, следовательно, она не владеет ситуацией (рис. 2).

Однако в парламенте Тереза Мэй получила поддержку и, несмотря на сложную ситуацию, осталась на посту премьер-министра, что нашло воплощение в карикатуре с надписью «May Poppins is back!» (рис. 3). Сатирический посыл карикатуры заключается в противопоставлении сложной ситуации, в которой оказалась Тереза Мэй, и визуального счастливого образа премьер-министра, а также вербального прецедентного высказывания Мэри Поппинс из классического фильма 1964 г.: «I'm practically perfect in every way» («Я практически безупречна в любой ситуации»).

В представленных карикатурах используется узнаваемый визуальный образ Мэри Поппинс со всеми атрибутами — одеждой,

зонтом и саквояжем, однако авторы считают нужным вербально выразить замысел либо именем премьер-министра, либо его измененной формой (May Poppins).

Еще одной часто используемой в качестве источника прецедентности литературной историей является история Алисы из произведений Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» («Alice's Adventures in Wonderland») и «Алиса в Зазеркалье» («Through the Looking-Glass, and What Alice Found There»). Авторы только не используют визуальные прецедентные ситуации (безумное чаепитие, погоня за кроликом, встреча с Чеширским котом — рис. 4—6), но и измененные вербальные прецедентные феномены. Например, подпись «Theresa in Blunderland» (blunder — 'грубо ошибаться, не справляться с делами, сказать глупость') говорит о том, что Тереза Мэй не в состоянии контролировать министров, которые не справляются со своими обязанностями и совершают ошибки, а часы, которые должны показывать время для Брексита («Brexit schedule») вообще сломались, так как дата выхода Великобритании из ЕС постоянно переносилась (рис. 4).

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

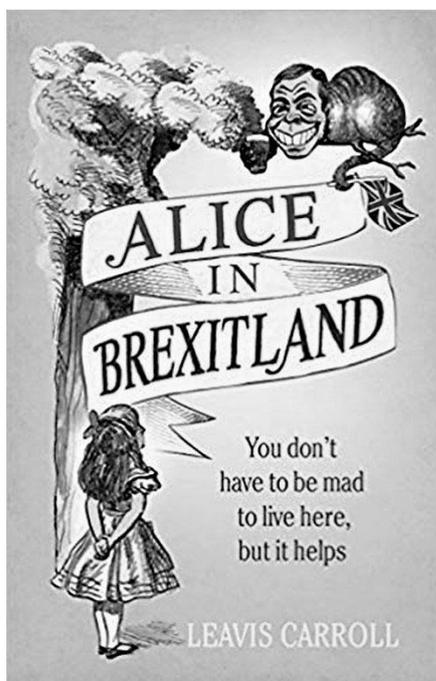

Рис. 6

На следующей карикатуре команда во главе с Терезой Мэй спешит в кроличью нору (рис. 5), которая, как известно из книги Кэрролла, ведет в страну, где полно сумасшедших, что выражено вербальным компонентом «You don't have to be mad to live here, but it helps» («Не обязательно быть сумасшедшим самому, чтобы жить там, но это было бы полезным»; рис. 6).

В группу карикатур, объединенных «сказочной» сферой-источником прецедентности, входят также те, на которых Тереза Мэй изображается в образе Пиноккио из сказки К. Коллоди и Круэллы де Виль из книги британской писательницы Доди Смит «101 далматинец».

Излюбленный образ мальчика, нос которого постоянно удлиняется, когда он солжет, довольно часто тиражируется в карикатурах, изображающих разных политиков [Тихонова 2013: 111]. В ситуации, связанной с Брекситом, как ложь со стороны премьер-министра расцениваются даты предполагаемого выхода Великобритании из Евросоюза (рис. 7).

Что касается карикатуры, в которой представлен прецедентный образ жестокой

злодейки Круэллы де Виль, то замысел автора достаточно просто расшифровывается реципиентами. Визуальная информация подкрепляется вербальной: британцы перед выбором — политика консерваторов во главе с Терезой Мэй или радужные обещания лейбористов. Образ злодейки, предлагающей британцам Брексит и отмену закона, запрещающего охоту на лис на территории

Великобритании, противопоставлен имени Джереми Корбина, лидера лейбористов, чье имя в этой карикатуре ассоциируется с еще одним прецедентным именем — Вилли Wonka, героя сказочной повести британского писателя Роальда Даля «Чарли и шоколадная фабрика», владеющего фабрикой сладостей (рис. 8).

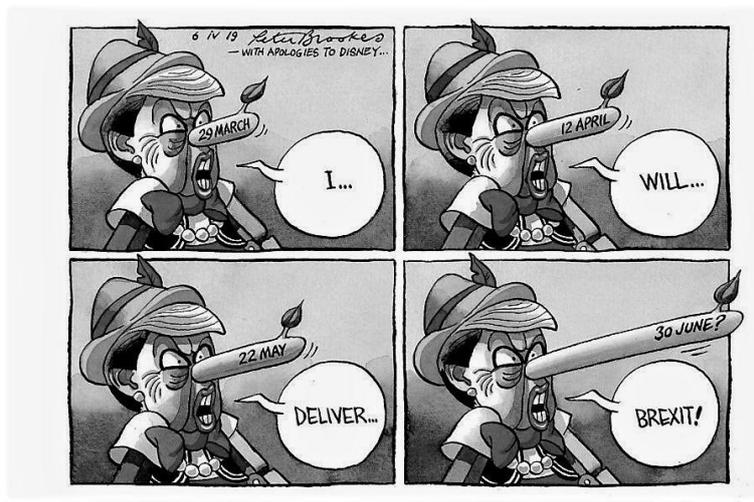

Рис. 7

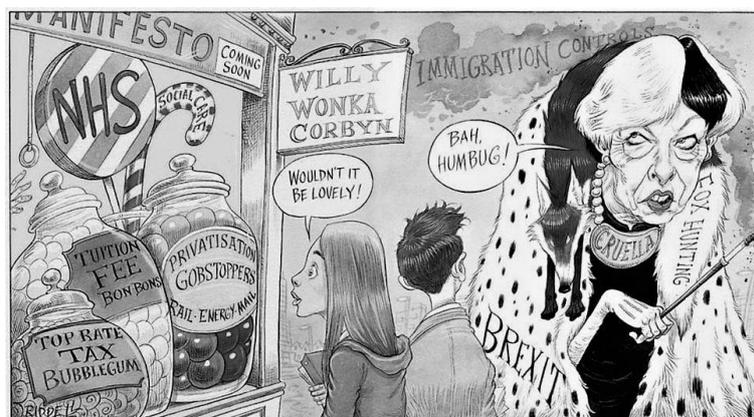

Рис. 8

Рис. 9

Отрицательное отношение к Брекситу выражено и в карикатуре, в основе которой лежит прецедентный текст — детская книга американского писателя Фрэнка Баума «Удивительный Волшебник из Страны Оз» (рис. 9). Художник изображает Терезу Мэй вместе со сторонниками Брексита Майклом Гоувом, Джейкобом Рис-Моггом и Борисом Джонсоном, идущими навстречу своей мечте — Брекситу. Однако дорога, по которой они идут, совсем не вымощена желтым кирпичом, как в сказке, они с трудом пробираются по дороге, залитой желтой липкой массой. Замысел автора можно понять, обратившись к вербальному компоненту карикатуры — к песне, которую поют действующие лица: «Follow the Brexit sick road». Лексема «sick» включает ряд значений, которые так или иначе обыгрывают рассматриваемую ситуацию. Первое значение 'affected by physical or mental illness' может относиться к сторонникам процесса: они — сумасшедшие. Следующее значение 'suffering from serious problems' характеризует сам процесс выхода из ЕС, сопряженный с серьезными проблемами для Великобритании. Пометой «неформальное»

отмечено, с одной стороны, значение 'disappointed, mortified, or miserable', а с другой — 'excellent'. Таким образом, дорога к мечте — Брекситу для кого-то прекрасна, а для кого-то ужасна.

Всего в трех карикатурах использованы прецедентные феномены из классической английской литературы: это прецедентная ситуация из «Рождественской песни» Ч. Диккенса (рис. 10), визуальный прецедентный образ и сам прецедентный текст, в котором он встречается, — мисс Хэвишем из романа «Большие надежды» Ч. Диккенса (рис. 11) и трансформированное прецедентное высказывание «To leave or not to leave, that is your question» («To be, or not to be, that is the question») из трагедии У. Шекспира «Гамлет» (рис. 12).

На упомянутых карикатурах изображена Тереза Мэй, ожидающая исхода переговоров с ЕС по вопросам Брексита. Brexit без «сделки» («No deal Brexit») представляется лучшим исходом из сложившейся ситуации, хотя больших надежд уже никто не ожидает (трансформированное название романа «Great expectations» — «No expectation»).

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Следующей по частотности использования является сфера-источник прецедентности «Кино». Кино — массовый вид искусства, поэтому часто используется в политических карикатурах. Среди отобранных примеров лидером стал фильм-мюзикл 1965 года «Звуки музыки» («*Sounds of music*»). Героиней фильма является Мария, которая покидает свою родину из-за нацистской оккупации. В образе Марии изображается Тереза Мэй, которая убегает из ЕС (рис. 13, 14). На карикатуре 2017 г. (рис. 13) премьер-министр поет песню из фильма и показывает неприличный жест Жан-Клоду Юнкеру, председателю Европейской комиссии, Франсуа Олланду, президенту Франции (до 14 мая 2017 г.), и Ангеле Меркель — политикам, которые резко выступали против выхода Великобритании из ЕС. Однако автор карикатуры считает побег Великобритании из ЕС сумасшествием (*the sound of madness*).

В 2018 г. в австрийском Зальцбурге состоялся неформальный саммит Евросоюза, на котором Тереза Мэй получила холодный прием от представителей ЕС и не смогла достичь договоренности по Брекситу, что выражено вербально: «*The sound of no deal*» (рис. 14).

Авторы карикатур не только выражают свое сомнение в благоприятном исходе Брексита (рис. 15—16), но и с помощью пре-

цедентных визуальных образов дают понять, что Брексит — опасное дело (рис. 17—18). Данная идея реализуется в вербальном компоненте карикатуры, в состав которой входит прецедентное имя — название фильма «*Mission: Impossible*» (рис. 15). Аналогичный смысл выдвигается в карикатуре, основанной на визуальной прецедентной ситуации из фильма-катастрофы Джеймса Кэмерона «Титаник» (рис. 16). Хотя само изображение отсылает реципиента к достаточно романтической сцене из фильма, трагичная судьба «Титаника» всем хорошо известна. Таким образом автор доносит свою мысль о том, что Борис Джонсон продолжает начатый Терезой Мэй процесс выхода Великобритании из ЕС, который закончится трагедией для страны.

Карикатуры (рис. 17—18), основанные на визуальном прецедентном образе — кадре из мелодраматического фильма «*La La Land*» («Ла Ла Ленд») (рис. 17), отсылают реципиента к идее мечты — Брекситу. Партнеры Терезы Мэй могут быть разные — Борис Джонсон или поддерживающий ее президент США Дональд Трамп, однако предприятие это опасное: герои танцуют на тонком льду, о чем гласят предупредительные надписи (*Danger — thin ice! Caution: thin ice! — «Осторожно: тонкий лед!»*).

Рис. 13

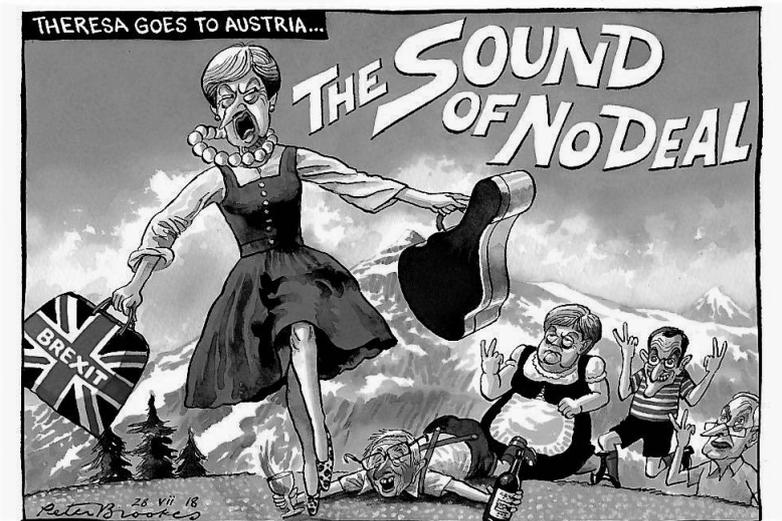

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

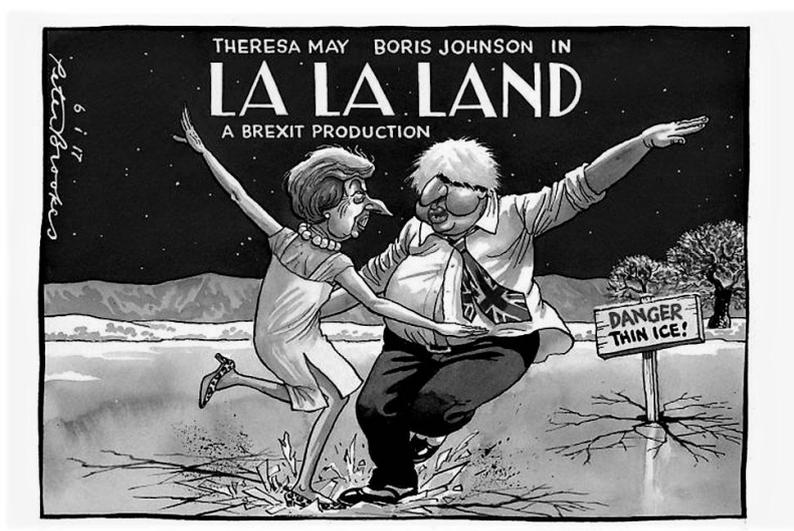

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

Брексит воспринимается как кошмар, который наводит на людей премьер-министр Мэй. В одной карикатуре (рис. 19) наряду с прецедентным визуальным образом Фредди Крюгера, главного отрицательного персонажа фильма ужасов 1980-х гг. «Кошмар на улице Вязов» («A nightmare on Elm Street»), со всеми атрибутами используется и трансформированное вербальное прецедентное имя — само название фильма («A nightmare in Downing street»), а также отсылка к прецедентному тексту — стишку, который в фильме произносят дети-призраки: «One, Two Freddy's coming for you».

Отрицательное отношение к команде Терезы Мэй и ее политике по вопросу Брексита нашло воплощение в карикатуре, в основе которой лежит прецедентный комедийный фильм об inferнальной семейке Ад-

дамс (The Addams Family) — см. рис. 20. На карикатуре изображена сама Тереза Мэй в образе вампирши Мортиши Аддамс и министры ее кабинета, в составе которого Борис Джонсон, Филип Хэммонд, Дэвид Дэвис, министр по вопросам выхода Великобритании из Евросоюза, Лиам Фокс, Саджид Давид и живая кровавая рука Брексита.

С приходом нового премьер-министра Бориса Джонсона ситуация не стала лучше, изменился лишь состав персонажей этой черной комедии под названием «The Tory family 2» («Семейка Тори»), включающий Доминика Рааба, Саджида Давида, Прити Пател, Майкла Гоува и Бена Уоллеса (рис. 21). Теперь во главе семьи в образе эксцентричного Гомеса Аддамса Борис Джонсон, который призывает не унывать, так как теперь они решат все проблемы. Интересен тот

факт, что главнейший вопрос, стоящий перед страной — Брексит, не нашел воплощения в данной карикатуре. Живая рука теперь изображает поддержку президента США Дональда Трампа, который неоднократно лестно высказывался о новом премьер-министре Великобритании.

Вслед за Ю. И. Детинко и Р. И. Григорьевым можно сделать вывод о том, что «кинематограф создает обширную основу для прецедентных визуальных образов, что связано прежде всего с большой узнаваемостью киноперсонажей, сюжетной линии, реплик героев фильмов» [Детинко, Григорьев 2019: 27].

Мифологические прецедентные феномены также являются основой для политических карикатур, освещающих процесс Брексита. Наиболее часто авторы обращаются к единорогу. Это мифическое существо встречается в мифологии и религиях многих народов, на гербах различных государств (в том числе и на королевском гербе Великобритании) и символизирует осторожность, благоразумие, чистоту, строгость.

Интересным примером представляется карикатура, в которой прецедентный образ единорога сливается с прецедентным образом троянского коня (рис. 22). Тереза Мэй изо всех сил старается представить троянского коня (свой план по Брекситу) как нечто прекрасное.

Однако в политическом дискурсе Великобритании прецедентный образ единорога в основном тиражируется противниками Брексита как символ опасности планов Великобритании по выходу из ЕС. Интересно

то, что в карикатурах единорог чаще появляется после избрания Бориса Джонсона на пост премьер-министра. Новый премьер-министр изображается в образе малыша, который освобождает прекрасного единорога (Брексит «без сделки с ЕС» (No deal Brexit)), не думая о последствиях. Как известно по легендам, на свободе единорог становится опасным, именно поэтому на гербах он изображается закованным в цепи. Кроме того, одновременно из заточения освобождается еще одно мифическое существо — огр, символизирующий экономическую рецессию, что очень опасно для страны (рис. 23).

Борис Джонсон не до конца понимает, что делать в сложившейся ситуации, и, как малыш, играет с «наследием», доставшимся ему после Терезы Мэй (рис. 24), и, не умея им управлять, разрушает вековые устои страны. Это актуализируется и вербальным компонентом — диалогом Бориса Джонсона и Доминика Каммингса, который в 2015 г. возглавил кампанию за выход Великобритании из Евросоюза, а в июле 2019 г. был назначен советником нового премьер-министра (рис. 25). Подстегиваемый Каммингсом процесс Брексита разрушает конституцию Великобритании — услышав звук чего-то ломающегося, Джонсон задает вопрос: «What was that bump, Dominic?» («Что это за звук, Доминик?»), на что Каммингс беспристрастно отвечает: «Nothing, Boris, just the British constitution» («Да ничего особенного, Борис, просто британская конституция»).

Рис. 21

Рис. 22

Рис. 23

Рис. 24

Рис. 25

Самый радикальный сценарий выхода Великобритании из ЕС — Брексит без «сделки», который в первую очередь ударит по экономике страны. Для изображения данного сценария в карикатурах часто используется прецедентный образ огра/тролля — мифологического безобразного злобного великанолюдоеда (рис. 26—27). Партия консерваторов, которая осталась в меньшинстве в вопросе по Брекситу без «сделки», пыталась убедить, что это не так страшно для страны («He's not as scary as he looks»; см. рис. 26). Идею о катастрофическом исходе ситуации автор реализует, прибегая к прецедентной ситуации выпрашивания сладостей во время праздника Хеллоуин, которое сопровождается традиционной шуточной угрозой: «Trick or treat?» («Пакость или сладость»). Вербальный компонент в карикатуре видоизменен на «Shtick or treat» («Дурачество или угощение»). Однако, несмотря ни на какие заверения приверженцев Брексита без «сделки» о благоприятном исходе, все понимают, что в качестве добычи у «огра» окажутся сельское хозяйство, промышленность, финансовая и другие важные сферы.

Вместо того, чтобы объединить усилия и изменить сложившуюся ситуацию, политические оппоненты не могут договориться между собой, что нашло отражение в карикатуре, в основе которой лежит прецедентный текст — норвежская сказка о трех козлятах и злом тролле «Three Billy Goats Gruff» (рис. 27). По сюжету сказки козлята оказались умнее злобного тролля и сумели перебраться через мост, под которым тот жил, чтобы полакомиться травой. Политические же «козлята» не такие сообразительные и все еще про-

должают спорить о главенствующей роли каждой партии в правительстве национального единства, целью которого является преодоление кризиса, вызванного разногласиями вокруг условий соглашения по Брекситу, и предотвращение выхода страны из Евросоюза без «сделки»: «You've got to be a part of MY government of national unity. — I won't be a part of YOUR government of national unity. — But we need a government of national unity» («Вы должны стать частью МОЕГО правительства национального единства. — Я не буду участвовать в ТВОЕМ правительстве. — Но нам нужно хоть какое-нибудь правительство национального единства»).

Кроме мифологических образов единорога и огра, в карикатурах о Брексите встречаются символические образы, представляющие страну в виде молодой женщины в коринфском шлеме и геральдического льва (рис. 28—29). Персонифицированный символ Британии, используемый в политической карикатуре, отличается от традиционного образа статной женщины, олицетворяющей могущество Британской империи. Современная Британия — растерянная, уставшая и испуганная женщина, сопровождаемая львом. Но ни Британия, ни лев уже не символизируют мощь, силу и достаток страны. Они устали от проблем, связанных не только с экономикой и политикой, которые сопутствуют стране в течение всего периода выхода из ЕС, но и с новым глобальным вызовом — пандемией коронавируса. Пессимистичные настроения британцев по поводу настоящего и будущего своей страны выражены фразой Британии «It's a new golden age» («Это и есть новый золотой век» — рис. 28).

Рис. 26

Рис. 27

Несмотря на то, что сравнительно небольшой процент карикатур основан на визуальных прецедентных образах со сферой-источником «Живопись», они представляют интерес для анализа. В качестве источника визуальных прецедентных образов авторы выбирают классические образцы живописи, хорошо известные практически любому цивилизованному человеку — «Рождение Венеры» Сандро Боттичелли, «Мону Лиза» Леонардо да Винчи.

Визуальный прецедентный образ картины Боттичелли выбран автором не случайно. Карикатура (рис. 30) была создана в сентябре

2017 г., когда Тереза Мэй отправилась во Флоренцию для того, чтобы выступить с речью о будущих отношениях Лондона и Евросоюза после завершения Брексита. Представляется, что выбор пал на Сандро Боттичелли, так как этот известный мастер родился во Флоренции. Вербальный компонент карикатуры «The Rebirth of Brexit by Mayboticelli» относится к ситуации, в которой Тереза Мэй пытается возродить конструктивные переговоры с ЕС по Брекситу и, хотя ее поддерживает Борис Джонсон, позиция Великобритании, судя по британскому флагу, которым Джонсон пытается укрыть премьер-министра, не очень благоприятна.

Рис. 28

Рис. 29

Рис. 30

Рис. 31

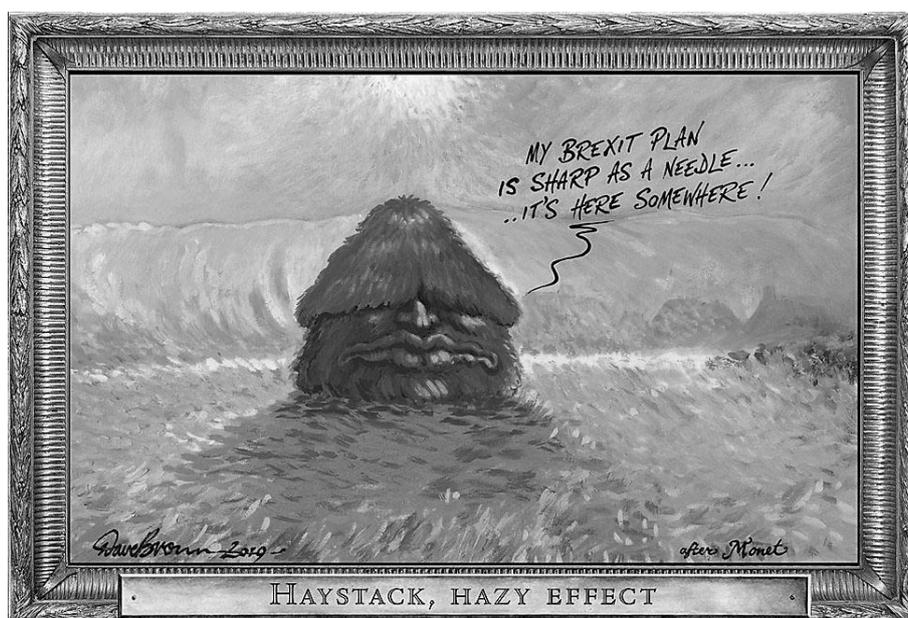

Рис. 32

Что касается карикатуры, основанной на шедевре Леонардо да Винчи (рис. 31), то в ней автор, помимо прецедентного образа, прибегает к языковой игре, изменяя имя «Мона Лиза» (Mona Lisa) на созвучные «Мона Леавер» (от глагола *leave* — покидать, уходить) и «Remoaner Lisa» (*remoaner* — существительное, образованное слиянием лексем *retainer* и *moaner*, обозначающее человека, который не признает результаты референдума 2016 г. и не хочет выхода Великобритании из ЕС): Тереза Мэй сомневается, уходить стране или все-таки остаться в ЕС.

Интересной представляется карикатура, в основе которой лежит знаменитый холст

Клода Моне из серии полотен «Стога» (рис. 32). В образе стога угадывается премьер-министр Борис Джонсон благодаря его причёске. Кроме того, вербальный компонент «My Brexit plan is sharp as a needle... It's here somewhere!» содержит идиоматическое выражение «sharp as a needle» («проницательный, умный»), буквально означающее 'острый, как игла', совместно с визуальным образом вызывающее в сознании реципиента еще одну идиому: «a needle in a haystack», которая указывает на то, что практически невозможно найти. Следовательно, можно сделать вывод о том, что автор карикатуры иронизирует над отсутствием четкого плана Брексита у Бориса Джонсона.

Рис. 33

Сферы-источники «История» и «Музыка» в карикатурах наблюдаются редко — 5 % и 4 % соответственно от всех отобранных карикатур. Интерес представляет карикатура, в которой визуальный прецедентный образ и прецедентное высказывание, обладающие положительной оценочностью, наслаиваясь на политическую обстановку в ЕС и позицию Терезы Мэй, способствуют дискредитации британского премьер-министра. В карикатурах Тереза Мэй примеряет на себя прецедентный образ Эвиты Перон из знаменитого мюзикла Эндрю Ллойда Уэббера и Тима Райса «Эвита» (рис. 33). В ноябре 2018 г. после долгих 17 месяцев переговоров главы ЕС и Великобритания заключили соглашение по Брекситу. На карикатуре уставшая Тереза Мэй обращается к главе Еврокомиссии Жан-Клоду Юнкеру измененными строками из самой известной песни мюзикла: «Don't cry for me, Jean-Claude Juncker». Представленные на карикатуре прецедентные высказывания отсылают реципиента к тексту песни, в которой говорится о том, что героиня, несмотря на совершенное ей, надеется на понимание и любовь, ведь по-другому в сложившейся ситуации не могла действовать. Зная особенности процесса выхода Великобритании из ЕС и позицию премьер-министра Мэй, реципиенты смогут расшифровать замысел автора этой карикатуры.

Подводя итог, следует сказать, что в британской политической карикатуре, освещающей процесс выхода Великобритании из ЕС, используется весь арсенал прецедентных феноменов, как визуальных, так и вербальных, и их сочетания. Интересной закономерностью можно считать, что большинство прецедентных феноменов со сферой-

источником «Литература» относится к национально обусловленным: прецедентные имена, образы и сюжеты заимствованы из английской литературы. В то же время прецедентные феномены со сферой-источником «Кино» заимствованы в большей степени из ставших уже классикой американских фильмов. Что касается прецедентных феноменов со сферами-источниками «Живопись» и «Мифология», то можно отметить их универсальность, так как они всемирно известны и признаны наследием всего человечества. С целью изображения сложной политической ситуации авторы нередко прибегают к синтезу прецедентных феноменов различных видов из нескольких сфер-источников, тем самым помогая реципиентам в процессе интерпретации их замысла. Для верной интерпретации смысла, заложенного в карикатуру, реципиентам необходимы фоновые лингвокультурологические знания, как актуальные, так и уже ставшие классическими. Однако в большинстве случаев используемые визуальные и вербальные прецедентные феномены рассчитаны на их восприятие массовым адресатом информации. Освещая Брексит, авторы делают акцент прежде всего на главном действующем лице — премьер-министре Великобритании соответствующего периода (Т. Мэй или Б. Джонсоне). Привлечение прецедентных феноменов в карикатурах позволяет авторам гиперболизировать сложившуюся ситуацию с затянувшимся Брекситом, указав на слабые места британской политической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багаева, Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / Д. В. Ба-

гаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. — Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. — 1997. — № 3. — С. 62—85.

2. Вольская, Н. Н. Прецедентные вербально-визуальные феномены как основа историографии в «Теребневской азбуке» — первой политической карикатуре в России / Н. Н. Вольская. — Текст : электронный // Медиаскоп : электронный научный журнал. — 2015. — № 3. — URL: <http://www.mediascope.ru/1803> (дата обращения: 24.08.2019).

3. Ворошилова, М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / М. Б. Ворошилова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2013. — 194 с.

4. Громова, Н. С. Креолизация текстов печатных СМИ как способ манипуляции адресатом / Н. С. Громова. — Текст : непосредственный // Грамота. — 2014. — № 8 (38). — Ч. 1. — С. 59—63.

5. Детинко, Ю. И. Интерпретация прецедентных визуальных образов в британском политическом дискурсе / Ю. И. Детинко, Р. И. Григорьев. — Текст : непосредственный // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2019. — № 1. — Т. 1. — С. 22—28.

6. Иванова, Е. А. Образ современной Европы в политической карикатуре / Е. А. Иванова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2018. — № 4 (70). — С. 77—86.

7. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — Москва : Алгоритм : Эксмо, 2006. — 864 с. — Текст : непосредственный.

8. Куренная, А. В. Сравнительный анализ метафоры в креолизованных текстах политической агитации США и Великобритании : автореф. научно-квалификационной работы / Куренная А. В. — Екатеринбург, 2018. — 20 с. — Текст : непосредственный.

9. Мардиева, Л. А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) / Л. А. Мардиева. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. — 2011. — № 3 (15). — С. 202—209.

10. Нахимова, Е. А. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации / Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2018. — № 1 (67). — С. 41—46.

11. Пикулева, Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Б. Пикулева. — Екатеринбург, 2003. — 23 с. — Текст : непосредственный.

12. Тихонова, С. А. Барак Обама как мишень прецедентности в политической карикатуре США / С. А. Тихонова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2013. — Вып. 1 (43). — С. 107—114.

13. Трифонова, А. В. Предвыборный плакат как креолизованный текст / А. В. Трифонова, Д. В. Шапочкин. — Текст : непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities. — 2018. — Т. 4. — № 4. — С. 61—73.

S. A. Tikhonova

Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russia

ORCID ID: 0000-0002-3767-9577

 E-mail: svetd@bk.ru.

Precedent Phenomena in British Political Cartoons on Brexit

ABSTRACT. *The article presents the results of an analysis of the British political cartoon published on the pages of British electronic mass media and Internet pages of British cartoonists over the period from 2017 to 2019. In the course of the study, the author looked at the peculiarities of usage of precedent phenomena with the source-sphere “Culture” in British cartoons devoted to the withdrawal of the United Kingdom from the European Union. The article analyzes examples of usage of both visual and verbal precedent phenomena from the following source-spheres: “Literature”, “Cinema”, “Mythology”, “Painting”, “History”, and “Music”. The majority of precedent phenomena with the source-sphere “Literature” are nationally specific – they include precedent names, images and plots borrowed from British literature. But the precedent phenomena with the source-sphere “Cinema” are more often borrowed from American movies that have almost become classics. The units with the source-spheres “Painting” and “Mythology” can be considered universal: they are world known and are treated as common heritage of mankind. In order to depict a complicated political situation, cartoon authors often resort to a synthesis of precedent phenomena of various kinds from different source-spheres, thus helping the recipients in the process of interpretation of their intention. To correctly interpret the meanings embodied in the cartoon the recipients need background linguoculturological knowledge, both urgent and nearly classical one. Highlighting Brexit, the authors emphasize, first of all, the main character – the British Prime Minister of the corresponding period (Theresa May or Boris Johnson). With the help of precedent phenomena, cartoons hyperbolize the situation with long, drawn-out Brexit and indicate weak points in the British political system.*

KEYWORDS: *creolized texts; political cartoons; precedent phenomena; Brexit; political discourse; political communication; Internet; Internet space; Internet resources; Internet discourse; Internet texts; English.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Tikhonova Svetlana Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian and Foreign Languages and Literature, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russia.*

FOR CITATION: *Tikhonova, S. A. Precedent Phenomena in British Political Cartoons on Brexit / S. A. Tikhonova // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 130-148. — DOI 10.26170/pl20-05-12.*

REFERENCES

1. Bagaeva, D. V. Cognitive Base and Precedent Phenomena in the System of Other Units and in Communication / D. V. Bagaeva, D. B. Gudkov, I. V. Zakharenko, V. V. Krasnykh. — Text : unmediated // Bulletin of Moscow University. Series 9, Philology. — 1997. — No. 3. — P. 62—85. [Kognitivnaya baza i pretsedentnye fenomeny v sisteme drugikh edinit i v kommunikatsii / D. V. Bagaeva, D. B. Gudkov, I. V. Zakharenko, V. V. Krasnykh. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya. — 1997. — № 3. — S. 62—85]. — (in Rus.)

2. Vol'skaya, N. N. Precedent Verbal-visual Phenomena as the Basis of Historiography in “Terebenevskaya Azbuka” — the First Political Caricature in Russia / N. N. Volskaya. — Text : electronic // MediaScope: electronic scientific journal. — 2015. [Pretsedentnye verbal'no-vizual'nye fenomeny kak osnova istoriografii v «Terebenevskoy azbuke» — pervoy politicheskoy karikature v Rossii / N. N. Vol'skaya. — Tekst : elektronnyy // Mediascope : elektronnyy nauchnyy zhurnal. — 2015. — № 3]. — URL: <http://www.mediascope.ru/1803> (date of access: 24.08.2019).

3. Voroshilova, M. B. Political Creolized Text: Keys to Reading / M. B. Voroshilova ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg : [s. 1.], 2013. — 194 p. [Politicheskiiy kreolizovannyi tekst: klyuchi k procheniyu / M. B. Voroshilova ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2013. — 194 s.]. — (In Rus.)
4. Gromova, N. S. Creolization of Printed Media Texts as a Way of Manipulating the Addressee / N. S. Gromova. — Text : unmediated // Certificate. — 2014. — No. 8 (38). — Part 1. — P. 59—63. [Kreolizatsiya tekstov pechatnykh SMI kak sposob manipulyatsii adresatov / N. S. Gromova. — Tekst : neposredstvennyy // Gramota. — 2014. — № 8 (38). — Ch. 1. — S. 59—63]. — (In Rus.)
5. Detinko, Yu. I. Interpretation of Precedent Visual Images in the British Political Discourse / Yu. I. Detinko, R. I. Grigoriev. — Text : unmediated // Bulletin of the Volga University named after V. N. Tatishchev. — 2019. — No. 1. — Vol. 1. — P. 22—28. [Interpretatsiya pretsedentnykh vizual'nykh obrazov v britanskom politicheskom diskurse / Yu. I. Detinko, R. I. Grigor'ev. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva. — 2019. — № 1. — T. 1. — S. 22—28]. — (In Rus.)
6. Ivanova, E. A. The Image of Modern Europe in Political Caricature / E. A. Ivanova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2018. — No. 4 (70). — P. 77—86. [Obraz sovremennoy Evropy v politicheskoy karikature / E. A. Ivanova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2018. — № 4 (70). — S. 77—86]. — (In Rus.)
7. Kara-Murza, S. G. Manipulation of Consciousness / S. G. Kara-Murza. — Moscow : Algorithm : Eksmo, 2006. — 864 p. — Text : unmediated. [Manipulyatsiya soznaniem / S. G. Kara-Murza. — Moskva : Algoritm : Eksmo, 2006. — 864 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
8. Kurennaya, A. V. Comparative Analysis of Metaphor in Creolized Texts of Political Agitation in the USA and Great Britain : synopsis of scientific and qualification work / Kurennaya A. V. — Ekaterinburg, 2018. — 20 p. — Text : unmediated. [Sravnitel'nyy analiz metafory v kreolizovannykh tekstakh politicheskoy agitatsii SShA i Velikobritanii : avtoref. nauchno-kvalifikatsionnoy raboty / Kurennaya A. V. — Ekaterinburg, 2018. — 20 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Mardieva, L. A. Collective Cultural Memory of Society (precedent visual images and phenomena) / L. A. Mardieva. — Text : unmediated // Bulletin of Perm University. — 2011. — No. 3 (15). — P. 202—209. [Kollektivnaya kul'turnaya pamyat' obshchestva (pretsedentnye vizual'nye obrazy i fenomeny) / L. A. Mardieva. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Permskogo universiteta. — 2011. — № 3 (15). — S. 202—209]. — (In Rus.)
10. Nakhimova, E. A. On the Classification and Differentiation of the Types of Precedent Phenomena in Political Communication / E. A. Nakhimova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2018. — No. 1 (67). — P. 41—46. [O klassifikatsii i differentsiatsii vidov pretsedentnykh fenomenov v politicheskoy kommunikatsii / E. A. Nakhimova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2018. — № 1 (67). — S. 41—46]. — (In Rus.)
11. Pikuleva, Yu. B. Precedent Cultural Sign in Modern Television Advertising: Linguoculturological Analysis : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Yu. B. Pikuleva. — Ekaterinburg, 2003. — 23 p. — Text : unmediated. [Pretsedentnyy kul'turnyy znak v sovremennoy televizionnoy reklame: lingvokul'turologicheskiy analiz : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Yu. B. Pikuleva. — Ekaterinburg, 2003. — 23 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
12. Tikhonova, S. A. Barack Obama as a Target of Precedent in the Political Caricature of the United States / S. A. Tikhonova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2013. — Iss. 1 (43). — P. 107—114. [Barak Obama kak mishen' pretsedentnosti v politicheskoy karikature SShA / S. A. Tikhonova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2013. — Vyp. 1 (43). — S. 107—114]. — (In Rus.)
13. Trifonova, A. V. Election Poster as a Creolized Text / A. V. Trifonova, D. V. Shapochkin. — Text : unmediated // Bulletin of the Tyumen State University. Humanities research. Humanities. — 2018. — Vol. 4. — No. 4. — P. 61—73. [Predvybornyy plakat kak kreolizovannyi tekst / A. V. Trifonova, D. V. Shapochkin. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanities. — 2018. — T. 4. — № 4. — S. 61—73]. — (In Rus.)

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.411.21'271.2:811.411.21'282
ББК Ш161-025.7 Ш161-55
DOI 10.26170/pl20-05-13

ГСНТИ 16.31.51

Код ВАК 10.02.19

П. Е. Дёмин

Военный университет Министерства обороны РФ, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-6288-9621

 E-mail: 89605748888@mail.ru.

Особенности международного общения и профессиональной иноязычной коммуникации в условиях разнообразия диалектов арабского языка

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается влияние территориальных диалектов арабского языка на процесс международного общения, иноязычной коммуникации и осуществление переводческой и дипломатической деятельности в целом. Переводчики-арабисты испытывают трудности в общении с носителями языка, так как не владеют особенностями разговорной речи, характерной для определенных территорий арабских стран. Принцип экономии речевых усилий, несоблюдение литературных грамматических правил, искажение произношения, использование новых и нестандартных сокращений и аббревиатур, а также разнообразие социальных, региональных, городских диалектов арабского языка являются главными препятствиями на пути осуществления эффективной иноязычной профессиональной коммуникации и установления полноценного контакта с представителями иностранного государства. Значительные отличия между городскими и сельскими диалектами в пределах одной страны, а также существование нескольких диалектов на одной территории заставляет специалиста-переводчика применять различные подходы и стратегии к работе с информацией, полученной в процессе общения, находить путь скорейшего адаптивования к условиям многоязычия и сложным языковым ситуациям, характерным для арабского языка. Определенную сложность в процесс перевода привносит существование в диалектах разных арабских стран абсолютных денотативных терминов-реалий, связанных в первую очередь с национально-государственными специфическими особенностями организации и структуры вооруженных сил, их исторического развития и организации боевой подготовки; и относительных денотативных терминов-реалий, являющихся результатом неодинакового членения внеязыковой действительности. Исходя из поставленных задач по преодолению этих многообразных препятствий в переводческой деятельности в статье приводятся некоторые примеры того, на какие именно особенности международного общения и иноязычной профессиональной коммуникации влияет разнообразие территориальных диалектов арабского языка, как это влияние препятствует работе специалистов и на что необходимо обращать особое внимание переводчикам при выполнении поставленных задач в оптимальные сроки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное общение; иноязычная коммуникация; арабский язык; территориальные диалекты; диалектология; переводческая деятельность; трудности перевода; переводчики; устные переводы; египетский диалект; иракский диалект; сирийский диалект; оманский диалект.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Демин Павел Евгеньевич, адъюнкт кафедры ближневосточных языков, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; 123001, Россия, г. Москва, Б. Садовая ул., д. 14; e-mail: 89605748888@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дёмин, П. Е. Особенности международного общения и профессиональной иноязычной коммуникации в условиях разнообразия диалектов арабского языка / П. Е. Дёмин // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 149-156. — DOI 10.26170/pl20-05-13.

Культура международного и межнационального общения — это совокупность специальных знаний и умений, а также соответствующих им поступков и действий, проявляющихся в межличностных контактах и взаимодействии представителей различных этнических общностей и позволяющих быстро и безболезненно достигать взаимопонимания и согласия в общих интересах.

Иноязычная коммуникация — это процесс обмена информацией и общения между людьми, говорящими на разных языках, во всех сферах человеческой деятельности.

Профессиональная подготовка переводчиков направлена на формирование спе-

циалиста, обладающего конкретными знаниями, навыками и умениями, способствующими его успешной профессиональной деятельности. Среди главных видов переводческой деятельности, таких как лингвистический анализ дискурса, устный и письменный перевод, учебно-познавательный процесс и иноязычная коммуникация, именно последний представляет значительный интерес.

Иноязычная коммуникация включает в себя следующие компоненты [Самигулина 2015]:

– восприятие аутентичной речи на слух со специфическим темпом, произношением и

характеристиками канала речи носителя языка;

- генерирование (порождение) речи на иностранном языке с анализом его фонетической организации, темпа, нормы и стиля;
- взаимодействие различных мировоззренческих идеологий и культурных традиций;
- учет личных особенностей коммуникаторов, что достигается за счет распознавания маркеров речевых характеристик человека на всех уровнях языка.

Несмотря на то что иноязычная коммуникация основывается на общих принципах общения, в конкретных случаях следует учитывать цели и задачи осуществления взаимодействия коммуникантов, их национальные и личностные особенности и характеристики, а также другие факторы [Гейдт, Лыкова www]. Помимо владения самим языком, диалектами и письменностью, выполнение особых функций коммуникации требует от специалистов определенного багажа знаний в сфере политической, экономической, социальной и культурной жизни страны изучаемого языка. Кроме этого, переводчик должен умело применять полученные знания на практике, что способствует более эффективному закреплению усвоенного материала.

Таким образом, работа переводчика не сводится лишь к использованию знания языка, его грамматики, значений слов. Профессиональная деятельность, связанная с применением изученного иностранного языка как средства международного общения на практике, невозможна без знания культуры носителей этого языка, их менталитета, образа жизни, традиций, некоторых религиозных и социальных норм и т. п. Эффективное и плодотворное общение с партнерами по мировому сообществу достигается только сочетанием знаний из двух областей — языка и культуры.

Процесс межкультурной коммуникации не только предполагает у профессионалов владение вербальными средствами общения, но и требует знаний в области особенностей невербальной коммуникации страны изучаемого языка. Это дает возможность переводчику предвидеть возможные варианты поведения партнеров по общению, а также благоприятно отражается на взаимодействии коммуникантов [Алексеева 2012].

Итак, перевод устной и письменной иноязычной речи не единственная задача переводчика. Как специалист он должен владеть навыками профессионального и делового общения, в том числе уметь адаптировать свою деятельность к смене различных территориальных диалектов. Процесс коммуни-

кации представляет собой сложный механизм, состоящий из отдельных «операций», каждая из которых выполняет свою особую функцию. И, как в любом механизме, при общении могут возникать трудности, вызванные определенными причинами. Одной из таких причин для переводчика, существенно влияющей на эффективность профессиональной коммуникации, является разнообразие территориальных диалектов страны изучаемого языка.

В арабском языке особенности употребления языковых средств связаны с наличием многочисленных территориальных, социальных, профессиональных, возрастных и других различий в обществе. Арабский литературный язык (АЛЯ) используется лишь на письме и в формальной речи образованных арабов, он имеет наддиалектный характер, но среди арабоязычных жителей земного шара существует множество иных вариантов арабского языка, и в первую очередь на языковые различия и трудности при переводе влияют принцип экономии речевых усилий и территориальный аспект. В последнем случае возможны четыре варианта:

- люди, говорящие на одном языке, проживают в разных, не граничащих друг с другом странах (иногда расположенных в разных регионах, например Марокко и Сирия);
- люди, говорящие на одном языке, проживают в разных странах, имеющих общую границу (например: Иордания и Ирак, Сирия и Ирак, Сирия и Иордания, Саудовская Аравия и Оман, Йемен и Оман и др.);
- люди, говорящие на одном языке, проживают в разных регионах одной страны (Саудовская Аравия, Египет, Ирак, Йемен и др.);
- люди, говорящие на одном языке, проживают в разных крупных городах одного региона страны (Сирия).

Использование одного языка в нескольких странах неизбежно ведет к тому, что он приобретает национальные черты конкретной страны. Более того, в пределах одной и той же страны в речи жителей некоторых территорий становятся заметны различия — появляются территориальные и городские диалекты [Трудности перевода и интерпретации диалектов www].

Существование территориальных диалектов значительно затрудняет работу переводчика и создает определенные трудности для осуществления успешного процесса иноязычной коммуникации. С одной стороны, диалект может выступать как исходный язык, и тогда от переводчика требуется лишь знание этого диалекта и специфики его употребления, а с другой стороны, диалек-

тальные формы могут употребляться для языковой характеристики отдельных личностей, в связи с чем задача переводчика усложняется необходимостью передачи характеристики территориальной принадлежности говорящего [Блинов 2009].

В этой ситуации частичное решение проблемы связывают с распространением социальных диалектов. Языковые особенности определенной группы людей зависят не только от территориальной принадлежности, но и социального положения ее членов. В большинстве стран существует социальное расслоение общества, которое оказывает влияние на речь людей, и наиболее распространенными являются различия между речью образованных людей, овладевших общенациональными кодифицированными языковыми нормами, и речью людей, не получивших достаточного образования для общения на языке, соответствующем литературным нормам.

Опыт практической деятельности переводчика показывает, что социальные и территориальные диалекты взаимосвязаны: речь малообразованных людей изобилует территориальными различиями, тогда как получение образования значительно снижает этот «эффект». Отдельный диалект может быть одновременно и территориальным, и социальным.

Распространение территориальных диалектов характерно для всех стран, но языковые фонетические, лексические, стилистические и другие различия особенно ярко выражены в странах арабского мира. Языковые особенности отдельных территорий одной страны осложняют процесс установления контакта с иноязычными коммуникантами и препятствуют их гармоничному взаимодействию.

В настоящее время существуют 14 основных диалектных вариантов арабского языка. Наиболее изученными (как в российской, так и в зарубежной арабистике) и широко употребляемыми диалектами являются [Горбунов 2014]:

- египетский диалект (Египет);
- иракский диалект (Ирак, Багдад);
- диалект стран Леванта (общее название стран восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Израиль, Иордания, Египет, Турция и др., в более узком смысле — Сирии, Палестины и Ливана);
- диалект стран Персидского залива (Королевство Саудовская Аравия, 7 Объединенных Арабских Эмиратов, Катар, Кувейт, Оман, Бахрейн).

Отдельно следует выделить мальтийский арабский — язык, почти идентичный тунисскому диалекту арабского, но в то же время являющийся единственной разновид-

ностью семитских языков, где используется латинский алфавит.

Важно понять, что основной особенностью арабских диалектов является то, что все они стремятся упростить литературный арабский язык — его лексику, произношение и даже нормативные правила. Принято полагать, что владение литературным арабским языком обеспечит человеку, находящемуся в арабских странах, полноценное общение и избавит от языковых проблем. Однако не следует забывать о том, что литературный арабский не является языком общения. В разговорной речи вы скорее всего столкнетесь с определенным диалектом арабского языка, выучить который возможно только при условии длительного пребывания или проживания на определенной территории арабского государства.

Именно этот факт вызывает трудности в профессиональной деятельности переводчика. Существование нескольких диалектов на одной территории заставляет специалиста использовать различные подходы к интерпретации полученной в процессе общения информации. Попробуем рассмотреть на примерах, какие именно особенности иноязычной профессиональной коммуникации вызывает разнообразие территориальных диалектов арабского языка.

ЕГИПЕТСКИЙ ДИАЛЕКТ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

В Арабской Республике Египет, географически поделенной на Нижний (Северный) Египет и Верхний (Южный) Египет, существуют два основных, современных, народных языка-диалекта [Багиров 2006]:

- нижеегипетский диалект;
- вышеегипетский диалект.

Нижеегипетский диалект по праву можно признать народным разговорным арабским языком. Это преимущественно язык жителей столицы Египта Каира. Вышеегипетский диалект относительно ближе к литературному арабскому языку, чем «каирский» диалект, хотя различия между ними незначительны.

Фонетический строй египетского диалекта заметно отличается от фонетики литературного арабского языка. В диалекте не артикулируются эмфатические звуки так, как этого требуют нормы фонетики литературного арабского языка. Фонетическое своеобразие диалекта обусловлено большим использованием, в частности, звуков [ш], [щ] и сочетанием звуков [щи] в конце отрицательных форм глагола во всех временах, в отрицательной форме повелительного наклонения, а также использованием приставок [б], изо-

бражаемой на письме буквой ب, и [x], избражаемой на письме буквой ح, перед глагольными формами в настоящем и будущем времени всех грамматических лиц, например: ما يعرفوش [ма ярафуш] — они не знают, не ведают; ما اعرفش [ма арафши] — я не знаю [Лашина www].

Сразу отличить каирский диалект можно по следующим особенностям: ج произносится как [г], а не как [дж] (пример: رجل [рагуль]); ق произносится как /ʔ/, а не как [q] (пример: شقة [ша'а]). Кроме того, в египетском арабском диалекте количество гласных звуков больше, чем в арабском литературном языке, т. е. если классический арабский язык ограничен тремя гласными — [a], [y], [i], то в этом диалекте артикулируются и краткие, и долгие [o], [э], [ы], [e], [ae], [э], а также [ю] [Фатхуллова 2012].

Необходимо отметить, что имена в египетском диалекте, как и в литературном арабском языке, имеют два рода: мужской и женский. Среднего рода нет. Также в египетском диалекте имена по падежам не склоняются и падежных окончаний не имеют, тогда как литературный арабский язык насчитывает три падежа: именительный, родительный и винительный [Ковалев, Шарбатов 2002].

Что касается лексики данного диалекта, можно привести некоторые примеры приветствий и прощаний, отличающихся от литературных вариантов. Например: «зайяк? زيك؟» или «иззайяк? ازيك؟», что означает «Как ты? Как поживаешь? Как дела?». Встречаются «зайяк, я бе? زيك يا بيه?» или «зайяку, я риггалья? زيكو يا رجالة?», означающие дословно соответственно «Как ты, о бек?» и «Как вы, мужики?». При прощании часто употребляются следующие обороты и выражения: «халлейна нушуфука خليلينا نشوفك», что означает «До встречи! Заходите»; «таржиа бисалямати ترجع بالسلامة», что означает «Счастливого пути» [Сейдаметова 2008].

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что египетский диалект — это реальный язык общения всех слоев египетского общества. Безусловно, вы не услышите его с экранов телевизоров в речи дикторов и не прочтете в прессе статью, написанную на египетском диалекте, но в обычной жизни (бытовой и социальной сфере) он используется повсеместно. И с трудом воспринимается теми, кто овладел лишь литературным арабским языком.

Переводчики-арабисты, впервые прибывшие в Египет и даже прожившие там несколько лет, также испытывают сложности в

своей профессиональной деятельности в силу того, что сталкиваются с непонятным для них диалектом, сложным для понимания и перевода. Отсюда вытекает необходимость включения в программу подготовки специалистов в области переводоведения изучения особенностей территориальных диалектов.

ИРАКСКИЙ ДИАЛЕКТ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Арабский и курдский языки являются официальными языками Республики Ирак. Иракский диалект арабского языка развивался параллельно с курдским и персидским разговорными языками. В 80 % случаях жители Ирака употребляют в своей жизни арабский язык, и только 20 % используют в быту курдский, который в основной массе распространен на территории Курдистана, однако молодое поколение в основном использует арабский язык. В письменности в Ираке используется арабский алфавит, дополненный национальными гласными звуками.

Иракский диалект арабского языка делится на три главные группы:

- северная часть страны — область Мосула;
- центральная часть страны — Багдад и ближайшие города, селения;
- южная часть страны — область Басры.

Отличительной чертой иракского диалекта арабского языка считают использование вместо литературного арабского «к» звука «ч», звучание которого необычно для большинства арабов. Тем не менее иракский диалект понимают жители арабских стран от Саудовской Аравии и до Сирии.

Также отмечают следующие особенности диалекта:

- использование знака «хамза» для передачи согласного звука, так как в арабском языке слова не могут начинаться на гласный звук;
- звук «ль» в литературном арабском — мягкий, кроме слова «Аллах» /элла:h/, а в иракском диалекте твердый, если стоит между шумными согласными;
- вместо дифтонгов литературного арабского /эй/ и /эу/ в иракском диалекте используются долгие гласные звуки /e:/ и /o:/: «бе:т» вместо «бейт».

Как и любой современный язык, арабский имеет две формы: литературный язык (его используют СМИ, на нем ведутся официальные переговоры, печатается научная литература) и разговорный язык (используется повсеместно в быту, даже учителями в разговоре с учащимися). Иракцы изучают литературный арабский в учебных учреждениях как иностранный язык [Иракский диалект арабского языка... www].

СИРИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Прежде всего это сиро-палестинские диалектные варианты арабского языка, распространенные в Западной Сирии. По некоторым оценкам, на 2001 г. число носителей составляло около 14,6 млн человек. В русскоязычной литературе используемое название «сирийский» может применяться ко всем сиро-палестинским диалектам. Сирийский диалект арабского языка делится на северный, западный и центральный субдиалекты, которые, в свою очередь, различаются как городские и сельские. Как и во всех северо-levantийских, в сирийских диалектах сохраняется произношение /k/, а межзубные /θ, ð, ðˤ/ (ðˤ — звонкий фарингальный щелевой согласный) стали /t, d, dˤ/. Аффриката /dʒ/ перешла в /z/ во всех, кроме северных. Звук /q/ по большей части перешел в /ʔ/ (? — гортанная смычка) [Международный фонетический алфавит www], но сохранился в немногих сельских диалектах и в говорах друзов (этноконфессиональная группа арабов в Ливане, Сирии, Иордании и в Израиле).

По части гласных для северо-levantийского диалекта характерны два факта: тафхим (переход /a:/ в /o:/ в контексте задних согласных) и ималля (переход /a:/ в /ɛ:/ в контексте передних согласных). К северу данная тенденция усиливается. Дифтонги /aj/ и /aw/ в городских диалектах перешли в /e:/ и /o:/, ударные краткие /i/ и /u/ стремятся к /ə/.

Также характерными чертами сирийских диалектов являются утрата различия родов во множественном числе и отрицательная частица *tu*: [Сирийский диалект арабского языка www].

ОМАНСКИЙ ДИАЛЕКТ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Особое место занимают диалекты Аравийского полуострова, которые по всем параметрам наиболее близки арабскому литературному языку. Но вместе с тем у каждого из диалектов своя специфика, причем на всех языковых уровнях: фонетическом, грамматическом, синтаксическом и лексическом, что в совокупности и создает их существенные отличия от АЛЯ.

Среди аравийских диалектов наибольший интерес для российской арабистики представляет диалект Омана. Этот язык неоднороден из-за длительного разделения страны в XIII—XIX вв. на Внутренний Оман и Оман прибрежный (Маскат). Носители оманских наречий и говоров понимают друг друга без особого труда, но различия в них всё же имеются. Так, язык Мусандама, близкого к

Ирану географически, включает большое количество элементов языка фарси, а южный язык Дофара очень близок к йеменскому диалекту [Арабский язык. Аравийский диалект 2009]. Всё же основным считается столичный диалект Маската — *المسقطية* (аль-маскатыйя), используемый в оманском кинематографе и телепередачах.

Аль-маскатыйя очень близок к арабскому литературному языку и вместе с тем имеет ряд особенностей. Среди его характерных фонетических черт нужно выделить [Зарытовская 2019]:

а) так называемое упрощение хамзы (гортанной смычки) — *تسهيل الهمزة* (*tasgilu-l-gamza*), что выражается в исключении этого труднопроизносимого звука из слова либо превращении его в долгий /a/. Например, литературный вариант фразы «я увидел» *يَأْكُلُ* (*ya'kul*), а диалектный — *يَاكُلُ* (*yakul*), а фразы «он пришёл» — *جاء* (*ja'a*) и *جا* (*ja*) соответственно. Как видно, происходит упрощение и в начале слова и в конце, где хамза стирается вовсе, а в середине она превращается в долгий /a/;

б) «каирский джим» — *الجيم القاهرية* (*al-jimu-l-kagiriyya* *جب* (*gib* вместо *jib*) или «гора»), букву, называемую так по причине её произношения не как «j» в соответствии с арабской литературной филологической традицией, а как «g». Например, «принеси» — *جبل* (*gabal* вместо *jabal*);

в) отступление от принципа, согласно которому в арабском литературном языке слово не может начинаться на две согласные подряд. В некоторых диалектах, в том числе и оманском, первая огласовка бывает нулевой (сукун). Это характерно для некоторых форм глаголов, глаголов в повелительном наклонении и причастий с приставкой «*tu*». Например: «жалующийся, жалобщик» — *مشتكي* (*mshtaki* вместо *mushtaki*), «пиши» — *كتب* (*ktub* вместо *uktub*), «посоветуемся» — *نتشاور* (*ntshawar* вместо *natashawar*).

С точки зрения лексического состава в оманском диалекте можно выделить:

а) слова, совпадающие со своими литературными аналогами (в основном религиозные и общеупотребительные): *باب* (*baab*) — дверь, *الجنة* (*al-janna*) — рай;

б) слова литературного происхождения с изменённым значением согласно оманскому диалекту: *بغى* (*baghaa*) — «хотеть» вместо «намереваться», *وقاية* (*wiqaaya*) — «хиджаб» вместо «защита»;

в) слова местного употребления, но с арабским корнем: *لئت* (*latta*) — нагнать, *غاوي* (*ghaawii*) — прекрасный;

г) слова, заимствованные из восточноафриканских языков, фарси, хинди, английского: سبيتار (spitar) — больница (англ.), دريشة (driisha) — окно (фарси) и др.

Среди грамматических особенностей рассматриваемого диалекта отметим [Al-Balushi 2016]:

а) образование множественного числа одушевленных существительных мужского рода происходит с помощью видоизмененного окончания «i:na», употребляемого не в именительном, как в литературном арабском языке, а косвенном падеже — «iina». Например, «англичане» — إنجليزيين — إنجليزي (ingliiziyyu — ingliiziyyiin вместо ingliiz);

б) иное произношение части личных и указательных местоимений, а также вопросительных слов в оманском диалекте, при котором все же заметно влияние литературного варианта. Например, литературный вариант местоимения «мы» — نحن (nahnu), а диалектный — احنا (ihnaa), а фразы наречия «так, таким образом» — كذا (kaathaa) и هكذا (haakathaa) соответственно;

в) слитное местоимение второго лица женского рода в косвенных падежах (твой, тебя, тобой, тебе и т. д. при обращении к женщине) в оманском диалекте представляет собой «щин», а не «кяф», как в литературном и других диалектах арабского языка:

حالش (haalish) — твои (ж.) дела, بنتش (bintish) — твоя (ж.) дочь и др.;

г) личные окончания глаголов настоящего времени во мн. ч. 3 л. м. р. и ед. ч. 2 л. ж. р. демонстрируют соответственно долготу «на -у» и долготу «на -и» вместо отсутствия долготы вообще в м. р. и окончания *iina* в ж. р. в литературном арабском:

تدخلو (tadhuluu вместо tadhulu) — «ты (м.) входишь», تدخلي (tadhulii вместо tadhuliiina) — «ты (ж.) входишь».

Представленные в статье особенности оманского диалекта арабского языка указывают на то, что местный диалект активно развивается в двух направлениях:

1) отмечается стремление к упрощению фонетических и грамматических конструкций, что проявляется в замене труднопроизносимых звуков и сокращении парадигмы словоизменения;

2) наблюдается отдаление лексического состава разговорного языка от классического варианта арабского за счет заимствований из западноевропейских языков, фарси, хинди и суахили, характерных для бытовой и общеупотребительной лексики.

Итак, проанализировав характерные черты четырех диалектов арабского языка, а именно египетского, иракского, сирийского и

оманского, мы можем подвести некоторые итоги.

Явление языковой диглоссии (параллельное существование литературного языка и диалекта) наблюдается во всех арабских странах и на сегодняшний день признается достаточно серьезной проблемой [Диглоссия как специфическое языковое явление www].

Территориальные диалекты имеют свои ярко выраженные признаки — фонетические, лексические, морфологические и другие. Выбор той или иной формы языка происходит под влиянием ситуации общения или предмета речи. Проще говоря, обсуждение серьезных вопросов, деловое общение, официальные встречи и т. д. подразумевают использование литературного арабского языка, тогда как диалекты характерны исключительно для разговорной речи, хотя и тут бывают нередкие случаи неосознанного перехода арабов с литературного языка на диалект.

Наибольшая сложность при переводе диалектов арабского языка заключается в различии их словарного состава, так как многие слова из литературного словаря имеют другое значение в диалектах. Также к путанице при переводе часто приводит и отличное от литературного языка фонетическое оформление слов.

Многие арабисты, изучавшие литературный арабский язык, «наталкиваются» на барьер непонимания этого языка на первых порах пребывания в арабских странах, даже работая в качестве переводчиков в течение ряда лет и в разных учреждениях. В этой ситуации хочется отметить, что необходимо параллельно с литературным языком изучать фонетические и лексические особенности, разговорную и письменную речь диалекта.

Еще на стадии обучения в вузе следует включить в процесс обучения арабскому языку больше материалов, связанных именно с разговорной речью, с употреблением диалектизмов, а также объяснить, что такое принцип экономии речевых усилий, и разработать несложную стратегию адаптации к его действию. Подобная практика поможет глубже погрузиться в культуру и национальную специфику того или иного арабского народа и будет способствовать полноценному и адаптированному к местным условиям контакту с носителями различных территориальных диалектов во всех сферах межкультурного общения и профессиональной иноязычной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие / И. С. Алексеева. — Санкт-Петербург : Филол. фак. СПбГУ ; Москва : Изд. центр «Академия», 2012. — 368 с. — Текст : непосредственный.

2. Арабский язык. Аравийский диалект : самоучитель. — Москва : Диля, 2009. — 593 с. — Текст : непосредственный.
3. Багиров, А. Г. Египетский арабский диалект / А. Г. Багиров. — Москва : Арастун, 2006. — 560 с. — Текст : непосредственный.
4. Блинов, А. А. Территориальные варианты арабского литературного языка и их отражение в прессе (на основе газетных материалов Туниса, Саудовской Аравии и Египта) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Блинов А. А. — Москва, 2009. — 19 с. — Текст : непосредственный.
5. Гейдт, В. К. К вопросу об иноязычной коммуникативной компетенции / В. К. Гейдт, Т. Р. Лыкова. — Текст : электронный // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». — URL: <http://scienceforum.ru/2018/article/2018005950> (дата обращения: 12.03.2020).
6. Горбунов, А. Ю. Арабский язык как один из глобальных языков / А. Ю. Горбунов. — Текст : электронный // Огарев-online. — 2014. — № 20. — 4 с. — URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/arabskijj-yazyk-kak-odin-iz-globalnykh-yazykov> (дата обращения: 12.03.2020).
7. Диглоссия как специфическое языковое явление. — URL: https://studbooks.net/782086/literatura/diglossiya_spetsificheskoe_yazykovoe_yavlenie (дата обращения: 12.03.2020). — Текст : электронный.
8. Зарытовская, В. Н. Оманский диалект арабского языка: историко-лингвистическое описание / В. Н. Зарытовская. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — № 10. — С. 302—307.
9. Иракский диалект арабского языка / Компания «Всеукраинский центр иностранных языков UA». — URL: <https://center-ua.com/interesno-znat/dialekty-vseh-yazykov/irakskij-dialekt-arabskogo-yazyka/> (дата обращения: 19.04.2020). — Текст : электронный.
10. Ковалев, А. А. Учебник арабского языка / А. А. Ковалев, Г. Ш. Шарбатов. — Москва : Изд. фирма РАН «Восточная литература», 2002. — 751 с. — Текст : непосредственный.
11. Лашина, М. С. О некоторых особенностях египетского диалекта / М. С. Лапина. — URL: https://pgu.ru/upload/iblock/fe7/uch_2008_vi_00012.pdf (дата обращения: 12.03.2020). — Текст : электронный.
12. Международный фонетический алфавит // Википедия : свободная энцикл. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Международный_фонетический_алфавит (дата обращения: 25.05.2020). — Текст : электронный.
13. Самигуллина, А. М. Особенности профессиональной подготовки будущих переводчиков / А. М. Самигуллина. — Текст : непосредственный // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 3.
14. Сейдаметова, З. М. Диалекты арабского языка / З. М. Сейдаметова. — Текст : непосредственный // Культура народов Причерноморья : науч. журн. — 2008. — № 128. — С. 131—133.
15. Сирийский диалект арабского языка // Википедия : свободная энцикл. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сирийский_диалект_арабского_языка (дата обращения: 18.04.2020). — Текст : электронный.
16. Трудности перевода и интерпретации диалектов. — URL: <http://www.ц-нп.рф/stati/2016-10-22/trudnosti-perevoda-i-interpretacii-dialektov> (дата обращения: 12.03.2020). — Текст : электронный.
17. Фатхуллова, Э. Ш. Арабский язык в контексте развития египетского диалекта арабского языка на территории Республики Египет : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Фатхуллова Э. Ш. — Йошкар-Ола, 2012. — 24 с. — Текст : непосредственный.
18. Al-Balushi, R. Omani Arabic: More than a Dialect / R. Al-Balushi. — Text : unmediated // *Macrolinguistics*. — 2016. — Vol. 4. — № 4. — P. 80—125.

P. E. Demin

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-6288-9621

 E-mail: 89605748888@mail.ru.

Specificities of International and Foreign Language Professional Communication in the Face of a Diversity of Arabic Dialects

ABSTRACT. *The article deals with the impact of Arabic territorial dialects in international foreign language communication and interpretation and diplomatic activities in general. Arabic language interpreters have difficulties communicating with native Arabic speakers due to lack of spoken language knowledge that must be applied to a certain territory in Arab countries. The principle of speech efforts economy, failure to comply with official grammar rules, garbled speech, use of new and non-standard words and abbreviations, as well as the diversity of social, regional, and urban dialects of the Arabic language are the main obstacles to effective foreign-language professional communication and establishment of full contact with representatives of other countries. Considerable differences between urban and rural dialects within one Arabic country and the existence of several dialects on the same territory are requiring from the interpreter to use different approaches and strategies to work with the information obtained in the process of communication, to find a way to adapt as soon as possible to the conditions of multilingualism and the complex linguistic situations which are typical of the Arabic language. A certain difficulty for the interpreter is brought about by the existence in the dialects of different Arab countries of absolute denotative terms-realities, primarily related to the national specificity of the organization and structure of the armed forces, their historical development and organization of combat training and the existence of relational denotative terms-realities, which are the result of the uneven segmentation of extra-linguistic reality. According to the tasks to overcome these various obstacles in translation and interpreting activities, the article gives some examples of what specificities of international and foreign-language professional communication are influenced by the diversity of territorial dialects of the Arabic language, how this impact complicates the work of specialists, and what points should interpreters pay special attention to in order to perform the tasks in optimal time.*

KEYWORDS: *international communication; foreign language communication; Arabic; territorial dialects; dialectology; translation; translation difficulties; interpreters; interpretations; Egyptian dialect; Iraqi dialect; Syrian dialect; Omani dialect.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Demin Pavel Evgen'evich, Adjunct of Department of Middle Eastern Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Demin, P. E. Specificities of International and Foreign Language Professional Communication in the Face of a Diversity of Arabic Dialects / P. E. Demin // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 149-156. — DOI 10.26170/pl20-05-13.*

REFERENCES

1. Alekseeva, I. S. Introduction to Translation : teaching aid / I. S. Alekseeva. — St. Petersburg : Philol. depart. of SPbSU ; Moscow : Publishing house “Academy”, 2012. — 368 p. — Text : unmediated. [Vvedenie v perevodovedenie : ucheb. posobie / I. S. Alekseeva. — Sankt-Peterburg : Filol. fak. SPbGU ; Moskva : Izd. tsentr «Akademiya», 2012. — 368 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
2. Arabic. Arabian Dialect: self-study guide. — Moscow : Dilya, 2009. — 593 p. — Text : unmediated. [Arabskiy yazyk. Araviyskiy dialekt : samouchitel'. — Moskva : Dilya, 2009. — 593 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
3. Bagirov, A. G. Egyptian Arabic Dialect / A. G. Bagirov. — Moscow : Arastun, 2006. — 560 p. — Text : unmediated. [Egipetskiy arabskiy dialekt / A. G. Bagirov. — Moskva : Arastun, 2006. — 560 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
4. Blinov, A. A. Territorial Variants of the Arabic Literary Language and Their Reflection in the Press (based on newspaper materials from Tunisia, Saudi Arabia and Egypt) : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Blinov A. A. — Moscow, 2009. — 19 p. — Text : unmediated. [Territorial'nye varianty arabskogo literaturnogo yazyka i ikh otrazhenie v presse (na osnove gazetnykh materialov Tunisa, Saudovskoy Aravii i Egipta) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Blinov A. A. — Moskva, 2009. — 19 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
5. Geydt, V. K. To the Question of Foreign Language Communicative Competence / V. K. Geydt, T. R. Lykova. — Text : electronic // Materials of the X International Student Scientific Conference “Student Scientific Forum”. [K voprosu ob inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii / V. K. Geydt, T. R. Lykova. — Tekst : elektronnyy // Materialy X Mezhdunarodnoy studencheskoy nauchnoy konferentsii «Studencheskiy nauchnyy forum»]. — URL: <http://scienceforum.ru/2018/article/2018005950> (date of access: 12.03.2020).
6. Gorbunov, A. Yu. Arabic Language as One of the Global Languages / A. Yu. Gorbunov. — Text : electronic // Ogarev-online. — 2014. — No. 20. — 4 p. [Arabskiy yazyk kak odin iz global'nykh yazykov / A. Yu. Gorbunov. — Tekst : elektronnyy // Ogarev-online. — 2014. — № 20. — 4 c.]. — URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/arabskiy-yazyk-kak-odin-iz-globalnykh-yazykov> (date of access: 12.03.2020).
7. Diglossia as a Specific Linguistic Phenomenon. [Diglossiya kak spetsificheskoe yazykovoe yavlenie]. — URL: https://studbooks.net/782086/literatura/diglossiya_spetsificheskoe_yazykovoe_yavlenie (date of access: 12.03.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
8. Zarytovskaya, V. N. Oman Dialect of the Arabic Language: a Historical and Linguistic Description / V. N. Zarytovskaya. — Text : unmediated // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. — 2019. — No. 10. — P. 302—307. [Omanskiy dialekt arabskogo yazyka: istoriko-lingvisticheskoe opisanie / V. N. Zarytovskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — 2019. — № 10. — S. 302—307]. — (In Rus.)
9. Iraqi Dialect of the Arabic Language / Company “All-Ukrainian Center for Foreign Languages UA”. [Irakskiy dialekt arabskogo yazyka / Kompaniya «Vseukrainskiy tsentr inostrannykh yazykov UA»]. — URL: <https://center-ua.com/interesnoznat/dialekty-vseh-yazykov/irakskiy-dialekt-arabskogo-yazyka/> amp (date of access: 19.04.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
10. Kovalev, A. A. Textbook of the Arabic Language / A. A. Kovalev, G. Sh. Sharbatov. — Moscow : Publishing house of RAS “Eastern Literature”, 2002. — 751 p. — Text : unmediated. [Uchebnik arabskogo yazyka / A. A. Kovalev, G. Sh. Sharbatov. — Moskva : Izd. firma RAN «Vostochnaya literatura», 2002. — 751 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
11. Lashina, M. S. On Some Features of the Egyptian Dialect / M. S. Lapshina. [O nekotorykh osobennostyakh egipetskogo dialekta / M. S. Lapshina]. — URL: https://pgu.ru/upload/iblock/fe7/uch_2008_vi_00012.pdf (date of access: 12.03.2020). — Text : electronic.
12. International Phonetic Alphabet // Wikipedia: Free Encyclopedia. [Mezhdunarodnyy foneticheskiy alfavit // Vikipediya : svobodnaya entsikl.]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Mezhdunarodnyy_foneticheskiy_alfavit (date of access: 25.05.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
13. Samigullina, A. M. Features of Professional Training of Future Translators / A. M. Samigullina. — Text : unmediated // Modern Problems of Science and Education. — 2015. — No. 3. [Osobennosti professional'noy podgotovki budushchikh perevodchikov / A. M. Samigullina. — Tekst : neposredstvennyy // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. — 2015. — № 3]. — (In Rus.)
14. Seydametova, Z. M. Dialects of the Arabic Language / Z. M. Seydametova. — Text : unmediated // Culture of the Peoples of the Black Sea Region : scientific magazine. — 2008. — No. 128. — P. 131—133. [Dialekty arabskogo yazyka / Z. M. Seydametova. — Tekst : neposredstvennyy // Kul'tura narodov Prichernomor'ya : nauch. zhurn. — 2008. — № 128. — S. 131—133]. — (In Rus.)
15. Syriac Dialect of the Arabic Language // Wikipedia : free encyclopedia. [Siriyskiy dialekt arabskogo yazyka // Vikipediya : svobodnaya entsikl.]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Siriyskiy_dialekt_arabskogo_yazyka (date of access: 18.04.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
16. Difficulties in Translation and Interpretation of Dialects [Trudnosti perevoda i interpretatsii dialektov]. — URL: <http://www.ts-np.rf/stati/2016-10-22/trudnosti-perevoda-i-interpretatsii-dialektov> (date of access: 12.03.2020). — Text : electronic.
17. Fatkhullova, E. Sh. The Arabic Language in the Context of the Development of the Egyptian Dialect of the Arabic Language in the Territory of the Republic of Egypt : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Fatkhullova E. Sh. — Yoshkar-Ola, 2012. — 24 p. — Text : unmediated. [Arabskiy yazyk v kontekste razvitiya egipetskogo dialekta arabskogo yazyka na territorii Respubliki Egipt : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Fatkhullova E. Sh. — Yoshkar-Ola, 2012. — 24 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
18. Al-Balushi, R. Omani Arabic: More than a Dialect / R. Al-Balushi. — Text : unmediated // Macrolinguistics. — 2016. — Vol. 4. — № 4. — P. 80—125.

Е. В. ЧелпановаЮжно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-4088-7836 **Н. Е. Кунина**Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия
ORCID ID: — **E-mail:** chelpanovaev@cspu.ru; kuninane@cspu.ru.**Концепт «state» сквозь призму коммуникативных интенций антиутопического художественного дискурса**

АННОТАЦИЯ. *Объектом исследования является антиутопический художественный дискурс. Выявлена специфическая цель художественного дискурса — воздействие на «духовное пространство» читателя, на систему ценностей, знаний, личностных ориентиров. Чтобы достичь этой цели, автор художественного дискурса может манипулировать историческими реалиями и источниками информации. В художественном дискурсе категория лжи или правды относительно объективной реальности теряет смысл. В попытке повлиять на внутренний мир читателя как реципиента писателями активизируются как текстовые (языковые), так и внетекстовые (концептуальные) ресурсы, а именно фоновые знания читателя, социальные концепты, характерные для общества. Одним из доминирующих концептов англоязычного антиутопического художественного дискурса является концепт «state».*

В статье рассматриваются средства, которыми авторы англоязычных антиутопий выражают свое отношение к институту государства. Данные средства представлены в рамках анализа авторских коммуникативных интенций. В статье доказывается ведущая роль побудительно-активизирующей и устрашающе-предупредительной коммуникативных интенций в художественном футуристическом дискурсе через описание прагматических способов объективации концепта «state». Данный концепт репрезентируется авторами путем экспликации признаков и компонентов, присущих не только индивидуальному сознанию и стилю писателей, но и идеологии целых поколений. Статья описывает тактики и стратегии, используемые авторами для реализации первоначальных интенций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *концепты; государство; антиутопия; художественный дискурс; художественные тексты; антиутопический дискурс; коммуникативные интенции; коммуникативные намерения; коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; английский язык.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Челпанова Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка и методики обучения английскому языку, факультет иностранных языков, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69; e-mail: chelpanovaev@cspu.ru.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Кунина Наталья Ефимовна, кандидат филологических наук, доцент, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69; e-mail: kuninane@cspu.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Челпанова, Е. В. Концепт «state» сквозь призму коммуникативных интенций антиутопического художественного дискурса / Е. В. Челпанова, Н. Е. Кунина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 157-163. — DOI 10.26170/pl20-05-14.*

БЛАГОДАРНОСТИ. *Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева» в рамках научно-исследовательской работы «Дискурс кризиса: уроки прошлого и вызовы настоящего (на примере английского языка)».*

В данной работе рассмотрены средства презентации авторами англоязычных антиутопий своего отношения к институту государства в рамках анализа их коммуникативных интенций.

Коммуникативная интенция, также называемая «коммуникативное намерение», обозначает конкретную цель создания текста. Интенция отражает потребности, мотивы и мысли автора текста. Коммуникативная интенция неразрывно связана с прагматической составляющей дискурса. Лингвопрагма-

тические основания общения, включающие прагматические установки говорящего/пишущего, характер отбора языковых средств для достижения целей коммуникации, рассмотрены в знаменитой статье Г. П. Грайса «Логика и речевое общение» [Грайс 2001: 171—194], где теоретически обосновано лингвопрагматическое описание речевых произведений с точки зрения их соответствия/несоответствия целям коммуникации и правилам речевого поведения. Любой текст реализует определенную коммуникативную интенцию

(намерение, задачу): 1) сообщить, констатировать (описание); 2) рассказать, изобразить (повествование); 3) сравнить, резюмировать, обобщить (определение, объяснение); 4) обосновать, доказать, опровергнуть, разоблачить (аргументация, рассуждение); 5) побудить, просить, приказать (инструктаж) [Валгина 2004: 60].

В рамках дискурс-анализа коммуникативная интенция — это субъективное значение высказывания, намерение говорящего или пишущего получить с его помощью определенный результат.

Дискурсом (от франц. *discours* — речь) называется связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами — психологическими, социокультурными и др. Размежевание терминов «текст» и «дискурс» произошло в 70—80-е гг. Под дискурсом стали понимать разные виды актуализации текстов с учетом экстралингвистических показателей [Валгина 2004; Бисималиева 1999].

Научное понятие «дискурс» получило развитие в трудах таких зарубежных лингвистов, как Т. А. ван Дейк, В. Кинч, Э. Бенвенист, М. Стаббс, П. Серию. Отечественные лингвистические исследования В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, А. Н. Баранова, Е. С. Кубряковой, А. П. Чудинова, С. Л. Кушнерук внесли значительный вклад в изучение разновидностей дискурса (политического, экологического, рекламного, спортивного и др.). Разнообразие видов человеческой деятельности, порождающих собственные виды дискурса со специфической лексикой и стилистикой, открывает безграничные возможности исследования дискурсивных разновидностей.

Объект нашего исследования — антиутопический художественный дискурс. Художественный дискурс полиморфен, он может сочетать признаки разных видов дискурса, политического или религиозного, дискурса бытового диалога [Dijk 1981: 101; Самарская 2012], неся на себе печать культуры определенного этапа в истории общества. Художественные тексты могут несущественно отличаться от других типов дискурса по языковым, грамматическим и семантическим признакам, обладая, однако, уникальностью иного рода.

Развивая мысль Т. А. ван Дейка [Dijk 1979: 143], художественный дискурс может быть представлен как коммуникативный акт, в котором интенции, традиционные для межличностной коммуникации и других типов дискурса (в частности, вопрос, утверждение, угроза, обещание), не являются облигаторными. Главная цель художественного дискурса — воздействие на «духовное пространство» читателя как реципиента с целью

повлиять на него, внести в него изменения. Под духовным пространством понимается система ценностей, знаний, взгляды на жизнь, желания, личностные ориентиры. Данная интенция художественного дискурса признана лингвистами основной и рассмотрена в ряде исследований: Н. Л. Галеевой, Н. А. Кулибиной, В. А. Миловидова. Н. Л. Галеева замечает: «Текст, содержащий параметр художественности, пробуждает рефлексию, приводящую к образованию некоторого пространства понимания, где рефлексия фиксируется в виде духовных сущностей — смыслов и идей, которые, в свою очередь, способны обогащать духовное пространство человека. Под духовным пространством понимается при этом совокупность смысловых, идейных парадигм, ценностей, чувств, представлений, знаний, понятий, веры, общекультурных феноменов» [Галеева 1999: 90].

Т. А. Самарская возвышает читателя от объекта воздействия до субъекта отношений «автор — читатель», предлагая понимать под *художественным дискурсом* «социокультурное взаимодействие между писателем и читателем, вовлекающее в свою сферу культурные, эстетические, социальные ценности, личные знания, знания о мире и отношение к действительности, систему убеждений, представлений, верований, чувств и представляющее собой попытку изменить „духовное пространство“ человека и вызвать у него определенную эмоциональную реакцию» [Самарская 2012].

Очевидно, что по коммуникативной интенции воздействия и влияния на систему ценностей и взглядов адресата художественный дискурс наиболее близок к дискурсу политическому, а в особенности идеологическому. Однако и между ними существует значительная разница: автор двух последних несет ответственность за соответствие своих утверждений истине. Если он исказит факты и источники информации, это будет ложью. В художественном же дискурсе категория правды и лжи относительно объективной реальности теряет смысл. Автор художественного дискурса не несет ответственности за истинность своих утверждений. «Более того, любое искажение им источников информации, на которые он ссылается, любые манипуляции с историческими реалиями и другими имевшими место событиями или текстами не являются ложными в прямом понимании этого слова — они служат специфичным целям художественного дискурса» [Самарская 2012].

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что основные коммуникативные интенции художественного дискурса призва-

ны не только рассказать читателю о каких-либо событиях, но и оказать воздействие на его внутренний мир. В этом воздействии активизированы как текстовые, так и внетекстовые ресурсы — фоновые знания читателя, социальные концепты, характерные для общества, членом которого является читатель.

Процесс воздействия на читателя осуществляется с помощью концептуальных и языковых средств: концептуальные средства апеллируют к смыслу, стоящему за словесными знаками и построенному на концептах в сознании читателя, языковые реализуют семантическую многоуровневость текста, актуализацию скрытых смыслов слова, создающих новое видение мира и его оценку, многоплановость, смысловые наращивания. Под языковыми средствами презентации понимаются тропы и лексика, употребляемые автором в художественном тексте и служащие средством выражения отношения к объекту высказывания.

Что такое концептуальные средства презентации? Для лучшего понимания этого феномена рассмотрим термин «концепт».

Изучение когнитивных, т. е. процессов усвоения, накопления и использования информации человеком, началось в лингвистике 80-х гг. прошлого столетия. Лингвисты-когнитологи фокусируют внимание не на коммуникативной функции языка, а на когнитивно-познавательной, руководствуясь тем, что язык отражает процесс познания, выступая в качестве основного средства выражения мысли [Пименова 2013: 127]. Объектом исследований в когнитивной лингвистике выступает концептуальная картина мира. Под термином «концепт» понимается «некое представление о фрагменте мира, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, объективируемых в закрепленных и свободных формах сочетаний соответствующих языковых единиц — репрезентантов концепта» [Пименова 2004: 10].

Исследованиям концептов посвящены работы З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Е. С. Кубряковой, А. Вежицкой, М. В. Пименной, где концепт — это глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания [Попова, Стернин 1999: 64—68]. В силу этого концепт имеет определенную, хотя и не жесткую структуру. Он состоит из компонентов (концептуальных признаков), т. е. отдельных признаков объективной и субъективной действительности. Эти признаки отражены в содержании концепта и обладают разной степенью абстрактности от ядерного, предельно конкретно-образного, до периферийного высокой степени абстрактности. Слои по отно-

шению друг к другу являются производными. Возрастание абстрактности зависит от каждого последующего уровня.

Концептуальные признаки дифференцируются на мотивирующие и понятийные. Мотивирующие признаки закреплены во внутренней форме слова и служат основой для развития понятийных признаков. Понятийные признаки — семантические компоненты лексемы, репрезентирующей концепт [Пименова, Кондратьева 2011: 114—117].

В центре нашего исследования — концепт «государство», ключевым репрезентантом которого в английском языке является слово «state». Выявляя этимологию репрезентанта на основе анализа этимологических и историко-этимологических словарей, определяя мотивирующие признаки концепта, рассматривая понятийные признаки в ходе анализа словарных дефиниций в толковых словарях [Челпанова 2019: 151—158], мы опирались на методику Кемеровской школы. Несмотря на размытость границ между классами концептов и единство концептуальной системы, представители данной школы составили классификацию концептов [Пименова 2011, 2013: 129], согласно которой «государство» — базовый социальный концепт, семантически связанный с концептами стран (*страна, общество*), социального статуса (*правительство, элита*), власти и управления (*демократия, диктатура, свобода, власть, анархия*), интерперсональных отношений (*независимость, подчинение, власть, мир, война*) и с моральными концептами (*измена, верность, честь, долг*) [Пименова 2013: 129].

Изучение объективации лингвоконцептов в дискурсивных разновидностях вызвано актуальностью ментальных образований, влияющих на сознание целевой аудитории. Англоязычный художественный антиутопический дискурс открывает новые возможности анализа концепта «state», который традиционно актуализируется в политическом дискурсе, в связи с доминированием данного концепта в футуристических произведениях.

В художественном дискурсе доминирующие концепты получают оценку и переосмысление с позиций автора и/или героя произведения. Доминирующие концепты репрезентируются автором путем экспликации признаков и компонентов, свойственных сознанию автора и/или героя произведения. Процесс экспликации прозрачен и открыт для читателя, который неосознанно принимает в нем участие. Автор осуществляет подмену компонентов экспликации, образующих концепт в сознании читателя, на свои компоненты, таким образом создавая в

нем новый концепт, отличный от первоначального [Самарская 2012].

С целью выявления концептуальных средств воздействия на читателя в англоязычном художественном антиутопическом дискурсе мы рассмотрели эволюцию признакового состава доминирующего концепта «state».

Выявив четыре тематические группы антиутопий (критика технократического государства; опасность утилитарного государства (массового потребления); потеря свободы и индивидуальности в тоталитарном государстве; последствия экологических катастроф), мы выбрали для сбора эмпирического материала произведения, наиболее репрезентативные с точки зрения социальной тематики и актуализации концепта «state». Для анализа дискурсивной объективации концепта были взяты романы «О дивный новый мир» (1932 год издания) Олдоса Хаксли, «1984» (1949 год издания) Джорджа Оруэлла, «Механическое пианино» (1952 год) Курта Воннегута, «451 градус по Фаренгейту» (1953 год) Рэя Бредбери и рассказы Курта Воннегута «Гаррисон Бергерон» (1961 год) и «2bro2b» (1962 год).

С помощью контекстуального анализа было доказано, что основными лексемами, вербализующими концепт «государство» в англоязычном художественном дискурсе, являются *state, country, society, government, people, nation, power, Party, world*. Концепт «state», в силу своей семантической близости с концептами стран, может быть вербализован и топонимами. Антиутопический художественный дискурс — не исключение, мы находим имена собственные, репрезентирующие изучаемый концепт: Океания, Остзия, Евразия (*Oceania, Eastasia, Eurasia*) у Оруэлла, Илиум (*Ilium*) у Воннегута [Челпанова 2019: 151—158].

Проведенный анализ фактического материала на предмет определения образного признакового состава выявил, что в антиутопиях у концепта «state» развиваются «негативные» признаки: неравенство, антигуманность, абсурд, а индивидуальное авторское видение государства и проблем государственного устройства актуализируется через две коммуникативные интенции антиутопического художественного дискурса: первая интенция — побудительная, способствующая повышению социального сознания и социальной активности читателей. В рассматриваемых антиутопических произведениях она реализуется авторами с помощью различных тактик-стратегий (речевая стратегия понимается как совокупность определенных речевых действий, подчиненных оп-

ределенным целям речевого общения [Кобозева 2012]):

а) тактика рациональной аргументации против абсурдных идей, претворяемых в жизнь на государственном уровне. *“Triplets!” she said. She was exclaiming over the legal implications of triplets. The law said that no newborn child could survive unless the parents of the child could find someone who would volunteer to die. Triplets, if they were all to live, called for three volunteers”* [Vonnegut: 2bro2b]. В рассказе Курта Воннегута «2bro2b» показано, что ожидает человечество, если его лишают естественного права «плодиться и размножаться», если специальная программа контроля численности населения решает, жить новорожденному или умереть.

Другой рассказ Курта Воннегута, «Гаррисон Бергерон», наглядно иллюстрирует последствия потери индивидуальности, «уравнительной» системы в государстве, где любое интеллектуальное или физическое превосходство подавляется с помощью специальных средств: радиосигналов или железных грузил. *George, while his intelligence was way above normal, had a little mental handicap radio in his ear. He was required by law to wear it at all times. It was tuned to a government transmitter. Every twenty seconds or so, the transmitter would send out some sharp noise to keep people like George from taking unfair advantage of their brains* [Vonnegut 2013];

б) тактика антитоталитарной пропаганды: *The conditions of life in all three **super-states** are very much the same... Actually the three philosophies are barely distinguishable, and the **social systems** which they support are not distinguishable at all. Everywhere there is the same pyramidal structure, the same worship of semi-divine leader, the same economy existing by and for continuous warfare* [Orwell: 248—249];

в) тактика формирования отрицательного отношения к любым проявлениям государственности, нарушающим права и свободы граждан. Авторы антиутопий доказывают, что наука и прогресс не могут быть совместимы с тоталитарной государственной системой: *scientific and technical progress depended on the empirical habit of thought, which could not survive in a strictly regimented society* [Orwell: 239]. Наука в традиционном понимании перестает существовать: она трансформируется в орудие для гонки вооружений или в средство подавления масс.

Вторая коммуникативная интенция антиутопического дискурса — предостерегающая, носящая устрашающий, пугающий характер. Вторая интенция реализуется через следующие тактики-стратегии:

а) тактика гротескного, ироничного описания событий, когда слова в контексте приобретают прямо противоположное значение. **Objectively, Paul tried to tell himself, things really were better than ever. For once, after the great bloodbath of the war, the world really was cleared of unnatural terrors — mass starvation, mass imprisonment, mass torture, mass murder. Objectively, know-how and world law were getting their long-awaited chance to turn earth into an altogether pleasant and convenient place in which to sweat out Judgment Day** [Vonnegut 2006: 18]. За счет использования глагола *try* и наречия *objectively* идет недооценка, уменьшение положительного смысла фразы «дела шли лучше, чем когда-либо». А завершающее «с тревогой ожидать Судного дня» лишает положительной окраски всё высказывание.

A few bombs and the families in the walls of all the houses, like harlequin rats, will shut up! [Бредбери 2016: 42] — «Несколько бомб — и „семьи“, эти крысы в костюмах арлекинов, живущие в стенах всех какие только есть домов, заткнутся навсегда!» Слово «семья» в романе Рэя Бредбери используется в необычном значении. Семейей называется реалити-шоу, в котором актеры, благодаря техническим достижениям киноиндустрии, ведут виртуальный разговор с каждым зрителем. У аудитории создается ложное впечатление вовлеченности в съемки передачи. Налицо подмена традиционного понятия «семья» искусственным, навязанным. Актеры кинопрограммы, чужие люди, ближе героине романа, чем собственный муж, они для нее семья;

б) тактика сравнения и противопоставления. В антиутопиях противопоставлены две стратегии в отношениях с государством и к государству: конформизм и оппозиция. Оппозиция представлена главными героями — бунтарями по природе: они рискуют жизнью ради спасения книг («451 градус по Фаренгейту»), они не терпят благ цивилизации (Джон в «Дивном новом мире»), они отказываются от перспективных должностей («Механическое пианино»). *“Sick of it,” he said slowly. “The pay was fantastically good, ridiculously good -paid like a television queen with a forty-inch bust. But ... I realized I couldn't face another session up there. And then I looked around me and found out I couldn't face anything about the system any more. I walked out, and here I am”* [Vonnegut 2006: 51].

Через образы жен и возлюбленных авторы антиутопий реализуют стратегию конформизма, поддержки и принятия государства. *“It makes me feel as though,” he hesitat-*

ed, searching for words with which to express himself, “as though I were more me, if you see what I mean. More on my own, not so completely a part of something else. Not just a cell in the social body. Doesn't it make you feel like that, Lenina?” But Lenina was crying. “It's horrible, it's horrible,” she kept repeating. “And how can you talk like that about not wanting to be a part of the social body? After all, every one works for everyone else. We can't do without any one. Even Epsilons” [Huxley 2017: 61].

Система ценностей героев-бунтарей противопоставлена и позиции представителей государственной системы: *The Savage shook his head. “It all seems to me quite horrible.” “Of course it does. Actual happiness always looks pretty squalid in comparison with the over-compensations for misery. And, of course, stability isn't nearly so spectacular as instability. And being contented has none of the glamour of a good fight against misfortune...Happiness is never grand.”* [Huxley 2017: 151];

в) тактика гиперболизации отрицательных оценочных характеристик. *“I plunk the children in school nine days out of ten. I put up with them when they come home three days a month; it's not bad at all. You heave them into the 'parlour' and turn the switch. It's like washing clothes; stuff laundry in and slam the lid.” Mrs. Bowles tittered. “They'd just as soon kick as kiss me. Thank God, I can kick back!” The women showed their tongues, laughing* [Бредбери 2016: 46]. Ирония и гротеск являются главными средствами выражения аксиологического смысла антиутопического художественного дискурса.

Государство — это машина, система, и быть ее частью — ужасающая мысль для главных героев: *It was an appalling thought, to be so well-integrated into the machinery of society and history as to be able to move in only one plane, and along one line* [Vonnegut 2006: 47].

Таким образом, ведущими коммуникативными интенциями антиутопического художественного дискурса будут:

- 1) побудительно-активизирующая, направленная на повышение социального сознания;
- 2) устрашающе-предупредительная, воздействующая на эмоции.

Своеобразная картина мира, увиденная глазами писателей-антиутопистов и воссозданная ими в своих произведениях, не есть объективная реальность. Но через свое отношение к увиденному они воздействуют на духовное пространство читателя, предупреждая об опасных последствиях воплощения иллюзии в жизнь и побуждая не допустить этого. Так срабатывает фактор коммуникативной интенции.

Произведения антиутопического характера на английском языке внесли существенный вклад в изменение содержания концепта «state», демонстрируя не только основные литературные тенденции XX века и особенности индивидуальных стилей писателей, но и основные направления мысли соответствующих периодов и идеологию целых поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бисмалиева, М. К. О понятиях «текст» и «дискурс» / М. К. Бисмалиева. — Текст : непосредственный // Филологические науки. — 1999. — № 2.
2. Брэдбери, Р. 451 градус по Фаренгейту: издание на английском языке / Р. Брэдбери. — Санкт-Петербург : Антология, 2016. — 192 с. — Текст : непосредственный.
3. Валгина, Н. С. Теория текста. — Москва : Логос, 2003. — 280 с.
4. Галеева, Н. Д. Параметры художественного текста и перевод : моногр. / Н. Д. Галеева. — Тверь : ТвГУ, 1999. — 155 с. — Текст : непосредственный.
5. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс. — Текст : непосредственный // Межличностное общение : хрестоматия: [невербальная коммуникация, мужской и женский стили общения, манипуляции в межличностном общении, аксиомы межличностной коммуникации, речь в межличностном общении] / сост. Н. В. Казаринова, В. М. Погольши. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — С. 171—194. — (Хрестоматия по психологии).
6. Кобозева, М. А. Понятие речевой стратегии в лингвистической прагматике / М. А. Кобозева. — Текст : электронный // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по матер. X Междунар. науч.-практ. конф. Ч. I. — Новосибирск : СибАК, 2012. — URL: <https://sibac.info/conf/philolog/x/27554>.
7. Кубрякова, Е. С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков / Е. С. Кубрякова. — Текст : непосредственный // Вопросы филологии. — 2001. — № 1.

8. Пименова, М. В. Введение в когнитивную лингвистику. Вып. 4. — Кемерово, 2004. — 208 с. — Текст : непосредственный.
9. Пименова, М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М. В. Пименова. — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2013. — № 2 (54). — Т. 2. — С. 127—131.
10. Пименова, М. В. Концептуальные исследования. Введение : учеб. пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. — Москва : Флинта, 2011. — 176 с.
11. Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Воронежский ГУ, 1999. — Текст : непосредственный.
12. Самарская, Т. Б. Художественный дискурс: специфика составляющих и особенности организации художественного текста / Т. Б. Самарская, Е. Г. Мартиросьян. — Текст : непосредственный // Сфера услуг: инновации и качество (Краснодар). — 2012. — № 10.
13. Челпанова, Е. В. Концепт «state» в англоязычном художественном дискурсе / Е. В. Челпанова, В. П. Новикова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 151-158. — DOI 10.26170/pl19-06-19.
14. Dijk, T. A. van. Cognitive Processing of Literature Discourse / T. A. van Dijk. — Text : electronic // Poetics Today. — 1979. — № 1. — P. 143—160. — URL: <http://bit.ly/lks0Xm>.
15. Dijk, T. A. van. Studies in The Pragmatics of Discourse / T. A. van Dijk. — Text: electronic // Janua linguarum. Series Maior; 101. — The Hague ; Paris ; New York : Mouton Publishers, 1981. — 331 p. — Text : unmediated.
16. Huxley, A. Brave New World / A. Huxley. — Random House, 2017. — 229 p. — Text : unmediated.
17. Orwell, G. 1984 / G. Orwell. — URL: <https://www.planetebook.com/1984/>. — Text : electronic.
18. Vonnegut, K. Harrison Bergeron / K. Vonnegut. — Text : unmediated // Welcome to the Monkey House : a collection of short works. — New York : Dial Press Trade Paperbacks, 2013. — 331p.
19. Vonnegut, K. Player Piano / K. Vonnegut. — New York : Dial Press, 2006. — 341 p. — Text : unmediated.
20. Vonnegut, K. 2bro2b / K. Vonnegut. — URL: <https://audiobook-online.com/wp-content/uploads/2015/05/KurtVonnegut-2BRO2B.pdf>. — Text : unmediated.

E. V. Chelpanova

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
ORCID ID: 0000-0002-4088-7836

N. E. Kunina

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
ORCID ID: —

 E-mail: chelpanovaev@cspu.ru; kuninane@cspu.ru.

The Concept “State” Through the Prism of Communicative Intentions of the Dystopian Fiction Discourse

ABSTRACT. *The scope of research of this article centers around the dystopian fiction discourse. The authors have identified the specific purpose of fiction discourse, which is to influence the reader’s “spiritual continuum”, their system of values, knowledge and personal benchmarks. To achieve this goal the writer can manipulate historic realities and sources of information. In fiction discourse, the categories of lie and truth as regards the objective reality lack sense. In their attempt to leave impact on the inner world of the reader, the authors of the dystopian discourse trigger off both textual (language) and extra-textual (conceptual) resources, such as the reader’s background knowledge and the social concepts typical of the given community. The concept “state” is one of the domineering concepts of the English dystopian fiction discourse.*

The article deals with the means used by the authors of English-language dystopias to express their attitude to the institution of state. These specific means are shown in the frame of analysis of the authors’ communicative intentions. The article demonstrated the leading role of imperative-activating and warning-intimidating communicative intentions in the fiction futuristic discourse through the description of pragmatic ways of objectification of the concept “state”. This concept is represented by the authors with the help of explication of the features and components peculiar not only for the writers’ individual view/style but for the ideology of whole generations. The article focuses on the tactics and strategies which the authors resort to in order to fulfill their initial communicative intentions.

KEYWORDS: *concepts; state; dystopia; fiction discourse; fiction texts; dystopian discourse; communicative intentions; communicative purposes; communicative strategies; communicative tactics; English.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Chelpanova Elena Vladimirovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department of English and Methods of Its Teaching, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kunina Natal'ya Efimovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English and Methods of Its Teaching, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia.*

FOR CITATION: *Chelpanova, E. V. The Concept "State" Through the Prism of Communicative Intentions of the Dystopian Fiction Discourse / E. V. Chelpanova, N. E. Kunina // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 157-163. — DOI 10.26170/pl20-05-14.*

ACKNOWLEDGMENTS. The research has been carried out with financial support of Mordovian State Pedagogical Institute named after Evsev'ev within the scientific-research project "Crisis Discourse: Lessons of the Past and Challenges of the Present (in English)".

REFERENCES

1. Bisimalieva, M. K. On the concepts of "text" and "discourse" / M. K. Bisimalieva. — Text : unmediated // *Philological Sciences*. — 1999. — No. 2. [O ponyatiyakh «tekst» i «diskurs» / M. K. Bisimalieva. — Tekst : neposredstvennyy // *Filologicheskie nauki*. — 1999. — № 2]. — (In Rus.)
2. Bredberi, R. *Fahrenheit 451*: English edition / R. Bradbury. — St. Petersburg : Anthology, 2016 — 192 p. — Text : unmediated.
3. Valgina, N. S. *Theory of Text*. — Moscow : Logos, 2003. — 280 p. [Teoriya teksta. — Moskva : Logos, 2003. — 280 s.]. — (In Rus.)
4. Galeeva, N. D. *Parameters of Literary Text and Translation*: monograph / N. D. Galeeva. — Tver' : TVGU, 1999. — 155 p. — Text : unmediated. [Parametry khudozhestvennogo teksta i perevod : monogr. / N. D. Galeeva. — Tver' : TvGU, 1999. — 155 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
5. Grice, G. P. *Logic and Speech Communication* / G. P. Grice. — Text : unmediated // *Interpersonal communication: anthology: [non-verbal communication, male and female communication styles, manipulations in interpersonal communication, axioms of interpersonal communication, speech in interpersonal communication]* / comp. N. V. Kazarinova, V. M. Pogolshi. — St. Petersburg : Peter, 2001. — P. 171—194. — (Reader in psychology). [Logika i recehove obshchenie / G. P. Grays. — Tekst : neposredstvennyy // *Mezhlichnostnoe obshchenie : khrestomatiya: [neverbal'naya kommunikatsiya, muzhskoy i zhenskiy stili obshcheniya, manipulatsii v mezhlichnostnom obshchenii, aksiomy mezhlichnostnoy kommunikatsii, rech' v mezhlichnostnom obshchenii]* / sost. N. V. Kazarinova, V. M. Pogolshi. — Sankt-Peterburg : Piter, 2001. — S. 171—194. — (Khrestomatiya po psikhologii)]. — (In Rus.)
6. Kobozeva, M. A. *The Concept of Speech Strategy In Linguistic Pragmatics* / M. A. Kobozeva. — Text : electronic // *In the World of Science and Art: issues of philology, art history and cultural studies : collection of articles. Materials of Xth Intern. Scientific-practical Conf. Part I*. — Novosibirsk : SibAK, 2012. [Ponyatie rechevoy strategii v lingvisticheskoy pragmatike / M. A. Kobozeva. — Tekst : elektronnyy // *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* : sb. st. po mater. X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ch. I. — Novosibirsk : SibAK, 2012]. — URL: <https://sibac.info/conf/philolog/x/27554>. — (In Rus.)
7. Kubryakova, E. S. *Reflections on the Fate of Cognitive Linguistics at the Turn of the Century* / E. S. Kubryakova. — Text : unmediated // *Issues of Philology*. — 2001. — No. 1. [Razmyshleniya o sud'bakh kognitivnoy lingvistiki na rubezhe vekov / E. S. Kubryakova. — Tekst : neposredstvennyy // *Voprosy filologii*. — 2001. — № 1]. — (In Rus.)
8. Pimenova, M. V. *Introduction to Cognitive Linguistics. Issue 4*. — Kemerovo, 2004. — 208 p. — Text : unmediated. [Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku. Vyp. 4. — Kemerovo, 2004. — 208 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Pimenova, M. V. *Types of Concepts and Stages of Conceptual Research* / M. V. Pimenova. — Text : unmediated // *Bulletin of the Kemerovo State University*. — 2013. — No. 2 (54). — Vol. 2. — P. 127—131. [Tipy kontseptov i etapy kontseptual'nogo issledovaniya / M. V. Pimenova. — Tekst : neposredstvennyy // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2013. — № 2 (54). — T. 2. — S. 127—131]. — (In Rus.)
10. Pimenova, M. V. *Conceptual Research. Introduction : textbook* / M. V. Pimenova, O. N. Kondratyeva. — Moscow : Flinta, 2011. — 176 p. [Kontseptual'nye issledovaniya. Vvedenie : ucheb. posobie / M. V. Pimenova, O. N. Kondrat'eva. — Moskva : Flinta, 2011. — 176 s.]. — (In Rus.)
11. Popova, Z. D. *The Concept of "Concept" in Linguistic Research* / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — Voronezh : Voronezh State University, 1999. — Text : unmediated. [Ponyatie «kontsept» v lingvisticheskikh issledovaniyakh / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — Voronezh : Voronezhskiy GU, 1999. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
12. Samarskaya, T. B. *Artistic Discourse: the Specifics of the Components and Features of the Organization of the Artistic Text* / T. B. Samarskaya, E. G. Martirosyan. — Text : unmediated // *Service Sector: Innovation and Quality (Krasnodar)*. — 2012. — No. 10. [Khudozhestvennyy diskurs: spetsifika sostavlyayushchikh i osobnosti organizatsii khudozhestvennogo teksta / T. B. Samarskaya, E. G. Martirosyan. — Tekst : neposredstvennyy // *Sfera uslug: innovatsii i kachestvo (Krasnodar)*. — 2012. — № 10]. — (In Rus.)
13. Chelpanova, E. V. *The Concept of "state" in the English Fictional Discourse* / E. V. Chelpanova, V. P. Novikova // *Political Linguistics*. — 2019. — No 6 (78). — P. 151—158. [Kontsept «state» v angloyazychnom khudozhestvennom diskurse / E. V. Chelpanova, V. P. Novikova. — Tekst : neposredstvennyy // *Politicheskaya lingvistika*. — 2019. — № 6 (78). — S. 151-158]. — DOI 10.26170/pl19-06-19. — (In Rus.)
14. Dijk, T. A. van. *Cognitive Processing of Literature Discourse* / T. A. van Dijk. — Text : electronic // *Poetics Today*. — 1979. — № 1. — P. 143—160. — URL: <http://bit.ly/lks0Xm>.
15. Dijk, T. A. van. *Studies in The Pragmatics of Discourse* / T. A. van Dijk. — Text: electronic // *Janua linguarum. Series Maior*; 101. — The Hague ; Paris ; New York : Mouton Publishers, 1981. — 331 p. — Text : unmediated.
16. Huxley, A. *Brave New World* / A. Huxley. — Random House, 2017. — 229 p. — Text : unmediated.
17. Orwell, G. 1984 / G. Orwell. — URL: <https://www.planetebook.com/1984/>. — Text : electronic.
18. Vonnegut, K. Harrison Bergeron / K. Vonnegut. — Text : unmediated // *Welcome to the Monkey House : a collection of short works*. — New York : Dial Press Trade Paperbacks, 2013. — 331p.
19. Vonnegut, K. *Player Piano* / K. Vonnegut. — New York : Dial Press, 2006. — 341 p. — Text : unmediated.
20. Vonnegut, K. 2bro2b / K. Vonnegut. — URL: <https://audiobook-online.com/wp-content/uploads/2015/05/KurtVonnegut-2BRO2B.pdf>. — Text : unmediated.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 81'42

ББК Ш105.51

DOI 10.26170/pl20-05-15

ГСНТИ 16.21.07; 16.21.29; 16.21.51; 16.21.55

Код ВАК 10.02.19

Т. М. Рогожникова

Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия

ORCID ID: 0000-0001-8897-3007

 E-mail: burzian@yandex.ru.

Аналитические инструменты для психолингвистической экспертизы конфликтогенных текстов

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению аналитических инструментов и процедур, которыми может быть дополнена психолингвистическая экспертиза конфликтогенных поликодовых и полимодальных текстов. Автор вводит новую для данного вида экспертизы (специальность «Исследование продуктов речевой деятельности») процедуру «синкризы» и детально описывает алгоритм ее проведения. Значительное место в статье занимает вопрос о речи как форме психической активности и о «трансляции» психоэмоционального состояния в дискурс. Сегодня «эмоциональные вычисления» и обработка визуальной информации составляют достаточно большой сегмент академического пространства, и системы детекции и распознавания эмоциональных состояний быстро развиваются. При этом становится возможным анализировать поведенческие модели, физиологические показатели, а также перемены настроения человека. Программы, устанавливающие проявления данных эмоциональных сфер, условно можно разделить на классы по виду реакций: мимические, двигательные, голосовые. «Мимический сервис» способен трактовать микроэкспрессии лица, классифицируя их по базовым эмоциям: радость, гнев, грусть, удивление, страх, отвращение, а также нейтральное состояние. Ранжирование и классификация базовых эмоций происходит посредством нейронных сетей, обученных на большом тренировочном корпусе фотографий. В статье также рассматриваются неподконтрольные сознанию формально-грамматические показатели, количественные характеристики которых могут иметь устойчивые корреляции с характеристиками поведения личности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аналитические инструменты; психолингвистическая экспертиза; синкриза; суггестивные ресурсы; психоэмоциональные состояния; конфликтогенные тексты; поликодовые тексты; полимодальные тексты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Рогожникова Татьяна Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языковой коммуникации и психолингвистики, Уфимский государственный авиационный технический университет; 450008, Россия, г. Уфа, ул. К. Маркса, 12; e-mail: burzian@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Рогожникова, Т. М. Аналитические инструменты для психолингвистической экспертизы конфликтогенных текстов / Т. М. Рогожникова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 164–182. — DOI 10.26170/pl20-05-15.

Появление психолингвистической экспертизы в значительной степени продиктовано невозможностью ответить на важные для судебной экспертологии вопросы с помощью традиционных лингвистических и психологических методов. А. П. Чудинов говорит о создании новых ментальных единиц при слиянии концептов, при этом новая единица не является порождением суммативного процесса, а ее суть не равна сумме составляющих ее частей [Чудинов 2013: 4]. Но гештальт должен быть закрыт, а нам всегда не хватает нужных инструментов. Незыблемая идея холизма и его исходная трактовка порождают возникшее в синергетике понятие эмерджентности — появления в системе нового системного качества, не сводимого к сумме качеств компонентов системы. При

этом мы не можем отказаться от анализа (разделения на части в целях дальнейшего изучения). Пытаясь синтезировать обобщенные модели и формализовать алгоритмы анализа, мы проникаем в междисциплинарные направления, изучающие общие закономерности явлений и процессов в неравновесных системах на основе характерных для них принципов самоорганизации. Мы посягаем на традиционное, но оправданием служат созидательная цель и стремление узнать, где скрыты коммуникативные ресурсы и как ими пользоваться во благо.

Объектом лингвистической экспертизы становятся тексты, выступления и другие вербальные модели в зависимости от вида речевого действия. Лингвистическая экспертиза предполагает лексико-семантиче-

Расширенный и уточненный вариант статьи, представленной в сборнике: *Право в современном мире: достижение метабезопасности как атрибута государства в 2020 : материалы Всероссийской научно-практической конференции : в 3 вып. Вып. 1 / отв. ред. М. Б. Ворошилова ; Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. — Екатеринбург, 2020. — С. 122—136.*

ский, логико-грамматический, прагмалингвистический, лингвостилистический и дискурс-анализ языковых явлений, при этом эксперт-лингвист в своем исследовании опирается на лексикографические данные (академические словари, глоссарии и тезаурусы), которые являются авторитетными источниками подтверждения мнения эксперта. Объект *психологической экспертизы* сфокусирован на психической деятельности человека и продуктах его психической деятельности в формате, который имеет юридическое значение. Проблемы проведения психологической экспертизы связаны со сложностью анализа недоступных непосредственному наблюдению психических процессов. Эксперт-психолог имеет дело с материалом, который *отражает* информацию о личности человека, его намерениях через интерпретацию источников информации о психической деятельности. Как правило, это документы, протоколы допросов или другие продукты речевой деятельности.

В судебной практике часто используется еще один вид экспертизы — *психолого-лингвистическая*, которая называется комплексной судебной экспертизой, поскольку содержит мнения нескольких специалистов: психолога и лингвиста. Психолого-лингвистическое исследование позволяет оценивать степень корреляции языковых явлений (устного, письменного текста, видео- и аудиозаписи) с возможными психическими и психофизиологическими состояниями человека, что, безусловно, повышает объективность при решении юридических проблем.

Объектом *психолингвистического экспертного исследования* служат вид, качество и количество (мера) речевого *воздействия*. По сравнению с названными видами судебных экспертиз *психолингвистическая экспертиза* — относительно новый вид исследования, который опирается на психолингвистические методы анализа и на новые инструменты, отличающиеся от традиционных. Психолингвистика может быть названа экспериментальной лингвистикой, изучающей продукты речевой деятельности с помощью формализованных данных многочисленных экспериментов. Эксперт-психолингвист исследует речь как особую форму психической активности человека в момент речевой коммуникации, изучает вопросы языковой суггестии, процессы производства и восприятия дискурса. Функция воздействия является важнейшей функцией письменной и устной речи. В настоящее время уже можно говорить о созданных в рамках психолингвистики методиках и выявленных единицах анализа, позволяющих дать объективную

оценку спорного или конфликтогенного вербального материала: измерять в количественных показателях силу воздействия текста, определять качество воздействия, декодировать суггестивные ресурсы языковых явлений, ранжировать эмоционально-оценочные признаки, выносить суждения о намерениях и мотивах автора текста, устанавливать золотое сечение текста как зоны бесконтрольного воздействия на сознание. Речь идет о совершенно *особых единицах анализа* для изучения латентных (скрытых) суггестивных ресурсов текста, поскольку отсутствие языковых манифестаций глубинных внутренних форм делает их не поддающимися анализу с помощью традиционных *лингвистических и психологических* методов.

Сегодня в нашем арсенале 9 компьютерных программ (см. список в конце статьи), 6 из которых созданы нами. С помощью них возможно работать на 5 языках (русском, английском, немецком, татарском и башкирском). Были установлены 10 аналитических единиц, которые являются рабочими инструментами в ходе экспертного исследования конфликтных текстов. Среди них паттерны ритмической активности мозга (мозговые волны), потенциал звукоцвета, модальности восприятия, эмоционально-оценочные признаки, ритмические коды вербальных моделей и другие. Некоторые результаты исследований опубликованы [Rogozhnikova 2017; 2018; Rogozhnikova, Салихова 2019].

В настоящей публикации мы рассматриваем возможности еще нескольких инструментов анализа, которые, на наш взгляд, значительно усилят достоверность показателей, получаемых с помощью уже созданных ранее инструментов. Напомним кратко, что для декодирования воздействующего потенциала вербальной модели и установления «силы слова или текста» мы описали *восемь* инструментов, которые существенно облегчают расшифровку суггестивного потенциала. *Первый* инструмент — показатели паттернов ритмической активности мозга, получаемые в ходе предъявления вербальных стимулов [Рогожников 2010]. *Второй* — потенциал ассоциативной цветности вербальных моделей [Rogozhnikova, Efimenko 2018; Рогожников, Яковлева 2016; Рогожников, Кочетова 2012]. *Третий* инструмент опирается на возможные аналогии с моделями квантовой физики [Рогожников 2009; Даминова 2010]. *Четвертый* — это разные модальности восприятия и кодирования информации об окружающем мире [Рогожников, Навалихина 2011]. *Пятый* инструмент — ранжирование эмоционально-оценочных признаков, характеризующих вербальную мо-

дель [Рогожникова 2016]. *Шестой* инструмент обнажает ритмическую организацию и ритмические коды текста [Рогожникова, Кишалова 2015; Кишалова 2016]. С помощью *седьмого* инструмента анализируются суггестивные ресурсы музыкального дискурса [Рогожникова, Кудашов 2012; Рогожникова, Богословская 2016]. *Восьмой* сфокусирован на возможностях идентификации гендера в текстовом пространстве. Данный инструмент может рассматриваться как один из способствующих установлению авторства текста, поскольку затрагивает проблему организации языкового сознания по гендерному признаку. И в этом контексте он будет служить хорошим дополнением к шестому инструменту, с помощью которого анализируется ритмическая структура дискурса.

Сегодня мы можем говорить о разработке еще нескольких инструментов, один из которых (*девятый*) позволит регистрировать медленную электрическую активность головного мозга одновременно по одному отведению — лоб, темя, затылок, левый и правый виски. Прибор, который используется в ходе экспериментов, выполняет основные функции нейроэнергоскопа и позволяет проводить экспресс-изучение активности головного мозга. Для целей нашего исследования важно, что прибор приспособлен для выявления состояний стресса, определения стадий развития стресса, а также для наблюдения за результатами после воздействия созданных нами текстов с регистрацией показателей корректирующих процедур [Рогожникова 2019]. В эксперименте, который проводился Д. Р. Мухтаровой, использовался кожно-гальванический прибор — анализатор медленной электрической активности мозга «АМЕА». Прибор регистрирует уровень постоянных потенциалов мозга (УПП) — показатель гармоничной работы головного мозга человека. Прибор автоматически классифицирует измеренное значение УПП от значительно пониженного до значительно повышенного.

Практически еще не описан созданный нами *десятый* аналитический инструмент, суть которого мы обозначили через греческое слово «*синкриза*» (греч. *synkrisis* — сравнение), поскольку попытались установить через сравнительное противопоставление результатов, полученных от использования различных инструментов, воздействующий потенциал дискурса. До настоящего момента нам никак не удавалось найти способ, с помощью которого удалось бы установить достоверность «доминантных эмоций», скрытых в вербальной модели. Мы могли лишь предполагать (с высокой долей вероятности и с опорой на согласованность

показателей, полученных различными инструментами), что положительные или отрицательные характеризующие признаки конкретного текста, его определенная ассоциативная цветность, избыточность или недостаточность проявлений того или иного вида ритмической активности мозга увязываются с возникновением положительных или отрицательных эмоций у читателя или с их наличием у автора текста в момент создания вербальной модели. Аналитические процедуры всегда начинались с рассмотрения вербальных моделей различной сложности (звуковой комплекс/слово/текст). Впервые нам удалось начать анализ с установления доминантных эмоций говорящего человека и лишь затем приступить к обсуждению латентного потенциала вербальной модели, то есть выявленные проявления доминантных эмоций накладывались на результаты анализа текста, полученные с помощью уже имеющихся инструментов. Процедура *синкризы* проходила следующим образом.

Из сети Интернет был выбран видеотекст, который представляется нам интересным по нескольким причинам (по этическим соображениям мы не даем на него ссылок и не называем автора данного видеосюжета). Во-первых, автор производит впечатление внешне спокойного и уравновешенного человека, у него хорошая дикция, интонация явно не выражает его чувства и эмоции, его отношение к предмету речи и не раскрывает особенности его душевного склада. Во-вторых, детекция содержания речи обнаруживает наличие в ней конфликтогенов, способных привести к конфликту. В-третьих, манера говорить, использование лексических, грамматических, стилистических и других вербальных и невербальных инструментов обнаруживают подготовленного, опытного профессионала, способного минимально проявленными внешними средствами создать максимально воздействующий, как показал последующий анализ, текст.

С помощью компьютерной программы «Movavi Video Editor 15» из полного интервью был вырезан интересующий нас видеосюжет длительностью около трех минут. Далее изображение кадрировалось по секундам и анализировались все полученные таким образом кадры. Всего проанализировано 5340 кадров, составивших 178 секунд. Для установления соотношений кадр — текст достаточно установить секунды, обозначенные на наших гистограммах. Так, 0.36 означает, что данная вербальная модель была произнесена на 36 секунде вырезанного нами отрывка и что ей соответствует определенный кадр.

Для установления доминантных эмоций в ходе работы было использовано несколько версий компьютерной программы «EmoDetect» — 2.3.0, 3.0 (см. приводимый список компьютерных программ), предназначенной для регистрации (записи) лица человека и определения его эмоционального состояния.

Сегодня «эмоциональные вычисления» и обработка визуальной информации составляют достаточно большой сегмент академического пространства, и системы детекции и распознавания эмоциональных состояний быстро развиваются. При этом становится возможным анализировать поведенческие модели, физиологические показатели, а также перемены настроения человека. Программы, устанавливающие проявления данных эмоциональных сфер, условно можно разделить на классы по виду реакций: мимические, двигательные, голосовые. «Мимический сервис» способен трактовать микроэкспрессии лица, классифицируя их по базовым эмоциям: *радость, гнев, грусть, удивление, страх, отвращение*, а также *нейтральное состояние*. На лицо, изображенное на кадре, накладывается «маска», создающая искусственную модель лица по контрольным точкам. Ранжирование и классификация базовых эмоций происходит посредством нейронных сетей, обученных на большом тренировочном корпусе фотографий. Во многих работах учитываются признаки изображения, ориентированные на изображение целиком (холистические), признаки, рассчитанные для контрольных точек (локальные), а также признаки, связанные с движением частей изображения во времени (темпоральные). Затем выделенные признаки классифицируются. Для анализа используются так называемые двигательные единицы лица (Action Units), которые входят в Систему кодирования лицевых движений (Facial Action Coding System), созданную Полом Экманом [Экман 2018].

Авторы используемой нами системы распознавания базовых эмоций на основе анализа двигательных единиц лица — А. С. Бобе, Д. В. Кобышев, С. А. Воротников — разработали и исследовали новый алгоритм оценки базовых эмоций по П. Экману на основе расчета 20 информативных признаков изображения лица, причем степень выраженности эмоции оценивается тремя независимыми классификаторами. Для ранжирования используются классификаторы трех типов: *вероятностный, нейронная сеть и набор логических правил*. Итоговый классификатор — мультиклассификатор — создан «как функция результатов работы нейросе-

тевого и вероятностного классификаторов, с поправкой на основе применения логических правил» [Бобе и др. 2016].

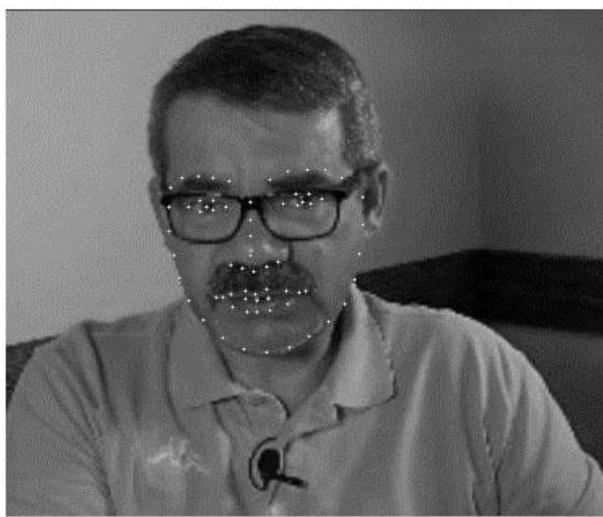
Система распознавания базовых эмоций, созданная авторами, разработана на языке C++ и протестирована на двух базах данных: Cohn-Kanade [Kanade, Cohn et al. 2000; Lucey, Cohn et al. 2010] и ООО «Нейроботикс». По мнению авторов, база данных Cohn-Kanade является одной из наиболее популярных для изучения алгоритмов распознавания эмоций. Она содержит 123 субъекта, для каждого из которых даются серии изображений с переходом от нейтральной к одной из нескольких эмоций. База ООО «Нейроботикс» включает 858 изображений 9 субъектов с метками различных эмоций. При тестировании половина пар изображений «нейтральное состояние — определенная эмоция» включалась исследователями в обучающую выборку, вторая половина — в тестовую. «В эксперименте изображения нормировали по координатам центров глаз так, чтобы межзрачковое расстояние составляло 110 пикселей, а глаза находились на одном горизонтальном уровне. Степень выраженности каждой эмоции определяли в диапазоне [0...1], при этом порог, при превышении которого эмоция считалась достаточно выраженной, принимали равным 0,3» [Бобе и др. 2016]. В ходе расчета вероятностных характеристик распознанной считалась та эмоция, для которой был получен максимальный отклик классификатора. Авторы приводят процент верного распознавания. Для базы Cohn-Kanade в среднем — 81,1 %, для базы ООО «Нейроботикс» — 80,4 %. Интересным представляется вывод о том, что для обеих баз наибольшую точность распознавания получила эмоция «радость», а эмоция «грусть» в среднем распознается хуже остальных.

Большим достоинством выбранной нами системы для анализа эмоционального состояния являются ее возможности снижать влияние помех. Серьезными препятствиями при разработке подобных программ становятся индивидуальные особенности проявления эмоций у разных людей. На точность распознавания также влияют положение головы, наличие очков, макияжа, длинной челки, которая закрывает брови. Все это затрудняет расчет двигательных единиц лица. В используемой нами системе, кроме применения локальной фильтрации в расчетах степени выраженности двигательных единиц, задействован мультиклассификатор. В программе базовые эмоции распознаются на основе алгоритма расчета степени выраженности двигательных единиц лица ряда локальных маркеров по классификации По-

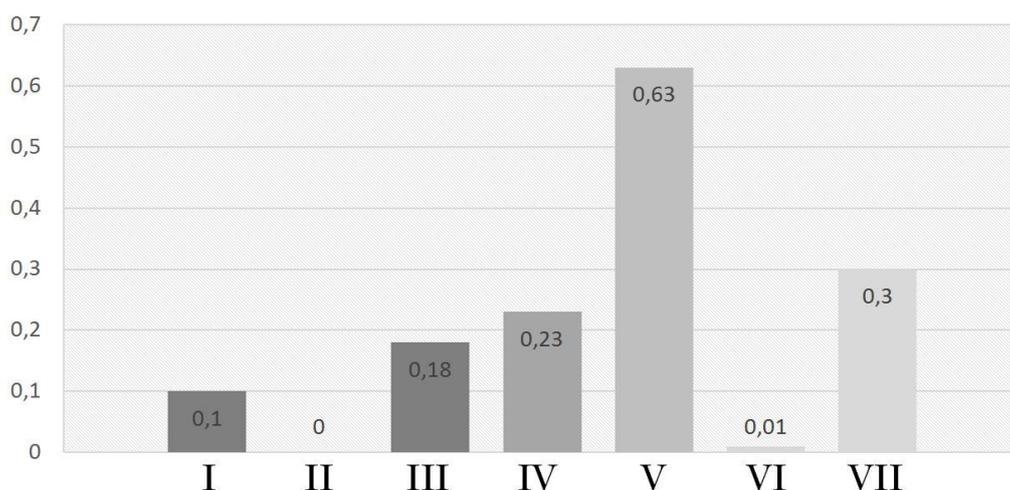
ла Экмана. При этом полученные значения нормируются относительно нейтрального выражения лица того же субъекта, после чего рассчитывается степень выраженности каждой из базовых эмоций тремя классификаторами: нейронной сетью типа многослойного персептрона (персептрона) (Multilayer Perceptron, MLP), вероятностным классификатором и системой логических правил [Бобе и др. 2016]. Попутно отметим, что информационная модель на основе многослойного персептрона рассматривается рядом исследователей как оптимальная по внутренней структуре и способу управления информационными потоками между нейронами. Данная модель способна минимизировать количество входных элементов.

Вернемся к процедуре *синкризы*. Рассмотрим рисунки, графики и гистограммы отдельных кадров видеотекста. Монолог длительностью 2 секунды (00:29—00:31) включает в себя 59 кадров. Для иллюстрации был выбран кадр № 924, который приведен на рисунке 1 и гистограмме 1. На рис. 1 приведена фотография мужчины в «маске», которая представляет собой совокупность распознанных информативных локальных признаков лица, характеризующих психоэмоциональное состояние человека.

Гистограмма 1 показывает соотношения базовых эмоций в указанном кадре. Доминантной эмоцией (63 %) является эмоция «Гнев».

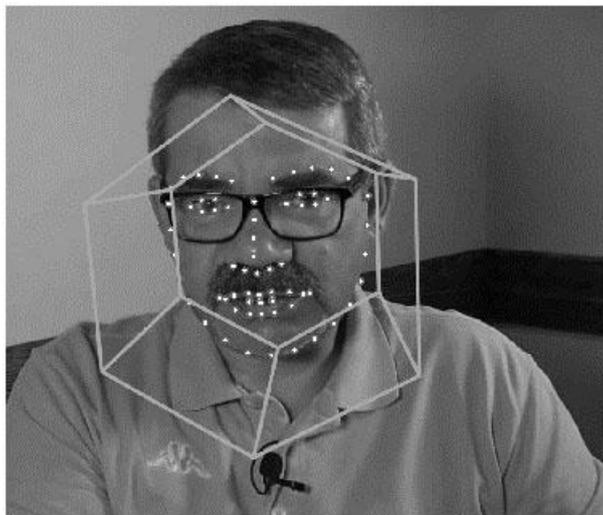

Рис. 1. Срез динамики «переживания» доминантной эмоции «Гнев» на 00:29—00:31 секундах монолога (кадр № 924, версия программы 2.3.0)

Гистограмма 1. Переживание доминантной эмоции «Гнев» на 00:29—00:31 секундах монолога (кадр № 924, версия программы 2.3.0)

Примечания: I — нейтральный; II — радость; III — удивление; IV — страх; V — гнев; VI — отвращение; VII — грусть.

Рис. 2. Срез динамики проживания доминантной эмоции «Гнев» на 00:29—00:31 секундах монолога (кадр № 924, версия программы 3.0)

Следует отметить, что первоначально мы начали работать с версией программы «ЕмоDetect» 2.3.0, в которой нет функции автоматического распознавания нейтрального кадра. По нашему мнению, кажущаяся простота отбора нейтрального кадра «вручную» таит в себе определенную опасность получения неточных данных. Нейтральный кадр представляет собой условный эталон, с которого начинаются процедуры определения психоэмоционального состояния человека.

Для оценки значительности отклонений в показателях доминантных эмоций при выборе разных нейтральных кадров мы провели сопоставительное исследование, в котором выбирались различные нейтральные кадры и полностью пересчитывались все показатели. Этот анализ может стать предметом отдельной публикации, поскольку были выявлены различия. В рамках данной статьи сделаем акцент на том, что установленные нами отклонения касались количественных показателей, характеризующих базовые эмоции. При этом сохранной оставалась качественная составляющая психоэмоционального состояния, т. е. доминантные эмоции не изменялись (эмоция «Радость» не становилась эмоцией «Гнев» или наоборот). Общая картина оставалась устойчивой, что свидетельствует, в частности, в пользу качества программного продукта, с которым мы имели дело.

Совсем недавно появилась новая версия программы «ЕмоDetect» 3.0 с уже встроенной возможностью автоматического определения нейтральных кадров, а также новейшим алгоритмом индивидуальной корректировки неверных эмоций. Классификация эмоций реализуется также тремя независимыми классификаторами: нейронной сетью,

системой решающих правил и классификатором по взвешенной сумме признаков. Программа существенно доработана по ключевым возможностям, среди которых особо хотелось бы отметить синхронную запись видео с USB-камеры с захватом экрана или второй камеры. Это серьезное и существенное дополнение, повышающее доказательный потенциал психолингвистической экспертизы. Эксперт сможет делать заключения не только о психоэмоциональном состоянии говорящего, но и о состоянии слушающего его человека. Речь идет о прямой «трансляции» эмоций, об их «трансформации» воспринимающим сознанием или о еще каком-то варианте эмоционального воздействия на другого человека.

Проанализируем эмоциональное состояние человека, изображенного на кадре № 924, входящем во временной интервал с 00:29 по 00:31 секунду монолога, с помощью новой версии программы «ЕмоDetect» 3.0. На рис. 2 показан срез динамики проживания доминантных эмоций, которые были установлены с помощью новой версии программы.

Новая версия программы позволяет графически представить в процентном соотношении все переживаемые человеком в данный момент эмоции, выделив при этом доминантную. На графике 1 мы видим, что эмоция «Гнев» остается доминантной после третьей перепроверки, хотя мы наблюдаем динамические изменения интенсивности эмоций автора текста. Качественный состав переживаемых в анализируемый промежуток времени эмоций остается прежним («Гнев», «Страх», «Грусть»), хотя количественные показатели в разных версиях программы варьируются. Интенсивность каждой эмоции уменьшилась примерно в два раза.

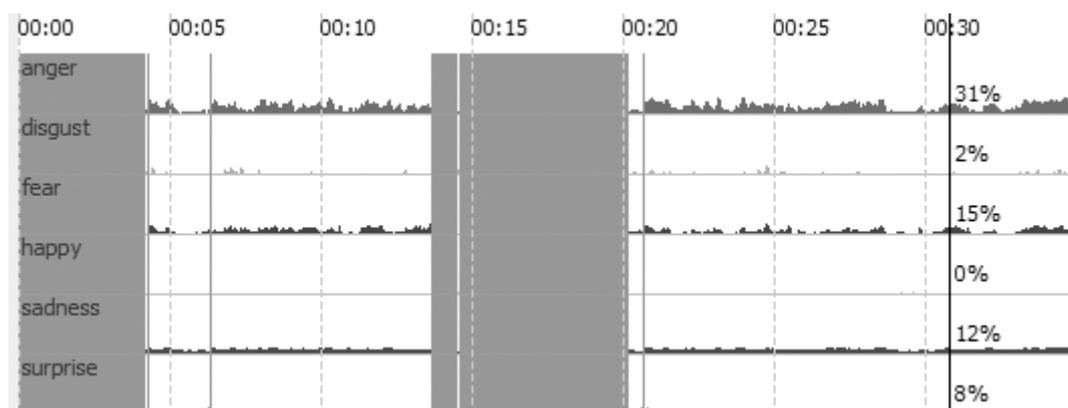

График 1. Проживание разных эмоций на 00:29—00:31 секундах монолога (кадр № 924, версия программы 3.0)

Напомним, что часть монолога длительностью в 2 секунды (00:29—00:31) включает в себя 59 кадров (№№ 872—931). Текстовое воплощение представляет собой следующую вербальную модель: «...**последний из крупных концернов, который остался государственным...**». Одним из важных и информационно насыщенных источников трансляции суггестивных ресурсов вербальных моделей являются паттерны мозговой активности. Ритмы мозга как спонтанная нейронная активность, имеющая отчасти электрическую природу, выступают эффективным инструментом, позволяющим делать выводы о проживании человеком определенного эмоционального состояния. Версия компьютерной программы *ДИАТОН (СЛОВОДЕЛ)* позволяет описывать 11 основных состояний ритмов мозга и связанных с ними эмоций [Программа экспертизы текстов внушения Диатон 2008]. Доминирование определенного ритма, выявленное при работе с вербальной моделью, означает, что восприятие данного вербального стимула способствует возникновению определенного психоэмоционального состояния, связанного с данным преобладающим ритмом или комбинацией ритмов. Таким образом, анализируя текст сквозь призму возникающих при его восприятии мозговых волн, мы можем судить о качестве его воздействия на человека. На рисунке 2 показана комбинация ритмов мозга, которые активизируются при восприятии приведенной выше вербальной модели. Данные многочисленных экспериментов, лабораторные и клинические исследо-

вания позволяют сегодня правильно оценить значение слова (и любой другой по сложности вербальной модели) как важного «физиологического фактора» [Платонов 1957]. Л. П. Гримак, придавая большое значение воздействию слова на состояние здоровья человека, отмечал, что «быстродействие некоторых психоречевых реакций превышает скорость электрофизиологических и химических процессов, формирующих эти реакции» [Гримак 2013: 9]. Произнесение текста создает определенный тип вибраций, которые запускают физиологические процессы в организме. «Именно дикцией создаются вибрации, формирующие начало того или иного физического процесса» [Там же]. Создавая разные вибрации, человек всякий раз проживает иной физический процесс. И этот «новый» физический процесс также будет воздействовать не только на него, но и на всех находящиеся вокруг [Рогожникова 2013].

В ходе анализа психоэмоционального состояния автора в промежутке с 00:29 по 00:31 секунду монолога была установлена доминирующая эмоция «Гнев». Текстовое воплощение этого состояния соответствует произносимой в указанное время вербальной модели: «...**последний из крупных концернов, который остался государственным...**». Данная модель, проанализированная с помощью другого инструмента, активизирует определенную комбинацию ритмов мозга, среди которых один из доминирующих — тета-ритм (0.239).

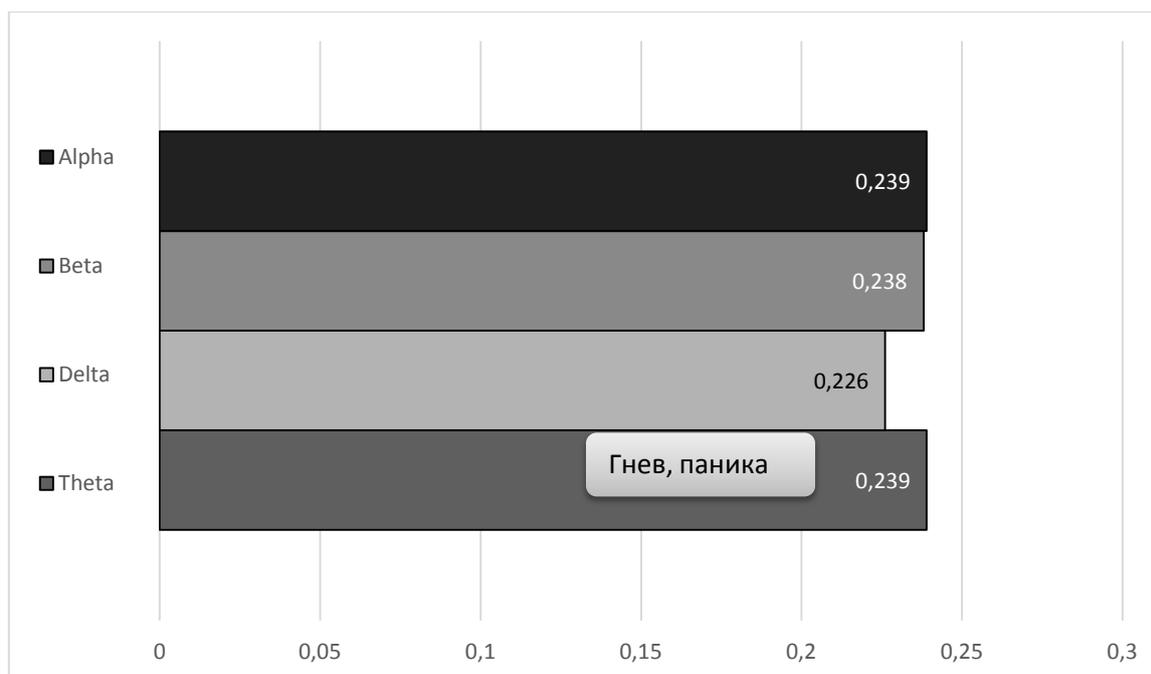

Рис. 2. Комбинация ритмов мозга, активируемых вербальной моделью

Грэй Уолтер, английский нейрофизиолог и кибернетик, чьи исследования давно вошли в золотой фонд работ по изучению функциональных механизмов высшей нервной деятельности человека, увязывал тета-ритмы с эмоциональными состояниями человека. Во время клинических исследований тета-ритмы были определены как специфические для определенных состояний. Была установлена их связь с настроением субъекта.

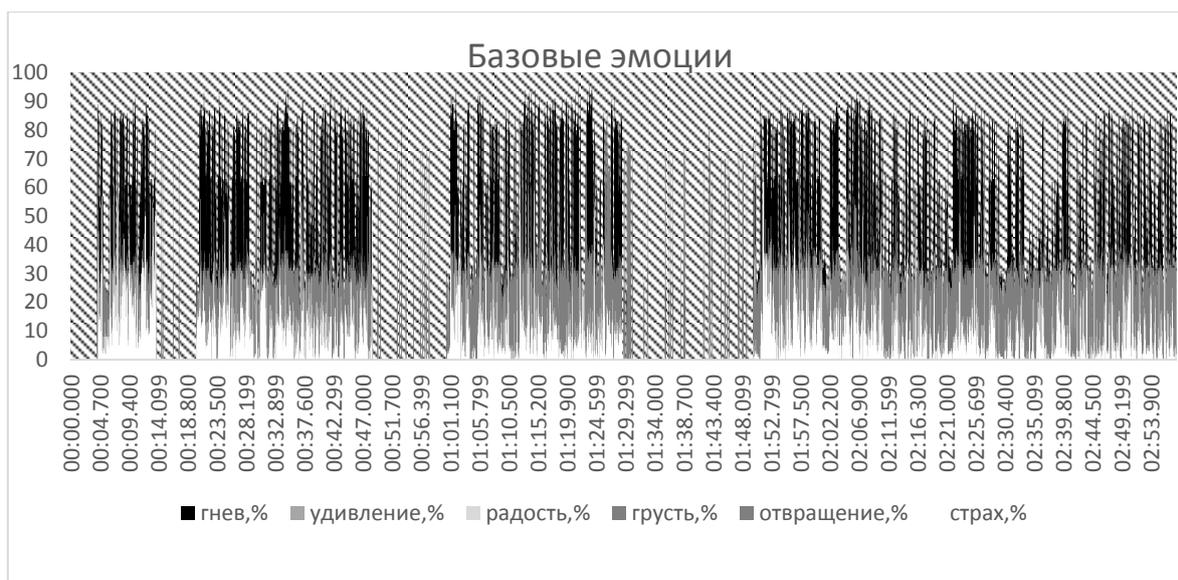
Исследовалась группа людей с «дизритмическим агрессивным поведением», а также связь тета-ритмов с немотивированными приступами гнева, при этом автором отмечается, что при обычных обстоятельствах у взрослых людей с уравновешенным характером тета-ритмы едва различимы, «но при действительно неприятных раздражениях такие ритмы могут выявиться даже у выдержанных людей» [Уолтер 1966: 215].

С помощью двух совершенно разных инструментов было установлено определенное психоэмоциональное состояние человека, а процедура синкризы позволила выявить их взаимосвязь. Под *синкризой* автор понимает процедуру сопоставления результатов, которые не могут быть сопоставимы вне данного алгоритма анализа. Напомним этот алгоритм. На основе изучения двигательных единиц лица прогнозируется психоэмоциональное состояние человека в определенный промежуток времени. Данное состояние «накладывается» на вербальную модель, которая произносится в момент проживания эмоций. С помощью других инструментов изучается вербальная модель, и результаты

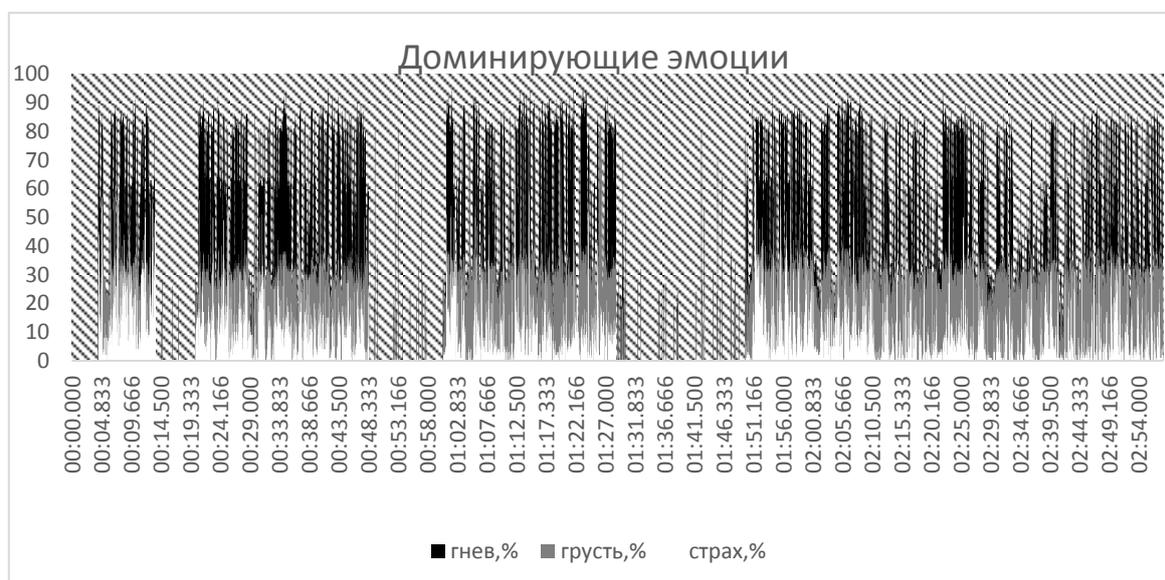
сопоставляются. Поскольку в данном конкретном примере результаты сопоставимы и практически полностью совпали, то мы можем говорить о *положительной синкризе*. Но процедура синкризы на этом не заканчивается. Она может быть продолжена с использованием данных, полученных с помощью других имеющихся в нашем распоряжении инструментов.

Рассмотрим характеризующие и определяющие признаки рассматриваемой модели. Признаковый анализ показал, что данный отрывок монолога *суровый* (9,38), *зловещий* (8,65), *темный* (6,67), *угрюмый* (6,56). Этот результат также согласуется с обсуждавшимися выше.

Приведенные в статье рисунки и графики затрагивали короткий (в несколько секунд) промежуток монологического времени. Это делалось для того, чтобы как можно более точно реализовать синкризу с данными, полученными с помощью других инструментов, и привести ее как пример суггестивной трансляции, выявленной с помощью, казалось бы, несопоставимых инструментов и единиц анализа, которые позволяют получать результаты, не подлежащие прямому сравнению. Попробуем получить общую картину, характеризующую весь монолог. На гистограмме 2 показаны соотношения всех выявленных эмоций на протяжении всего текста. По оси абсцисс указаны промежутки времени, по оси ординат — интенсивность базовых эмоций в процентах. На гистограмме 3 отражены три доминирующие эмоции, которые были выявлены на протяжении всего текста: «Гнев», «Грусть», «Страх».

Гистограмма 2. Интенсивность базовых эмоций, характеризующих весь текст

Гистограмма 3. Интенсивность доминирующих эмоций, характеризующих весь текст: эмоции «Гнев», «Грусть», «Страх».

Таким образом, весь текст произносится автором в беспокойном психоэмоциональном состоянии с доминирующей эмоцией «Гнев», которая на обеих гистограммах 2 и 3 окрашена в черный цвет. Эмоция «Страх» — в белый цвет, другие эмоции — в различные оттенки серого.

Гистограммы 2 и 3 построены на основе данных, полученных с помощью версии программы «EmoDetect» 2.3.0.

Заслуживают внимания данные, полученные в ходе анализа показателей информационной избыточности текста. Математическая теория информации американского инженера Клода Шеннона, являясь разделом прикладной математики и информатики, позволяет измерять количество

информации, которое содержится в символе [Шеннон 1963]. Для наших исследований важной представляется сама возможность измерения информации в любой вербальной модели. Алфавит любого языка является структурой, компоненты которой содержат разное количество информации. Количество информации, присутствующее в букве, зависит от частотности употребления этой буквы в конкретном языке. Следует отметить, что часто употребляемые буквы обладают меньшей информативностью, чем редкие. Информационная избыточность текста не увязывается с его содержанием и индивидуальным смыслом напрямую. Точнее было бы говорить об опосредованной связи. Скопления отдельных ин-

формационно избыточных или, наоборот, информационно ненасыщенных единиц в тексте ведут к определенному воздействию на зрителя/читателя еще до того, как он понял его содержание. Речь идет о реализации «надсодержательного» воздействия. Далее содержание текста при воздействии информационной надстроечной насыщенности (если таковая имеется) будет трактоваться воспринимающим иначе, чем идентичное содержание, порождаемое информационно ненасыщенными единицами (подробно об этом см.: [Рогожников, Воронов 2016]). Таким образом, существует вероятность множественных трактовок содержания, если текст информационно избыточен.

Следует подчеркнуть, что имеется разница в подходах исследователей к трактовке явления информационной избыточности, или насыщенности текста. Некоторые авторы, выделяя коэффициент плотности текста, напрямую связывают его со смысловыми блоками, содержанием текста, с его смысловым восприятием. Е. В. Шелестюк предлагает вычислять коэффициент информационной плотности текста по формуле $D = H/T$, где D (density) — коэффициент плотности информации, T (total) — количество строк в тексте (одна строка условно равна одному высказыванию), а H — новые (непредсказуемые) смысловые блоки [Шелестюк 2009: 156].

Мы фокусируем внимание на изучении качества воздействия на человека комбинаций минимальных неделимых единиц, информационная насыщенность которых может быть рассчитана и вариации которых окружают абсолютно любой текст. Под *информативностью (частотная энтропия)* мы понимаем меру непредсказуемости события. В данном контексте этот параметр используется как промежуточный результат для вычисления энтропии. За единицу информативности принимается *один бит*, означающий один из двух возможных исходов — истина или ложь. Информативность показывает, сколько нужно битов (элементов, способных принимать одно из двух состояний), чтобы закодировать данный символ. Частотная энтропия вычисляется по формуле:

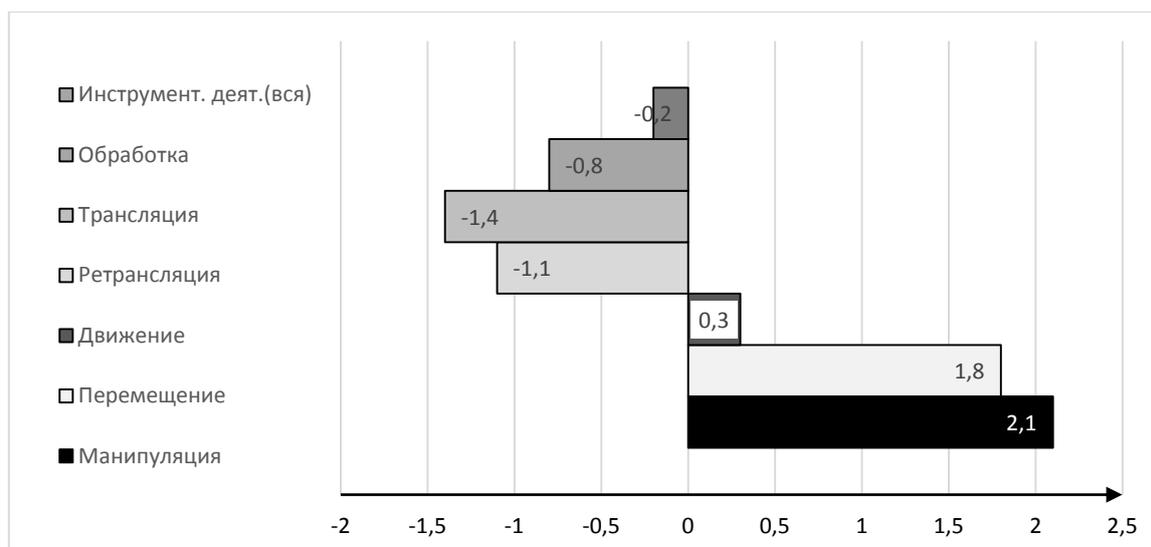
$I(x) = -\log_2 P(x)$ [бит], где $P(x)$ — вероятность появления рассматриваемой буквы или, другими словами, ее частотность.

Понятие избыточности можно трактовать как противоположное понятию информативности: чем выше избыточность текста, тем ниже его информативность. При равной вероятности всех букв алфавита будет достигнута нулевая избыточность и, соответствен-

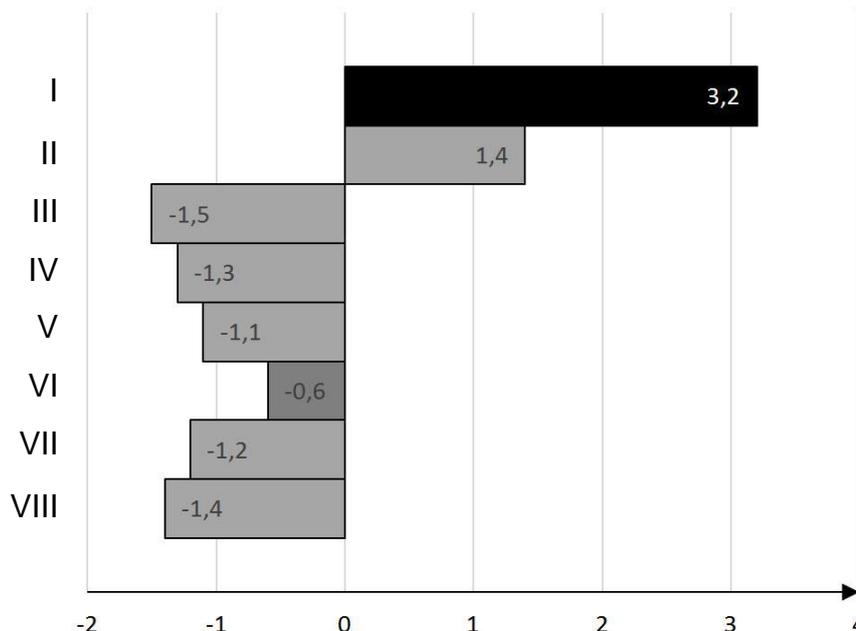
но, максимальная информативность любого текста языка. «Полезность» текста определяется его информативностью: чем более информативен текст, тем более он полезен с точки зрения информационной плотности. Таким образом, *низкий показатель избыточности — положительная характеристика текста. Лингвистически* избыточность можно определить как разницу между максимальной информативностью, которую мы можем структурировать с помощью вербальных единиц, и реальной информативностью, которой обладает конкретный текст. *Математически* это разница между абсолютной энтропией и общей удельной энтропией. Для целей психолингвистической экспертизы знание показателей информационной избыточности авторского текста помогает судить об однозначности или неоднозначности восприятия речевого продукта.

Нами была разработана методика снижения избыточности текста, а для более понятной характеристики численных значений избыточности были введены лингвистические термины (термин заимствован из нечеткой логики и означает слово на естественном языке, которому соответствует некоторый диапазон значений переменной). Избыточность текста с вероятностью 50 % принадлежит терму «средняя», с вероятностями 25 % — термам «низкая» и «высокая». Поскольку мы располагаем статистическими данными, то можем вычислить границы указанных лингвистических термов. Опустим алгоритмы вычисления и отметим, что в результате были получены следующие показатели: нижняя граница терма «средняя» — 0,005970; верхняя граница терма «средняя» — 0,009592. Математическое ожидание для всех значений выборки — 0,007671. Если значение избыточности меньше 0,005970, то избыточность «низкая», если больше 0,009592 — «высокая».

Избыточность анализируемого нами текста оказалась равной 0,0051, т. е. показатель избыточности низкий. В контексте наших рассуждений это означает, что у автора остается крайне мало шансов уйти от ответственности, сославшись на то, что он имел в виду совершенно не то, что его не так поняли. Сложные поликодовые тексты изобилуют латентными речевыми импликациями, которые крайне трудно поддаются декодированию. Сегодня мы пока нашли только один способ через расчет показателя избыточности текста уменьшить возможности «отречься» от собственных слов. Низкая избыточность текста сужает границы вольных и помимовольных трактовок.

Диаграмма 1. Нагрузка на категории *Инструментальная деятельность* (категориально-статистические оценки текста)

Диаграмма 2. Нагрузка на категорию *Мотивы* (категориально-статистические оценки текста)

Примечания: I — власть, II — желание власти, III — страх власти, IV — достижение успеха, V — достижение успеха, VI — избегание неудачи, VII — аффиляция, VIII — надежда на поддержку

Попутно отметим, что анализ православных молитвенных текстов выявил их низкую избыточность. Закономерности, которые проявляются при анализе молитв с помощью психолингвистических инструментов, позволяют говорить о них как о самых уникальных суггестивных текстах, которые нам когда-либо приходилось анализировать.

Среди инструментов, которые проявили себя весьма полезными, следует назвать анализ мотивационной сферы и мотивационных процессов через категориальный подход. При всем изобилии точек зрения, опре-

делений, разногласий, которые существуют в дискуссиях о мотивации, мы вынужденно ограничим себя подходом, который был реализован авторами программного софта. Любая модель есть редукция реально существующего положения вещей, но с этим приходится мириться для того, чтобы двигаться дальше. Авторы компьютерной программы «ВААП» вслед за Хайнцем Хекхаузенем остановились на структуре мотивации, которая включает в себя потребности, мотивы, инструментальную деятельность, эмоции и валентность. Каждая составляющая может

быть представлена как категория, содержащая определенные номинализации и действия. Существуют эмпирически определенные нормы употребления различных слов. Вычислив «нормальную» частоту употребления слов данной категории в конкретном языке, можно подсчитать, чаще или реже нормативных показателей используются слова этой категории человеком. Категория в данном контексте представляет собой слова, характеризующие определенный тип личности. Сравнивая с нормой частоту употребления слов этой категории конкретным индивидом, мы получаем информацию о принадлежности человека к определенному психологическому типу. Используя для анализа материала названную программу, под профилем категорий мы понимаем представленную в виде диаграммы информацию о том, как слова различных категорий распределены в тексте. На диаграмме 1 представлены показатели нагрузки на категорию *Инструментальная деятельность*. Инструментальная деятельность в рассматриваемом нами контексте предполагает конкретные действия (физические или ментальные) по удовлетворению потребностей. Это номинализации и глаголы рутинных действий, описывающие способы достижения целей.

Первая колонка называет категории. При создании диаграммы важными составляющими являются процент слов данной категории от общего объема текста, количество слов данной категории, встретившихся в анализируемом тексте. Следует дать оценку отклонения количества встретившихся слов данной категории от среднезыковой нормы.

Это традиционная оценка, используемая в контент-анализе, известная как *z-score*. Рассчитать ее можно по формуле: $(N-E) / I$ (*стандартное отклонение*), где *N* — количество слов данной категории, встретившихся в анализируемом тексте, а *E* — ожидаемое число вхождений слов данной категории в текст. И наконец, визуально представить оценку отклонения количества встретившихся слов данной категории от среднезыковой нормы. Обычно разными цветами выделяется разница показателей. **Красным** — значительное превышение нормы, **серым** — незначительное отклонение от нормы либо в сторону ее превышения, либо в меньшую сторону, **синим** — значительное отклонение в меньшую сторону. По техническим причинам показать эту цветность в статье не представляется возможным, поэтому просто назовем доминирующие показатели с указанием цвета. В красной зоне оказалась категория *Манипуляция* (*показатель* — +2.1).

Все остальные категории — серый цвет. Манипуляция и манипулирование внеуровневно и универсально. Эта скрытая или открытая тактика воздействия с целью изменить восприятие или поведение других людей в данном конкретном тексте, попав в красную зону, значительно превышает норму.

На диаграмме 2 показаны категории *Мотивов*. Для исследовательских целей авторов программного продукта значимыми оказались лишь четыре группы мотивов: *Достижения, Власть, Аффiliation, Физиология*.

В рассматриваемом видеотексте в красную зону попадает мотив *Власть* (+3.2), остальные находятся в серой зоне. Позиция *Аффiliation* (*аффiliation*), предполагающая потребность в создании теплых, доверительных, эмоционально значимых отношений с другими людьми, окрашена в серый цвет с отрицательным значением (–1.2). Нет *Надежды на поддержку* (–1.4, серая зона), нет уверенности в *Достижении успеха* (–1.1, серая зона).

Мы видим, что видеотекст, выбранный для анализа по ряду указанных в начале статьи причин, по своим внутренним глубинным характеристикам оказывается гораздо богаче, чем это проявляется на внешнем уровне. Автор на протяжении всего текста переживает эмоции гнева, в меньшей степени — страха и грусти. Показатели низкой избыточности текста помогают нам утвердиться в мысли о том, что автор однозначно транслирует именно эти эмоции, а проведенный нами анализ характеризующих признаков *всего* текста свидетельствует о достаточности больших воздействующих ресурсах данной модели. Мы имеем дело с текстом, который характеризуется такими признаками, как *возвышенный* (12,47); *суровый* (11,56); *бодрый* (9,76); *сильный* (9,05). Обратим внимание на высокие показатели этих признаков, которые усиливают суггестивный потенциал текста.

Таким образом, анализ психоэмоционального состояния человека имеющимися современными инструментами существенно помогает декодировать суггестивные ресурсы вербальных моделей. Процедура *синкризы*, введенная нами как инструмент, позволяющий сопоставлять данные из различных исследовательских пространств, расширяет возможности получения достоверных результатов. Рассматриваемый текст, несомненно, может быть отнесен к разряду сильных суггестивных текстов, оказывающих определенное воздействие на зрителя.

Открытым пока остается вопрос о том, какое психоэмоциональное состояние воз-

никает у человека, воспринимающего конкретный видеотекст, и каковы будут результаты синкризы: будет ли она положительной или, напротив, отрицательной. В настоящее время у нас появился инструмент, с помощью которого возможно провести эту работу и интерпретировать результаты. Безусловно, что это тема для отдельной публикации с детальным описанием результатов. В рамках данной статьи хотелось бы еще кратко остановиться на «*лежащих на поверхности*» инструментах, которые не всегда оцениваются по их достоинству.

В судебной практике бывает необходимо ответить на вопрос о том, какие показатели могут указать на существенную и значимую разность коммуникативного поведения участников беседы. Выявление такого рода различий помогает установить факт подстрекательства, принуждения к чему-либо, сокрытия информации, манипулятивные приемы «вытягивания» из собеседника каких-либо данных. Заметную роль в ответе на подобного рода вопросы играет выявление неподконтрольных сознанию (*помимовольных*) формально-грамматических показателей, количественные характеристики которых могут иметь устойчивые корреляции с характеристиками поведения личности. Сегодня уже активно ведутся исследования корреляций между характеристиками личности авторов текстов и частотами встречаемости последовательностей частей речи [Литвинова и др. 2014]. Авторами изучается частота встречаемости частеречных последовательностей (биграмм), состоящих из двух слов (например, прилагательное + существительное). Показатели рассматриваются как диагностический параметр текста. Исследователи установили корреляции между личностными характеристиками авторов и синтаксическими параметрами текста. Синтаксический уровень можно отнести к наиболее трудным для автоматизации, в связи с чем были отобраны параметры, с которыми такая работа возможна: «1) количество простых предложений; 2) количество сложных предложений в составе сложных; 3) количество бессоюзных, сложносочиненных, сложноподчиненных предложений» [Литвинова и др. 2014: 9]. В современных исследованиях установлено, что таксономический состав слов (частеречные соотношения слов в тексте) зависит от активности полушарий мозга.

Исследования временной инактивации полушарий мозга позволяют судить о том, какие отделы мозга отвечают за порождение определенных единиц дискурса — конкрет-

ных/абстрактных существительных, различных синтаксических моделей, служебных слов. Уместно вспомнить работы Л. В. Сахарного, описавшего две грамматики текста — левополушарную и правополушарную [Сахарный 1994]. В данном контексте логично предполагать, что в текстах, порождаемых человеком в состоянии гнева, агрессии, депрессии, в состоянии возбуждения или в каких-либо других эмоциональных состояниях, «будут доминировать языковые структуры (языковые элементы, те или иные языковые характеристики текста), за которые ответственно правое полушарие» [Загоровская, Литвинова и др. 2012: 100].

Попытки найти корреляции между личностными характеристиками и вербализованными продуктами предпринимаются отечественными и зарубежными исследователями, при этом «ставки» делаются на разные уровни текста: лексический, грамматический, фонетический и другие. Каждый из подходов имеет свои ограничения, но при этом нельзя отрицать ценность результатов, которые буквально добываются учеными по крупицам и представляют собой итог трудоемкой аналитической работы. Часто исследователи обращаются к анализу «крайних» вариантов рабочего материала, поскольку невозможно понять «норму», если не изучать «патологию», сложно установить «нейтральное» эмоциональное состояние, если не анализировать состояния крайнего возбуждения и напряжения.

В мировой науке значительное внимание уделяется изучению речевых продуктов лиц, склонных к суицидальному поведению. Интересные исследования по диагностированию склонности автора письменного текста к аутоагрессивному поведению проводит коллектив ученых из Воронежа [Загоровская, Литвинова и др. 2015; Литвинова 2012; Литвинова 2013]. Авторы провели анализ отечественных и зарубежных публикаций, что позволило им акцентировать внимание на важных, на наш взгляд, моментах.

В работе [Загоровская, Литвинова и др. 2015: 99] приводится результат, полученный американскими исследователями С. Стриманом и Дж. Пеннебакером, который касается формально-грамматических характеристик текстов поэтов-суицидентов и текстов поэтов-современников, умерших от естественных причин. Анализируя частотность использования в этих текстах местоимений и служебных слов, ученые выявили статистически достоверные различия. В текстах суицидентов высок индекс самореференции, который определяется частотностью использования местоимения «я» и форм гла-

голов 1-го лица единственного числа. Было отмечено, что в зарубежной науке развивается подход к диагностированию личности по тексту через попытки установления корреляций между числовыми значениями не зависящих от содержания формальных параметров текста и индивидуально-личностными особенностями человека с дальнейшим построением прогностических математических моделей на основе установленных корреляций. Существенным недостатком такого подхода, по мнению авторов, является то, что установленные корреляции между параметрами текста и характеристиками личности не получают своего объяснения. Не следует забывать, что любой подход, как и любая модель, представляет собой сведение сложного к простому. Это всегда попытка объяснить с помощью различных инструментов то, что не является очевидным. И это никак не умаляет значения полученных данных, согласно которым угнетение левого полушария при активности правого значительно сокращает активный запас лексики, лексическое разнообразие уменьшается, «речь становится более клишированной, в ней используется мало абстрактных существительных, глаголов, служебных частей речи, нарушается связность текста, уменьшается количество слов в предложениях, исчезают сложные синтаксические конструкции» [Там же: 100]. Если же угнетено правое полушарие, а левое продолжает оставаться активным, то запас активно используемой лексики значительно увеличивается, растет количество абстрактных слов, но при сохранности связности текста теряется его целостность.

На основе исследований, проведенных О. В. Загорской и ее коллегами, были сделаны выводы о том, что тексты, порождаемые лицами с высокой склонностью к аутоагрессивному поведению, характеризуются меньшим лексическим разнообразием, меньшим количеством предлогов, большим числом местоимений в целом и личных в частности, более высоким индексом логической связности из-за множества союзов и дейктических частиц и более высоким индексом средней длины предложения.

Петербургская школа нейролингвистики изменила представление о роли правого полушария в реализации коммуникации человека. В настоящее время установлено, что правое полушарие принимает непосредственное участие в речевой деятельности. Оно контролирует фонетические характеристики высказывания, делающие речь индивидуальной, а также отвечает за конкретное предметное содержание. Правое полушарие

берет на себя выполнение функции референции. («В прагмалингвистике соотнесенность языковых значений и реальной действительности получило терминологическое обозначение — референции» [Седов 2007: 81]. Именно здесь, по мнению автора, находятся дейктические слова: местоимения, особенно указательные (тот, этот), наречия (там, тут, туда, здесь), частицы (вон, вот)).

Приведем некоторые примеры из психолингвистических экспертиз, которые проводились Т. М. Рогожниковой в рамках комплексных судебных экспертиз и которые в ряде своих аспектов наглядно подтверждают сказанное. Анализируемые материалы одной из экспертиз представляли собой фонограммы диалогов — разговоров двух человек, которых мы условно обозначим как X и Y. Из аудиодиалогов становится очевидным, что стороны не владеют полной информацией, которая относится к известной им обоим теме, представляющей собой высокие риски для обеих сторон. Перед экспертом ставится задача через анализ речевого содержания фонограмм, переданных для проведения исследования, выявить скрытую информацию о различиях в коммуникативном поведении каждого участника диалогов.

Частеречный анализ текстов показал дефицит существительных, при этом у фигуранта X существительных в четыре раза меньше, а у фигуранта Y — в шесть раз меньше, чем в «нормативном» грамматическом составе универсальных славянских суггестивных текстов. В ходе беседы двух фигурантов дела установлена очевидная частеречная диспропорция. Нарушение баланса наблюдается не только в соотношении существительных и глаголов, но и в соотношении других частей речи. На первое место вышли местоимения, занимающие верхние позиции во всех диалогах.

Для фигуранта X установлено, что частота употребления местоимения «я» значительно превышает использование других местоимений. Дополнительно был определен индекс самореференции, который зависит от частотности использования местоимения «я» и форм глаголов 1-го лица единственного числа. Из разговора эксперта с адвокатом стало известно, что фигурант X, который был обвиняемым, склонен к аутоагрессивному поведению и даже к его крайней форме — суицидальному поведению. И если сегодня мы говорим, что правополушарная активация связана с отрицательным эмоциональным фоном и что правое полушарие в большей мере руководит эмоциональной сферой, то это подтверждается формальными параметрами текстов: у фигурантов

сокращен активный лексический запас, повышена клишированность речи, в ней используется мало глаголов, исчезают сложные синтаксические конструкции. Эти наши наблюдения хорошо согласуются с исследованиями Р. Г. Мшвидобадзе [Мшвидобадзе 1984], которые посвящены распознаванию социальных установок через грамматические параметры речи.

Не будет преувеличением сказать, что сегодня эксперт-психолингвист может провести психолингвистическую экспертизу любого речевого продукта. Это могут быть письменные, устные (монологи, диалоги, полилоги), аудио- и видеотексты. Возможен анализ текстов любого жанра, вида и объема. В настоящее время имеются результаты, полученные в ходе исследований политических, рекламных, художественных (поэтических, прозаических), научных, публицистических, молитвенных текстов. Интересные данные были получены даже при анализе карикатур с надписями, которые вызывали комментарии читателей и были также проанализированы автором статьи. Следует отметить, что сегодня экспертный анализ в отдельных аспектах можно проводить не только на материалах русского, но и английского, немецкого, башкирского и татарского языков.

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ ПРОГРАММЫ

1. Бобе, А. С. Программа ЭМОДЕТЕКТ (версии 2.3.0, 3.0.) : Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ №2018612628 / разработчики А. С. Бобе, Д. В. Коньшев ; правообладатель ООО «Нейроботикс» (RU). — Москва, 2018. — Электронная программа : электронная.
2. Кривошеев, И. А. Система автоматизированного моделирования сложных технических объектов (САМСТО) : Свидетельство об официальной регистрации, Роспатент, № 2011611712 / И. А. Кривошеев, Д. А. Ахмедзянов, Д. Г. Кожин. — Москва, 2011. — Электронная программа : электронная.
3. Программа экспертизы текстов внушения ДИАТОН, версия СЛОВОДЕЛ : Свидетельство о государственной регистрации для программы ЭВМ № 2008611081 / Лаборатория «Ведиум». — Москва, 2018. — Электронная программа : электронная.
4. Рогожникова, Т. М. Программа для ЭВМ БАРИН (Автоматизированный анализ слова и текста) : Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2011618299 / Т. М. Рогожникова, С. А. Воронков, Н. В. Ефименко, Р. В. Яковлева. — Москва, 2011. — Электронная программа : электронная.
5. Рогожникова, Т. М. Программа для ЭВМ БАТЫР (Автоматизированный анализ слова и текста) : Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014613238 / Т. М. Рогожникова, Д. Д. Кудашов, Г. Р. Кочетова, Н. В. Ефименко. — Москва, 2013. — Электронная программа : электронная.
6. Рогожникова, Т. М. Программа для ЭВМ СЧЕТОВОД (Автоматизированный анализ текстов) : Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014618598 / Т. М. Рогожникова, Д. Д. Кудашов. — Москва, 2014. — Электронная программа : электронная.
7. Рогожникова, Т. М. Программа для ЭВМ ПУЛЬС 2015 для обработки ритма прозаического текста : Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ

№ 2015614549 / Т. М. Рогожникова, Л. В. Кишалова, А. Е. Кишалов. — Москва, 2015. — Электронная программа : электронная.

8. Рогожникова, Т. М. Программа для ЭВМ БЮРГЕР (Автоматизированный анализ слова и текста) : Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2016616320 / Т. М. Рогожникова, Д. Д. Кудашов, Р. В. Яковлева. — Москва, 2016. — Электронная программа : электронная.

9. Шалак, В. И. Психолингвистическая экспертная система «ВААЛ» : программный продукт / В. И. Шалак, М. Н. Дымшиц. — Москва, 2005. — Электронная программа : электронная.

ЛИТЕРАТУРА

10. Бобе, А. С. Система распознавания базовых эмоций на основе анализа двигательных единиц лица / А. С. Бобе, Д. В. Коньшев, С. А. Воронков. — DOI 10.18698/2308-6033-2016-9-1530. — Текст : электронный // Инженерный журнал: наука и инновации : электронное научн.-техн. изд. — Москва : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2016. — Вып. 9 (57). — С. 1—16. — URL: <http://www.engjournal.ru/articles/1530/html/index.html>.
11. Гримак, Л. П. Магия биополя: энергоинформационное лечение / Л. П. Гримак. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 296 с. — (Из наследия Л. П. Гримака). — Текст : непосредственный.
12. Даминова, Р. А. Ассоциативная структура значения и фонетическая значимость слова : дис. ... канд. филол. наук / Даминова Р. А. — Уфа, 2010. — 168 с. — Текст : непосредственный.
13. Загоровская, О. В. Диагностирование склонности автора письменного текста к аутоагрессивному поведению / О. В. Загоровская, Т. А. Литвинова и др. — Текст : непосредственный // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015. — № 3. — С. 98—104.
14. Кишалова, Л. В. Влияние объема выборки текста на результат вычисления его основного слога-акцентного обертита / Л. В. Кишалова. — Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — Кострома : Костром. гос. ун-т, 2016. — № 2. — С. 173—178.
15. Литвинова, Т. А. Частоты встречаемости последовательностей частей речи в тексте и психофизиологические характеристики его автора: корпусное исследование / Т. А. Литвинова, О. А. Литвинова, П. В. Середин. — Текст : непосредственный // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2014. — № 2. — С. 9—13.
16. Литвинова, Т. А. Лингвистические основы неидентификационной судебно-авторской экспертизы / Т. А. Литвинова. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. — 2012. — Вып. 67. — С. 74—79.
17. Литвинова, Т. А. Профилирование автора письменного текста / Т. А. Литвинова. — Текст : непосредственный // Язык и культура. — 2013. — № 3 (23). — С. 64—72.
18. Мшвидобадзе, Р. Г. Распознавание социальных установок через грамматические параметры речи : дис. ... канд. психол. наук / Мшвидобадзе Р. Г. — Тбилиси, 1984. — 167 с. — Текст : непосредственный.
19. Платонов, К. И. СЛОВО как физиологический и лечебный фактор / К. И. Платонов. — Москва : Медгиз, 1957. — 432 с. — Текст : непосредственный.
20. Рогожникова, Т. М. Идиосостояния семантики слова как реальный квантовый объект / Т. М. Рогожникова. — Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. — Москва : ИЯ РАН; МИЛ. — 2009. — Вып. 2 (10). — С. 50—56.
21. Рогожникова, Т. М. Вербальные модели и ритмическая активность мозга / Т. М. Рогожникова. — Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. — Москва : ИЯ РАН, 2010. — № 2 (12). — С. 48—56.
22. Рогожникова, Т. М. Суггестивный потенциал имени / Т. М. Рогожникова. — Текст : непосредственный // Теория и практика языковой коммуникации : материалы V Междунар. науч.-метод. конф. / отв. ред. Т. М. Рогожникова. — Уфа : УГАТУ, 2013. — С. 415—434.
23. Рогожникова, Т. М. Суггестивный потенциал языковой системы и его стратегические возможности в процессе коммуникации / Т. М. Рогожникова. — Текст : непосредственный

ный // Теория языка и межкультурная коммуникация. — Курск : Курск. гос. ун-т, 2016. — № 4 (23). — С. 95—108.

24. Rogozhnikova, T. M. Политическая коммуникация и вербальная суггестия в формате психолингвистической парадигмы / Т. М. Рогожникова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2019. — Вып. 2 (74). — С. 24—37.

25. Rogozhnikova, T. M. Ассоциативная цветность нотного алфавита: предварительные результаты эксперимента / Т. М. Рогожникова, И. В. Богословская. — Текст : непосредственный // Теория языка и межкультурная коммуникация. — Курск : Курск. гос. ун-т, 2016. — № 3 (22). — С. 118—126.

26. Rogozhnikova, T. M. Построение математической модели для оценки информационной избыточности текста / Т. М. Рогожникова, Н. Н. Воронов. — Текст : непосредственный // Теория и практика языковой коммуникации : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. М. Рогожникова. — Уфа : УГАТУ, 2016. — С. 216—232.

27. Рогожникова, Т. М. Слово-акцентный обертритм как инструмент анализа суггестивных ресурсов текста / Т. М. Рогожникова, Л. В. Кишалова. — Текст : непосредственный // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2015. — № 2. — С. 272—282.

28. Rogozhnikova, T. M. Ассоциативная цветность звуков башкирского и татарского языков / Т. М. Рогожникова, Г. Р. Кочетова. — Текст : непосредственный // Вестник Башкирского государственного университета. — Уфа : Изд-во Баш. гос. ун-та, 2012. — Т. 17. — № 3. — С. 1313—1320.

29. Rogozhnikova, T. M. Психологическая и физическая цветность звука: взаимосвязь двух реальностей / Т. М. Рогожникова, Д. Д. Кудашов. — Текст : непосредственный // Теория и практика языковой коммуникации : материалы IV Междунар. науч.-метод. конф. / отв. ред. Т. М. Рогожникова. — Уфа : УГАТУ, 2012. — С. 280—290.

30. Rogozhnikova, T. M. Доминантные модальности восприятия и их динамика / Т. М. Рогожникова, А. И. Навалихина. — Текст : непосредственный // Вестник Башкирского государственного университета. — Уфа : Изд-во Баш. гос. ун-та, 2011. — Т. 16. — № 2. — С. 469—473.

31. Rogozhnikova, T. M. Лингвистические и психолингвистические признаки креолизованного конфликтогенного текста: технология выявления и описание / Т. М. Рогожникова, Э. А. Салихова. — Текст : непосредственный // Евразийская адвокатура : Междунар. науч.-практ. юрид. журнал. — Москва : АНО «Евразийский НИИ проблем права», 2019. — Вып. 1 (38). — С. 26—38.

32. Rogozhnikova, T. M. Изучение ассоциативной цветности звуков немецкого языка в синхроническом срезе / Т. М. Рогожникова, Р. В. Яковлева. — Текст : непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2016. — № 2 (106). — С. 174—182.

33. Сахарный, Л. В. Человек и текст: две грамматики текста / Л. В. Сахарный. — Текст : непосредственный // Человек.

Текст. Культура. — Екатеринбург : Институт развития регионального образования. 1994. — С. 48—64.

34. Седов, К. Ф. Нейропсихоллингвистика / К. Ф. Седов. — Москва : Лабиринт, 2007. — 224 с. — Текст : непосредственный.

35. Уолтер, Г. Живой мозг / Г. Уолтер ; пер. с англ. А. М. Гурвич. — Москва : Мир, 1966. — 300 с. — Текст : непосредственный.

37. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2013. — 176 с. — Текст : непосредственный.

37. Шелестюк, Е. В. Методика выявления количественных показателей истинности, информативности и информационной плотности текстов / Е. В. Шелестюк. — Текст : непосредственный // Система языка: синхрония и диахрония : межвуз. сб. науч. статей. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2009. — С. 151—156.

38. Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетике / К. Шеннон. — Москва : Изд-во иностранной литературы, 1963. — 830 с. — Текст : непосредственный.

39. Экман, П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь / П. Экман. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Изд-во Питер, 2018. — 334 с. — Текст : непосредственный.

40. Lucey, P. The Extended Cohn-Kanade Dataset (CK+): A complete expression dataset for action unit and emotion-specified expression / P. Lucey, J. F. Cohn, T. Kanade, J. Saraghi, Z. Ambadar, I. Matthews. — Text : unmediated // Proc. of the IEEE Computer Society Conference on Computer Vision and Pattern Recognition-Workshops, IEEE. — 2010. — P. 94—101.

41. Kanade, T. Comprehensive database for facial expression analysis / T. Kanade, J. F. Cohn, Y. Tian. — Text : unmediated // Proceedings of the Fourth IEEE International Conference on Automatic Face and Gesture Recognition. — Grenoble, France, 2000. — P. 46—53.

42. Rogozhnikova, T. Psycholinguistic tools for decoding suggestive potential of verbal models / T. Rogozhnikova. — Text : electronic // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. — ISSN 2352-5398. — France : Atlantis Press SARL, 2017. — URL: <https://doi.org/10.2991/gildiah-17.2017.45>.

43. Rogozhnikova, T. Suggestive Resources of Complex Verbal Models / T. Rogozhnikova. — Text : electronic // Proceedings of the 8-th International Scientific and Practical Conference "Current issues of linguistics and didactics: The interdisciplinary approach in humanities" (CILDIAHSS 2018). — France : EDP Sciences — SHS Web of Conferences, 2018. — Vol. 50. — 01147. — URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001146>.

44. Rogozhnikova, T. M., Suggestive status of the verbal model and its associative colority / T. M. Rogozhnikova, N. V. Efimenko. — Text : electronic // Current issues of linguistics and didactics: The interdisciplinary approach in humanities. — France : EDP Sciences — SHS Web of Conferences, 2018. — Vol. 50. — 01147. — URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001147>.

T. M. Rogozhnikova

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8897-3007

 E-mail: burzian@yandex.ru.

Analytical Tools for Psycholinguistic Expertise of Conflictogenic Texts

ABSTRACT. *The paper studies analytical tools and procedures which can supplement the psycholinguistic expertise of polycode and polymodal conflictogenic texts. The author introduces the procedure of "syncrisis", new for this type of expertise (specialty: "investigation of speech products"), and describes its conduct algorithm in detail. The paper focuses on the problems of speech as a specific form of mental activity and "translation" of the psycho-emotional state into discourse. Today, "emotional computing" and visual information processing constitute a fairly large segment of the academic space, and the systems of detecting and recognizing emotional states are rapidly developing. And it becomes possible to analyze behavioral models, physiological indicators, as well as changes in person's mood. Programs used to identify the manifestations of the data from emotional sphere can be divided into classes based on the type of response: facial, motor, and verbal. The "mimic service" interprets facial microexpressions, classifying them by basic emotions: joy, anger, sadness, surprise, fear, disgust, and neutral state. The ranking and classification of basic emotions occur through neural networks trained on a large experimental corpus of photos. The author also considers subconscious formal grammatical indicators that are not controlled by consciousness and the quantitative characteristics of which may have stable correlations with personal human behavior.*

KEYWORDS: *analytical tools; psycholinguistic expertise; synchrony; suggestive resources; psycho-emotional states; conflictogenic texts; polycode texts; polymodal texts; basic emotions; text redundancy.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Rogozhnikova Tat'yana Mikhaylovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Language Communication and Psycholinguistics, Ufa State Aviation Technical University; Ufa, Russia.*

FOR CITATION: *Rogozhnikova, T. M. Analytical Tools for Psycholinguistic Expertise of Conflictogenic Texts / T. M. Rogozhnikova // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 164-182. — DOI 10.26170/pl20-05-15.*

PC PROGRAMS

1. Bobe, A. S. Program EMODETECT (versions 2.3.0, 3.0.): Certificate of state registration of the computer program No. 2018612628 / developers A. S. Bobe, D. V. Konyshev; copyright holder of Neurobotics LLC (RU). — Moscow, 2018. — Electronic program : electronic. [Programma EMODETECT (versii 2.3.0, 3.0.) : Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM №2018612628 / razrabotchiki A. S. Bobe, D. V. Konyshev ; pravoobladatel' OOO «Neurobotiks» (RU). — Moskva, 2018. — Elektronnaya programma : elektronnaya].

2. Krivosheev, I. A. System for automated modeling of complex technical objects (SAMSTO): Certificate of official registration, Rospatent, No. 2011611712 / I. A. Krivosheev, D. A. Akhmedzyanov, D. G. Kozhinov. — Moscow, 2011. — Electronic program: electronic. [Sistema avtomatizirovannogo modelirovaniya slozhnykh tekhnicheskikh ob'ektov (SAMSTO) : Svidetel'stvo ob ofitsial'noy registratsii, Rospatent, № 2011611712 / I. A. Krivosheev, D. A. Akhmedzyanov, D. G. Kozhinov. — Moskva, 2011. — Elektronnaya programma : elektronnaya].

3. Program for the examination of suggestion texts DIATON, version SLOVODEL: Certificate of state registration for the computer program No. 2008611081 / Laboratory "Vedium". — Moscow, 2018. — Electronic program: electronic. [Programma ekspertizy tekstov vnusheniya DIATON, versiya SLOVODEL : Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii dlya programmy EVM № 2008611081 / Laboratoriya «Vedium». — Moskva, 2018. — Elektronnaya programma : elektronnaya].

4. Rogozhnikova, T. M. Computer program BARIN (Automated word and text analysis): Certificate of state registration of a computer program No. 2011618299 / T. M. Rogozhnikova, S. A. Voronkov, N. V. Efimenko, R. V. Yakovleva. — Moscow, 2011. — Electronic program : electronic. [Programma dlya EVM BARIN (Avtomatizirovanny analiz slova i teksta) : Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM № 2011618299 / T. M. Rogozhnikova, S. A. Voronkov, N. V. Efimenko, R. V. Yakovleva. — Moskva, 2011. — Elektronnaya programma : elektronnaya].

5. Rogozhnikova, T. M. Computer program BATYR (Automated word and text analysis): Certificate of state registration of a computer program No. 2014613238 / T. M. Rogozhnikova, D. D. Kudashov, G. R. Kochetova, N. V. Efimenko. — Moscow, 2013. — Electronic program: electronic. [Programma dlya EVM BATYR (Avtomatizirovanny analiz slova i teksta) : Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM № 2014613238 / T. M. Rogozhnikova, D. D. Kudashov, G. R. Kochetova, N. V. Efimenko. — Moskva, 2013. — Elektronnaya programma : elektronnaya].

6. Rogozhnikova, T. M. Computer program COUNTER (Automated text analysis): Certificate of state registration of the computer program No. 2014618598 / T. M. Rogozhnikova, D. D. Kudashov. — Moscow, 2014. — Electronic program : electronic. [Programma dlya EVM SChETOVOD (Avtomatizirovanny analiz tekstov) : Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM № 2014618598 / T. M. Rogozhnikova, D. D. Kudashov. — Moskva, 2014. — Elektronnaya programma : elektronnaya].

7. Rogozhnikova, T. M. Computer program PULSE 2015 for processing the rhythm of prosaic text: Certificate of state registration of a computer program No. 2015614549 / T. M. Rogozhnikova, L. V. Kishalova, A. E. Kishalov. — Moscow, 2015. — Electronic program : electronic. [Programma dlya EVM PUL'S 2015 dlya obrabotki ritma prozaicheskogo teksta : Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM № 2015614549 / T. M. Rogozhnikova, L. V. Kishalova, A. E. Kishalov. — Moskva, 2015. — Elektronnaya programma : elektronnaya]. — (In Rus.)

8. Rogozhnikova, T. M. Computer program BYURGER (Automated word and text analysis): Certificate of state

registration of the computer program No. 2016616320 / T. M. Rogozhnikova, D. D. Kudashov, R. V. Yakovleva. — Moscow, 2016. — Electronic program : electronic. [Programma dlya EVM BYURGER (Avtomatizirovanny analiz slova i teksta) : Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM № 2016616320 / T. M. Rogozhnikova, D. D. Kudashov, R. V. Yakovleva. — Moskva, 2016. — Elektronnaya programma : elektronnaya].

9. Shalak, V. I. Psycholinguistic expert system "VAAL": software product / V. I. Shalak, M. N. Dymshits. — Moscow, 2005. — Electronic program : electronic. [Psikholingvistskaya ekspertnaya sistema «VAAL» : programmnyy produkt / V. I. Shalak, M. N. Dymshits. — Moskva, 2005. — Elektronnaya programma : elektronnaya].

REFERENCES

10. Bobe, A. S. The System of Recognition of Basic Emotions Based on the Analysis of the Motor Units of the Face / A. S. Bobe, D. V. Konyshev, S. A. Vorotnikov. — DOI 10.18698 / 2308-6033-2016-9-1530. — Text : electronic // Engineering Journal: science and innovation: electronic scientific and technical. ed. — Moscow : Publishing house of MSTU n. a. N. E. Bauman, 2016. — Iss. 9 (57). — P. 1—16. [Sistema raspoznavaniya bazovykh emotsiy na osnove analiza dvigatel'nykh edimits litsa / A. S. Bobe, D. V. Konyshev, S. A. Vorotnikov. — DOI 10.18698/2308-6033-2016-9-1530. — Tekst : elektronnny // Inzhenernyy zhurnal: nauka i innovatsii : elektronnoe nauchn-tekhn. izd. — Moskva : Izd-vo MGTU im. N. E. Bauman, 2016. — Vyp. 9 (57). — S. 1—16]. — URL: <http://www.engjournal.ru/articles/1530/html/index.html>. — (In Rus.)

11. Grimak, L. P. The Magic of the Biofield: Energy-informational Treatment / L. P. Grimak. — Moscow : Book House "LIBROKOM", 2013. — 296 p. — (From the legacy of L. P. Grimak). — Text : unmediated. [Magiya biopolya: energoinformatsionnoe lechenie / L. P. Grimak. — Moskva : Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2013. — 296 c. — (Iz naslediya L. P. Grimaka). — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

12. Daminova, R. A. Associative Structure of Meaning and Phonetic Significance of the Word : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Daminova R. A. — Ufa, 2010. — 168 p. — Text : unmediated. [Assotsiativnaya struktura znacheniya i foneticheskaya znachimost' slova : dis. ... kand. filol. nauk / Daminova R. A. — Ufa, 2010. — 168 c. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. Zagorovskaya, O. V. Diagnosing the Author's Tendency to Auto-aggressive Behavior / O. V. Zagorovskaya, T. A. Litvinova et al. — Text : unmediated // Vestnik VSU. Series : Linguistics and Intercultural Communication. — 2015. — No. 3. — P. 98—104. [Diagnostirovanie sklonnosti avtora pis'mennogo teksta k autoagressivnomu povedeniyu / O. V. Zagorovskaya, T. A. Litvinova i dr. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. — 2015. — № 3. — S. 98—104]. — (In Rus.)

14. Kishalova, L. V. The Influence of the Sample Size of the Text on the Result of Calculating Its Main Syllable-accent Oberhythm / L. V. Kishalova. — Text: unmediated // Bulletin of the Kostroma State University. N.A.Nekrasov. — Kostroma : Kostroma State Univ., 2016. — No. 2. — P. 173—178. [Vliyaniye ob'ema vyborki teksta na rezul'tat vychisleniya ego osnovnogo slogo-aktsentnogo oberitma / L. V. Kishalova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. — Kostroma : Kostrom. gos. un-t, 2016. — № 2. — S. 173—178]. — (In Rus.)

15. Litvinova, T. A. Frequency of Occurrence of Sequences of Parts of Speech in the Text and Psychophysiological Characteristics of Its Author: Corpus Study / T. A. Litvinova, O. A. Litvinova, P. V. Seredin. — Text : unmediated // Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University. — 2014. — No. 2. — P. 9—

13. [Chastoty vstrechaemosti posledovatel'nostey chastey rechi v tekste i psikhofiziologicheskie kharakteristiki ego avtora: korpusnoe issledovanie / T. A. Litvinova, O. A. Litvinova, P. V. Seredin. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. — 2014. — № 2. — S. 9—13]. — (In Rus.)
16. Litvinova, T. A. Linguistic Foundations of Non-identification Forensic Authoring Expertise / T. A. Litvinova. — Text : unmediated // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Philology. Art criticism. — 2012. — Iss. 67. — P. 74—79. [Lingvisticheskie osnovy neidentifikatsionnoy sudebno-avtorovedcheskoy ekspertizy / T. A. Litvinova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Iskusstvovedenie. — 2012. — Vyp. 67. — S. 74—79]. — (In Rus.)
17. Litvinova, T. A. Profiling of the Author of the Written Text / T. A. Litvinova. — Text : unmediated // Language and culture. — 2013. — No. 3 (23). — P. 64—72. [Profilirovaniye avtora pis'mennogo teksta / T. A. Litvinova. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk i kultura. — 2013. — № 3 (23). — S. 64—72]. — (In Rus.)
18. Mshvidobadze, R. G. Recognition of Social Attitudes through the Grammatical Parameters of Speech : thesis ... of Cand. of Psychol. Sciences / Mshvidobadze R. G. - Tbilisi, 1984. — 167 p. — Text : unmediated. [Raspoznavanie sotsial'nykh ustanovok cherez grammaticheskie parametry rechi : dis. ... kand. psikhol. nauk / Mshvidobadze R. G. — Tbilisi, 1984. — 167 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
19. Platonov, K. I. WORD as a Physiological and Therapeutic Factor / K. I. Platonov. — Moscow : Medgiz, 1957. — 432 p. — Text : unmediated. [SLOVO kak fiziologicheskii i lechebnyy faktor / K. I. Platonov. — Moskva : Medgiz, 1957. — 432 c. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
20. Rogozhnikova, T. M. Idiostates of Word Semantics as a Real Quantum Object / T. M. Rogozhnikova. — Text : unmediated // Questions of Psycholinguistics. — Moscow : Institute of Ya RAN; MIL. — 2009. — Iss. 2 (10). — P. 50—56. [Idiosostoyaniya semantiki slova kak real'nyy kvantovyy ob'ekt / T. M. Rogozhnikova. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy psikholingvistiki. — Moskva : IYa RAN; MIL. — 2009. — Vyp. 2 (10). — S. 50—56]. — (In Rus.)
21. Rogozhnikova, T. M. Verbal Models and Rhythmic Activity of the Brain / T. M. Rogozhnikova. — Text : unmediated // Questions of Psycholinguistics. — Moscow : Institute of Russian Language, RAN, 2010. — No. 2 (12). — P. 48—56. [Verbal'nye modeli i ritmicheskaya aktivnost' mozga / T. M. Rogozhnikova. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy psikholingvistiki. — Moskva : IYa RAN, 2010. — № 2 (12). — S. 48—56]. — (In Rus.)
22. Rogozhnikova, T. M. Suggestive Potential of a Name / T. M. Rogozhnikova. — Text : unmediated // Theory and Practice of Language Communication : materials of the V International scientific method. conf. / resp. ed. T. M. Rogozhnikova. — Ufa : USATU, 2013. — P. 415—434. [Suggestivnyy potentsial imeni / T. M. Rogozhnikova. — Tekst : neposredstvennyy // Teoriya i praktika yazykovoy kommunikatsii : materialy V Mezhdunar. nauch.-metod. konf. / otv. red. T. M. Rogozhnikova. — Ufa : UGATU, 2013. — S. 415—434]. — (In Rus.)
23. Rogozhnikova, T. M. Suggestive Potential of the Language System and Its Strategic Capabilities in the Process of Communication / T. M. Rogozhnikova. — Text : unmediated // Theory of Language and Intercultural Communication. — Kursk : Kursk State Univ., 2016. — No. 4 (23). — P. 95—108. [Suggestivnyy potentsial yazykovoy sistemy i ego strategicheskie vozmozhnosti v protsesse kommunikatsii / T. M. Rogozhnikova. — Tekst : neposredstvennyy // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. — Kursk : Kursk. gos. un-t, 2016. — № 4 (23). — S. 95—108]. — (In Rus.)
24. Rogozhnikova, T. M. Political Communication and Verbal Suggestion in the Format of a Psycholinguistic Paradigm / T. M. Rogozhnikova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2019. — Iss. 2 (74). — P. 24—37. [Politicheskaya kommunikatsiya i verbal'naya suggestiya v formate psikholingvisticheskoy paradigmy / T. M. Rogozhnikova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2019. — Vyp. 2 (74). — S. 24—37]. — (In Rus.)
25. Rogozhnikova, T. M. Associative Chromaticity of the Musical Alphabet: Preliminary Results of the Experiment / T. M. Rogozhnikova, I. V. Bogoslovskaya. — Text : unmediated // Theory of Language and Intercultural Communication. — Kursk : Kursk State Univ., 2016. — No. 3 (22). — P. 118—126. [Assotsiativnaya tsvetnost' notnogo alfavita: predvaritel'nye rezul'taty eksperimenta / T. M. Rogozhnikova, I. V. Bogoslovskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. — Kursk : Kursk. gos. un-t, 2016. — № 3 (22). — S. 118—126]. — (In Rus.)
26. Rogozhnikova, T. M. Construction of a Mathematical Model for Assessing the Information Redundancy of the Text / T. M. Rogozhnikova, N. N. Voronov. — Text : unmediated // Theory and Practice of Language Communication : materials of the VIII Intern. scientific-practical conf. / resp. ed. T. M. Rogozhnikova. — Ufa : USATU, 2016. — P. 216—232. [Postroenie matematicheskoy modeli dlya otsenki informatsionnoy izbytochnosti teksta / T. M. Rogozhnikova, N. N. Voronov. — Tekst : neposredstvennyy // Teoriya i praktika yazykovoy kommunikatsii : materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / otv. red. T. M. Rogozhnikova. — Ufa : UGATU, 2016. — C. 216—232]. — (In Rus.)
27. Rogozhnikova, T. M. Syllabic-accent Oberrhythm as a tool for Analyzing Suggestive Text Resources / T. M. Rogozhnikova, L. V. Kishalova. — Text : unmediated // Bulletin of the Tver State University. Series: Philology. — 2015. — No. 2. — P. 272—282. [Slogo-aktsentnyy oberritm kak instrument analiza suggestivnykh resursov teksta / T. M. Rogozhnikova, L. V. Kishalova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. — 2015. — № 2. — S. 272—282]. — (In Rus.)
28. Rogozhnikova, T. M. Associative Chromaticity of the Sounds of the Bashkir and Tatar Languages / T. M. Rogozhnikova, G. R. Kochetova. — Text : unmediated // Bulletin of the Bashkir State University. — Ufa : Publishing house of Bashkir State University, 2012. — Vol. 17. — No. 3. — P. 1313—1320. [Assotsiativnaya tsvetnost' zvukov bashkirskogo i tatarskogo yazykov / T. M. Rogozhnikova, G. R. Kochetova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. — Ufa : Izd-vo Bash. gos. un-ta, 2012. — T. 17. — № 3. — S. 1313—1320]. — (In Rus.)
29. Rogozhnikova, T. M. Psychological and Physical Chromaticity of Sound: the Relationship between Two Realities / T. M. Rogozhnikova, D. D. Kudashov. — Text : unmediated // Theory and Practice of Language Communication : materials of the IV International scientific method. conf. / resp. ed. T. M. Rogozhnikova. — Ufa : USATU, 2012. — P. 280—290. [Psikhologicheskaya i fizicheskaya tsvetnost' zvuka: vzaimosvyaz' dvukh real'nostey / T. M. Rogozhnikova, D. D. Kudashov. — Tekst : neposredstvennyy // Teoriya i praktika yazykovoy kommunikatsii : materialy IV Mezhdunar. nauch.-metod. konf. / otv. red. T. M. Rogozhnikova. — Ufa : UGATU, 2012. — S. 280—290]. — (In Rus.)
30. Rogozhnikova, T. M. Dominant Modalities of Perception and Their Dynamics / T. M. Rogozhnikova, A. I. Navalikhina. — Text : unmediated // Bulletin of the Bashkir State University. — Ufa : Publishing house of Bashkir State Univ., 2011. — Vol. 16. — No. 2. — P. 469—473. [Dominantnye modal'nosti vospriyatiya i ikh dinamika / T. M. Rogozhnikova, A. I. Navalikhina. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. — Ufa : Izd-vo Bash. gos. un-ta, 2011. — T. 16. — № 2. — S. 469—473]. — (In Rus.)
31. Rogozhnikova, T. M. Linguistic and Psycholinguistic Signs of a Creolized Conflict-generating Text: Detection Technology and Description / T. M. Rogozhnikova, E. A. Salikhova. — Text : unmediated // Eurasian Advocacy : Intern. scientific-practical judicial magazine. — Moscow : ANO "Eurasian Research Institute of Problems of Law", 2019. — Iss. 1 (38). — P. 26—38. [Lingvisticheskie i psikholingvisticheskie priznaki kreolizovannogo konfliktoennogo teksta: tekhnologiya vyyavleniya i opisaniye / T. M. Rogozhnikova, E. A. Salikhova. — Tekst : neposredstvennyy // Evraziyskaya advokatura : Mezhdunar. nauch.-prakt. yurid. zhurnal. — Moskva : ANO «Evraziyskiy NII problem prava», 2019. — Vyp. 1 (38). — S. 26—38]. — (In Rus.)
32. Rogozhnikova, T. M. Study of the Associative Chromaticity of German sounds in a Synchronous Cut / T. M. Rogozhnikova, R. V. Yakovleva. — Text : unmediated // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. — 2016. — No. 2 (106). —

- P. 174—182. [Izuchenie assotsiativnoy tsvetnosti zvukov nemetskogo yazyka v sinkhronicheskom srezhe / T. M. Rogozhnikova, R. V. Yakovleva. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. — 2016. — № 2 (106). — S. 174—182]. — (In Rus.)
33. Sakharnyy, L. V. Man and Text: Two Grammars of the Text / L. V. Sakharnyy. — Text : unmediated // Human. Text. Culture. — Ekaterinburg : Institute for the Development of Regional Education, 1994. — P. 48—64. [Chelovek i tekst: dve grammatiki teksta / L. V. Sakharnyy. — Tekst : neposredstvennyy // Chelovek. Tekst. Kul'tura. — Ekaterinburg : Institut razvitiya regional'nogo obrazovaniya. 1994. — S. 48—64]. — (In Rus.)
34. Sedov, K. F. Neuropsycholinguistics / K. F. Sedov. — Moscow : Labyrinth, 2007. — 224 p. — Text : unmediated. [Neyropsikholingvistika / K. F. Sedov. — Moskva : Labirint, 2007. — 224 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
35. Walter, G. Living Brain / G. Walter; transl. from English by A. M. Gurvich. — Moscow : World, 1966. — 300 p. — Text : unmediated. [Zhivoy mozg / G. Uolter ; per. s angl. A. M. Gurvich. — Moskva : Mir, 1966. — 300 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
36. Chudinov, A. P. Essays on Modern Political Metaphorology : monograph. / A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg : [s. n.], 2013. — 176 p. — Text : unmediated. [Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii : monogr. / A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2013. — 176 c. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
37. Shelestyuk, E. V. Methods for Identifying Quantitative Indicators of Truth, Information Content and Information Density of Texts / E. V. Shelestyuk. — Text : unmediated // Language System: Synchronicity and Diachrony: interuniversity collection of scientific articles. — Ufa : RITs BashGU, 2009. — P. 151—156. [Metodika vyavleniya kolichestvennykh pokazateley istinnosti, informativnosti i informatsionnoy plotnosti tekstov / E. V. Shelestyuk. — Tekst : neposredstvennyy // Sistema yazyka: sinkhroniya i diakhroniya : mezhvuz. sb. nauch. statey. — Ufa : RITs BashGU, 2009. — S. 151—156]. — (In Rus.)
38. Shannon, K. Works on Information Theory and Cybernetics / K. Shannon. — Moscow : Publishing house of foreign literature, 1963. — 830 p. — Text : unmediated. [Raboty po teorii informatsii i kibernetike / K. Shannon. — Moskva : Izd-vo inostrannoy literatury, 1963. — 830 c. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
39. Ekman, P. Psychology of Emotions. I Know How You Feel / P. Ekman. — 2nd ed. — St. Petersburg : Publishing house "Piter", 2018. — 334 p. — Text : unmediated. [Psikhologiya emotsiy. Ya znayu, chto ty chuvstvuesh' / P. Ekman. — 2-e izd. — Sankt-Peterburg : Izd-vo Piter, 2018. — 334 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
40. Lucey, P. The Extended Cohn-Kanade Dataset (CK+): A complete expression dataset for action unit and emotion-specified expression / P. Lucey, J. F. Cohn, T. Kanade, J. Saragih, Z. Ambadar, I. Matthews. — Text : unmediated // Proc. of the IEEE Computer Society Conference on Computer Vision and Pattern Recognition-Workshops, IEEE. — 2010. — P. 94—101.
41. Kanade, T. Comprehensive database for facial expression analysis / T. Kanade, J. F. Cohn, Y. Tian. — Text : unmediated // Proceedings of the Fourth IEEE International Conference on Automatic Face and Gesture Recognition. — Grenoble, France, 2000. — P. 46—53.
42. Rogozhnikova, T. Psycholinguistic tools for decoding suggestive potential of verbal models / T. Rogozhnikova. — Text : electronic // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. — ISSN 2352-5398. — France : Atlantis Press SARL, 2017. — URL: <https://doi.org/10.2991/cildiah-17.2017.45>.
43. Rogozhnikova, T. Suggestive Resources of Complex Verbal Models / T. Rogozhnikova. — Text : electronic // Proceedings of the 8-th International Scientific and Practical Conference "Current issues of linguistics and didactics: The interdisciplinary approach in humanities" (CILDIAHSS 2018). — France : EDP Sciences — SHS Web of Conferences, 2018. — Vol. 50. — 01147. — URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001146>.
44. Rogozhnikova, T. M., Suggestive status of the verbal model and its associative colority / T. M. Rogozhnikova, N. V. Efimenko. — Text : electronic // Current issues of linguistics and didactics: The interdisciplinary approach in humanities. — France : EDP Sciences — SHS Web of Conferences, 2018. — Vol. 50. — 01147. — URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20185001147>.

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.352.2'42:811.352.2'38
ББК Ш160.2-51+Ш106.2-55
DOI 10.26170/pl20-05-16

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 10.02.19

Л. А. Агрба

Абхазский государственный университет, Сухум, Республика Абхазия
ORCID ID: 0000-0002-4951-6214

 E-mail: lagrba@mail.ru.

Тактико-стратегический репертуар Владислава Ардзинбы

АННОТАЦИЯ. Исследование посвящено анализу тактико-стратегического комплекса дискурсивных средств, используемых Владиславом Григорьевичем Ардзинбой для осуществления эффективной деятельности на посту лидера государства. В год 75-летия со дня рождения первого президента Абхазии хотелось бы обратиться к риторическим и коммуникативно-когнитивным аспектам языковой личности, ставшей одной из самых значимых для своего времени политических фигур на постсоветском пространстве. **Актуальность** исследования обусловлена недостаточной изученностью особенностей и характерных черт В. Г. Ардзинбы как языковой личности. **Целью** исследования является выявление основных тактик и стратегий, выполняющих в текстах политика стилиобразующую функцию. **Наша задача** — раскрыть установки, которые обуславливают используемый адресатом определенный набор языковых средств, а также понять речевое поведение языковой личности политика. Стратегии, характерные для политического дискурса, способствуют установлению контакта, активному воздействию друг на друга электората и политика, формированию его имиджа, а от правильно выбранной речевой стратегии и приемов ее реализации зависит успешность политика. Реализация определенных стратегий через набор речевых тактик позволяет политику выполнять коммуникативные задачи, а именно информировать граждан, интерпретировать факты и события, повышать личный политический статус, объединять массы вокруг идеи и побуждать их к определенным действиям, дискредитировать политических оппонентов и т. д. **В результате** исследования выявлены наиболее характерные тактико-стратегические средства, используемые В. Г. Ардзинбой в политическом дискурсе для осуществления своих целей. Установлено, что стратегии и тактики, применяемые политиком, отвечали внешне-политическим факторам и были обусловлены общим положением дел в стране.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; языковая личность; идиостиль; политический дискурс; политическая риторика; лингвоперсоналогия; политические тексты; риторические приемы; политические деятели; Президент Абхазии; коммуникативные задачи.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Агрба Лана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского и немецкого языков, Абхазский государственный университет; 384900, Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Университетская, 1; e-mail: lagrba@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Агрба, Л. А. Тактико-стратегический репертуар Владислава Ардзинбы / Л. А. Агрба // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 183-192. — DOI 10.26170/pl20-05-16.

ВВЕДЕНИЕ

Детерминирующими факторами успеха, делающими фигуру политика узнаваемой, являются в числе прочих правильная организация речевой деятельности, выбор целевых установок и использование тактико-стратегических средств для повышения результативности коммуникации. Грамотная презентационная тактика, умелое применение технологий и медиаканалов являются неотъемлемой частью диалога «власть — общество» [Шарков 2012], а конечная цель любой коммуникативной стратегии — «коррекция модели мира адресата», которая достигается за счет введения собственных интерпретаций (проблем, тем, событий, образов и т. д.) как общих, разделяемых всеми [Иссерс 1999: 109].

Очевидно, что для эффективного влияния на общественное мнение значимы как «выбор языковых средств для выражения

мысли, так и само содержание речи — её смысл, приводимая аргументация, расположение элементов текста относительно друг друга, использование специальных приемов речевого воздействия» [Стернин 2012: 57—58], а также грамотное применение тактико-стратегического комплекса, придающего всем перечисленным элементам инерцию.

Исследуя речеповеденческие стратегии и тактики языковой личности как субъекта политического дискурса, мы рассматриваем их как способ оказания влияния через реализацию системы культурно обусловленных значений, отражающих разделяемые членами социума знания, пресуппозиции и ценности [Воркачев 2001]. Являясь механизмом воздействия, они также оказывают влияние на имидж политика, формируя его языковой образ, идиостиль, делая фигуру политика узнаваемой, так как в эффективном использовании коммуникативных стратегий и тактик

проявляется риторическая грамотность человека [Паршина 2004].

Под речевой стратегией в исследовании мы понимаем «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, а под речевой тактикой — одно или несколько речевых действий, которые способствуют реализации стратегии... Речевая стратегия определяет семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего» [Иссерс 1999: 54, 105]. Стратегии и тактики соотносятся с набором отдельных коммуникативных интенций, которые «эксплицируются совокупностью приемов, обуславливающих применение языковых средств» [Атьман 2011: 98]. Таким образом, если представить стратегию как общую интенцию действия, то тактики — это конкретный языковой алгоритм реализации плана; стратегия соотнесена с коммуникативной целью, а тактика — с намерением.

В интересующей нас области политической коммуникации, по замечанию А. П. Чудинова, «стратегия ориентирована на изменение политических взглядов адресата, на преобразование его отношения к тем или иным теориям, событиям, людям» [Чудинов 2006: 76], а тактика определяет элементы речевого воздействия и аргументации. В рамках выбранной стратегии политик может применять различные тактики. Они подвижны и позволяют гибкому и быстро ориентирующемуся в ситуации политику использовать наиболее подходящую и эффективную для данного контекста и периода общения речевую тактику.

Исследуемая нами языковая личность первого президента Абхазии Владислава Григорьевича Ардзинбы характеризуется такой организацией речевой деятельности и целевых установок политического дискурса, которая обеспечивала полное доверие и привлечение масс, внушала ощущение правильности действий и оценок политика. Во многом благодаря правильному выбору определенных коммуникативных стратегий и тактик личность политика стала не только легко узнаваемой, но и любимой народом. В статье мы попытаемся систематизировать и проанализировать основные приемы в тактико-стратегическом арсенале политика.

ОТБОР И КЛАССИФИКАЦИЯ ТАКТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В исследованиях политического дискурса существует множество классификаций тактик и стратегий. Во всех типологизациях учитываются интенции говорящего и коммуникативный контекст. Так, О. Н. Паршина

выделяет: 1) стратегию самопрезентации, целью которой является создание положительного образа политика; 2) информационно-интерпретационную стратегию, которая служит для удержания властных полномочий и отражает восприятие и оценку политиком происходящих событий; 3) аргументативную стратегию, используемую для убеждения адресата [Паршина 2005].

О. С. Иссерс выделяет основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные типы стратегий. К основным стратегиям относятся те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей, поведение, а вспомогательные способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия. Среди них выделяются прагматические (коммуникативно-ситуационные) стратегии, подразумевающие учет компонентов коммуникативной ситуации, диалоговые (конверсационные) стратегии, которые используются для контроля за организацией диалога, а также риторические стратегии, в рамках которых используются приемы ораторского искусства [Иссерс 2009: 104—109].

Исследуя политический дискурс как сферу реализации манипулятивного воздействия, выделяют: 1) стратегию на понижение, реализуемую через тактику анализа «с минусом» (разбор ситуации, предполагающий имплицитное выражение отрицательного отношения к описываемому), тактику обвинения, тактику безличного обвинения, тактику обличения, тактику оскорбления, тактику угрозы; 2) стратегию на повышение, обслуживаемую тактикой анализа «с плюсом» (разбор ситуации, предполагающий имплицитное выражение положительного отношения к описываемому), тактикой презентации, тактикой неявной (само)презентации, тактикой отвода критики, тактикой (само)оправдания; 3) стратегию нейтральности, которая представлена тактикой побуждения, тактикой кооперации, тактикой размежевания, тактикой информирования, тактикой обещания, тактикой прогнозирования, тактикой предупреждения, тактикой иронизирования, тактикой провокации [Михалева 2004: 63].

Рассматривают и другие стратегии: борьбы за власть, самозащиты, удержания власти, информационно-интерпретационную, формирования эмоционального настроения адресата, убеждения, агитационную, дискредитации и др. [см.: Куптышева 2013; Паршина 2007; Цуциева 2012].

Изучив различные методы и варианты классифицирования, попытаемся выявить основные стратегии и тактики, максимально полно отражающие индивидуальность ана-

лизируемой языковой личности. В исследовании мы выделили как особенно характерные для идиостиля В. Г. Ардзинбы:

- **информационно-интерпретационную стратегию** (актуализируемую тактиками убеждения, признания существования проблемы, призыва, акцентирования положительной информации).

Одной из наиболее частотных речевых стратегий по классификации О. Н. Паршиной является информационно-интерпретационная стратегия, так как она важна с точки зрения удержания внимания масс. «Большое место в речевой деятельности политиков, находящихся у власти, занимает воздействие на общество, осуществляемое через подачу информации и ее интерпретацию, что, конечно, не исключает использования и других средств, например, отдельных приемов манипуляции» [Паршина 2007: 79].

В. Г. Ардзинба не просто информировал общественность, но анализировал, интерпретировал, помогал лучше понять причины проблем, что говорит об уважении к слушателям. При этом тексты его выступлений кратки, динамичны, информативно насыщены. Идиостиль Ардзинбы отличался стремлением к точности, документальности, фактографичности, что помогало политике создавать имидж объективного лидера, использующего аргументы, против которых невозможно возражать.

Центральная политическая тактика В. Г. Ардзинбы — *убеждение*. С помощью языковых средств адресант влиял на мнение масс и создавал доверие к тому, что произносил или совершал. «Владислав обладал харизмой, логикой и даром убеждения — и приходила уверенность в успех правого дела абхазов» [Чамагуа 2013: 12]. Отличительной особенностью идиостиля Ардзинбы является то, что ему без видимых языковых маркеров манипулирования, путем прямого обращения к народу удавалось оказывать воздействие на широкие слои общества. «**Нам придётся обратиться к народу, чтобы весь народ поднять на борьбу с преступниками**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 129]. «**Поскольку нас поставили в эти условия, мы вынуждены и будем защищаться**, пока последний грузинский солдат не покинет нашу территорию» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 55]. «**Нам нельзя терять бдительности... войны не должно быть**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 130].

Политик не скрывал наличия проблем, не снимал с себя ответственности, не замалчивал и не избегал сложных, неприятных тем. И именно *тактика признания существования проблем*, несомненно, положитель-

но сказывалась на укреплении авторитета политика. «**Проблем много**. Все — главные: беженцы, продовольствие, электроснабжение. Надо восстанавливать коммунальное хозяйство и ликвидировать последствия войны» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 97]. Симпатии населения были на стороне лидера, который думал о последствиях и просчитывал шаги наперед: «Принимать решения я должен **на основе всех факторов и учёта того, какие будут последствия**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 28]. «У нас много кукурузы. Убирать не успеваем. Надеюсь, **не пропадём**, даже если блокада останется...» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 99].

В. Г. Ардзинба умел эмоционально настраивать массы. Он честно предупреждал народ о том, что настанут непростые времена, но призывал не сдаваться, не падать духом. «Пока ситуация неопределенная, мы стремимся, чтобы она постепенно нормализовалась, **расслабляться здесь нельзя**. ... Вы видите, что неоднократно соглашения, которые подписывались, — они нарушались, это тоже не исключено, поэтому **мы не должны здесь расслабляться**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 28]. «Самое страшное — позади, а **самое трудное — впереди**. Самое страшное — это война и всё с ней связанное. Самое трудное впереди потому, что **теперь перед нами стоят очень большие проблемы**» [Сайт первого президента Абхазии www].

Используя *тактику призыва*, В. Г. Ардзинба позиционирует себя как политика, который верит в то, что шанс добиться победы всем вместе очень велик. «На войне как на войне. **Не всегда бывают только одни победы, бывают и поражения**. Бывают и неудачные наступления. **Мы не можем и не имеем права падать духом**. Борьба с фашизмом будет продолжаться. **Мы сделаем все необходимые выводы** из нашего наступления. И я глубоко убежден в том, что **победа будет на нашей стороне!**» [Сайт первого президента Абхазии www]. Как видно из примера, на речевом уровне тактика призыва представлена глаголами в форме повелительного наклонения;

- **стратегию формирования положительного настроения** (усиленную тактикой единения).

Поддержание национального духа осуществляется с помощью стратегии формирования положительного эмоционального настроения адресата, усиленной тактикой единения, одной из самых значимых в арсенале В. Г. Ардзинбы, характеризующейся использованием лексем, несущих идею единения.

Политик демонстрирует в любой, даже самой сложной ситуации позитивный настрой, доброжелательность, подчеркнутую вежливость. В. Г. Ардзинба говорил: «Нужно поддержать веру людей в успех...» [цит. по: Чамагуа 2013: 18]. Лидер страны даже в самые тяжелые времена подбадривает народ и вселяет веру в то, что он выстоит: **«Абхазия не так одинока, как изображают. Я сам поражаюсь, сколько у нас в мире друзей!»** [Сайт первого президента Абхазии www].

Личная убежденность В. Г. Ардзинбы служила стимулом для борьбы народа. «У Владислава была **твердая и постоянная позиция, была вера**. Он все время говорил: **„Мы выиграем и все свои дела решим“**» [Джергения 2019: 51]. «Всегда была в нем уверенность, что идеи свободы реальны, что положение народа можно изменить к лучшему» [Чамагуа 2013: 40]. «Я оптимист», — утверждал политик в своих интервью [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 83]. «Я лично смотрю достаточно оптимистично на развитие политического процесса урегулирования» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 178]. «Я здоровый реалист и здоровый оптимист», — так сам себя оценивал Ардзинба [Сайт первого президента Абхазии www]. Поэтому каждый раз, говоря о будущем, политик рисует его в ярких, радужных тонах, что служит свидетельством дальновидности, мудрости опытного политика, наделенного прогностическим талантом: «Борьба абхазов за свои права, за свободу и демократию **должна увенчаться успехом**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 40]. «И как, в конце концов, прекратится этот дождь, так и **уйдут со временем наши тревоги и горести, и Абхазия будет свободной и счастливой**. И да поможет нам в этом Великий и Всемогуший!» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 217]. «**Вызывает оптимизм** то, что в странах, которые имеют вес в мире, всё больше склоняются к тому, что грузино-абхазский **конфликт будет решен только мирным путем**. И еще я убежден, что **самое тяжелое для нас позади**... В Новый год **мы войдем** с уверенностью, что сделано уже немало, но **завтра будет значительно лучше**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 310]. «Именно умение политика в любой ситуации оставаться позитивно настроенным дает избирателям уверенность в том, что ситуация находится под контролем и их стабильности ничто не угрожает; именно его способность смотреть в многообещающее будущее и не сокрушаться по поводу состоявшегося, пусть и неудачного, прошлого приносит ему дополнительные очки в глазах избирателей, которые хотят

уверенно идти за лидером в завтрашний день, а не волочиться за ним в надоевшее всем прошлое; именно его знание того, как грамотно подобрать слова утешения или обличения, настраивает его сограждан на правильную волну и продлевает его политическое благоденствие» [Мухортов 2018: 79].

Следует подчеркнуть, что в речи политика доминирует лексика с положительной семантикой, она необходима оратору для настраивания сограждан на преодоление трудностей. Как видно из примеров, многие фразы и предложения политика носят аффирмативный характер, способствуя улучшению психоэмоционального фона, как бы стимулируя положительные перемены. **«Мы не станем ходить с протянутой рукой и будем сами в состоянии восстановить страну»** [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 257]. «...И надеюсь, и мечтаю о том, что когда-нибудь мы сможем определенно сказать, что **Абхазии гарантировано мирное развитие**. И когда всё будет нормально, я мечтаю вернуться в науку» [Сайт первого президента Абхазии www]. Наличие в риторике говорящего большого количества лексики с позитивным зарядом, безусловно, усиливает речевое воздействие на слушателей.

На языковом уровне тактика усиливается употреблением эмоционально окрашенной лексики и сочетанием местоимений «я» + «мы». Тем самым политик демонстрирует, что находится в постоянном диалогическом общении со своим народом. **«Я думаю, что мы должны выстоять** в этот трудный час, и мы выстоим, **мы нанесем поражение** тем, кто сеет смерть и разрушения в Абхазии...» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 19]. «Поймите, мне тоже очень нелегко, очень трудно, но **я глубоко уверен** в том, что **у нас есть соответствующая поддержка**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 18]. После подписания Московского соглашения, вызвавшего неоднозначную реакцию в абхазском обществе, В. Г. Ардзинба скажет: **«Я понимаю, конечно, разочарование моих соотечественников, но я думаю, что всякое явление и всякое решение надо рассматривать всесторонне и оценивать не только его отрицательные стороны, но и положительные тоже»** [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 26];

• **стратегию позиционирования** (реализуемую тактиками самоидентификации и демонстрации профессионального успеха).

Коммуникативная стратегия позиционирования (стратегия самопрезентации, или имиджевая) является одной из самых важных для политика, она используется всеми без исключения политиками и универсальна

в области политического дискурса. Она выполняет одну из основных для политика коммуникативных задач — привлечения внимания и симпатий электората в рамках политического дискурса; реализуется с помощью демонстрации профессионализма, успеха, исключительных черт и т. д. Т. ван Дейк причисляет ее к «макростратегиям». Наряду со стратегией «позитивной самопрезентации», он выделяет «негативную презентацию оппонента», называя обе стратегии комплементарными по отношению друг к другу [Dijk 1993].

Для любого политика важно грамотно сформировать привлекательный образ. Он всегда старается убедить публику в своей политической компетентности в системе государственного управления и осведомленности в области международной политики, а это без положительного имиджа невозможно. Однако в случае с анализируемой нами языковой личностью данная стратегия не являлась доминирующей. В. Г. Ардзинба был очень скромным человеком, человеком науки, и не акцентировал внимание на распространении информации о себе. Положительная репутация политика складывалась сама по себе на основании тех решений и шагов, которые он предпринимал. Его действия работали на его имидж. То есть в случае с анализируемой нами языковой личностью речь идет не о самопрезентации политика как саморекламе, а скорее об открытом диалоге с публикой в медиапространстве и журналистской презентации политика, что проявлялось через демонстрацию его образа, передачу его мыслей, опыта, личностных характеристик. В такой репортерской интерпретации складывался образ лидера, способного объединить под знаменами своих идей значительные слои населения и активно влиять на жизнь общества.

Стратегия самопрезентации В. Г. Ардзинбой реализуется имплицитно и выражается в тактике солидаризации с народом за счет отнесения себя к нему как части к целому. В рамках стратегии самопрезентации основная тактика в идиостиле Ардзинбы — это тактика солидаризации, актуализируемая в следующих семантических позициях: «парень из народа» или «я = народ», выражаемая личным местоимением «мы» в контексте единства автора и народа. Имплицитная самоподача в медиаформате репрезентируется в виде создания имиджа коллективного полиадресанта. «В нем сочеталось всё, что необходимо современному, европейски образованному политику. При этом он оставался абхазцем, со свойственным эшерскому крестьянину (так он себя называл) менталитетом» [Джергения 2019: 13].

Элементами имиджевой стратегии можно считать такие, которые реализованы в том числе в репрезентации образа жизни политика, фактов его прошлого, его «бытовых» правил и привычек. «Я не считаю, что став президентом, должен меняться как личность — наоборот, следует стараться, чтобы этого не произошло. Я **выполняю свой долг**, но этот род занятий мне не очень симпатичен. Для души **наука куда лучше** — там много открытий, а **в политике много хлопот** и проблем. Не люблю людей, которые много говорят. Я всё-таки родился в деревне и сейчас, когда находится свободное время, вожусь на нашем участке с кукурузой, огурцами, помидорами. Всё, что мама на зиму заготовила — выращено моими руками» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 235].

Его стремление к самореализации как политика — в желании сделать всё возможное для защиты своего народа, для сохранения этноса. «Я оказался в роли руководителя Абхазии в силу стечения обстоятельств. Сначала это серьезно не воспринимал. Думал, что пришел на какой-то незначительный период... В войну **нельзя было отойти от дел, это равносильно предательству** тех, кто стоял насмерть» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 153]. Ардзинба так описывает свое появление на политической арене: «Что касается моего прихода в большую политику, то для меня как для ученого он был достаточно неожиданным, поскольку я себя к **такой карьере никогда не готовил**. Всегда **мечтал о судьбе ученого** и сожалею, что мне пришлось, в силу известных обстоятельств, уйти из науки» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 174].

В арсенале В. Г. Ардзинбы множество репрезентирующих, контактоустанавливающих микроролей, о которых хотелось бы упомянуть: «я — политик», «я — гражданин», «я — историк/ученый/профессионал». Также важны имиджевые роли, реализованные Ардзинбой во время и после войны — это «лидер нации», «главнокомандующий», «патриот, испытывающий гордость за страну и свой народ», «сильный и уважаемый лидер», «государственник». Каждый из этих образов, блестяще примеряемых политиком, требует отдельного анализа, так как выполняет тактическую задачу построения полного и достоверного портрета личности политика. Однако объем предлагаемого исследования не позволяет нам этого сделать.

В структуре политического портрета В. Г. Ардзинбы мы выделяем следующие основные ценностно-содержательные составляющие: 1) имидж успешного профес-

сионала и политического деятеля; 2) имидж главнокомандующего; 3) имидж политика с личностными характеристиками, необходимыми для участия в политической деятельности в качестве лидера народа. Считаем, что правильно было бы квалифицировать ученого В. Г. Ардзинбу, ставшего политиком, как лицо, оказавшееся в силу исторически обусловленных причин «в зоне повышенной речевой ответственности» (А. К. Михальская), как «профессиональную языковую личность» (А. А. Ворожбитова) особого типа — ученого, вынужденного примерить на себя роль политика. А ведь это не было его целью: «Больше всего мечтаю не о высшей власти и могуществе, а о своем возвращении в **Институт истории. Там моё место, там моё назначение**, и я непременно воспользуюсь благоприятными обстоятельствами, чтобы снова заниматься любимым делом» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 140]. «Душевно и по складу характера я всё же **остаюсь ученым, историком** и люблю это дело значительно больше, чем политику. Знаете, в политике приходится иметь дело с людьми, начисто лишенными каких-либо нравственных принципов и идеалов... Но коль скоро **на мою долю выпало такое испытание**, я пока держусь. Хотя с большим удовольствием я покинул бы этот пост и пошел бы снова работать директором Абхазского института. Это у меня такая маленькая мечта. Мечта, что я смогу в один прекрасный день вернуться в свой родной институт...» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 214];

• **стратегию дискредитации оппонента** (реализуемую посредством тактики акцентирования отрицательной информации о противнике, обличения, обвинения и угрозы, а также тактики переноса ответственности).

В. Г. Ардзинба демонстрирует ровный, сдержанный, спокойный стиль общения, его суждения всегда взвешенны, логичны и продуманны. Вместе с тем для идиостиля политика характерны настойчивость в отстаивании своих идей, смелость, готовность критически высказаться. Он дает оценочные комментарии критического характера, часто выражая свою оценку короткой меткой репликой, хлестким, иногда довольно жестким высказыванием. В. Г. Ардзинба выступает в роли прагматика, который, однако, не боится прямой конфронтации с оппонентом, представляющим угрозу для народа, чьи интересы он представляет и отстаивает. Такое речевое поведение не только определяет лидера в качестве «своего», но и реализует обращение к «своему» электорату через оценочный контекст.

Часто его оценки и замечания отличаются жесткой и непримиримой позицией по отношению к оппонентам, что находит свое отражение в тактиках обвинения и переноса ответственности. Как часть *стратегии дискредитирования оппонента* В. Г. Ардзинба использует *тактику акцентирования отрицательной информации о противнике*. «В Грузии фактически существует **военно-фашистский режим**. А он не может существовать за счет других источников, как только насилие» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 38]. «Грузинские войска оккупируют нашу территорию, уничтожают там законные органы власти, пытаюсь подменить их своими марионетками, и фактически осуществляют **геноцид** против абхазского народа, более того, изгоняются русские, армяне, греки, то есть идет процесс преобразования Грузии в мононациональную республику. То есть на нашей земле происходит реализация **фашистской идеи**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 42].

Обратим внимание, что довольно часто для описания действий врага сын участника Великой Отечественной войны В. Г. Ардзинба использует слово *фашизм* как обозначение наиболее страшного и опасного явления, чуждого всему *человеческому, цивилизованному*. «**Мы здесь в Абхазии все**, и старое поколение, и молодое — **антифашисты**» [Сайт первого президента Абхазии www].

По выбору и использованию языковых средств аргументацию В. Г. Ардзинбы можно охарактеризовать как *явную* в связи с открытыми оценками и прямыми номинациями, но при этом *корректную* с точки зрения соблюдения норм речевого этикета. «Что действительно сегодня имеет место, так это **политика государственного терроризма** в отношении Абхазии. Насильственная ликвидация государственности одного народа другим — это и есть настоящий государственный терроризм» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 52—53]. «...Еще один показатель того, как „нежно“ Грузия нас любит. Нам предлагают войти в состав государства, которое готово **уморить нас голодом**, ради достижения своих **гегемонистских целей**. Отсюда наше „большое желание“ быть вместе с таким государством. Грузии не следует уповать на то, что с помощью международных сил и России Абхазию можно **задушить голодом**. Это совершенно бесперспективные надежды, и они никогда не сбудутся» [Сайт первого президента Абхазии www]. «**Если бы не действия грузинской стороны**, то, наверное, согласие могло бы быть постепенно достигнуто» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 55].

Как видно из примеров, В. Г. Ардзинба в *тактике обвинения и угрозы* использует довольно яркие, порой ироничные, речевые акты аргументированного возмущения, имеющие одну коммуникативную интенцию — выражение резко негативной оценки слов/действий собеседника. Они представляют собой фразы, часто в форме лексических единиц с ярко выраженной негативной коннотацией, метафор, идиоматических выражений. Реплики такого типа направлены на разрушение имиджа соперника, носят безапелляционный характер и оказывают на слушателей серьезное эмоциональное воздействие. «Я глубоко убежден в том, что **если мир узнает** о том, что творилось в Абхазии, что здесь сделано, как обращаются с людьми, **...то мир ужаснется** от того, что здесь происходило. Это будет **позорное пятно на совести** тех, кто совершил эту акцию в Абхазии» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 29]. «Все показания пострадавших мы фиксируем и считаем. **За эти преступления должны понести наказание** определенные лица, как военные, так и политики» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 37]. «В Турции живет более 300 тысяч абхазов — больше, чем в самой Абхазии. **Мы будем более активно обращаться к кавказским братьям, чтобы они возобновили запись добровольцев.** Пока мы сдерживаем этот процесс...» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 58]. «Если Грузия активизирует боевые действия, мы будем вынуждены обратиться за помощью к братским народам Северного Кавказа, попросить их о возобновлении записи добровольцев. Я понимаю, что **это грозит разрастанием конфликта до всекавказских масштабов.** Поэтому войну в Абхазии надо прекращать» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 65]. «**Мы не обязаны** считаться с подобными притязаниями. **Свои интересы мы будем отстаивать жестко,** а если надо, то и военным путем будем защищаться» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 247].

Используя *тактику обличения и дискредитации*, В. Г. Ардзинба подчеркивал двуличие, хитрость, лживость политических соперников, называя их «псевдодемократами», «международными политическими авантюристами», приводящими «досужие доводы», совершающими «хитрые политические выкрутасы», прикрывающимися «ужасными масками», применяющими «спекулятивный подход в решении конфликта с Абхазией». На уровне языкового воплощения тактика манифестируется оценочными эпитетами с отрицательным компонентом значения (*ужасный, хитрый, авантюрный,*

лживый и т. д.) «Мне трудно поверить, что Шеварднадзе может говорить **заведомо ложные вещи...**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 22]. «**Военщиной и дипломатией Шеварднадзе похоронен** Итоговый документ Московской встречи» [Сайт первого президента Абхазии www]. В приведенных фрагментах оценки оппонентов отличаются повышенной экспрессивностью.

Тактика переноса ответственности реализуется ссылкой на оппонента и обращением к нему, сопровождаемым прямой или косвенной негативной характеристикой. «Будет такой договор или нет — **будет во многом зависеть от Грузии,** от того, сможет ли она изменить свое отношение, или по-прежнему будет относиться к Абхазии как к своей колонии» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 144]. «Подавляющее большинство населения прекрасно понимает ответственность **тех людей, которые приняли решение о введении войск,** и ответственность тех депутатов парламента из грузинской фракции, которые всегда ратовали за это и которые **несут свою вину за то, что они призывали эти войска**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 26]. «**Вся ответственность** за возможное возобновление боевых действий **целиком и полностью ложится на руководство Грузии**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 119].

Прием сопоставления, активно применяемый политиком, придает речи особенную выразительность и привлекает внимание слушателей. «Тем самым **мы показали, что готовы к миру,** готовы к прекращению кровопролития, **как и было всегда.** Пусть противная сторона покажет, что она действительно готова к этому миру, готова прекратить кровопролитие, так что **теперь это зависит от другой стороны**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 28].

Как видно из примера, коммуникативное поведение политика представлено в двух основных разновидностях коммуникации — конфронтативной (*тактика побуждения к борьбе, тактика переноса ответственности, дискредитации и запугивания оппонента*) и кооперативной (*компромиссная тактика*). Подобное переплетение коммуникативных тактик, усиленное ярким языковым оформлением, создает эффект дополнительного психологического напряжения, запугивания оппонента.

Подчеркнем, что выбор и реализация В. Г. Ардзинбой системы стратегий и тактик были продиктованы стоявшими перед политиком целями и задачами. Они указывают на серьезность, эксплицитность намерений, убежденность политика в правоте своих

действий. Грамотно подобранные речевые и коммуникативные стратегии и тактики позволяли В. Г. Ардзинбе максимально эффективно и оперативно взаимодействовать с аудиторией, привлекать внимание слушателей и воздействовать на их убеждения, заручившись их полным доверием. Политик в основном использует речевые стратегии и тактики, характерные для публичных выступлений и политического дискурса, однако отличительным признаком идиостиля В. Г. Ардзинбы можно считать комбинированное использование речевых стратегий и тактик, что служит более эффективному достижению коммуникативных целей.

ВЫВОДЫ

Исходя из проведенного анализа, как наиболее важные для понимания особенностей идиостиля В. Г. Ардзинбы мы выделили следующие тактико-стратегические средства, которые определяют ядерные признаки языковой личности политического лидера:

– стратегия позиционирования интегрированного образа лидера, готового вместе со своим народом бороться при отстаивании национальных интересов (*представлена тактиками единения, ассоциированности с народом*);

– стратегия противопоставления и контраста, основанная на игре конфронтации и компромисса (*представлена тактиками обвинения, дискредитации, переноса ответственности, запугивания, а также компромисса, сотрудничества, открытости к диалогу*);

– информирующая и контактоустанавливающая стратегия (*представлена тактиками убеждения, признания существования проблемы, призыва, акцентирования положительной информации*);

– имиджевая стратегия (имплицитно представлена тактикой позиционирования себя в качестве «парня из народа»).

Считаем, что к основным речевым стратегиям В. Г. Ардзинбы в анализируемых текстах относятся *информационно-интерпретационная, аргументативная, стратегия формирования эмоционального настроения и агитационная*. Реализация перечисленных стратегий и тактик позволила Владиславу Ардзинбе выполнить ряд ключевых для любого лидера коммуникативных задач, а именно:

– обеспечить аргументированное информирование населения о целях и задачах, а также о перспективах развития государства;

– убедить народ в правильности выбранного курса и предпринимаемых правительством шагов;

– вызвать симпатии и доверие населения Абхазии;

– повысить личный авторитет и статус политика в обществе;

– подвергнуть полной дискредитации политических оппонентов;

– объединить народ, поднять его для противостояния врагу;

– побудить народные массы к действиям, приведшим в конечном счете к победе в освободительной войне.

ИСТОЧНИКИ

1. Мы шли на смерть, чтобы жить: сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба / сост. Л. К. Ардзинба. — Сухум, 2011. — Текст : непосредственный.

2. Сайт первого президента Абхазии. — URL: www.ardzinba.com. — Текст : электронный.

ЛИТЕРАТУРА

3. Атьман, О. В. Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жарге политического дискурса США / О. В. Атьман. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2011. — № 1 (35). — С. 96—102.

4. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев. — Текст : непосредственный // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64—72.

5. Джергения, А. М. О первом президенте Республики Абхазия Владиславе Ардзинба (статьи, интервью) / А. М. Джергения. — Сухум, 2019. — Текст : непосредственный.

6. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : моногр. / О. С. Иссерс. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 1999. — 285 с. — Текст : непосредственный.

7. Иссерс, О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О. С. Иссерс. — Москва : Флинта : Наука, 2009. — 224 с. — Текст : непосредственный.

8. Культышева, И. В. Использование коммуникационных стратегий во время теледебатов избирательной кампании в Государственную думу 2011 года / И. В. Культышева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2013. — № 3 (45). — С. 106—113.

9. Маслова, В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова / В. А. Маслова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2008. — № 1 (24). — С. 43—48.

10. Михалева, О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия : дис. ... канд. филол. наук / Михалева О. Л. — Иркутск, 2004. — Текст : непосредственный.

11. Мухортов, Д. С. О прагмалингвистических особенностях вербального поведения американского президента Ричарда Никсона (на материале избранных речей) / Д. С. Мухортов. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Т. 9. — № 1. — С. 77—92.

12. Паршина, О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / О. Н. Паршина ; под ред. О. Б. Сиротининой. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. — 227 с. — Текст : непосредственный.

13. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России / О. Н. Паршина. — Астрахань : Изд-во АГТУ, 2004. — 325 с. — Текст : непосредственный.

14. Паршина, О. Н. Риторический портрет современного российского политика / О. Н. Паршина. — Текст : непосредственный // Записки Горного института. — Санкт-Петербург, 2005. — Ч. 1. — С. 59—60.

15. Стернин, И. А. Основы речевого воздействия : учеб. издание / И. А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2012. — 178 с. — Текст : непосредственный.

16. Цуциева, М. Г. Языковая личность как субъект политического дискурса / М. Г. Цуциева. — Текст : непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2012. — Вып. 2. — С. 104—107.

17. Чамагуа, В. З. Эпоха Владислава. Хроники / В. З. Чамагуа. — Сухум : РУП «Дом печати», 2013. — 316 с. — Текст : непосредственный.

18. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта-наука, 2006. — 254 с. — Текст : непосредственный.

19. Шарков, Ф. И. Коммуникология: социология массовой коммуникации / Ф. И. Шарков. — 2-е изд. — Москва : Дашков и К., 2012. — 320 с. — Текст : непосредственный.

20. Dijk, T. A. van. Principles of Critical Discourse Analysis / T. A. van Dijk. — Text : unmediated // Discourse & Society. — 1993. — N. 4 (2). — P. 249—283.

L. A. Agrba

Abkhazian State University, Sukhum, Republic of Abkhazia

ORCID ID: 0000-0002-4951-6214

 E-mail: lagrba@mail.ru.

Tactical and Strategic Repertoire of Vladislav Ardzinba

ABSTRACT. *The study is devoted to analysis of the tactical and strategic array of discursive means used by Vladislav G. Ardzinba to carry out effective governance as a leader of the state. In the year of the 75th anniversary of the birth of the first President of Abkhazia, the author expresses a wish to address the rhetorical and communicative-cognitive aspects of the linguistic personality, who has become a most significant political figure on the post-Soviet territory of the time. The urgency of research arises from the insufficient study of the typical and characteristic features of V. G. Ardzinba as a linguistic personality. The aim of the study is to identify the main tactics and strategies that perform a style-forming function in the texts of the politician. The author's task is believed to reveal the attitudes that determine the specific set of language tools used by the speaker, as well as to understand the speech behavior of the linguistic personality of the politician. The strategy is typical of political discourse and helps to establish contact and active mutual interaction between the voters and the politician and the construction of his/her image; in its turn, the choice of a relevant speech strategy and the methods of its realization can guarantee success to the politician. The implementation of certain strategies through a set of speech tactics allows a politician to perform communicative tasks, such as informing citizens, interpreting facts and events, raising personal political status, uniting masses around an idea and encouraging them to take certain actions, discrediting political opponents, etc. As a result of the study, the most characteristic tactical and strategic means used by Ardzinba in political discourse which helped him to achieve his political goals are identified. It has been found that the strategies and tactics used by the politician correspond to the foreign policy factors and are in line with the general state of affairs in the country.*

KEYWORDS: *communicative strategies; communicative tactics; linguistic personality; individual style; political discourse; political rhetoric; linguopersonology; political texts; rhetoric devices; politicians; President of Abkhazia; communicative tasks.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Agrba Lana Alekseevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English and German, Abkhazian State University, Sukhum, Republic of Abkhazia.*

FOR CITATION: *Agrba, L. A. Tactical and Strategic Repertoire of Vladislav Ardzinba / L. A. Agrba // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 183-192. — DOI 10.26170/pl20-05-16.*

MATERIALS

1. We went to Death to Live: a collection of interviews and speeches by V. G. Ardzinba / comp. L. K. Ardzinba. — Sukhum, 2011. — Text : unmediated. [My shli na smert', chtoby zhit': sbornik interv'y u i vystupleniy V. G. Ardzinba / sost. L. K. Ardzinba. — Sukhum, 2011. — Текст : непосредственный].

2. The Site of the First President of Abkhazia. [Sayt pervogo prezidenta Abkhazii]. — URL: www.ardzinba.com. — Text : electronic.

REFERENCES

3. Atman, O. V. Verbalization of Self-Presentation Strategy in Presidential Election Debates as Agonal Genre of US Political Discourse / O. V. Atman. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2011. — No 1 (35). — P. 96—102. [Verbalizatsiya strategii samoprezentatsii v prezidentskikh predvyborynykh teledebatakh kak agonal'nom zhanre politicheskogo diskursa SShA / O. V. At'man. — Текст : непосредственный // Politicheskaya lingvistika. — 2011. — № 1 (35). — С. 96—102]. — (In Rus.)

4. Vorkachev, S. G. Linguoculturology, Linguistic Personality, Concept: the Formation of an Anthropocentric Paradigm in Linguistics / S. G. Vorkachev. — Text : unmediated // Philological Sciences. — 2001. — No. 1. — P. 64—72. [Linguoculturology, Linguistic Personality, Concept: the Formation of an Anthropocentric Paradigm in Linguistics / S. G. Vorkachev. — Text: direct // Philological sciences. - 2001. - No. 1. — P. 64—72. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii / S. G. Vorka-

chev. — Текст : непосредственный // Filologicheskie nauki. — 2001. — № 1. — С. 64—72]. — (In Rus.)

5. Dzhergeniya, A. M. About the First President of the Republic of Abkhazia Vladislav Ardzinba (Articles, Interviews) / A. M. Dzhergeniya. — Sukhum, 2019. — Text : unmediated. [O pervom prezidente Respubliki Abkhaziya Vladislave Ardzinba (stat'i, interv'y) / A. M. Dzhergeniya. — Sukhum, 2019. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

6. Issers, O. S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech : monograph / O. S. Issers. — Omsk : Publishing House of Omsk State University, 1999. — 285 p. — Text : unmediated. [Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi : monogr. / O. S. Issers. — Omsk : Izd-vo Om. gos. un-ta, 1999. — 285 s. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

7. Issers, O. S. Speech Impact : teaching aid for students studying in the specialty "Public Relations" / O. S. Issers. — Moscow : Flinta : Science, 2009. — 224 p. — Text : unmediated. [Rechevoe vozdeystvie : ucheb. posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Svyazi s obshchestvennost'yu» / O. S. Issers. — Moskva : Flinta : Nauka, 2009. — 224 s. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

8. Kultysheva, I. V. The use of communicative strategies in TV debates of election campaign of 2011 / I. V. Kultysheva. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2013. — No 3 (45). — P. 106—113. [Ispol'zovanie kommunikatsionnykh strategiy vo vremya teledebatov izbiratel'noy kampanii v Gosudarstvennyuyu dumu 2011 goda / I. V. Kultysheva. — Текст : непосредственный // Politicheskaya lingvistika. — 2013. — № 3 (45). — С. 106—113]. — (In Rus.)

9. Maslova, V. A. Political Discourse: Language Games or Word Games / V. A. Maslova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2008. — No. 1 (24). — P. 43—48. [Politicheskii diskurs: yazykovye igry ili igry v slova / V. A. Maslova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2008. — № 1 (24). — S. 43—48]. — (In Rus.)

10. Mikhaleva, O. L. Political Discourse as a Sphere of Realization of Manipulative Influence : thesis. ... of Cand. of Philol. sciences / Mikhaleva O. L. — Irkutsk, 2004. — Text : unmediated. [Politicheskii diskurs kak sfera realizatsii manipulyativnogo vozdeystviya : dis. ... kand. filol. nauk / Mikhaleva O. L. — Irkutsk, 2004. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

11. Mukhortov, D. S. On Pragmalinguistic Features of the Verbal Behavior of American President Richard Nixon (based on selected speeches) / D. S. Mukhortov. — Text : unmediated // Bulletin of RUDN. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. — 2018. — Vol. 9. — No. 1. — P. 77—92. [O pragmalingvisticheskikh osobennostyakh verbal'nogo povedeniya amerikanskogo prezidenta Richarda Niksona (na materiale izbrannykh rechev) / D. S. Mukhortov. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. — 2018. — T. 9. — № 1. — S. 77—92]. — (In Rus.)

12. Parshina, O. N. Russian Political Speech: Theory and Practice / O. N. Parshina ; ed. O. B. Sirotinina. — Ed. 2nd, rev. and add. — Moscow : LKI Publishing House, 2007. — 227 p. — Text : unmediated. [Rossiyskaya politicheskaya rech': teoriya i praktika / O. N. Parshina ; pod red. O. B. Sirotininoi. — Izd. 2-e, ispr. i dop. — Moskva : Izd-vo LKI, 2007. — 227 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. Parshina, O. N. Strategies and Tactics of Speech Behavior of the Modern Political Elite of Russia / O. N. Parshina. — Astrakhan : Publishing House of ASTU, 2004. — 325 p. — Text : unmediated. [Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii / O. N. Parshina. — Astrakhan' : Izd-vo AGTU, 2004. — 325 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

14. Parshina, O. N. Rhetorical Portrait of a Modern Russian Politician / O. N. Parshina. — Text : unmediated // Notes of the Mining Institute. — St. Petersburg, 2005. — Part 1. — P. 59—60. [Ritoricheskiy portret sovremennogo rossiyskogo politika / O. N. Parshina. — Tekst : neposredstvennyy // Zapiski Gornogo instituta. — Sankt-Peterburg, 2005. — Ch. 1. — S. 59—60]. — (In Rus.)

15. Sternin, I. A. Fundamentals of Speech Impact : teaching aid / I. A. Sternin. — Voronezh : Istoki, 2012. — 178 p. — Text : unmediated. [Osnovy rechevogo vozdeystviya : ucheb. izdanie / I. A. Sternin. — Voronezh : Istoki, 2012. — 178 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

16. Tsutsieva, M. G. Language Personality as a Subject of Political Discourse / M. G. Tsutsieva. — Text : unmediated // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. — 2012. — Issue 2. — S. 104—107. [Yazykovaya lichnost' kak sub'ekt politicheskogo diskursa / M. G. Tsutsieva. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. — 2012. — Vyp. 2. — S. 104—107]. — (In Rus.)

17. Chamagua, V. Z. Epoch of Vladislav. Chronicles / V. Z. Chamagua. — Sukhum : RUE "Printing House", 2013. — 316 p. — Text : unmediated. [Epokha Vladislava. Khroniki / V. Z. Chamagua. — Sukhum : RUP «Dom pechati», 2013. — 316 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

18. Chudinov, A. P. Political linguistics : teaching aid / A. P. Chudinov. — Moscow : Flinta-science, 2006. — 254 p. — Text : unmediated. [Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / A. P. Chudinov. — Moskva : Flinta-nauka, 2006. — 254 c. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

19. Sharkov, F. I. Communication: Sociology of Mass Communication / F. I. Sharkov. — 2nd ed. — Moscow : Dashkov and K., 2012. — 320 p. — Text : unmediated. [Kommunikologiya: sotsiologiya massovoy kommunikatsii / F. I. Sharkov. — 2-e izd. — Moskva : Dashkov i K., 2012. — 320 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

20. Dijk, T. A. van. Principles of Critical Discourse Analysis / T. A. van Dijk. — Text : unmediated // Discourse & Society. — 1993. — N. 4 (2). — P. 249—283.

Гуань ШаоянДаляньский университет иностранных языков, Китай
ORCID ID: 0000-0002-0763-9726 **E-mail:** guanshaoyang@mail.ru.**Уникальность метафор в политических карикатурах**

АННОТАЦИЯ. В данной статье были рассмотрены не только результаты изучения процесса метафоризации в области политической карикатуры, но и ее виды. Основная задача политической карикатуры заключается в создании картины мира, которая является понятной каждому читателю независимо от положения, которое он занимает в обществе. В этой статье была поставлена цель проанализировать особенности, которые присущи визуальной метафоре в карикатуре как виде креолизованного текста в политическом дискурсе. Политическая карикатура — это один из видов политических текстов, который пользуется сегодня огромной популярностью у читателей. Основное средство привлечения внимания реципиентов — это создание яркого визуального образа, который способен найти отклик в душе каждого читателя. В данной статье приводится подробная классификация визуальных метафор, которые представлены в современных политических карикатурах, а также мнения различных авторов относительно определения данного термина. Визуальная карикатура считается действенным и уникальным средством любого профессионального карикатуриста и способна показать ряд основных политических проблем не только общества в целом, но и отдельных слоев населения в частности, а также носит характер информирования, исходя из которого у читателя складывается собственное мнение по поводу того или иного политического вопроса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая метафорология; метафорическое моделирование; метафорические модели; политические метафоры; визуальные метафоры; политические карикатуры; политические тексты; политический дискурс; креолизованные тексты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гуань Шаоян, Даляньский университет иностранных языков; 116044, Китай, Далянь, Люйшуньское шоссе, 6; e-mail: guanshaoyang@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гуань, Шаоян. Уникальность метафор в политических карикатурах / Гуань Шаоян // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 193-200. — DOI 10.26170/pl20-05-17.

На сегодняшний день одна из самых актуальных для общества тем — политическая обстановка в мире. Связанные с ней события влияют на общественное мнение, наиболее острые проблемы вызывают широкий резонанс. Средства массовой информации — важнейший канал передачи информации в современном мире, поэтому в них отражаются важные для всей страны мероприятия и происшествия. В СМИ всегда освещается деятельность политиков. Качество СМИ и актуальность его сообщений во многом зависит от того, умеет ли оно получать сведения о важных политических действиях и общественно значимых событиях.

На стыке политического и массмедийного дискурсов возникло много новых жанров, в чем проявились новейшие тенденции изменения политической системы, согласно которым мировое сообщество выступает активным участником политической жизни. Отмечается огромный интерес лингвистов, филологов к языку политической власти.

В связи с вышесказанным в политическом дискурсе все чаще используются креолизованные тексты. Термин «креолизованный» в данном случае употребляется метафорически, для обозначения семиотически осложненного текста, состоящего из знаков

разной природы — знаков естественного языка и знаков других языков (изображений, формул, нотных знаки и т. д.) [Алексеев Ю. Г. 2002].

Существуют тексты с частичной и полной креолизацией. В первых вербальные и иконические компоненты вступают в автосемантические отношения, когда вербальная часть сравнительно автономна, а изобразительные элементы факультативны. Такое сочетание часто находим в газетных, научно-популярных и художественных текстах. Креолизованные тексты состоят из вербального текста и иллюстративных элементов. Одна из главных особенностей креолизованных текстов заключается в том, что одна составляющая не может функционировать без другой: в случае если убрать иллюстративную часть, то текст сразу же перестает существовать [Петров 1990].

Основная задача креолизованного текста заключается в том, чтобы обеспечить читателю или зрителю оптимальные условия для понимания и интерпретации информации. Учитывая характер и предназначение креолизованного текста, автор политических карикатур может использовать и языковые, и неязыковые выразительные средства. Как правило, происходит обращение к таким средствам вы-

ражения, которые передают основную мысль, идею статьи. Сочетание вербальных и невербальных, графических средств передачи информации образует текст смешанного типа. Взаимодействуя друг с другом, вербальный и невербальный тексты обеспечивают целостность и связность материала СМИ; в этом случае, сочетаясь, разные сообщения дополняют и поясняют друг друга.

К средствам креолизации вербальных текстов относятся изобразительные компоненты, оказывающие существенное влияние на интерпретацию и понимание. Среди них выделяются шрифт, цвет, фон текста (цветной или иллюстративный), средства орфографии, пунктуации и словообразования, иконические печатные символы, а также графическое оформление вербального текста. Все эти компоненты называются иконическими [Опарина 2018].

Иконический компонент текста может быть представлен иллюстрациями (фотографиями, рисунками), схемами, таблицами, символическими изображениями, формулами и т. п.

Вербальные и изобразительные компоненты связаны на содержательном, содержательно-композиционном и содержательно-языковом уровне. Предпочтение того или иного типа связи определяется коммуникативным заданием и функциональным назначением всего креолизованного текста.

Наиболее автономными по отношению к вербальному тексту оказываются художественно-образные иллюстрации к художественному тексту. Автор вербального текста и художник-иллюстратор имеют одну общую целеустановку, они связаны единой темой, сюжетом, однако художник как творческая личность со своим взглядом на вещи, хотя формально и следует за сюжетно-композиционной линией текста, отражает в иллюстрациях свое видение предмета изображения.

Поскольку изобразительный ряд оказывает сильное воздействие, воспринимается легче и быстрее, чем вербальный текст, может случиться так, что иллюстрации, особенно если они выполнены талантливым художником, «затмят» созданные словесно образы и начнут существовать как самодовлеющее произведение, опосредуя восприятие вербального текста, так как они не просто сопровождают литературный текст, а образно, наглядно истолковывают его. Во избежание этого многие писатели принципиально запрещают иллюстрирование своих произведений.

Один из видов креолизованного текста — политическая карикатура. Политическая карикатура является политическим текстом, рассказывающим о каком-либо событии. Политическая карикатура, будучи способом

выражения отношения народа к политической ситуации, привлекает внимание к острым неразрешенным проблемам, а также оказывает манипулирующее воздействие на широкие слои населения [Алексеев К. И. 1996].

В последнее время в политической сфере все чаще используется карикатура. Основная интенция политической карикатуры — критика и высмеивание актуальных политических явлений. Автор карикатуры — карикатурист в своей работе преследует цель в комичной форме привлечь внимание общественности к политической жизни. Одной из важных особенностей карикатуры является то, что именно визуальная часть несет в себе основную информацию, является равноценной обычному тексту. В связи с этим создание визуального компонента требует от карикатуриста творческих идей, ведь именно эта часть передает основную мысль. Визуальный компонент политической карикатуры может быть представлен в виде схем, эмблем, символов, чаще всего создается в форме рисунков. Для яркой характеристики той или иной политической ситуации автор прибегает к визуальной метафоре. Визуальная метафора — один из важных ресурсов обновления или пополнения лексического богатства языка [Будаев 2009].

Карикатура — особый тип политического дискурса. При создании произведения этого жанра важными являются два фактора: экстралингвистический, выражаемый графическими средствами, и собственно лингвистический, т. е. авторский текст [Будаев 2009]. Как правило, карикатура предлагает оценку и в некоторых случаях даже решение проблем. Для передачи смысла, того, что хочет сообщить читателю автор, в карикатуре используется сочетание языка изобразительных, художественных средств и словесных реплик, в редких случаях авторы обходятся одними изобразительными средствами. Карикатура внешне очень похожа на плакат. Специфика карикатуры, отличающая ее от плаката и обычного политического текста, в том, что она иносказательна и по большей части сатирична. Карикатура выполняет функцию политического текста, участвует в политической борьбе, прежде всего с помощью шуток, сатиры [Полозова 2003].

Карикатура как рисунок, изображающий кого-либо в намеренно преувеличенном, смешном, искаженном виде, в настоящее время является широко распространенной формой выражения авторской позиции по отношению к какому-либо событию.

Изученные нами теоретические материалы свидетельствуют, что жанр карикатуры входит в пространство смехового, поли-

тического, художественного, массмедийного дискурсов, являя собой уникальный синтез литературного творчества и изобразительного искусства, где, с одной стороны, автор выступает сценаристом и режиссером-постановщиком, а с другой — актером, художником, воплощающим свой замысел в различных изобразительных техниках. Новые идеи относительно отображения быстро меняющегося мира рождаются прежде всего в сознании художника-карикатуриста, так как почти моментальное исполнение своего замысла дает сатирику уникальную по сравнению с авторами произведений других изобразительных жанров способность самого быстрого реагирования на текущие события.

Таким образом, в широком смысле карикатура рассматривается как любое изображение, где сознательно создается комический образ, художник совмещает реальность и фантастику, намеренно меняя черты лица героев. В узком смысле карикатура — «особый жанр изобразительного искусства, являющийся основной формой изобразительной сатиры и обладающий ясной идейной социальнокритической направленностью» [Популярная художественная энциклопедия: 312].

Политической карикатуре часто присуща метафоричность. Метафора — это «слово или выражение, употребляемое в переносном значении, в основе которого лежит сравнение неназванного предмета или явления с каким-либо другим на основании их общих признаков» [Крюкова 2018]. При метафорическом моделировании сюжета политической карикатуры автор использует как простые и конкретные образы из тех сфер, которые узнаваемы и знакомы читателям. Поэтому стоит сделать вывод о том, что метафора — это не только стилистический прием, но также и способ мышления, реальность языка. В этом плане наиболее частотна, как правило, визуальная метафора [Телия 2008].

Особенности метафор в политической коммуникации и карикатуре стали изучаться с середины прошлого столетия, и эти исследования продолжают до сих пор. Большинство современных исследований, посвященных метафоре, основано на анализе печатного, письменно зафиксированного материала. В результате взаимодействия двух ведущих направлений современного языкознания — метафорологии и политической лингвистики — возникла теория политической метафоры.

Метафоры, используемые при характеристике политической жизни общества в политических карикатурах, все чаще привлекают внимание специалистов, которые стремятся выяснить причины и механизмы фор-

мирования данных метафор, степень и адекватность отражения в них социальной психологии, политических процессов и личностных качеств их участников [Баранов 2003].

Как правило, в политическом дискурсе метафоры используются лидерами. Метафора предоставляет политику или журналисту удачный способ «выразить многое, сказав немного», при этом тонко влияя на настроения в обществе, донося до него новые идеи и одновременно вызывая интерес необычной формой выражения. Изучение метафорического репертуара того или иного политика помогает лучше понять подсознательные механизмы его деятельности и подлинные интенции.

Метафоры выявляют отношение в обществе к той или иной проблеме. Активизация метафор в социальной коммуникации может служить признаком приближающихся общественных потрясений и одновременно свидетельствовать о направлениях движения политического сознания.

В последнее время все чаще используется визуальная метафора, построенная на соотношении двух зрительных образов, которые выступают в качестве иконических знаков. При их монтажной состыковке друг с другом возникает смысл, трактуемый как символ явления, которое связано с представленным образом [Резанова 2010].

Стоит также отметить, что преобразование метафорической картины мира в политической коммуникации всегда служит предвестием социальных потрясений и интенсификации политической жизни.

Предметом настоящей статьи являются уникальные характеристики метафор в современных политических карикатурах. Именно благодаря метафорам, особенно визуальным, авторы карикатур выражают свои мысли по поводу социально-политической ситуации в мире, волнующей все слои общества. Создание таких карикатур направлено на привлечение внимания общества к политическим ситуациям, влияющим на жизнь всех.

Тема эффективности и воздействия метафор неоднократно поднималась в специальной литературе. Одним из исследователей этого вопроса является А. П. Чудинов. Многие его научные работы посвящены изучению особенностей метафоры, ее использованию в политике, а также в политической карикатуре. По мнению А. П. Чудинова, метафора выступает как «зеркало», в котором вне зависимости от чьих-либо симпатий или антипатий отражается национальное самосознание на определенном этапе развития общества. Также он добавляет, что политическая метафора может быть представлена как целый комплекс

«зеркал», позволяющих не только отразить ментальный мир человека и общества, но и показать обиденные представления людей о понятных сферах — источниках пополнения системы политических образов. Помимо этого, в своих исследованиях А. П. Чудинов доказывает, что метафора отражает представления о той или иной ситуации, наблюдаемой в современном мире [Чудинов 2003].

Еще одним влиятельным исследователем особенностей использования метафоры в политическом дискурсе признается А. Н. Баранов. Так, А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов в «Словаре русских политических метафор» перечисляют наиболее распространенные метафорические модели политического языка. В число часто используемых попали такие модели, как «война», «геометрия», «игра», «механизм», «организм», «персонификация», «путь», «транспортное средство», «строение» [Баранов 1991].

Е. С. Кубрякова считает, что продуцирование метафоры — создание новой ментальной единицы. Поэтому метафоричность — «естественный путь творческого мышления, а вовсе неклонение от главной дороги к познанию мира и не прием украшения речи».

Согласно исследованиям М. Блэка, метафора возникает ассоциативно. Это происходит, когда к главному субъекту прилагается набор «ассоциируемых импликаций», которые связаны со вспомогательным субъектом [Блэк 1990].

Метафора отбирает, выделяет и организует одни, вполне определенные характеристики главного субъекта и устраняет другие, что влечет за собой сдвиги в значении слов. Для метафоры важна не истинность этих ассоциаций, а их быстрая активизируемость в сознании [Будаев 2006]. Важно, чтобы метафоры, используемые в политической карикатуре, были узнаваемы и легко воспринимаемы.

Метафора и карикатура тесно взаимодействуют в политическом дискурсе. Помимо обычных метафор, как уже было отмечено, в политической карикатуре все чаще используется визуальная метафора. Как в одном из жанров политического дискурса, визуальная метафора выполняет в данном случае эвристическую функцию, являясь средством описания постоянно меняющейся политической ситуации и номинации новых политических событий.

Политическая карикатура, относясь к художественному дискурсу, располагает набором особых визуальных метафор, которые выполняют эстетическую функцию и служат средствами активизации внимания читателей к политической проблеме, являются яркими, запоминающимися для всех образами.

Политическая карикатура, в отличие от демонстрирующих чисто художественный, образный взгляд на мир, не может быть принципиально субъективным жанром. Дело в том, что карикатура по большей части массовый комический жанр, а рассмешить значительную часть аудитории можно только шуткой, сатирой, полностью понятной этой аудитории. Именно поэтому карикатура не может воплощать чисто субъективный взгляд. В ее основе лежат факты и оценки этих фактов, идеи, выраженные в форме образов и символов, понятных целевой аудитории. К смыслу карикатуры, к изображаемому предъявляются достаточно жесткие требования, являющиеся по сути объективными: факты должны быть априорно известными и значимыми для предполагаемой аудитории, а предложенные оценки фактов — понятными и более или менее близкими этой аудитории [Артемова 2002].

Смысл любой шутки, как давно было отмечено, в том, что, говоря об отклонениях от нормы, она опирается на нее, на ценности, реальные для аудитории, а если автор искренен, то и для автора. Для того чтобы шутка была понятной, она должна опираться на базовые представления о норме, разделяемые данной аудиторией.

Так же, как и в обычном политическом тексте, в карикатуре можно выделить отдельные приемы, образы; в ней задана авторская позиция и мир описан с определенной точки зрения — и то и другое можно выделить и описать. Основным риторическим приемом воздействия на аудиторию является предполагаемый комический, сатирический эффект.

Как и в словесном политическом тексте, и даже в еще большей степени, в карикатуре важна каждая деталь; каждая деталь имеет свое значение, несет информацию, важную для понимания смысла карикатуры, контекста сообщения. Собственно «картинка» в карикатуре может быть построена как иллюстрация к словесной шутке, данной в виде подписи, а может быть и основным носителем смысла. Комический эффект может возникнуть вследствие примитивной демонстрации каких-то «смешных» физических черт: уродства, толщины, худобы, — или вследствие выявления отрицательных свойств: мещанства, неграмотности, холопства, хамства и т. д. В качестве еще одного важного приема может использоваться столкновение противоречивых, взаимоисключающих черт, образов, заявлений (заявление о стремлении к миру, сделанное убежденными милитаристами; утверждения о полном отсутствии боязни, исходящие от трясущегося от страха героя) [Маслова 2008].

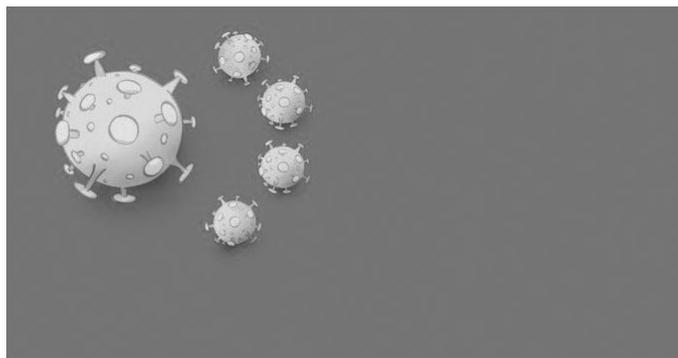

Рис. 1

Карикатуры в разных дискурсах отличаются своими особенностями. Главное отличие — это разная степень свободы в той или иной политической системе. Если современная российская карикатура в большей части центральных изданий подвержена внутренней цензуре автора и внешнему давлению разного рода обстоятельств, то советская политическая карикатура была попросту инструментом пропаганды, ни о какой самостоятельности авторов не могло быть и речи. Американская карикатура, по мнению некоторых американских журналистов и исследователей, также подвержена если не прямому давлению власти, то почти принудительному внешнему социальному заказу. К одному из примеров такого толкования исследователями карикатуры в американской газете мы еще вернемся. Однако разница между политической карикатурой в не полностью свободной американской прессе и карикатурой в прессе советской, да и современной российской, велика.

Визуальные метафоры, которые широко используются в политической карикатуре как жанре дискурса массмедиа, с одной стороны, выявляют важные для художника наиболее яркие качества и свойства (положительные и отрицательные) политических лидеров и деятелей, а с другой — дают представление об особенностях их деятельности [Крюкова 2018].

Для наглядного подтверждения этого тезиса можно привести примеры изображения бывших лидеров государств, в которых произошли революции. Например, в одной работе Хосни Мубарак, бывший президент Египта, представлен медленно исчезающим в песочных часах. Удачность визуализации метафоры в данном случае заключается в том, что время правления президента подошло к концу.

Другая карикатура, характеризующая конец правления лидера, изображает бывшего президента Туниса, Бен Али. На карикатуре показано, как лидер государства еле держится за порванный ковер-самолет, что также символизирует конец его правления. Еще

на одном рисунке бывшего лидера Ливии уносит в небо гриф с надписью «NATO».

В политической карикатуре неизменно присутствуют архетипичные метафоры. Карикатуристы, желающие донести до массовой аудитории свое видение политической ситуации, используют образы природного цикла, оппозиции света и тьмы, жары и холода. Такие метафоры опираются на универсальные архетипы, служат основой для понимания людьми друг друга и в то же время создают базу для политического воздействия и убеждения [Демьянков 2003].

Для выявления особенностей и характеристик метафор рассмотрим конкретные карикатуры.

Часто визуальная метафора в политических карикатурах направлена на выявление ролей, приписываемых политикам в ходе их предвыборных кампаний.

В свете тесного сотрудничества России и Китая представляется актуальным рассмотреть особенности изображения в карикатурах этих стран, прежде всего на фоне последних событий, определяющих новостную повестку. Следствием недавних событий, вышедших на первый план во всем мире, стало частое появление карикатур, связанных с новым вирусом, обнаруженным в Китае. Одной из последних стала карикатура, на которой вместо звезд флага страны был изображен коронавирус (рис. 1).

Эта карикатура напечатана датской газетой «Jyllands-Posten». Стоит отметить, что, в отличие от прочих карикатур, данная вызвала критику. Правительство Китая сразу же отреагировало на публикацию — официальный представитель по связям с общественностью потребовал удалить рисунок со словами: «Это выходит за границы цивилизованного общества и оскорбляет чувства людей. Требуем, чтобы „Jyllands-Posten“ и Нильс Бу Буйсен публично извинились перед китайским народом», на что главный редактор газеты ответил тем, что в Дании высоко ценится свобода слова, газета не собирается удалять данную карикатуру.

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

В ряде карикатур китайских художников на тему сотрудничества России и Китая Россия часто изображается большим и недобрым медведем, Китай — огромной пандой, в основном все шутки сводятся к газу, Обаме и российским ресурсам.

Одна из типичных карикатур изображает православного медведя с крестом и нефтяной трубой в руке и панду с деньгами (рис. 3). Эта работа демонстрирует ресурсы, которыми обладают Россия и Китай.

На другой карикатуре характеризуются деловые отношения России и Китая (рис. 4): изображены руки политических лидеров обеих стран, протянутые для рукопожатия. Ниже находятся устройства, позволяющие добывать нефть, а также другие природные ресурсы.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что политическая карикатура обладает рядом специфических особенностей, обусловленных совмещением в этом жанре характеристик политического, юмористического, массмедийного и художественного дискурсов. Чтобы произвести яркое впечатление, авторы карикатур используют креолизованные тексты, метафоры, визуальные метафоры. Визуальная метафора в политической карикатуре — универсальное средство, которое емко отражает и характеризует

все рассматриваемые проблемы. Помимо этого, визуальная метафора — меткое и яркое средство художественного воздействия, изображения актуальных политических мировых явлений. Главной ее функцией является отражение наблюдаемых в мире политических явлений, создание ярких образов. Благодаря метафорам удается четко указать на проблемы современного мирового сообщества. Сложнее протекает процесс интерпретации невербальной метафоры в политической карикатуре, поскольку в данном случае используются многогранные и неисчерпаемые образы. Для преодоления этого затруднения авторы карикатур прибегают к вербальной характеристике, т. е. применяют слова или словосочетания. Знакомство с политической ситуацией в стране, а также знание символов партий, использованных в карикатуре, помогает читателю оценить и интерпретировать сюжет политической карикатуры в соответствии с замыслом автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, К. И. Функции метафоры в политической речи / К. И. Алексеев. — Текст : непосредственный // Познание. Общество. Развитие. — Москва : Ин-т психологии РАН, 1996. — С. 150—161.
2. Алексеев, Ю. Г. Вербальный и иконический компоненты креолизованного текста в интракультурной и интеркультурной коммуникации (экспериментальное исследование) :

автореф. дис. ... канд. филол. наук / Алексеев Ю. Г. — Ульяновск, 2002. — 185с. — URL: <http://cheloveknauka.com/karika-tura-kak-zhanr-politicheskogo-diskursa#ixzz6Kn9C7ONL>. — Текст : электронный.

3. Артемова, Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса : дис. канд. филол. наук / Артемова Е. А. — Волгоград : Волгоградский гос. пед. ун-т, 2002. — 237 с. — Текст : непосредственный.

4. Баранов, А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры / А. Н. Баранов. — Текст : непосредственный // Русская политическая метафора. Материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — Москва : Институт русского языка АН СССР, 1991. — С. 184—193.

5. Баранов, А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга / А. Н. Баранов. — URL: <http://evartist.narod.ru/text12/09.htm> — 2003. — Текст : электронный.

6. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — Москва : Ин-т русского языка АН СССР, 1991. — Текст : непосредственный.

7. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Москва, 2009. — Текст : непосредственный.

8. Будаев, Э. В. Метафорический образ России в современном мире / Э. В. Будаев. — Екатеринбург, 2009. — Текст : непосредственный.

9. Будаев, Э. В. Метафора в политическом интердискурсе: моногр. / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — 2-е изд., испр. и доп. — Екатеринбург : [б. и.], 2006. — 213 с. — Текст : непосредственный.

10. Блэк, М. Метафора / М. Блэк ; пер. с англ. М. А. Дмитровской. — Текст : непосредственный // Теория метафоры. — Москва, 1990. — С. 153—172.

11. Демьянков, В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков. — Текст : электронный // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Володина. — Москва : Изд-во Моск.

гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2003. — С. 116—133. — URL: www.infolex.ru/SMI1.htm (дата обращения: 26.04.2020).

12. Крюкова, Н. Ф. Метафора как прагматическое средство при построении художественного текста / Н. Ф. Крюкова. — Текст : непосредственный // Языковое общение: процессы и единицы : межвуз. сб. науч. тр. / Калининск. гос. ун-т. — Калинин : [б. и.], 1988. — С. 81—86.

13. Маслова, В. А. Политический дискурс. Языковые игры или игры в слова? / В. А. Маслова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2008. — Вып. 1 (24). — С. 43—48.

14. Опарина, Е. О. Концептуальная метафора / Е. О. Опарина. — Текст : непосредственный // Метафора в языке и тексте. — Москва : Наука, 2018. — С. 65—78.

15. Полозова, И. В. Онтологические основы метафоры / И. В. Полозова. — Текст : непосредственный // Философские науки. — 2003. — № 4. — С. 59.

16. Петров, В. В. Метафора. От семантических представлений к когнитивному анализу / В. В. Петров. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1990. — № 3. — С. 135—145.

17. Популярная художественная энциклопедия. Кн. 1. А — М. — Москва : Советская энциклопедия, 1986. — 447 с. — Текст : непосредственный.

18. Резанова, З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира. Идеи, методы, решения / З. И. Резанова. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 1 (9). — С. 26—43. — (Филология).

19. Резанова, З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Ч. 1 / З. И. Резанова, Н. А. Мишанкина, Д. А. Катунин ; отв. ред. З. И. Резанова. — Воронеж, 2003. — С. 26.

20. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия. — Текст : непосредственный // Роль человеческого фактора в языке: язык и языковая картина мира. — Москва : Наука, 2008. — С. 173—204.

21. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : [б. и.], 2003. — 238 с.

Guan Shaoyang

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China

ORCID ID: 0000-0002-0763-9726

 E-mail: guanshaoyang@mail.ru.

Unique Metaphors in Political Cartoons

ABSTRACT. *The article does not only present the results of a study of the process of metaphorization in the field of political cartoon but also describes its kinds. The main task of political cartoon consists in creation of the worldview which is comprehensible to every reader irrespective of their position in society. The aim of this article is to analyze the peculiarities of visual metaphor in the cartoon as a kind of creolized text of political discourse. Political cartoon is a kind of political texts which enjoys great popularity with the readers. The creation of a vivid visual image which can evoke response in the heart of every reader turns out to be the main tool of attracting the readers' attention. The article provides a detailed classification of visual metaphors found in modern political cartoons and the points of view of different authors about the definition of this phenomenon. Visual cartoon is considered to be an effective and unique device of any professional cartoonist and is capable to demonstrate a number of the main political problems not only of the society at large but also of certain sections of the population in particular. It has an information potential due to which it can form the reader's opinion about this or that political issue.*

KEYWORDS: *political metaphorology; metaphorical modeling; metaphorical models; political metaphors; visual metaphors; political cartoons; political texts; political discourse; creolized texts.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Guan Shaoyang, Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China.*

FOR CITATION: *Guan Shaoyang. Unique Metaphors in Political Cartoons / Guan Shaoyang // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 193-200. — DOI 10.26170/pl20-05-17.*

REFERENCES

1. Alekseev, K. I. Functions of Metaphor in Political Speech / K. I. Alekseev. — Text : unmediated // Cognition. Society. Development. — Moscow : Institute of Psychology, RAS, 1996. — P. 150—161. [Funktsii metafory v politicheskoy rechi / K. I. Alekseev. — Текст : neposredstvennyy // Poznanie. Obshchestvo. Razvitie. — Moskva : In-t psikhologii RAN, 1996. — S. 150—161]. — (In Rus.)

2. Alekseev, Yu. G. Verbal and Iconic Components of Creolized Text in Intracultural and Intercultural Communication (experimental research) : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Alekseev Yu. G. — Ulyanovsk, 2002. — 185 p. [Verbal'nyy i ikonicheskiy komponenty kreolizovannogo teksta v intrakul'turnoy i interkul'turnoy kommunikatsii (eksperimental'noe issledovanie) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Alekseev Yu. G. —

Ul'yanovsk, 2002. — 185s.]. — URL: <http://cheloveknauka.com/karikatura-kak-zhanr-politicheskogo-diskursa#ixzz6Kn9C7ONL>. — Text : electronic. — (In Rus.)

3. Artemova, E. A. Caricature as a Genre of Political Discourse : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Artemova E. A. — Volgograd : Volgograd State Ped. Univ., 2002. — 237 p. — Text : unmediated. [Karikatura kak zhanr politicheskogo diskursa : dis. kand. filol. nauk / Artemova E. A. — Volgograd : Volgogradskiy gos. ped. un-t, 2002. — 237 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

4. Baranov, A. N. Essay on the Cognitive Theory of Metaphor / A. N. Baranov. — Text : unmediated // Russian Political Metaphor. Materials for the Dictionary / A. N. Baranov, Yu. N. Karaulov. — Moscow : Institute of the Russian Language of the Academy of Sciences of the USSR, 1991. — P. 184—193. [Ocherk kognitivnoy teorii metafory / A. N. Baranov. — Tekst : neposredstvennyy // Russkaya politicheskaya metafora. Materialy k slovaryu / A. N. Baranov, Yu. N. Karaulov. — Moskva : Institut russkogo yazyka AN SSSR, 1991. — S. 184—193]. — (In Rus.)

5. Baranov, A. N. Political Metaphor of the Publicistic Text: the Possibilities of Linguistic Monitoring / A. N. Baranov. [Politicheskaya metaforika publitsisticheskogo teksta: vozmozhnosti lingvisticheskogo monitoringa / A. N. Baranov]. — URL: <http://evartist.narod.ru/text12/09.htm> — 2003. — Text : electronic. — (In Rus.)

6. Baranov, A. N. Russian Political Metaphor. Materials for the Dictionary / A. N. Baranov, Yu. N. Karaulov. — Moscow : Institute of the Russian language of the Academy of Sciences of the USSR, 1991. — Text : unmediated. [Russkaya politicheskaya metafora. Materialy k slovaryu / A. N. Baranov, Yu. N. Karaulov. — Moskva : In-t russkogo yazyka AN SSSR, 1991. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

7. Budaev, E. V. Metaphor in Political Communication / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. — Moscow, 2009. — Text : unmediated. [Metafora v politicheskoy kommunikatsii / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. — Moskva, 2009. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

8. Budaev, E. V. Metaphorical Image of Russia in the Modern World / E. V. Budaev. — Ekaterinburg, 2009. — Text : unmediated. [Metaforicheskiy obraz Rossii v sovremennom mire / E. V. Budaev. — Ekaterinburg, 2009. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

9. Budaev, E. V. Metaphor in Political Interdiscourse : monograph / E. V. Budaev, A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — 2nd ed., rev. and add. — Ekaterinburg : [s. l.], 2006. — 213 p. — Text : unmediated. [Metafora v politicheskom interdiskurse: monogr. / E. V. Budaev, A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — 2-e izd., ispr. i dop. — Ekaterinburg : [b. i.], 2006. — 213 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

10. Black, M. Metaphor / M. Black ; transl. from English by M. A. Dmitrovskaya. — Text : unmediated // Theory of Metaphor. — Moscow, 1990. — P. 153—172. [Metafora / M. Black ; per. s angl. M. A. Dmitrovskoy. — Tekst : neposredstvennyy // Teoriya metafory. — Moskva, 1990. — S. 153—172]. — (In Rus.)

11. Dem'yankov, V. Z. Interpretation of Political Discourse in the Media / V. Z. Dem'yankov. — Text : electronic // Language of the Media as an Object of Interdisciplinary Research : teaching aid / resp. ed. M. N. Volodina. — Moscow : Publishing house of Moscow State Univ. n. a. M. V. Lomonosov, 2003. — P. 116—133. [Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI / V. Z. Dem'yankov. — Tekst : elektronnyy // Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya : ucheb. posobie / otv. red. M. N. Volodina. — Moskva : Izd-vo Mosk. gos. un-ta im. M. V. Lomonosova, 2003. — S. 116—133]. — URL: www.infolex.ru/SMI1.htm (date of access: 26.04.2020). — (In Rus.)

12. Kryukova, N. F. Metaphor as a Pragmatic Means in Constructing a Literary Text / N. F. Kryukova. — Text : unmediated // Language Communication: Processes and Units : interuniversity collection of scientific works / Kalinin State Univ. — Kalinin : [s. l.], 1988. — P. 81—86. [Metafora kak pragmaticheskoe sredstvo pri postroenii khudozhestvennogo teksta / N. F. Kryukova. — Tekst : neposredstvennyy // Yazykovoe obshchenie: protsessy i edinitiy : mezhvuz. sb. nauch. tr. / Kalininsk. gos. un-t. — Kalinin : [b. i.], 1988. — S. 81—86]. — (In Rus.)

13. Maslova, V. A. Political Discourse. Language Games or Word Games? / V. A. Maslova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2008. — Iss. 1 (24). — P. 43—48. [Politicheskii diskurs. Yazykovye igry ili igry v slova? / V. A. Maslova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2008. — Vyp. 1 (24). — S. 43—48]. — (In Rus.)

14. Oparina, E. O. Conceptual Metaphor / E. O. Oparina. — Text : unmediated // Metaphor in Language and Text. — Moscow : Science, 2018. — P. 65—78. [Kontseptual'naya metafora / E. O. Oparina. — Tekst : neposredstvennyy // Metafora v yazyke i tekste. — Moskva : Nauka, 2018. — S. 65—78]. — (In Rus.)

15. Polozova, I. V. Ontological Foundations of Metaphor / I. V. Polozova. — Text : unmediated // Philosophical Sciences. — 2003. — No. 4. — P. 59. [Ontologicheskie osnovy metafory / I. V. Polozova. — Tekst : neposredstvennyy // Filosofskie nauki. — 2003. — № 4. — S. 59]. — (In Rus.)

16. Petrov, V. V. Metaphor. From Semantic Representations to Cognitive Analysis / V. V. Petrov. — Text : unmediated // Questions of Linguistics. — 1990. — No. 3. — P. 135—145. [Metafora. Ot semanticheskikh predstavleniy k kognitivnomu analizu / V. V. Petrov. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy yazykoznaniiya. — 1990. — № 3. — S. 135—145]. — (In Rus.)

17. Popular Art Encyclopedia. Book. 1. A—M. — Moscow : Soviet Encyclopedia, 1986. — 447 p. [Populyarnaya khudozhestvennaya entsiklopediya. Kn. 1. A — M. — Moskva : Sovetskaya entsiklopediya, 1986. — 447 s.]. — (In Rus.)

18. Rezanova, Z. I. Metaphorical Fragment of the Russian Language Picture of the World. Ideas, Methods, Solutions / Z. I. Rezanova. — Text : unmediated // Bulletin of the Tomsk State University. — 2010. — No. 1 (9). — P. 26—43. — (Philology). [Metaforicheskiy fragment russkoy yazykovoy kartiny mira. Idei, metody, resheniya / Z. I. Rezanova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2010. — № 1 (9). — S. 26—43. — (Filologiya)]. — (In Rus.)

19. Rezanova, Z. I. Metaphorical Fragment of the Russian Language Picture of the World: Key Concepts. Part 1 / Z. I. Rezanova, N. A. Mishankina, D. A. Katunin ; resp. ed. Z. I. Rezanova. — Voronezh, 2003. — P. 26. [Metaforicheskiy fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: klyucheveye kontsepty. Ch. 1 / Z. I. Rezanova, N. A. Mishankina, D. A. Katunin ; otv. red. Z. I. Rezanova. — Voronezh, 2003. — S. 26]. — (In Rus.)

20. Teliya, V. N. Metaphorization and Its Role in the Creation of a Linguistic Picture of the World / V. N. Teliya. — Text : unmediated // The Role of the Human Factor in Language: Language and Language Picture of the World. — Moscow : Science, 2008. — P. 173—204. [Metaforizatsiya i ee rol' v sozdaniy yazykovoy kartiny mira / V. N. Teliya. — Tekst : neposredstvennyy // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i yazykovaya kartina mira. — Moskva : Nauka, 2008. — S. 173—204]. — (In Rus.)

21. Chudinov, A. P. Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication : monograph. / A. P. Chudinov. — Ekaterinburg : [s. l.], 2003. — 238 p. [Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii : monogr. / A. P. Chudinov. — Ekaterinburg : [b. i.], 2003. — 238 s.]. — (In Rus.)

Э. Р. Лассан

Вильнюсский университет, Литва
ORCID ID: 0000-0001-9415-9757 E-mail: eleonora.lassan@ff.vu.lt.

Об Истории как ТЕКСТЕ, метафорах истории и следствиях из них

АННОТАЦИЯ. *Опираясь на работы известных историографов эпохи постмодерна (Ф. Анкерсмит, Р. Козеллек), автор осуществляет некоторую «ревизию» понятия «история» и его семантического представления в словарях (словарь Ожегова, Вебстеровский словарь, Кембриджский словарь). Автор полагает, что семантическое представление истории должно указывать на текстовую природу этого понятия. Поскольку, по мысли автора, не существует «истории» вне текста, то только введение слова «текст» в дефиницию открывает возможность соотнесения слова «история» с внетекстовой действительностью. Референтом слова «история» в таком случае является ментальный образ (возможный мир), создаваемый текстом в сознании его адресатов. Семантическую структуру многозначного слова «история» можно представить как прототипическую категорию, центральный член которой имеет вид «история — текст о прошлых событиях в жизни человечества». Автор рассматривает метафоры слова «история» и на материале русского языка пытается выделить концептуальные метафоры (скорее всего, общекультурные), к которым можно возвести огромное количество метафорических выражений с этим словом («история учит», «жернова истории», «на сцене истории»). Автор выделяет три КМ (концептуальные метафоры) истории — **истории как организма, истории как механизма и истории как контейнера** — и показывает возможные следствия из них, определяющие поведение «человека общественного».*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: исторические тексты; прототипические категории; метафорическое моделирование; метафорические модели; концептуальные метафоры; русский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Лассан Элеонора, доктор habilitation гуманитарных наук, профессор, аффилированный профессор филологического факультета Вильнюсского университета (Институт балтийских языков и культур); Universiteto g. 3, LT-01513, Vilnius; e-mail: eleonora.lassan@ff.vu.lt.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лассан, Э. Р. Об Истории как ТЕКСТЕ, метафорах истории и следствиях из них / Э. Р. Лассан // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 201-210. — DOI 10.26170/pl20-05-18.

2020 год стал годом «войн памяти»: различные национально-государственные коллективы в преддверии очередной годовщины окончания Второй мировой войны активизировали свою концепцию «исторической памяти», становившейся предметом изучения многих исследователей в области «политики памяти» (Адорно, Хальвабкс, Хобсбаум и др.).

Э. Хобсбаум в сборнике «Изобретение традиции» говорит о том, что политически доминирующие группы манипулируют образами исторического прошлого и «внушают массам определенную концепцию истории, легитимизирующую их политические цели и господство... Память фактически оказывается здесь тождественной политической **идеологии**» [Hobsbawm 2000]. Войны памяти приводят к появлению языковых выражений «фальсифицировать историю», «переписать историю», «переиначить историю», и для лингвиста вопрос о значении слова «история» в этих выражениях открывает широкий простор для анализа, который способен показать, что при внешне тождественном употреблении такие выражения содержат отсылку не к одной и той же «истории», а кажущаяся равнозначность этих «историй»,

с одной стороны, предоставляет возможность для языковых игр остроловам, а с другой — становится фактором заблуждений для бытового сознания, согласно представлениям которого существовала некая совокупность фактов, независимая от их интерпретации и фиксации человеком. Языковое выражения *фальсифицировать историю* побуждает думать об искажении существовавших фактов, а *переписать историю* рисует уже другой образ истории — однажды написанного повествования, которое в силу разных причин подвергается «переписыванию», т. е. исправлению, изменению акцентов и т. д. — всему тому, что соответствует желаниям и цели «переписчиков». При внешнем сходстве во втором случае подчеркивается присутствие человеческого фактора с самого начала, в то время как в первом истории предстает объективно данным в прошлом опыте.

«Многие скверные ученики стали знаменитыми историческими личностями. Как видно, историю легче делать, чем учить ее» (Фелеки). Мы уже сказали о словесных играх остроловов — эта фраза азербайджанского/персидского поэта ^[1] Фелеки, приведенная в русском переводе, содержит определен-

ную игру слов, ведущую к тому, что анафорически употребленное местоимение ее таковым по сути не является. Будучи анафорическим, это местоимение должно заменять слово *история* в значении некоего процесса, развитие которого стимулируется определенными действиями, в то время как в выражении «учить историю» *история* предстает как учебная дисциплина. Вообще приходится констатировать, что единого содержания, вкладываемого в понятие «история», нет — в противном случае не было бы многочисленных подборок, озаглавленных «What Is History?» или «Цитаты об истории», включающих размышления об истории в форме ее определений, даваемых известными людьми. Лингвиста может занимать вопрос о точном описании значения/значений этого слова — у специалистов по философии истории понятие, обозначенное этим словом, вызывает сомнение в том, может ли **наука история** изучать то, что «что было на самом деле». Сказанное выше демонстрирует три разных употребления данного слова: событийный процесс, учебная дисциплина, наука. Можно привести различные контексты, в которых применяются описанные значения, если исходить из тезиса Л. Витгенштейна о том, что «значение есть употребление» [Витгенштейн 1994: 99]. Так, видный немецкий историк Райнхарт Козеллек приводит слова некоего барона фон Эйхендорфа, который однажды заметил: «Один творит (*macht*) историю, другой ее пишет». Далее Р. Козеллек пишет: «Формулировка выглядит ясной и определенной. Есть деятель, творец, виновник — и есть писатель, историк. Можно сказать, что Эйхендорф указывает на своеобразное разделение труда, причем речь очевидно идет об одной и той же истории: один ее творит, другой записывает. Получается, что история подвластна человеку в двух отношениях: практический деятель осуществляет свою власть над ней тем, что ее вершит, историк — тем, что ее пишет. Оба они ничем не стеснены в своих решениях. Пространство, в котором позволено развиваться истории, определяется людьми».

Сказанным можно объяснить различие значений в ставших популярными выражениях *фальсифицировать историю* и *переписать историю*: в этих случаях речь идет о «делаемой истории» и истории как продукте письма.

Наше исследование вдохновлено словами Р. Козеллека, суть которых, с одной стороны, после историографии эпохи постмодерна хорошо известна историографам^[2], а с другой — тем не менее недостаточно усвоена носителями современной культуры:

Меня, возможно, спросят: к чему все эти семантические изыскания, вдобавок представленные здесь в суммарном и сокращенном виде? Я хотел бы напомнить, что исторические события и их языковое оформление тесно связаны между собой. Однако ход исторических событий и их воплощение и обработка в языке полностью не совпадают: событие не исчерпывается своим языковым выражением [Козеллек 2004].

Можно усмотреть аналогию в работе историографа (мы предпочитаем говорить об историографах, а не историках)^[3] и лингвиста, занятого анализом структуры предложения. Историограф конструирует историческое поле, подобно тому как говорящий выбирает синтаксическую форму предложения для описания действительности, а лингвист анализирует эту форму предложения и сам текст с точки зрения реализации в них ролевых отношений. Если применить теорию глубинных падежей к структуре исторического поля, то можно сказать, что историографы заполняют одни и те же падежи, или одни и те же валентности, разными персонажами — участниками ситуации^[4]. Разумеется, далеко не все синтаксические роли присутствуют в историческом повествовании, но, тем не менее, фиксаторы событий могут наделять действующее лицо события определенной функцией. Напр., Наполеон принял битву при Бородино (некий деятель, чье действие может быть описано предикатами *выиграть/проиграть*, находящимися в отношениях конверсии). А далее описания начинают расходиться. В Рунете можно встретить значительное количество публикаций, в которых задается один и тот же вопрос: «Кто же победил в Бородинской битве?» [Александр Сахаров 2 www]. И вот один из ответов: «Отечественные историки традиционно подают Бородинское сражение как победу Русской армии. Французские (они называют ее „битвой на Москве“, имея в виду реку, а не город) — как победу Наполеона. И эти оценки держатся уже двести лет. <...> Объективность требует признать, что Бородинскую битву, если рассматривать ее отдельно взятую, в отрыве от всего хода войны, следует считать победой Великой армии Наполеона. <...> Поэтому, рассматривая Бородинскую битву в целом, учитывая итог войны 1812 года, то, наверное, наиболее точным будет ее определение как пирровой победы французов и их союзников» [Кто победил в Бородинской битве // История России www]. Сказанное объясняет, почему россияне, побывав в соборе Дома инвалидов в Париже и увидев в перечне побед Наполеона битву под Бородино, нередко испытывают удивле-

ние: они читали другую «историю», где это сражение умножало славу русского оружия и роль бенефицианта отводилась Кутузову, и не знают о французской Энциклопедии Ларусса, где Кутузов назван проигравшим сражение. «Представление о том, что в Бородинском сражении русская армия одержала нравственную победу над армией Наполеона, можно считать фактом общественного сознания русского народа, в разной степени признанным большинством российских историков» [Горбунов 2017: 7]. Вероятно, в такой трактовке истории сыграли роль и слова Льва Толстого о нравственной победе русского оружия в этой битве. Таким образом, нарративы русской и французской историографии демонстрируют свое различие на уровне заполнения «ролевых валентностей» предиката *сражение*.

Наша проблема связана не столько с логикой и глубинным синтаксисом исторического нарратива, сколько с анализом критериев разграничения значений слова *история*, имеющего весьма широкий круг употреблений, в которых оно наполнено разным содержанием, подводимым тем не менее под одно понятие «история» (*история учит / влипнуть в историю / приключилась история*). Вот что пишет об «истории слова *история*» Р. Козеллек (позволим себе привести весьма пространную цитату в силу оригинальности содержания):

Понятие, обозначаемое сегодня словом «история» с его многочисленными, порой логически противоречивыми смысловыми ассоциациями, сложилось лишь к началу XVIII века в результате длительной эволюции теоретической мысли Просвещения. До этого существовало, скажем, представление об истории, которую Бог устраивает совместно с человеком. Но история, субъектом которой было бы человечество, или история как субъект самой себя была немислима. Слово «история» употреблялось во множественном числе, при этом имелись в виду многочисленные истории, которые могли использоваться в качестве подходящих примеров в нравоучительных рассуждениях, в богословии, юриспруденции, философии <...> Людям стало казаться, что история им подвластна и что они сами могут ее создавать, лишь после того, как слово «история» обрело форму единственного числа и стало независимым понятием.

Как видим, новому способу мышления об исторических событиях предшествовали языковые изменения, которые, наш взгляд, тем не менее следовали за изменениями когнитивными.

Я назову несколько признаков, отличающих это новое понятие. 1. «Просто»

*история — это собирательное существительное единственного числа, вобравшее в себя всю совокупность отдельных историй. Тем самым понятие «истории» поднялось на более высокий уровень абстракции, стало описывать нечто гораздо более сложное, и это заставляло толковать теперь действительность в целом как историческую. 2. В это же время новое понятие истории вобрало в себя из латыни старую добрую *Historie*, служившую для обозначения знания и повествования о фактах и событиях. То есть история как действительность и история как рефлексия по поводу этой истории-действительности были подведены под общее понятие истории как таковой. Ход событий и процесс их осознания слились в одном и том же понятии. В этом смысле новое выражение можно назвать также трансцендентальной категорией: условия возможности исторического опыта и условия возможности исторического познания были суммированы в одном понятии.*

Семантическое представление такого понятия, возникшего как результат конвергенции, достаточно трудно, однако необходимо его, как уже было сказано, определить имеющей место путаницей представлений об «истории» как о прошлой действительности, существующей независимо от человека, и «истории» как рефлексии, т. е. зафиксированной и передаваемой в определенном виде сумме сведений о прошлом в тексте. По Ф. Анкерсмицу, известному представителю лингвистической философии истории, история репрезентирует прошлое. Но что такое репрезентация, как не замена отсутствующего предмета как бы его присутствием? «Историческое повествование — это репрезентация прошлого. Репрезентация делает объект вновь присутствующим. Поэтому усилия историка направлены на то, чтобы замена прошлого была выполнена как можно лучше». Какую же замену признать лучшей? — по Анкерсмицу, которая не будет противоречить другим, более поздним репрезентациям [Анкерсмит 2003]. С такой трактовкой лучшей репрезентации нелегко согласиться — борьба исторических концепций и временные победы одних над другими, понятия «буржуазная историография» / «марксистская историография» / «советская историография» и т. п. еще раз подтверждают тот факт, что история как научная дисциплина о прошлом есть нарративная форма, в той или иной мере соответствующая воззрениям «пишущего» историю, которые также формируются духом его времени, точнее, история есть ТЕКСТ. Американская «культурная революция»

(cancel culture), связанная с пересмотром деятельности многих почитаемых личностей и последовавшей за ним «депедестализацией», стала возможной в силу того, что миру были предъявлены новые данные, до нынешнего момента не фигурировавшие в авторитетных исторических источниках. Это в свое время предрекла польский историк Е. Халас, отметившая, что при распространении политики защиты меньшинств наступает плюрализация нарративов и коллективных воспоминаний, проявляющаяся разными путями [Chalas 2008]. Поэтому выражение «переписать историю» вполне корректно — один текст становится авторитетнее другого: мы имеем яркую иллюстрацию смены текстов на примере американских событий 2020 г. — Колумб как смелый первооткрыватель сменяется Колумбом-работником, появившимся на страницах книги Говарда Зинна [Зинн 2006: 11—35].

В этом смысле слова бывшего министра культуры России Мединского, вызвавшие волну критики, не столь далеки от истины: «Историк — всегда заложник своих убеждений. Да, профессиональная этика и правила требуют от ученого стремиться быть объективным. Однако, увы, любой ученый-гуманитарий, как бы ни старался, есть плод своего воспитания, своей школы, он зависим от теоретических рамок, от выбранной методологии, даже от того языка, каким привык пользоваться. Он сам конструирует объект своего исследования, базируясь на знаниях, идеологемах, свойственных его времени. <...> Иначе говоря, всякая история, если по-честному, есть современная история. Ибо каждый смотрит в прошлое с позиции своего дня» [Мединский 2017].

Что же может дать лингвистический подход к истории в век уже свершившегося лингвистического поворота? «Главным следствием лингвистического поворота в историческом познании стало признание невозможности прямого доступа к прошлому, поскольку представленная в различных вариантах языковой репрезентации, историческая реальность всегда оказывается уже предварительно истолкованной. На этом основании был сделан вывод о том, что если любому пониманию прошлого предшествует формирующее влияние языка, то неизбежна множественность исторических реальностей как языковых игр и их интерпретаций» [Гурьянова 2006]. (Ср. страсти вокруг именованного Сталина «эффективным менеджером» и следствия из принятия такого определения этого исторического лица.)

Обратимся к толкованиям слова *история* в русских толковых словарях, сопоста-

вив их с соответствующими дефинициями в словарях английского языка (Вебстеровском и Кембриджском).

Словарь Ожегова. 1. Действительность в ее развитии, движении. Законы истории. 2. Совокупность наук, изучающих прошлое человеческого общества. Всемирная (всеобщая) и. И. средних веков. 3. чего или какая. Наука о развитии какой-н. области природы, знания. Естественная и. (устар.). И. театра. 4. чего. Ход развития, движения чего-н. И. нашей дружбы. И. болезни (карта, в к-рой регистрируются изменения в состоянии больного). 5. Прошлое, сохраняющееся в памяти человечества. События, вошедшие в историю. И. умалчивает об этом (об этом не говорится, не рассказывается; шутл.). 6. Рассказ, повествование (разг.). Рассказывать разные смешные истории. 7. Происшествие, событие, преим. неприятное (разг.). Попасть в историю. Целая и. произошла с кем-н. * Вот какая история! (разг.) — вот оно что, вот в чем дело, вот как обстоит дело. Вот так история! (разг.) — выражение удивления по поводу какого-н. события, происшествия. <...>|| прил. исторический, -ая, -ое (к 1, 2 и 3 знач.).

Нельзя не обратить внимания, что в дефинициях значений, связанных в ряде случаев по метонимическому (1 — 2; 2 — 5) или синекдохическому принципу (2 — 3; 1 — 4), не фиксируется текстовой, или нарративной природы, хотя анализ составляющих значение элементов 2 (наука), 3 (наука), 4 (из примеров ясно, что *история* — *ход нашей дружбы* или *история болезни* есть текст) демонстрирует именно текстовую природу описываемых референтов. Только первое значение (*действительность в ее развитии*) не позволяет нам приписать дефиниции элемент нарративного существования. Здесь человек отсутствует как в качестве деятеля, так и в качестве рассказчика о протекающем процессе.

Укажем на то, что если понимать историю как процесс, независимый от воли человека (то есть от ее «писания»), то трудно объяснить принятое деление времен на «историческое» и «доисторическое». «Доисторический период» понимается обычно как дописьменный период, т. е. не зафиксированная в письменных источниках жизнь человечества, а историческое время есть время, события которого сконструированы в различных текстах, будь то летописи или более поздние научные описания определенных временных периодов существования человечества. Таким образом, и здесь история самым непосредственным образом оказывается связанной с текстом.

Можно сказать, что словарные значения в толковых словарях русского языка не фиксируют участия человека в «создании» истории (возможно, 6-е значение — ‘рассказ, повествование’ — позволяет увидеть некий субъективный фактор), но именно компонент ‘повествование’, на наш взгляд, должен быть основным в семантических дефинициях этого слова. Учитывая сказанное, во всех случаях, кроме первого, было бы уместнее говорить об **исторических нарративах** как способах презентаций прошлого, построение которых определяется взглядами пишущего.

Введение в широкий обиход представления о текстовом (нарративном) характере Истории, возможно, избавило бы нас об уверенности в достоверности знаний, полученных из признаваемого на данном этапе легитимным, или авторитетным, источника и побудило бы к поиску разных источников для получения разносторонних представлений об определенном фрагменте бытия^[5].

Если сравнить описание значений английских эквивалентов слова *история* в Вебстеровском и Кембриджском словарях, то можно отметить, что толкование *истории* как самостоятельного процесса отсутствует и в том и в другом. Вебстеровский словарь основным значением считает следующее: ‘tale, story’, а второе значение содержит прямое указание на человеческий фактор: ‘chronological **record** of significant events (such as those affecting a nation or institution) often including **an explanation of their causes**’. В целом можно говорить, что и первое значение отражает текстовый характер истории, ибо ‘tale, story’ (сказка, история) есть не что иное, как нарративная структура.

Кембриджский словарь в качестве первого, основного значения, по отношению к которому другие рассматриваются как производные, указывает *PAST EVENTS* (прошлые события) и далее: ‘study or record past events considered together, especially events of a particular period, country, or subject’ (*изучение или запись прошлых событий, **рассмотренных** вместе, особенно событий определенного периода, страны или предмета*). В этом значении слово *history* уже сочетается с зависимыми словами. Здесь более четко прослеживается метонимическая связь между значениями, и полисемантическую структуру слова «история» можно представить как совокупность значений, имеющих инвариант ‘текст.’ Однако если признать значение Кембриджского словаря *past events* центральным, то нам трудно будет объяснить, напр., название книги Айзека Азимова «История будущего». Если же дефинировать ИСТОРИЮ как текст, то это по-

зволяет приложить анализируемое понятие как к прошлым, так и к будущим событиям, конструируемым человеком на основе интерпретации его мировидения. Отметим, что утверждение ИСТОРИЯ есть ТЕКСТ О СОБЫТИЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ПРОШЛОМ^[6] (реже: будущем) не является метафорическим — на взгляд автора, понимание истории как прошлых событий есть всегда понимание, основанное на данных письменных источников. В таком случае *история*, трудно соотносимая с каким-либо референтом, получает такую отнесенность в виде одного из возможных миров, созданного автором текста о прошлом и внедряемого в сознание адресата текста в виде определенного ментального образа. Саму же семантическую структуру многозначного слова *история* можно представить как прототипическую категорию, где центральный член (прототип) представлен как ‘**текст (повествование) о прошлом человечества**’, а остальные члены удалены от главного по принципу степени осязаемости метонимических или синекдохических связей (напр., *история театра*). «История будущего» в таком случае окажется на самой периферии категории — ее будет роднить с прототипом компонент ‘повествование о событиях человечества’.

Если описывать историю как текст, то выражения, понимаемые как метафорические: *на скрижалях истории, страницы истории* — могут в таком случае терять свое метафорическое значение. Автор понимает некоторую спорность делаемого утверждения и тем не менее осмеливается высказать подобную мысль. Ставшая бестселлером книга Ю. Харари «Sapiens: краткая история человечества», имеющая в одной из аннотаций слова «Книга переворачивает представление о том, как именно шел ход мировой истории» [Плисов www], только служит иллюстрацией нашей мысли о текстовом характере ИСТОРИИ. После сделанного утверждения мы можем перейти собственно к метафорам *истории*.

МЕТАФОРЫ ИСТОРИИ

Как уже говорилось, одна из целей нашего исследования заключалась в анализе представления «истории» в сознании носителей русского языка, отраженном в метафорическом использовании этого слова. Описав метафорические потенциалы *истории*, мы сможем осознать способ видения ИСТОРИИ и уязвимые места такого представления, побуждающего думать, что то, на что намекает метафора, существует в действительности [МакКормак 1990: 361]. Попытка выстроить такое метафорическое поле даст возможность при-

вязать наличие определенных метафор к определенному мировосприятию и по возможности объяснить причины смещения «действительности» с рефлексией по ее поводу.

Нужно сказать, что большинство метафор со словом *история* демонстрируют взгляд на нее не как на повествование, а как на онтологизированный внетекстовый феномен. *Ход истории, жернова истории, история наказывает за незнание уроков, история повторяется как фарс* и т. п. — здесь история предстает самостоятельным субъектом, способным осуществлять различные действия, обычно связываемые с человеком или механизмом.

Если история *наказывает, учит, молчит (история молчит упрямо)*, то, очевидно, можно говорить о ее «очеловечивании», точнее, об антропоморфной модели метафоризации, основанной на базовой метафоре «ИСТОРИЯ — ЭТО ЧЕЛОВЕК», напр.: «Когда история смотрит на нас» [Когда история смотрит на нас [www](#)].

Соединение частных историй в историю общую отражено в иронической фразе: *История смотрит на нас с надеждой — вдруг кто-то влипнет* [Жемчужины мысли [www](#)]. Вторая часть бессоюзного сложного предложения, противопоставляющая ироническую тональность пафосной тональности первой, построена на игре значений *истории*: *история как человек — история как вязкий, липкий объект*, попадание в который рассматривается как неприятный случай. Именно конвергенция значений в одном слове позволяет осуществлять языковую игру и вместе с тем отправляет нас к иному пониманию истории (7-е словарное значение) — как неприятного происшествия. «*Эта пренеприятная история приключилась в начале прошлого века в одном из приволжских городов*» / *Сегодня со мной произошла пренеприятнейшая история. Меня обманула цыганка и выудила 800 рублей. Крайне неприятная история* [Лина [www](#)] / *Со мной случилась странная история* [Со мной случилась странная история [www](#)]. И вот здесь мы сталкиваемся с некоторой особенностью русской «*истории*»: с людьми чаще *случаются, приключаются, происходят* странные, мистические, неприятные истории, а *приятные, милые истории* обычно не имеют глагольного предиката, но если таковые иногда случаются, то они только *происходят*: «Самая милая история минувших выходных произошла на одной из автобусных остановок в Минске. Курсант МЧС заметил замерзавшую на остановке маленькую девочку — и отдал ей свой бушлат» [Милая история: курсант МЧС из Гродно...]. Так, в

газетном корпусе русского языка зафиксировано в период с 1989 по 2009 г. 82 употребления выражения *неприятная история*, демонстрирующего наибольший рост к концу первого десятилетия нового века. В основном корпусе — 86 вхождений с изменениями в обратном направлении: наибольшее число *неприятных историй* зафиксировано в 90-х гг. прошлого века, затем идет уменьшение подобного употребления — и новый рост к 2014 г., не достигший, однако, в литературных текстах числа *неприятных историй* в 90-е гг. *Милая история* за тот же период встречается 2 раза в основном корпусе русского языка и 4 раза в газетном корпусе. В последнем употреблении выражения демонстрирует рост к 2014 г.

О чем может говорить подобная статистика? Разумеется, человек гораздо чаще фиксирует ситуации, представляющиеся негативными, чем то, что считается добром. Хорошее, по мнению Н. Д. Арутюновой, в большей степени соответствует представлениям о норме, поэтому реже фиксируется человеком [Арутюнова 1999]. Тем не менее ситуации добра также могут казаться исключительными, если субъект добра совершает действия, способные ему самому принести вред (спасти человека с риском для себя, вернуть кошелек...). Вместе с тем можно допустить, что носитель русского языка в реальной действительности, отражаемой газетными текстами, достаточно часто сталкивается со злом и ощущает себя пассивным участником такой ситуации, которой он не в силах противостоять.

Судя по словарным значениям английских толковых словарей, значение 'происшествие, чаще неприятное' не характерно для английской лексемы *history*. Истории как необычные ситуации представлены в русском языке как обстоятельства, находящиеся вне воли человека — он становится их участником не потому, что этого хочет. Здесь вполне возможно описание на семантическом мета-языке А. Вежицкой [Вежицкая 1994; Wierzbicka 1992]: *с человеком (X) происходит что-то (Z). X не знал, что это произойдет. X этого не ждал. Z может быть и хорошим, и плохим, но чаще плохим*. Русскому режиссеру Марианне Яровской, чей фильм «Женщины Гулага» попал в шорт-лист «Оскара» 2019 г. в номинации «Лучший документальный короткометражный фильм», принадлежат слова «История — жестокий, но справедливый учитель». В аннотации к интервью с режиссером сказано следующее: «Кинолента Яровской повествует о судьбе шести женщин, переживших сталинские концентрационные лагеря» [Марианна Яров-

ская www]. Мы видим, что История предстает как совокупность частных историй и сближается с русской *судьбой*, от которой носитель русского языка, согласно А. Вежицкой, чаще ждет плохого, нежели хорошего: «История — как колесница Джаггернаута у индусов. Перемалывает всех, кто попал ей под колёса» [Кондратьев www].

Выше мы говорили об антропоморфной метафоре истории. Однако выражения *жернова истории*, *ход истории*, *история ломает наше сознание* не соотносятся с этой метафорой. Соблазнительно здесь увидеть метафору самозапускающегося механизма, действующего как слепая сила. Но *паруса истории*, *тупики истории*, *ветер истории*, *айсберг истории*, *страницы истории*, *на полях истории*, *волны истории*, *рельсы истории* и т. д. и т. п. делают «историю» чем-то неуловимым, многоликим, похожим то на путь (процесс с целеполаганием), то на стихийную силу, то на некоторый механизм (*история перемалывает крупно*). В таком случае вряд ли стоит искать единую КМ для истории — одно из возможных разделений здесь может идти по линии **органистического** представления истории — организма, в котором все части взаимосвязаны (так представляли мир древние), и механистического представления истории — «с независимым порядком частей, слепо взаимодействующих посредством сил, прилагаемых ими друг к другу» [Бом 1992].

Если исходить из органистического понимания истории, где все ее части сочленены, то все личные истории становятся частью одной общей истории: «Каждый человек — это мир, который с ним рождается и с ним умирает, и под всякой могильной плитой лежит всемирная история» (Гейне). История уподобляется природе, и каждая последующая ее стадия подготовлена предыдущей, подобно тому, как рост растения состоит из последовательности стадий. Растительное (природное) представление истории может определять и ее автономность — дерево растет само по себе и может зависеть только от других природных сил, не подчиняясь человеку. Отсюда *история наказывает*, *история показывает человеку*, *история учит* ^[7]. На основе органистической метафоры реализуется и представление об истории как независимой от воли человека и в то же время подобной ему (или Богу) как самостоятельному субъекту, однако более могущественному. Здесь история не представляется ТЕКСТОМ, она существует сама по себе, поэтому ее можно *фальсифицировать*.

При механистическом понимании истории она в большей степени предстает меха-

низмом, для которого, с одной стороны, характерна бездушность, а с другой — созданность человеком. По свидетельству Р. Козеллека, выражение *созидать историю* вошло в немецкий язык в конце 40-х гг. XIX в. — поначалу оно звучало как вызов представлению об Истории как овеванной «дыханием божественного провидения» [Козеллек 2004]. Согласно этой метафоре, **история есть артефакт**. Здесь появляются языковые метафоры *жерновов истории*, *тарана истории*, *локомотива истории* и производных от них метафор движения (*движется по спирали*). Думается, что видение истории как механизма в большей степени порождает объектное представление об истории, истории как артефакте — ее можно *написать и переписать*. Но, с другой стороны, ее можно *творить, созидать* — так появляются «*творцы истории*» и возникает принципиальный для специалистов по философии истории вопрос: можно ли творить историю? Люди, живущие такой метафорой, относятся, если следовать Р. Козеллеку, к активным социальным группам, они склонны к переустройству мира и стремлению влиять на ход событий.

И тем не менее, посредством органистического и механистического представления истории мы не можем объяснить всего многообразия ее метафорических представлений. Существует еще одна метафора, которая может объединить разнообразие метафорических словоупотреблений *истории*: это воспринятая когнитивной лингвистикой в качестве концептуальной метафора контейнера [Лакофф, Джонсон 2008]. История есть вместительное пространство, в рамках которого происходит движение времени. Соответственно, это движение предполагает средства передвижения (*рельсы истории*, *паруса истории*), сам путь (*пути истории*, *тупики истории*, *крутые повороты истории*) и даже начало и конец пути (известная работа Фукуямы «Конец истории и последний человек»). Сам предлог *в* (*в истории любого народа найдется немало страниц...*) говорит о представлении истории как контейнера. Контейнер (вместительное) может представлять как книга: *на страницах истории*, *строки истории*, «Историю, как лист, не вырвать из судьбы, / Но время не щадит у книги той страницы» (Г. Томашевская); пространство может иметь различный вид, и очень часто история представляется театром, сценой. Так появляются языковые метафоры, которые можно возвести к базовой театральной метафоре — «История — это театр»: *на сцене/авансцене истории*, *за кулисами истории*, *сойти со сцены истории*,

сыграть роль в истории, на подмостках истории. Представление истории как театра коррелирует с шекспировским пониманием мира: «Весь мир театр, и люди в нем актеры». Вместе с тем театральная метафора как разновидность пространственной пересекается с представлением об истории как написанном кем-то сценарии: *Я люблю твой замысел упрямый / И играть согласен эту роль. / Но сейчас идет другая драма, / И на этот раз меня уволь* (Пастернак). Наличие концептуальной пространственной метафоры «История — это контейнер», который может быть представлен разными пространственными формами (путь, сцена, книга), побуждает выбирать роль: *быть на авансцене* или довольствоваться скромной ролью зрителя («Подумайте в какие моменты истории появляется больше актеров политического театра, а в какие преобладают зрители» [Задание. Подумайте в какие моменты истории... www]), стремиться не оказаться *на задворках истории* или пребывать на ее *магистральном пути*. Пребывание на ее *магистральном пути* делает человека в его представлении уже *созидателем истории*. И здесь человеческая деятельность моделируется двумя КМ: «**история — артефакт**», «**история — пространство**».

Таким образом, мы можем констатировать «многоликость» Истории в сознании носителей культуры, а ее представленность разными КМ рассматривать как фактор ее восприятия и влияния на поведение человека.

ВЫВОДЫ

Мы рассмотрели возможное метафорическое представление истории применительно к ее пониманию как организма, артефакта и контейнера и следствия, вытекающие из этих метафор. Очевидно, только второе и отчасти третье понимание истории приближает нас к осознанию того, что история не существует как самостоятельный субъект (процесс развития человечества), а имеет артефактную природу: мы склонны утверждать, что **история — это текст**.

Смещение двух пониманий истории (самостоятельного процесса и артефакта) при отсутствии осознания «сделанности» истории может вызвать мировоззренческое и даже политическое противостояние: возникают обвинения в «фальсификации истории» и предпринимаются попытки восстановить ее «истинную картину». Современную общественную ситуацию в мире можно назвать борьбой «исторических нарративов». «Лучшее, что может дать история — это возбуждаемый ею энтузиазм» (Гете).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Справка из Большой российской энциклопедии: «*Фелеки Ширвані* Абу-н-Низам Мохаммед (1108 или 1110, Шемаха — 1146, по др. сведениям, сер. 1150-х гг.), **азерб. поэт**. Писал на перс. яз.». Брокгауз и Эфрон: «Фелеки Джебеледдин Мохаммед (ум. 1181) — **персидский** поэт-панегирист, живший при дворе Ширван-шаха и носивший титул „царя поэтов“». Как видим, в энциклопедических источниках различаются не только даты смерти, но и указания на национальную принадлежность поэта, что может ввести читателя, не слишком искушенного в исторических перипетиях одного из могущественнейших в прошлом государств планеты, в некоторое заблуждение.

[2] Историографы середины прошлого века говорят об истории как о «повествовании» (Х. Уайт) или как о «лингвистической форме» (Ф. Анкерсмит), к которым могут быть применены риторико-литературные средства анализа.

[3] Термин *историограф*, на наш взгляд, соответствует пониманию того, что «писание» истории осуществляется пишущим в соответствии с его принадлежностью к определенной — идеологической, языковой, национальной — общности и сложившейся в ней традиции.

[4] В равной степени можно говорить о морфологии повествования в духе В. Я. Проппа, выделяющего 7 основных действующих лиц сказки, составляющих своеобразную ролевою структуру сказочного повествования (Герой; Антагонист (вредитель); Даритель волшебных средств герою сказки; Волшебный помощник; Царевна или ее отец; Отправитель; Ложный герой).

[5] «Но здесь возникает серьезная проблема достоверности нарратива» (Пелевин).

[6] Здесь может возникнуть вопрос о соотношении художественного и документального повествования о прошлом — этот закономерный вопрос может быть разрешен в рамках жанров исторического повествования: в документальном повествовании композиция и стиль будут иными, нежели в художественном повествовании о тех же событиях.

[7] Ср.: «Природа показывает нам только львиный хвост» (А. Эйнштейн), «Природа учит нас понимать прекрасное» (К. Паустовский).

ИСТОЧНИКИ

1. Александр Сахаров 2. Кто же победил в Бородинской битве? / Александр Сахаров 2. — Текст : электронный // Проза.ру : сайт. — 2012. — URL: <https://proza.ru/2012/09/12/1760>.

2. Жемчужины мысли. — URL: <https://www.inpearls.ru/>. — Текст : электронный.

3. Задание. Подумайте в какие моменты истории появляется больше актеров политического театра, а в какие преобладают зрители // Ответы : сайт. — URL: <https://otvet.mail.ru/question/219882712>. — Текст : электронный.

4. Когда история смотрит на Нас // Евангелие : христианский портал. — URL: <http://www.evangelie.ru/forum/t141419.html>. — Текст : электронный.

5. Кондратьев, В. Евгений Сатановский: История — как колесница Джаггернауа у индусов. Перемальвает всех, кто попал ей под колёса/ Владимир Кондратьев. — Текст : электронный // Конт : сайт. — 2019. — 21 дек. — URL: <https://cont.ws/@kvf/1536110>.

6. Кто победил в Бородинской битве // История России. — 2018. — 10 дек. — URL: https://zen.yandex.ru/media/history_russian/kto-pobedil-v-borodinskoi-bitve-5c0e5c6deb86bc00a938af22. — Текст : электронный.

7. Лина. Сегодня со мной произошла пренеприятнейшая история... / Лина — Текст : электронный // МЗР. Блог. — 2019. — 25 сент. — URL: <https://health-diet.ru/people/user/129365/blog/208044/>.

8. Марианна Яровская о «Женщинах ГУЛАГа»: «Важно фиксировать свидетельств эпохи» // Newsader. — 2019. — 8 янв. — URL: <https://newsader.com/49525-marianna-yarovskaya-o-zhenshinakh-gulaga/>. — Текст : электронный.

9. Милая история: курсант МЧС из Гродно отдал куртку девочке, замерзавшей на автобусной остановке // Сайт Гродно. — 2019. — 8 окт. — URL: http://015.by/news/obshchestvo/milaya_istoriya_kursant_mchs_iz_grodno_otdal_kurtku_devochke_zamerzavshey_na_avtobusnoy_ostanovke_/?sphrase_id=544514. — Текст : электронный.

10. Плисов, Е. Читать обязательно. «Sapiens. Краткая история человечества» Юваль Ной Харари/ Евгений Плисов. — Текст : электронный // Живые книги. — 2019. — 3 мая. — URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c58138625d7b000b1b3b585chitat-obiazatelno-sapiens-kratkaiia-istoriia-chelovechestva-iuval-noi-harari-5ccc2b3bc76e7d00b1fe3925>.

11. Со мной случилась странная история // Pressa.tv. — URL: <https://pressa.tv/read/48582-so-mnoyu-sluchilas-strannaya-istoriya.html>.

ЛИТЕРАТУРА

12. Анкерсмит, Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / Ф. Анкерсмит. — Москва : Идея-Пресс, 2003. — 360 с. — Текст : непосредственный.

13. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с. — Текст : непосредственный.

14. Бом, Д. Развертывающееся значение / Д. Бом. — Текст : электронный // О самом важном (Беседы с Дэвидом Бомом) / Дж. Кришнамурти. — Москва : Либрис, 1996. — URL: <https://proza.ru/2020/03/06/801https://proza.ru/2020/03/06/801> (дата обращения: 02.06.2020).

15. Вежбицкая, А. Судьба и предопределение / А. Вежбицкая. — Текст : непосредственный // Путь. — 1994. — № 5. — С. 82—150.

16. Витгенштейн, Л. Философские работы / Л. Витгенштейн. — Москва : Гнозис, 1994. — 520 с. — Текст : непосредственный.

17. Горбунов, А. В. Бородинское сражение как «нравственная победа» русской армии / А. В. Горбунов. — URL: http://museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/1992/Gorbunov.pdf (дата обращения: 01.07.2020). — Текст : электронный.

18. Гурьянова, А. В. Феномен «лингвистического поворота» в постмодернистской историографии / А. В. Гурьянова. — Текст : непосредственный // Философия. Наука. Культура. — Москва : Изд-во МГУ, 2006. — Вып. 4. — С. 110—115.

19. Зинн, Г. Народная история США: с 1492 года до наших дней / Г. Зинн. — URL: <https://e-libra.ru/read/412126-narodnaya-istoriya-ssha-s-1492-goda-do-nashih-dney.html> (дата обращения: 01.07.2020). — Текст : электронный.

20. Козеллек, Р. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») / Р. Козеллек. — URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5> (дата обращения: 05.30.2020). — Текст : электронный.

21. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — Текст : непосредственный.

22. Мак-Кормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Мак-Кормак. — Текст : непосредственный // Теория метафоры. — Москва : Прогресс, 1990. — Текст : непосредственный.

23. Мединский, Вл. Интересная история / Вл. Мединский. — Текст : электронный // Российская газета. — 2017. — 4 июля. — URL: <https://rg.ru/2017/07/04/vladimir> (дата обращения: 03.07.2020).

24. Харари, Ю. Sapiens. Краткая история человечества / Ю. Харари. — URL: <https://readli.net/sapiens-kratkaya-istoriya-chelovechestva/> (дата обращения: 03.07.2020). — Текст : электронный.

25. Halas, E. Issues of Social Memory and their Challenges in the Global Age / E. Halas. — URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00571038/document> (date of access: 02.07.2020). — Text : electronic.

26. Hobsbawm, E. The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2000. — 320 p. — URL: <https://www.twirpx.com/file/790453/> (date of access: 02.06.2020). — Text : electronic.

27. Wierzbicka, A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-specific Configurations / Anna Wierzbicka. — New York : Oxford Univ. Pr., 1992. — 487 p. — Text : unmediated.

E. R. Lassan

Vilnius university, Faculty of Philology, Vilnius, Lithuania
ORCID ID:

E-mail: leonora.lassan@flf.vu.lt.

On History as TEXT, Historical Metaphors and Their Entailments

ABSTRACT. *The author revisits the notion of history and its semantic dictionary representations (Ozhegov's Dictionary, Webster's Dictionary, Cambridge Dictionary) by addressing the works of the well-known historiographers of the epoch of postmodernism (F. Ankersmit, M. Koselleck). In the author's opinion, the semantic interpretation of history implies the textual nature of this notion. Since, according to the author, there is no "history" outside the text, it is the introduction of the word "text" into the definition that opens up the possibility of establishing the correlation between the word "history" and the extratextual reality. The referent of the word "history" in this case is a mental image (possible world) created by the text in the consciousness of its addressees. The semantic structure of the polysemantic word "history" may be presented as a prototypical category, the central member of which is "history as a text about past events in the life of the humankind". The author analyzes the metaphors of the word "history" and on the material of Russian tries to single out conceptual metaphors (or, rather, general culture metaphors) to which a huge amount of metaphorical expressions with this word can be reduced ("istoriya uchit", "zhernova istorii", "na stsene istorii"). The author describes three conceptual metaphors of "history", such as **History is an Organism**, **History is a Mechanism**, **History is a Container** and demonstrates their possible entailments shaping the behavior of the "homo socialis".*

KEYWORDS: *historical texts; prototypical categories; metaphorical modeling; metaphorical models; conceptual metaphors; Russian.*

AUTHOR'S INFORMATION: Eleonora Lassan, Habilitated doctor of Humanities, Professor, Affiliate professor at the Faculty of Philology, Vilnius university.

FOR CITATION: Lassan, E. R. On History as TEXT, Historical Metaphors and Their Entailments / E. R. Lassan // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 201-210. — DOI 10.26170/pl20-05-18.

MATERIALS

1. Aleksandr Sakharov 2. Who won the Battle of Borodino? / Alexander Sakharov 2. — Text : electronic // Proza.ru: website. — 2012. [Kto zhe pobedil v Borodinskoy bitve? / Aleksandr Sakharov 2. — Tekst : elektronnyy // Proza.ru : sayt. — 2012]. — URL: <https://proza.ru/2012/09/12/1760>. — (In Rus.)

2. Pearls of thought [Zhemchuzhiny mysli]. — URL: <https://www.inpearls.ru/>. — Text : electronic. — (In Rus.)

3. The task. Think at which moments in history there are more political theater actors, and at which the audience predominates // Answers : website. [Zadanie. Podumayte v kakie momenty istorii poavyaetsya bol'she akterov politicheskogo teatra, a v kakie preobladayut zritel'i // Otvety : sayt]. — URL: <https://otvet.mail.ru/question/219882712>. — Text : electronic. — (In Rus.)

4. When History Looks at Us // Gospel: Christian Portal. [Kogda istoriya smotrit na Nas // Evangelie : khristianskiy portal]. — URL: <http://www.evangelie.ru/forum/t141419.html>. — Text : electronic. — (In Rus.)

5. Kondrat'ev, V. Evgeny Satanovsky: History is like a Juggernaut chariot among the Hindus. Grinds everyone who got under her wheels / Vladimir Kondrat'ev. — Text : electronic // Contact : site. — 2019. — Dec 21. [Evgeniy Satanovskiy: Istoriya — kak kolesnitsa Dzhaggernauta u indusov. Peremalyvaet vsekh, kto popal ey pod kolesa / Vladimir Kondrat'ev. — Tekst : elektronnyy // Kont : sayt. — 2019. — 21 dek.]. — URL: <https://cont.ws/@kvf/1536110>. — (In Rus.)

6. Who won the Battle of Borodino // History of Russia. — 2018. — Dec. 10. [Kto pobedil v Borodinskoy bitve // Istoriya Rossii. — 2018. — 10 dek.]. — URL: https://zen.yandex.ru/media/history_russian/kto-pobedil-v-borodinskoi-bitve-5c0e5c6deb86bc00a938af22. — Text : electronic. — (In Rus.)

7. Lina. Today the Most Unpleasant Story Happened to Me... / Lina — Text : electronic // MZR. Blog. — 2019. — 25 Sept. [Segodnya so mnoy proizoshla prenepriyatneyshaya istoriya... / Lina — Tekst : elektronnyy // MZR. Blog. — 2019. — 25 sent.]. — URL: <https://health-diet.ru/people/user/129365/blog/208044/>. — (In Rus.)

8. Marianna Yarovskaya on “Women of the Gulag”: “It is important to record the evidence of the era” // Newsader. — 2019. — 8 Jan. [Marianna Yarovskaya o «Zhenshchinakh GULAG»: «Vazhno fiksirovat' svidete'l'stva epokhi» // Newsader. — 2019. — 8 yanv.]. — URL: <https://newsader.com/49525-marianna-yarovskaya-o-zhenshinakh-gulaga/>. — Text : electronic. — (In Rus.)

9. Nice story: a cadet of the Ministry of Emergency Situations from Grodno gave a jacket to a girl who froze to death at a bus stop // Grodno website. — 2019. — Oct 8. [Milaya istoriya: kursant MChS iz Grodno ot dal kurtku devochke, zamerzavshey na avtobusnoy ostanovke // Sayt Grodno. — 2019. — 8 okt.]. — URL: http://015.by/news/obshchestvo/milaya_istoriya_kursant_mchs_iz_grodno_otdal_kurtku_devochke_zamerzavshey_na_avtobusnoy_ostanovke_/?sphrase_id=544514. — Text : electronic. — (In Rus.)

10. Plisov, E. Read necessarily. “Sapiens. A Brief History of Humanity” by Yuval Noah Harari / Evgeny Plisov. — Text : electronic // Live books. — 2019. — May 3. [Chitat' obyazatel'no. «Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva» Yuval' Noy Kharari / Evgeniy Plisov. — Tekst : elektronnyy // Zhivye knigi. — 2019. — 3 maya]. — URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c58138625d7b000b1b3b585/chitat-obiyazatelno-sapiens-kratkaia-istoriia-chelovechestva-iuval-noi-harari-5ccc2b3bc76e7d00b1fe3925>. — (In Rus.)

11. A strange story happened to me // Pressa.tv. [So mnoy sluchilas' strannaya istoriya // Pressa.tv]. — URL: <https://pressa.tv/read/48582-so-mnoy-sluchilas-strannaya-istoriya.html>. — (In Rus.)

REFERENCES

12. Ankersmit F. Narrative logic. A semantic analysis of the historian's language / F. R. Ankersmit. — Moscow : Idea-Press, 2003. — 360 p. — Text : unmediated [Narrativnaya logika. Semanticheskij analiz jazyka istorikov. Moskva : Ideja-Press, 2003. — 360s. — Tekst: neposredstvennyj]. — (In Rus.)

13. Arutjunova N. D. Language and the world of man. 2nd ed., cor. / N. D. Arutjunova. — Moscow : Languages of Russian Culture. — 1999. — 896 p. — Text : unmediated. [Jazyk i mir cheloveka. 2-e izd., ispr. — M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. — 896 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

14. Bohm D. Unfolding meaning // Krishnamurti. About the most important Conversations with David Bohm. — 1996. — Text : electronic. (date of access: 02.06. 2020) [Bohm D. Razvertvyajushheesja znachenie / D.Bohm. — Tekst : elektronnyj]. — URL: <https://proza.ru/2020/03/06/801https://proza.ru/2020/03/06/801> (date of access: 02.06.2020)]. — (In Rus.)

15. Vezhbickaja A. Fate and predestination/ A. Vezhbickaja — Text : unmediated // Path. — 1994. — No 5 — P.82-151. [A. Vezhbickaja Sud'ba i predopredelenie . — Tekst: neposredstvennyy // Put' — 1994 — №5. — S.82-151]. — (In Rus.)

16. Wittgenstein L. Philosophical works. — Text : unmediated / L. Wittgenstein. — Moscow : Gnosis, 1994. — 520 p. [Filosofskie raboty. — Moskva : Gnozis, 1994. — 520 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

17. Gorbunov A. V. Borodino battle as a “moral victory” of the Russian army / A. V. Gorbunov — Text : electronic. — URL: http://museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/1992/Gorbunov.pdf (date of access: 01.07. 2020). [Borodinskoe srazhenie kak «nравstvennaja pobeda» russkoj armii. — Tekst : elektronnyj]. — (In Rus.)

18. Gur'janova A. V. The Phenomenon of “linguistic tum” in postmodern historiography / A. Guryanova. — Text : unmediated // Philosophy. The science. Culture. Issue 4. — Moscow : MSU Publishing house. — 2006. — P. 110—115. [Fenomen «lingvisticheskogo povorota» v postmodernistskoj istoriografii / Gur'janova A. — Tekst : neposredstvennyy // Filosofija. Nauka. Kul'tura. Vyp. 4. M.: Izd-vo MGU, 2006. S. 110—115]. — (In Rus.)

19. Zinn G. A People's History of the United States / Zinn G. — Text : electronic. — URL: <https://e-libra.ru/read/412126-narodnaya-istoriya-ssha-s-1492-goda-do-nashih-dney.html> (date of access: 01.07. 2020). — (In Rus.)

20. Koselleck R. Can we control history? (From the book “Past future. On the question of the semantics of historical time”) / R. Koselleck. — Text : electronic. — URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5> (date of access: 05.30.2020). [Mozhem li my rasporyazhat'sja istoriej? (Iz knigi «Proshedshee budushhee. K voprosu o semantike istoricheskogo vremeni»). / R. Koselleck. — Tekst : elektronnyj]. — URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5> (date of access: 05.30.2020). — (In Rus.)

21. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Moscow : Editorial URSS. — 2004. — 256 p. — Text : unmediated. [Metafori, kotorymi my zhivem / G. Lakoff and M. Johnson. — Moskva : Editorial URSS. — 2004. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

22. Mac Cormac E. R. A Cognitive Theory of Metaphor / E. R. Mac Cormac. — Text : unmediated // Metaphor theory. — Moscow : Progress — 1990. — P. 358—386. [Kognitivnaja teorija metafory / Je. MakKormak — Moskva : Progress. — 1990. — S. 358—386. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

23. Medinskij VI. Interesting story / VI. Medinskij. — Text : electronic // Russian Newspaper. — 2017. 04 July. [Interesnaja istorija. / VI. Medinskij // Rossjskaja gazeta. 04 julia, 2017. — Text : elektronnyj]. — URL: <https://rg.ru/2017/07/04/vladimir> (date of access: 03.07.2020).

24. Harari Yu . Sapiens: A Brief History of Humanity / Yu. Harari. — Text : electronic. — URL: <https://readli.net/sapiens-kratkaya-istoriya-chelovechestva/> (date of access: 03.7. 2020). [Yu. Charari. Kratkaja Istorija chelovechestva. — Text : elektronnyj]. — (In Rus.)

25. Halas, E. Issues of Social Memory and their Challenges in the Global Age / E. Halas. — URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00571038/document> (date of access: 02.07. 2020). — Text : electronic.

26. Hobsbawm, E. The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2000. — 320 p. — URL: <https://www.twirpx.com/file/790453/> (date of access: 02.06.2020). — Text : electronic.

27. Wierzbicka, A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-specific Configurations / Anna Wierzbicka. — New York : Oxford Univ. Pr., 1992. — 487 p. — Text : unmediated.

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81/27
ББК Ш1-903
DOI 10.26170/pl20-05-19

ГСНТИ 16.21.29; 16.21.51

Код ВАК 10.02.20

Т. В. Сивова

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь

ORCID ID: 0000-0002-8800-9987 E-mail: sitavi@tut.by.

Этноязыковое сознание в эволюции цветовых концептосфер

АННОТАЦИЯ. Рецензия на монографию доктора филологических наук В. Г. Кульпиной «Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер» (Москва : МАКС Пресс, 2019. — 288 с.). Монография аккумулирует результаты многолетних плодотворных научных изысканий автора, послуживших стремительному развитию лингвистики цвета как самостоятельной научной парадигмы, ставших теоретико-методологической основой многих диссертационных исследований. Рецензируемая монография состоит из введения (озаглавленного «Лексикографирование исторической концептосферы терминов цвета в лингвокогнитивной перспективе»), трёх глав («Системно-исторический анализ цветообозначений», «Цивилизационные аспекты цветообозначений», «Первопроходческие исследования в лингвистической цветологии») и заключения. Автор исследует лингвистические проблемы генезиса системы цвето- и цветообозначений русского и польского языков, выявляя лингвоэтническую специфику в истории формирования русской и польской колористической картины мира. Характеризуя на обширном фактическом материале сопоставительного исследования эволюционные процессы в русской и польской цветономинации, автор монографии обосновывает концепцию лексикографической репрезентации терминов цвета как сложноструктурных концептов и представляет уникальное лексикографическое описание наиболее актуальных и релевантных терминов цвета русского и польского языков. В фокус исследовательского внимания попадает широкий спектр значимых для теории и практики лингвистики цвета проблем, среди которых: характер эволютивных процессов в русской и польской цветономинации; функциональный, деривационный, аксиологический потенциал цветообозначений; специфика колористической репрезентации мира артефактов русской и польской лингвокультуры; эволютивные трансформации понятия «свет».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цветообозначения; цвета; концептология; русский язык; польский язык; концептосфера; рецензии; лингвистическая цветология; цветовые концептосферы.

ТИП ПУБЛИКАЦИИ: рецензия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Сивова Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 230023, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Элизы Ожешко, 22; e-mail: sitavi@tut.by.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сивова, Т. В. Этноязыковое сознание в эволюции цветовых концептосфер / Т. В. Сивова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 211-216. — DOI 10.26170/pl20-05-19.

Валентина Григорьевна Кульпина, доктор филологических наук, доцент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, широко известный и признанный специалист в области лингвистики цвета, представила вниманию научного сообщества новую¹ монографию «Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер», в которой рассматриваются «лингвистические проблемы происхождения, истории и современного бытия цветообозначений и светолексем в русском и польском языке». Монография аккумулирует результаты многолетних плодотворных научных изысканий автора, послуживших стремительному развитию лингвистики цвета как самостоятельной научной парадигмы [Куль-

пина 2002], ставших теоретико-методологической основой многих диссертационных исследований, среди которых работы А. М. Тимофеевой [Тимофеева 2003], Е. Н. Алымовой [Алымова 2007], Н. А. Завьяловой [Завьялова 2007], И. Е. Цегельник [Цегельник 2007], Е. Ю. Петровой [Петрова 2008], Г. М. Гусейновой [Гусейнова 2009], Ли Аньфэн [Ли Аньфэн 2009], Ю. В. Зольниковой [Зольникова, 2010], Ю. А. Климовских [Климовских 2011], Е. С. Лукашенко [Лукашенко 2011], Д. Н. Ерковой [Еркова 2012], Ф. Н. Новикова [Новиков 2012], С. З. Садыковой [Садыкова 2012], Е. А. Горн [Горн 2015], О. Н. Мужиковой [Мужикова 2016], Т. Г. Гусаковой [Гусакова 2019] и др.

По определению автора, «представленный в книге анализ нацелен в первую очередь на выявление лингвоэтнической специфики в истории формирования цветовой картины мира русского и польского языков»

¹ Ранее вышла в свет монография «Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках» [Кульпина 2001].

[Кульпина 2019: 15], что представляется чрезвычайно значимым в свете актуальной масштабной задачи «создания полных версий концептосфер цветообозначений русского и польского языков» [Кульпина 2019: 3]. Задаваясь важным вопросом: «...каким образом от достаточно синкретичных представлений о цвете человек пришел к нынешней дифференцированности, детализированности этих представлений в их высокоабстрактных и практических воплощениях» [Кульпина 2019: 5], В. Г. Кульпина сосредоточивает свое внимание на эволюционных процессах в русской и польской цветономии: выявляет факторы, обуславливающие развитие цветообозначений, описывает специфику процессов, происходящих в их системе, демонстрирует функциональный потенциал цветоименований, акцентирует ценность лексикографического описания терминов цвета.

Рецензируемая монография состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении, озаглавленном «Лексикографирование исторической концептосферы терминов цвета в лингвокогнитивной перспективе», автор очерчивает круг актуальных вопросов теории и практики лингвистики цвета, которые найдут отражение в монографии, и обосновывает концепцию описания терминов цвета русского и польского языков как сложноструктурных концептов. Использование данной концепции позволит, по аргументированному мнению автора, создать «надежную научно-теоретическую базу для установления сфер сопряженностей и дивергенций в области цветообозначений в обоих близкородственных языках, закономерностей развития языковых структур в их связи с закономерностями эволюции человеческого мышления» [Кульпина 2019: 16].

В главе 1 «Системно-исторический анализ цветообозначений» В. Г. Кульпина приводит масштабное лексикографическое описание важных с точки зрения формирования системы цветообозначений цветолексем, сгруппированных, с учетом концептологического характера исследования, по «хроматическим категориям, или концептам» [Кульпина 2019: 29]. Несомненную ценность представляет избранный автором способ лексикографической репрезентации терминов цвета. Словарная статья на заголовочное слово-цветонаименование содержит: а) информацию об исходном ареале распространения слова; б) датировку цветообозначения; в) основные значения в современном языке; г) этимологические данные; д) указание на сферу денотации; е) основные функции цветообозначения в словосочетании с

именем указанного объекта; ж) эвентуальные семантические оппозиции с другим цветообозначением; з) лексикографируемую фразеологию, понимаемую в широком смысле; и) характерный ономастический материал, базирующийся на терминах цвета; к) диминутивные модели; л) редупликации; м) цветовые этнолингвистические предпочтения и фольклорные мотивы, базирующиеся на терминах цвета.

Эффективно используя потенциал существующей лексикографической традиции, В. Г. Кульпина спорадически выходит за ее современные рамки: например, посвящает цветообозначению *тёмно-синий* отдельную статью, убедительно аргументируя свое решение значимостью данного цветообозначения для русскоязычного ареала: оно является «частью этнозначимой триады цветообозначений 'голубой', 'синий', 'тёмно-синий'», более того, согласно исследованиям В. В. Краснянского [Краснянский 2000: 30], входит в группу самых частотных композитов [Кульпина 2019: 102].

Константное обращение к эволюции системы терминов цвета позволяет автору сделать ряд ключевых выводов о деривационной активности терминов цвета, их соотносительности с определенным жанром речи, о динамике аксиологической и эстетической составляющей цветообозначений, о процессах демифологизации света и ее последствиях для системы цветообозначений.

Характеризуя важные для современного состояния польского языка исторические изменения в системе цветообозначений, В. Г. Кульпина описывает экстралингвистические и внутрilingвистические факторы динамики цветономии. На этом фоне представляет опосредованное авторской концепцией лексикографического описания терминов цвета как сложноструктурных концептов детальное лексикографическое описание наиболее актуальных и релевантных терминов цвета польского языка, особый акцент делая на этнически значимых цветах и их сочетаниях. Так, описывая сферу денотации являющегося этноприоритетным для польского ареала цветообозначения *zielony* («*Zielony* — это цвет родины и любимый фон для рассказа о ней» [Кульпина 2019: 176]), охватывающую зону «растения» (*praska, luga* и т. п., включая продуцируемые от нее понятия: *zielony* 'незрелый'), а также зону «вода», зону «артефакты», изредка — «небо», В. Г. Кульпина фиксирует метафорические (*zielona młodość / zielone lata*), фразеологические (*Zielony liść; Nie mieć o czym zielonego pojęcia*), метонимические (*zielony rynek*) формации, а также термины (*użytki zielone*;

pasza zielona; zielone przestrzenie), созданные на основе данного цветообозначения; обнаруживая при этом, напр., различие между польской социореалией *partia zielonych* 'партия зелёных' (политическая партия) и интернационализмом *zielony* 'зелёный' (участник экологического движения) [Кульпина 2019: 175].

Глава 2 «Цивилизационные аспекты цветообозначений» посвящена ряду актуальных для лингвистики цвета вопросов, среди которых — эволютивные трансформации понятия «свет», аксиологическая характеристика артефактов, специфика колористической репрезентации мира артефактов русской и польской лингвокультур. В данной главе рецензируемой монографии В. Г. Кульпина излагает результаты своих наблюдений над эволюцией, которую претерпело понятие «свет», в целях чего описывает структурно-семантические типы световых композитов древне- и среднерусского языка, древнепольского языка, проводит возможные параллели, характеризует эволюционно обусловленные существенные трансформации в лингвосветовой картине мира: процессы утраты светолексем в истории русского и польского языков, изменение представлений человека о световых явлениях, что закономерно отразилось на модусе их восприятия. Изложенные результаты исследования убедительно свидетельствуют о значимости световой составляющей в языковой картине мира, наглядно иллюстрируют «феномен-формирующую функцию языка в освоении человеком окружающего мира» [Кульпина 2019: 217].

Обращаясь к истории развития системы цветообозначений XIX в., В. Г. Кульпина раскрывает аксиологический потенциал терминов цвета в создании вестигального кода, особое внимание уделяя тенденции экспрессивно-символического восприятия цвета предметов одежды [Кульпина 2019: 226], делает вывод об историческом аксиологическом сдвиге в восприятии одежды и ее цвета, лежащем в основе современного доминирования утилитарного над эстетическим, серийного над уникальным.

Учитывая факт изменчивости цвета артефакта, В. Г. Кульпина затрагивает вопрос ее языковой репрезентации, сопровождая свои рассуждения авторской типологией артефактов: бесцветные артефакты, артефакты «метонимического» цвета, артефакты «компаративного» цвета: рус. *канареечный цвет* 'ярко-жёлтый' и пол. *kanarkowy kolor* 'светло-жёлтый' [Кульпина 2019: 245], артефакты «онтологического» цвета, артефакты «социоэтнического» цвета: рус. *синий трол-*

лейбус — пол. *czerwony autobus*; рус. «Голубые врата» (С. Лесневский) — пол. «*Zielone Drzwi*» (К. Grochola) [Кульпина 2019: 251—254], артефакты «раритетного» цвета, артефакты «образно-литературного» цвета. Автор иллюстрирует изложенный материал этнически релевантными цветообозначениями, устанавливая область их сходства/отличия, подводит читателя к мысли о том, что «цветные артефакты — это ещё одна реализация этноменталитета во вторичной ипостаси языковых структур» [Кульпина 2019: 263].

Глава 3 «Первопроходческие исследования в лингвистической цветологии» посвящена значительному вкладу, который внесли в становление лингвистической науки о цвете российские и польские ученые. В. Г. Кульпина раскрывает новаторский характер монографических исследований В. И. Шерцля («Названия цвѣтовъ и символическое значеніе ихъ», Воронеж, 1884 г.) и Альфреда Зарембы (A. Zaręba) «*Nazwy barw w dialektach i historii języka polskiego. Z 2 marami*» (Вроцлав, 1954 г.). Признавая масштабность и глубину их пионерских работ, в перспективе послуживших импульсом для развития лингвистического учения о цвете, автор рецензируемой монографии проецирует характер данных научных изысканий на систему основных направлений изучения лингвистики цвета, встраивая их таким образом в парадигму современного языкознания. Так, научные поиски В. И. Шерцля могут быть соотнесены с органично сосуществующими историко-этимологическим, сопоставительным, психолингвистическим направлениями (напр., выявление цветового эталона у разных народов). Общий вектор исследований А. Зарембы направлен на когнитивную этнолингвистику: «...сейчас мы бы сказали, что А. Заремба, собрав материал цветообозначений, распределил его по концептам, хотя в период его жизни понятие концепта как понятие когнитивной лингвистики и этнолингвистики не существовало (не существовало и самих этих дисциплин)» [Кульпина 2019: 274].

В заключении В. Г. Кульпина детально описывает факторы динамизации эволютивных процессов в русской и польской цветономинации, раскрывает функциональный потенциал цветообозначений.

К особым достоинствам рецензируемой монографии, на наш взгляд, следует отнести: 1) разработанную ее автором концепцию лексикографического описания терминов цвета как сложноструктурных концептов; 2) скрупулезность и поистине энциклопедический характер лексикографических описа-

ний (словари, энциклопедии, Korpus Języka Polskiego PWN — около 60 позиций в библиографическом списке); 3) созданную на обширном материале сопоставительного исследования русского и польского языков основательную доказательную базу, свидетельствующую о том, что цветовые концепты обладают выраженной этнокультурной спецификой.

Монография В. Г. Кульпиной представляет собой классический научный труд, в котором раскрываются вопросы генезиса и преемственности лингвистического знания о цвете, манифестируется потенциал колористических доминант этноязыкового сознания, последовательно прослеживаются изменения в концептуализации мира человеком. Всё вышеизложенное позволяет с полной убежденностью утверждать, что представляющая несомненную теоретическую и практическую ценность книга В. Г. Кульпиной «Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер» будет принята филологическим сообществом с признательностью и оценена по достоинству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алымова, Е. Н. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Алымова Е. Н. — Санкт-Петербург, 2007. — 18 с. — Текст : непосредственный.
2. Горн, Е. А. Цветовые обозначения в художественном тексте на английском и русском языках в сопоставительно-переводческом аспекте : на материале современной английской литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Горн Е. А. — Санкт-Петербург, 2015. — 18 с. — Текст : непосредственный.
3. Гусакова, Т. Г. Цветовые обозначения как средство художественного моделирования социальной самоидентификации: на материале англоязычной литературы XX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гусакова Т. Г. — Санкт-Петербург, 2019. — 19 с. — Текст : непосредственный.
4. Гусейнова, Г. М. Концепты «свет» и «цвет» в художественной картине мира Ю. П. Казакова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гусейнова Г. М. — Махачкала, 2009. — 24 с. — Текст : непосредственный.
5. Еркова, Д. Н. Цветовые фразеологизмы в лингвокультурном аспекте: на материале русского и испанского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Еркова Д. Н. — Белгород, 2012. — 22 с. — Текст : непосредственный.
6. Завьялова, Н. А. Фразеологизмы с компонентом цветообозначения как отражение японской, английской и русской языковых картин мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Завьялова Н. А. — Екатеринбург, 2007. — 24 с. — Текст : непосредственный.
7. Зольникова, Ю. В. Цветовые фразеологизмы как фрагмент идиоматической картины мира русского и немецкого языков: на материале лексикографических источников : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Зольникова Ю. В. — Тюмень, 2010. — 23 с. — Текст : непосредственный.
8. Климовских, Ю. А. Цветовая картина мира О. Уайльда: когнитивно-лингвокультурологический подход : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Климовских Ю. А. — Ставрополь, 2011. — 21 с. — Текст : непосредственный.
9. Краснянский, В. В. Сложные цветообозначения русской речи / В. В. Краснянский. — Орехово-Зуево : Орехово-Зуевский государственный педагогический институт, 2000. — 234 с. — Текст : непосредственный.
10. Кульпина, В. Г. Лингвистика цвета: термины цвета в польском и русском языках / В. Г. Кульпина. — Москва : Московский Лицей, 2001. — 470 с. — Текст : непосредственный.
11. Кульпина, В. Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер / В. Г. Кульпина. — Москва : МАКС Пресс, 2019. — 288 с. — Текст : непосредственный.
12. Кульпина, В. Г. Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Кульпина В. Г. — Москва, 2002. — 31 с. — Текст : непосредственный.
13. Ли Аньфэн. Русские фразеологические единицы с цветовым компонентом на фоне китайской лингвокультуры : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ли Аньфэн. — Москва, 2009. — 18 с. — Текст : непосредственный.
14. Лукашенко, Е. С. Функционально-номинативный потенциал цветообозначений в контексте когнитивной парадигмы: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лукашенко Е. С. — Нижний Новгород, 2011. — 24 с. — Текст : непосредственный.
15. Мужикова, О. Н. Концепты цвета в картине мира английского сленга : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Мужикова О. Н. — Санкт-Петербург, 2016. — 21 с. — Текст : непосредственный.
16. Новиков, Ф. Н. Динамика культурных кодов и ее отражение в семантическом поле цветообозначения: в русском, английском и французском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Новиков Ф. Н. — Москва, 2012. — 22 с. — Текст : непосредственный.
17. Петрова, Е. Ю. Цветовые обозначения в языковом сознании вторичной языковой личности: на материале русского и французского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Петрова Е. Ю. — Москва, 2008. — 18 с. — Текст : непосредственный.
18. Садыкова, С. З. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения в кумыкском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Садыкова С. З. — Махачкала, 2012. — 23 с. — Текст : непосредственный.
19. Тимофеева, А. М. Сопоставительное исследование лингвоцветовых картин мира: на материале идиомов Н. Заболоцкого и Р. Фроста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тимофеева А. М. — Екатеринбург, 2003. — 18 с. — Текст : непосредственный.
20. Цегельник, И. Е. Цветовая картина мира Иосифа Бродского: когнитивно-функциональный подход : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Цегельник И. Е. — Ростов-на-Дону, 2007. — 22 с. — Текст : непосредственный.

T. V. Sivova

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus

ORCID ID: 0000-0002-8800-9987

 E-mail: sitavi@tut.by.

Ethno-Linguistic Consciousness in the Evolution of Coloristic Conceptual Spheres

ABSTRACT. *The article contains a review of the monograph of Doctor of Philology V. G. Kulpina “Linguistic Color Theory: From History to Modernity of Coloristic Conceptual Spheres” (Moscow : MAKS Press, 2019. -228pp.). The monograph accumulates the results of many years of fruitful research of the author which have facilitated the swift development of*

linguistics of color as a separate scientific paradigm and which have become a theoretico-methodological foundation of many dissertations. The monograph consists of an introduction (entitled “Lexicographic description of the historical conceptosphere of color terms in linguocognitive perspective”), three chapters (“Systemic-historical analysis of color names”, “Civilizational aspects of color names” and “Pioneer research in linguistic theory of color”) and a conclusion. The author explores the linguistic issues of the genesis of the system of color and light names in Russian and Polish revealing the linguoethnic specificity in the history of formation of Russian and Polish coloristic worldviews. Characterizing the evolutionary processes in Russian and Polish color nomination on a vast factual material of a comparative research, the monograph author substantiates the conception of lexicographic representation of color terms as concepts with a complex structure and presents a unique lexicographic description of the most urgent and relevant Russian and Polish color terms. The study focuses on a broad range of issues significant for the theory and practice of linguistics of color which include: the nature of evolutionary processes in Russian and Polish color nomination; functional, derivational and axiological potential of color names; specificity of the coloristic representation of the world of artifacts of the Russian and Polish linguocultures; and evolutionary transformations of the concept “light”.

KEYWORDS: color names; colors; conceptology; Russian; Polish; conceptual sphere; reviews; linguistic color theory; coloristic conceptual spheres.

TYPE OF PUBLICATION: review.

AUTHOR'S INFORMATION: Sivova Tat'yana Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Journalism, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus.

FOR CITATION: Sivova, T. V. Ethno-Linguistic Consciousness in the Evolution of Coloristic Conceptual Spheres / T. V. Sivova // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 211—216. — DOI 10.26170/pl20-05-19.

REFERENCES

1. Alymova, E. N. Colour as a Linguo-cognitive Category in the Russian Language Picture of the World : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Alymova E. N. — Saint Petersburg, 2007. — 18 p. — Text : unmediated. [Tsvet kak lingvokognitivnaya kategoriya v russkoy yazykovoy kartine mira : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Alymova E. N. — Sankt-Peterburg, 2007. — 18 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
2. Horn, E. A. Colour Names in the English and Russian Literary Text in Comparative and Translation Aspect : on the Material of Modern English Literature : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Gorn E. A. — Saint Petersburg, 2015. — 18 p. — Text : unmediated. [Tsvetooboznacheniya v khudozhestvennom tekste na angliyskom i russkom yazykakh v sopostavitel'no-perevodcheskom aspekte : na materiale sovremennoy angliyskoy literatury : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Gorn E. A. — Sankt-Peterburg, 2015. — 18 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
3. Gusakova, T. G. Colour Names as a Means of Artistic Modeling of Social Self-identification : on the Material of XX Century English-language Literature : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Gusakova T. G. — Saint Petersburg, 2019. — p. 19. — Text : unmediated. [Tsvetooboznacheniya kak sredstvo khudozhestvennogo modelirovaniya sotsial'noy samoidentifikatsii : na materiale angloyazychnoy literatury XX v. : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Gusakova T. G. — Sankt-Peterburg, 2019. — 19 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
4. Guseinova, G. M. Concepts “Light” and “Colour” in the Yu. P. Kazakov's Artistic Picture of the World : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Guseinova G. M. — Makhachkala, 2009. — 24 p. — Text : unmediated. [Kontsepty «Svet» i «Tsvet» v khudozhestvennoy kartine mira Yu. P. Kazakova : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Guseinova G. M. — Makhachkala, 2009. — 24 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
5. Erkova, D. N. Colour Phraseological Units in the Linguocultural Aspect : on the Material of Russian and Spanish Languages : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Erkova D. N. — Belgorod, 2012. — 22 p. — Text : unmediated. [Tsvetofrazeologizmy v lingvokul'turnom aspekte : na materiale russkogo i ispanskogo yazykov : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Erkova D. N. — Belgorod, 2012. — 22 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
6. Zavyalova, N. A. Phraseologisms with Colour Component as a Reflection of Japanese, English and Russian Linguistic Pictures of the World : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Zavyalova N. A. — Ekaterinburg, 2007. — 24 p. — Text : unmediated. [Frazeologizmy s komponentom tsvetooboznacheniya kak otrazhenie yaponskoy, angliyskoy i russkoy yazykovykh kartin mira : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk /
- Zavyalova N. A. — Ekaterinburg, 2007. — 24 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
7. Zolnikova, Yu. V. Colour Phraseological Units as Fragment of Russian and German Languages Idiomatic Picture of the World : on the Material of Lexicographic Sources : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Zolnikova Yu. V. — Tyumen, 2010. — 23 p. — Text : unmediated. [Tsvetovyye frazeologizmy kak fragment idiomaticheskoy kartiny mira russkogo i nemetskogo yazykov : na materiale leksikograficheskikh istochnikov : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Zolnikova Yu. V. — Tyumen, 2010. — 23 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
8. Klimovskikh, Yu. A. O. Wilde's Colour Picture of the World : Cognitive-linguoculturological Approach : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Klimovskikh Yu. A. — Stavropol', 2011. — 21 p. — Text : unmediated. [Tsvetovaya kartina mira O. Uayl'da : kognitivno-lingvokul'turologicheskii podkhod : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Klimovskikh Yu. A. — Stavropol', 2011. — 21 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
9. Krasnyansky, V. V. Complex Colour Names of Russian Speech / V. V. Krasnyansky. — Orekhovo-Zuevo : Orekhovo-zuevskiy State Pedagogical Institute, 2000. — 234 p. — Text : unmediated. [Slozhnye tsvetooboznacheniya russkoy rechi / V. V. Krasnyanskiy. — Orekhovo-Zuevo : Orekhovo-Zuevskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut, 2000. — 234 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
10. Kulpina, V. G. Linguistics of Colour : Colour Terms in Polish and Russian / V. G. Kulpina. — Moscow : Moscow Lyceum, 2001. — 470 p. — Text : unmediated. [Lingvistika tsveta : Terminy tsveta v pol'skom i russkom yazykakh / V. G. Kulpina. — Moskva : Moskovskiy Litsey, 2001. — 470 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
11. Kulpina, V. G. Linguistics of Colour : from History to Contemporary Stage of Colouristic Conceptual Spheres / V. G. Kulpina. — Moscow : MAKS Press, 2019. — 288 p. — Text : unmediated. [Lingvisticheskaya tsvetologiya : ot istorii k sovremennosti tsvetovykh kontseptov / V. G. Kulpina. — Moskva : MAKS Press, 2019. — 288 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
12. Kulpina, V. G. Theoretical Aspects of Linguistics of Colour as Scientific Direction of Comparative Linguistics : synopsis of thesis ... of Dr. of Philol. Sciences / Kulpina V. G. — Moscow, 2002. — 31 p. — Text : unmediated. [Teoreticheskie aspekty lingvistiki tsveta kak nauchnogo napravleniya sopostavitelnogo yazykoznaneya : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk / Kulpina V. G. — Moskva, 2002. — 31 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
13. Li Anfeng Russian Phraseological Units with Colour Component against the background of the Chinese Linguoculture : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Li Anfeng. — Moscow, 2009. — 18 p. — Text : unmediated. [Russkie frazeologicheskie edinitsy s tsvetovym komponentom na fone

kitayskoy lingvokultury : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Li An'fen. — Moskva, 2009. — 18 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

14. Lukashenko, E. S. Functional-nominative Potential of Colour Names in the Context of Cognitive Paradigm : on the Material of the English Language : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Lukashenko E. S. — Nizhny Novgorod, 2011. — 24 p. — Text : unmediated. [Funktsional'no-nominativnyy potentsial tsveooboznacheniy v kontekste kognitivnoy paradigmy : na materiale angliyskogo yazyka : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Lukashenko E. S. — Nizhniy Novgorod, 2011. — 24 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

15. Muzhikova, O. N. Concepts of Colour in the English Slang Picture of the World : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Muzhikova O. N. — Saint Petersburg, 2016. — 21 p. — Text : unmediated. [Kontsepty tsveta v kartine mira angliyskogo slenga : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Muzhikova O. N. — Sankt-Peterburg, 2016. — 21 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

16. Novikov, F. N. The Dynamics of Cultural Codes and its Reflection in the Semantic Field of Colour Naming : in Russian, English and French : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Novikov F. N. — Moscow, 2012. — 22 p. — Text : unmediated. [Dinamika kul'turnykh kodov i ee otrazhenie v semanticheskom pole tsveooboznacheniya : v russkom, angliyskom i frantsuzskom yazykakh : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Novikov F. N. — Moskva, 2012. — 22 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

17. Petrova, E. Yu. Colour Names in the Linguistic Conscience of the Secondary Linguistic Personality : on the Material of the Russian and French Languages : synopsis of thesis ... of Cand. of

Philol. Sciences / Petrova E. Yu. — Moscow, 2008. — 18 p. — Text : unmediated. [Tsvetooboznacheniya v yazykovom soznanii vtorichnoy yazykovoy lichnosti : na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Petrova E. Yu. — Moskva, 2008. — 18 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

18. Sadykova, S. Z. Phraseological Units with Colour Component in the Kumyk Language : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Sadykova S. Z. — Makhachkala, 2012. — 23 p. — Text : unmediated. [Frazеologicheskie edinit'sy s komponentom tsveooboznacheniya v kumykskom yazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Sadykova S. Z. — Makhachkala, 2012. — 23 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

19. Timofeeva, A. M. Comparative Study of Lingua-colour Pictures of the World : on the Material of N. Zabolotsky and R. Frost Idiolects : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Timofeeva A. M. — Ekaterinburg, 2003. — 18 p. — Text : unmediated. [Sopostavitel'noe issledovanie lingvotsvetovykh kartin mira : na materiale idiolektov N. Zabolotskogo i R. Frosta : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Timofeeva A. M. — Ekaterinburg, 2003. — 18 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

20. Tsegelnik, I. E. The Joseph Brodsky's Colour Picture of the World : Cognitive-functional Approach : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Tsegelnik I. E. — Rostov-on-Don, 2007. — 22 p. — Text : unmediated. [Tsvetovaya kartina mira Iosifa Brodskogo : kognitivno-funktsional'nyy podkhod : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Tsegelnik I. E. — Rostov-na-Donu, 2007. — 22 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

О. Л. Соколова

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-7055-9104

Н. А. Гончарова

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-3193-5864

В. Ю. Лапина

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9438-783X

E-mail: Sokolova_ol@usue.ru; nadin1325x@yandex.ru; lapina_vu@usue.ru.

Опыт осмысления образа России в лингводидактическом и лингвокогнитивном аспектах

АННОТАЦИЯ. *Статья представляет собой рецензию на коллективную монографию «Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты», написанную группой исследователей Уральского государственного педагогического университета. Подчеркивается важность разграничения понятий «негативный» и «искаженный» образ. Представлен критический анализ обзора научной литературы по проблемам имагологии. Междисциплинарный подход к исследованиям в русле имагологии реализуется через использование общенаучных и узкоспециальных методов. Интерпретация результатов опроса выявляет различия в видении российской действительности российскими и иностранными студентами. Анализ выявленных стратегий представления образа России в учебниках русского языка как иностранного и в учебниках английского языка дополнен лингвометодическими замечаниями. Сформулированы сходства и различия в представлении образа России в учебниках, предназначенных для разных стран. На основе монографии в статье представлен критический анализ тиражируемых стереотипов, вывод о преобладании положительных и отрицательных черт в образе России. Рецензенты высоко оценивают разработанные авторами требования и рекомендации к созданию учебно-методических комплексов, направленные на формирование правдивого, положительного образа страны. Учет этих требований позволит создать качественно новые учебники, содержащие правдивую и актуальную информацию о странах, открывающие возможность к дискуссии и сближению культур при сохранении национальной идентичности. Заявленный в перспективах анализ учебников русского языка, изданных в странах Азии, позволит выявить новые интересные особенности.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образ России; лингводидактика; межкультурная коммуникация; имагология; русский язык как иностранный; методика преподавания русского языка; методика русского языка в вузе; русский язык; английский язык; методика преподавания английского языка; методика английского языка в вузе; студенты; вузовские учебники; учебные материалы; учебники русского языка; учебники английского языка; рецензии.

ТИП ПУБЛИКАЦИИ: рецензия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Соколова Ольга Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Уральский государственный экономический университет; 620114, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62, к. 519; e-mail: Sokolova_ol@usue.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гончарова Надежда Анатольевна, доцент кафедры иностранных языков, кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет; 620114, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д.62, к. 519; e-mail: nadin1325x@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Лапина Валентина Юрьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университет; 620114, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62, к. 519; e-mail: lapina_vu@usue.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Соколова, О. Л. Опыт осмысления образа России в лингводидактическом и лингвокогнитивном аспектах / О. Л. Соколова, Н. А. Гончарова, В. Ю. Лапина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 217-224. — DOI 10.26170/pl20-05-20.

Формирование позитивного образа страны, народа и культуры, продвижение национального языка — один из важнейших приоритетов в развитии стран в современном мире, который стремится к глобализации и сглаживанию противоречий, и в то же время придает огромное значение самобытности, национальным особенностям, проблемам

сохранения идентичности, самости, культурного и языкового своеобразия.

Обратим внимание на необходимость различать понятия «негативный» и «искаженный» образ: многие указанные в монографии исследователи охотно трактуют негативные, отрицательные черты России, представленные в зарубежных источниках,

© Соколова О. Л., Гончарова Н. А., Лапина В. Ю., 2020

как искажение образа. Справедливости ради отметим, что с аксиологической точки зрения позитивный и негативный образы весьма опосредованно связаны с философскими категориями истинности/ложности и, таким образом, ставить знак равенства между негативным и искаженным образом, на наш взгляд, вряд ли правомерно. Заявленная во введении задача выявить внутрисистемные принципы отбора материала для учебников русского языка как иностранного, на наш взгляд, рискует превратиться в поиск подтверждения высказанной гипотезы о преобладании негативных черт в представлении образа России.

Монография начинается с представления имагологии как нового научного направления. О. В. Томберг отмечает, что основы имагологии были заложены во французском сравнительно-историческом литературоведении в 50-х годах прошлого века. Становление имагологии как самостоятельной науки связывается с именами французских исследователей Ж.-М. Карре и М.-Ф. Гийяра. Отметим также, что зарождение имагологии в значительной степени стало результатом анализа творчества французских писателей, обращающихся в своих сочинениях к зарубежной культуре и искусству (восхищение Стендаля Италией, интерес писателей-романтиков к восточным культурам, враждебность франкоязычных писателей к Германии на фоне Первой мировой войны и т. д.). Обзор литературы о становлении и развитии имагологии можно было бы дополнить статьей Д. А. Пажо, в которой он обращается к вопросам имагологии и идентичности и определяет имагологию как совокупность этнологических, этнографических, социологических, исторических и культурологических исследований проблем аккультурации, декультурации, культурного отчуждения под воздействием внешнего влияния. Одним из методов познания имагологии, по мнению Д. А. Пажо, является анализ общественного мнения, выполненный в междисциплинарном аспекте [Pageaux 2014: 16].

О. В. Томберг представляет подробный и обстоятельный анализ российской и зарубежной научной литературы по проблемам имагологии, приводит ее классификацию. Вслед за другими исследователями О. В. Томберг выделяет филологическую, художественную, фольклорную, литературоведческую и лингвистическую и потестарную имагологию. По нашему мнению, способ представления классификации затрудняет четкое понимание иерархических отношений между этими типами: так, литературоведческая имагология изначально представлена как разновид-

ность филологической, однако далее рассматривается самостоятельно, наряду с филологической и потестарной, т. е. изучающей образы власти [Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 10, 11]. Далее О. В. Томберг отмечает необходимость учитывать ценностную природу образов, справедливо отмечая: «Категория ценности связывает образ с миром национальной культуры и увеличивает его диахроническую глубину, поскольку ценностный компонент способен сохранять разновременные культурные смыслы в содержательной структуре образа» [Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 17], что, несомненно, подтверждает важность аксиологического компонента в такого рода исследованиях.

В параграфе, посвященном методологии исследования образа России в зарубежных учебниках русского языка как иностранного, Е. В. Дзюба представляет комплекс общенаучных и узкоспециальных методов: научное наблюдение, эксперимент, описание, наблюдение, вероятностно-статистический, выборочный, генетический, идеографический, исторический методы, а также методы диахронического и синхронного анализа, антиномий, ранжирования, экстраполяции [Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 19, 20]. Использование целого арсенала методов обусловлено важностью междисциплинарного подхода к исследованиям в области имагологии и делает результаты исследования убедительными

Е. В. Дзюба, С. А. Еремина и А. И. Суетина представили результаты экспериментального исследования формирования образа России в образовательном дискурсе. Проективный метод мини-сочинений использовался при анализе образа России у китайских студентов. Авторы констатируют значительные расхождения в предварительных ожиданиях и реальных впечатлениях от российской действительности у опрошенных студентов из Китая. Одну из причин этого расхождения авторы видят в распространенности стереотипных представлений о России, сформированных в процессе изучения русского языка и русской культуры: «Россия многим до приезда в страну изучаемого языка кажется архаичной, отсталой в технологическом и социальном планах» [Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 25]. По мнению Л. Е. Весниной и И. В. Кириловой, примерно 30 % текстов,

представленных в учебниках русского языка для китайцев, содержит крайне негативную информацию о России, представляя ее как страну, погрязшую в пьянстве, коррупции, преступности. Источником такого рода текстов, как правило, являются различные сайты, при этом отбор лексики для активного усвоения представляется весьма спорным [Веснина, Кирилова 2019].

Напротив, российские студенты, носители русского языка и культуры, в ходе исследования отметили такие положительные качества русского национального характера, как «гостеприимство, широту и открытость русской души, душевность и доброту, патриотизм и стойкость, простоту и честность, порядочность и щедрость, вежливость и отзывчивость, толерантность и терпеливость, самобытность и самопожертвование, стремление к коллективизму/соборности, прямому и уважение к старшим» [Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 35]. Анализ субъективных ассоциаций позволил сформировать следующую совокупность смыслов, наполняющих понятие «Россия»: *территория, духовная и материальная культура, народ, традиции, климат, государство, природа, стереотипы, мифы, история*.

Е. В. Дзюба, С. А. Еремина и И. А. Сутина сформулировали рекомендации по отбору учебного материала для представления России в учебниках русского языка как иностранного и других иностранных языков: «Необходимо отчетливо определить сферы человеческого знания и бытия, которые могли бы адекватно и полноценно представить образ страны (география, история, административное и политическое устройство, культура, быт); обозначить аспекты, связанные с интерпретацией понятий культуры и цивилизации, народа и народности(-ей), национального характера и межэтнических стереотипов; выявить факты, события, персоналии, наиболее репрезентативные для освещения российской действительности и ментальности; установить факты и реалии, неоднозначно интерпретируемые в мировом сообществе с целью исключения из учебных материалов потенциальных конфликтогенов» [Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 44]. Остается надеяться, что учет этих рекомендаций даст возможность создать новые учебные пособия, представляющие более правдивый и положительный образ России.

С. А. Еремина анализирует учебники русского языка для франкоязычных и немецкоязычных обучающихся и приходит к не-

утешительному выводу: россияне зачастую представлены как сильно пьющие люди, тексты и упражнения содержат неактуальные, устаревшие фразеологизмы, значительное место в жизни Россиян, согласно этим учебникам, занимает коррупция, блат и т. д. С. А. Еремина выделяет принципы универсализма, историзма и лингвокультурной прогрессии, которых необходимо придерживаться при составлении учебников по иностранным языкам, в том числе по русскому языку как иностранному.

При анализе когнитивных стратегий презентации образа России в международном образовательном дискурсе Е. В. Дзюба выделяет стратегии соблюдения или нарушения лингвокультурной и лингвоментальной корреляции, редуционистскую и холистическую стратегии, а также стратегии моно-, би- и мультикультурализма. Примеры нарушения лингвокультурной и лингвоментальной корреляции выбраны весьма убедительно, и может вызвать лишь сожаление, что иностранным студентам демонстрируются не только социально неодобряемые, но и напрямую противоречащие российскому законодательству модели поведения, как например, употребление алкоголя за рулем. Стратегия редуционизма, к сожалению, тоже весьма часто присутствующая в учебниках русского языка как иностранного, приводит к тому, что внимание обучающихся фокусируется на неприятных, негативных сторонах жизни российского общества. Представляется возмутительным представленное на с. 57 задание, в котором обучающимся предлагается расставить слова в правильном порядке, при этом обучающийся вынужден не только несколько раз прочитать и ассоциативно связать понятия «Россия» и «бытовое взяточничество», но и затвердить грубые ошибки в порядке слов, совершенно не свойственные строю русского языка. С лингвометодической точки зрения, было бы гораздо более целесообразно продемонстрировать иностранным обучающимся изменения значения предложения при помощи изменения порядка слов и частичного отрицания, что является характерной особенностью русского языка, сложной для понимания тех обучающихся, чей родной язык является более аналитическим по своему типу.

Одним из проявлений когнитивной редукиции, помимо странного подхода к отбору лексики для активного усвоения, Е. В. Дзюба справедливо считает хронологически ограниченные рамки освещения жизни россиян. Тем более ценными представляются учебники, рассказывающие о современной жизни российского общества, о том, что реально

интересует и заботит молодых людей. «Эта тенденция: сочетания традиции и современности — в освещении лингвокультурных феноменов позволяет реализовать и стратегию презентации положительного, современного, неархаичного образа России в учебниках для иностранцев, и одновременно реализовать принцип отражения в учебных пособиях межкультурного взаимодействия» [Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 61]. Напротив, холистическая стратегия предполагает знакомство не только с традициями, но и с современным состоянием общества, что способствует созданию сложного и многогранного образа страны изучаемого языка, и способно, по мнению Е. В. Дзюбы, сформировать в учебниках русского языка как иностранного, возможно, противоречивый, неоднозначный, но полноценный и многогранный образ России.

«Организация языкового и лингвострановедческого материала, которые отражают взаимосвязи разных языков и культур, отвечают стратегии мультикультурализма» [Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 67]. Размышляя о достоинствах би- и мультикультурной стратегии, отметим, что выбор одной из них обусловлен прежде всего составом групп обучающихся: в условиях, когда все студенты, изучающие русский язык как иностранный, говорят на одном языке и относятся к одной культуре, целесообразно сделать выбор в пользу бикультурной стратегии, позволяющей наглядно представить и заинтересованно обсудить сходства и различия между двумя культурами. В ситуациях, когда группа обучающихся состоит из представителей различных языков и культур, выбор мультикультурной стратегии позволит организовать живой обмен мнениями на занятиях и создаст предпосылки для успешного использования метода проектов.

Далее Е. В. Дзюба анализирует стратегии презентации образа России в учебниках русского языка для славянских народов, а именно белорусских, польских и болгарских учебниках. Некоторые наблюдения и выводы этого параграфа были ранее представлены в первом разделе монографии. Е. В. Дзюба строит изложение, делая читателя активным участником исследовательского процесса, приглашая сформировать собственное мнение об анализируемых учебниках. Рассмотрев около двух десятков учебников русского языка, Е. В. Дзюба убедительно показывает их специфику, отмечает сильные и слабые стороны, преоблада-

ние той или иной стратегии в подаче материала и целесообразность выбора именно этой стратегии, методические особенности построения занятий и процесса освоения русского языка обучающимися. Обобщая итоги обзора, Е. В. Дзюба с удовлетворением отмечает у рассмотренных пособий диалогичность, поликультурность, полиаспектность и преобладание холистической стратегии: «...в данных материалах представлен современный и положительный образ России, что, вероятно, вызвано исключительным уважением многих наших коллег к российской истории и культуре, уважением к русскому языку» [Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 102].

С. А. Еремина продолжает исследование когнитивных стратегий в учебниках русского языка как иностранного на материале учебников для франкоязычных и англоязычных обучающихся. Про помощи метода контент-анализа С. А. Еремина выявила частотность появления в учебниках различных явлений российской действительности. Анализ показал: «Наиболее частотными содержательно-тематическими компонентами структуры учебных материалов оказались следующие явления: распитие алкогольных напитков, бытовое общение, досуг, предметы национального промысла и т. п. Контент-анализ также позволил продемонстрировать, что для учебников характерен акцент на отдельные, часто стереотипные лингвострановедческие реалии» [Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 106]. С. А. Еремина справедливо утверждает, что проанализированные учебники, как правило, придерживаются принципа историзма, т. е. представляют российскую действительность, актуальную на момент создания учебника. Не можем согласиться с предлагаемым авторами учебников выбором афоризмов для изучения: большинство из них не используются в живом русском и французском языках и были продуктивны, скорее, в эпоху создания, т. е. несколько веков назад, и в ряде словарей имеют помету «устаревшее выражение». Действительно ли необходимо предлагать к изучению именно эти устаревшие фразеологизмы и пословицы? С. А. Еремина разоблачает многочисленные фактические, методические и лингвистические ошибки и несуразности, допущенные авторами учебников, как например, использование исключительно латиницы при обучении русскому языку и др. Стратегии мультикультурализма, по мнению С. А. Ереминой, наиболее последовательно

придерживаются составители учебников для детей [Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 118]. Как правило, мультикультурализм проявляется на уровне текстов и номинации (распространенные имена, известные люди, достопримечательности, географические названия).

«Характерной особенностью учебников, созданных для англофонов и изданных в США или Великобритании, является слабая обновляемость информации, содержащейся в текстах упражнений» [Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 120]. И действительно, представленные отрывки учебников, изданных в последние годы, демонстрирует нам жизнь и реалии второй половины XX в.: критика Сталинской конституции, невозможность достать и прочитать романы Б. Пастернака на русском языке, странные доперестроечные цены, покупка товаров повседневного спроса у фарцовщиков и иные досадные упущения. Довольно беспомощно выглядят попытки создать учебники для изучения русского молодежного сленга. Одна из характерных черт молодежного сленга в любом языке — его чрезвычайная подвижность: новые слова появляются и исчезают мгновенно, заимствования из других языков ассимилируются грамматически, морфологически и семантически, существуют весьма значительные региональные различия в лексике. «Одной из особенностей молодежного сленга является его быстрая и динамичная обновляемость, что является закономерным, поскольку молодежь — это группа, ограниченная по возрасту, поэтому подрастающие дети, новое поколение, которое становится „молодежью“, привносит в речь новые элементы, в то время как бывшая „молодежь“ подрастает и, вступая во взрослую жизнь, как правило, отказывается от использования специфически молодежных лексических единиц» [Билим 2019: 198]. Большинство учебников и словарей сленга и арго устаревают уже в момент их подготовки к изданию. С. А. Еремина приходит к логическому выводу: «Изучение текстов и словарного состава учебников, ориентируемых на Западную Европу, наглядно показывает, что Россия при сравнении двух культур (в данном случае, Франции, Великобритании или США) представляется как страна патриархальная, не имеющая должного опыта жизнедеятельности в экономической, политической и социальной сферах. При сравнении двух культур в редких случаях стране дается положительная оценка» [Образ России в международном образо-

вательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 130].

И. С. Пирожкова задается целью выявить материалы, относящиеся к российской культуре, и определить когнитивные стратегии презентации образа России в четырех современных учебно-методических комплексах по английскому языку, изданных в Великобритании. И. С. Пирожкова делает вывод, что феномены российской действительности представлены в исследуемых учебниках прежде всего через упоминание известных россиян (спортсменов, писателей, бизнесменов, политиков, изобретателей), а также через иные реалии: названия городов, национальной валюты, распространенные русские имена собственные. Авторы британских учебников придерживаются принципа поликультурности и активно включают явления российской действительности в методические материалы, впрочем, равно как и феномены многих других стран и континентов.

Однако стереотипическое видение российской действительности также весьма активно распространяется авторами проанализированных учебников. «Среди основных стереотипов, тиражируемых учебниками английского языка, мы находим холодную погоду в России, суеверие русских, пьянство и тему шпионов и слежки» [Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 140]. Тем не менее И. С. Пирожкова делает вывод, что представленные стереотипы, несмотря на свою живучесть и привлекательность, не формируют резко негативных контекстов и, вопреки ожиданиям, не представляют Россию опасной страной. Многие особенности представлены исключительно как занимательные факты (суровый холод в Оймяконе, традиция не ставить пустые бутылки на стол и т. д.), а не как преобладающая или свойственная всему сообществу отрицательная черта.

Отрадно, что среди феноменов российской действительности авторы не забыли упомянуть научные достижения россиян, причем не только в освоении космоса, но также и в изобретении телевидения, физиологии, развитии Интернета. Такая информация, несомненно, создает положительный образ России. Также с методической и лингвокультурной точки зрения заслуживает одобрения идея авторов одного из учебников сделать российские научные достижения темой для проектной работы: учащимся предложено самостоятельно найти и представить информацию на эту тему.

В четырех проанализированных учебно-методических комплексах И. С. Пирожкова

выделила всего три контекста, иллюстрирующих стратегию сочетания традиционного и актуального. «Стоит отметить нетривиальный выбор известных людей авторами учебника, вопреки распространенной традиции обсуждать достижения спортсменов, жизнь музыкантов или актеров, в учебнике Cutting Edge встречаются имена людей, внесших вклад в историю, но неизвестных широкой аудитории. Считаем, что процитированные материалы являются примерами стратегии сочетания традиционного и актуального, так как описываются события прошлого, которые имеют свое значение в настоящем» [Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 147]. Именно так И. С. Пирожкова характеризует рассказ в тексте учебника о российском военном офицере В. А. Архипове, в каком-то смысле предотвратившем атомную войну в 1962 г.

В проанализированных учебниках И. С. Пирожкова выявляет стратегию смещения акцента на политику. Удивительным образом такое смещение относится по большей части именно к образу России: наряду с деятелями науки, спорта и искусства из разных стран, некоторые учебники упорно навязывают фигуру В. И. Ленина как наиболее значимую в российской истории. Досадно также, что В. И. Ленину безапелляционно приписываются весьма циничные высказывания, авторство которых вызывает сомнения. «A lie told often enough becomes the truth» («Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой») [Redston, Cunningham 2013: 47]. Стоит отметить, что «авторство данного высказывания спорно, разные источники упоминают Й. Геббельса и даже А. Гитлера в качестве авторов, однако в западной культуре эта фраза традиционно ассоциируется с В. И. Лениным» [Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 149]. Отметим также, что упоминание России исключительно в связи с личностью Президента или острых вопросов внешнеполитического курса давно стало традицией в американском медиадискурсе, равно как и в дискурсе многих других западных стран [Илюшкина, Чудинов 2019: 22].

И. С. Пирожкова также выделяет стратегию акцентирования роли русского языка в мире. На наш взгляд, небольшое количество информации о русском языке вряд ли правомерно считать стратегией акцентирования его роли. Также весьма спорным представляется утверждение автора о росте популярности русского языка среди иностранных студентов [Образ России в международном

образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 150]. Хотелось бы уточнить, на каких данных основано это утверждение? Тот факт, что в одном из учебников английского языка есть мини-текст о студентке, которая изучает русский язык и думает, что он ей однажды пригодится, но пока она не знает, как именно, вряд ли можно считать иллюстрацией стратегии акцентирования роли русского языка в мире и свидетельством роста интереса к нему. К позитивным тенденциям И. С. Пирожкова относит следующий факт: «...не был зафиксирован ни один пример, транслирующий стереотипы о сложности или не востребованности русского языка в мире» [Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 151], с чем нельзя не согласиться.

В целом учебники английского языка, по мнению И. С. Пирожковой, создают впечатление присутствия России на международной арене, дают представление о вкладе нашей страны в мировую культуру. Россия представлена как партнер западных стран, успешно интегрированный во все мировые процессы. «Отсутствие большого количества текстовой информации о России вполне закономерно и не снижает качество рассмотренных учебников, более того, контекстов, создающих негативный образ России, гораздо меньше, чем тех, которые пробуждают интерес учащихся к нашей стране» [Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 152—153].

Исследование стратегий презентации образа России в англоязычных учебниках продолжает В. Ю. Миков, обращая также внимание на образы собственной страны. Материалом исследования послужили два учебно-методических комплекса по английскому языку, широко известные в России; каждый представлен для нескольких уровней обучения. Образы России, по мнению В. Ю. Микова, скорее, являются негативно окрашенными и не вполне отражающими современную российскую действительность, что явствует из содержания текстов и использованных иллюстраций: массовое распространение вредных привычек, горячая любовь всех возрастов к дачному отдыху, широкое распространение шахмат. Таким образом, по мнению В. Ю. Микова, в исследуемых учебниках явно преобладает стратегия «тиражирования стереотипных представлений о русской культуре в ее отрыве от современного социокультурного контекста» [Образ России в международном образова-

тельном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты 2019: 175]. Автор высказывает предположение, что такой подход к отбору и подаче материала является лишь одним из способов создать на уроке проблемную ситуацию, пригласить обучающихся к обсуждению, опровергнуть или подтвердить приведенные стереотипы. В этой связи было бы интересно провести сопоставительный анализ стратегий представления образа других стран в тех же самых учебниках и сделать вывод, является ли преобладание негативных стратегий отличительной чертой презентации образа России, или же такого подхода авторы учебников придерживаются в принципе.

Далее В. Ю. Миков формулирует и развернуто представляет требования и принципы, которыми следует руководствоваться при отборе материала для составления учебников любого иностранного языка, в том числе национального языка как иностранного: ценностный смысл и ценностная значимость материала, отсутствие искаженных представлений, приемлемость культуроведческого материала с точки зрения возрастных особенностей обучающихся, наличие социокультурного комментария в случаях, когда это необходимо, а также некоторая избыточность подачи материала.

В заключении авторы монографии в краткой и ёмкой форме излагают основные стратегии и принципы представления образа страны при создании учебно-методических комплексов по иностранным языкам. Критический анализ существующих учебников позволит преподавателям языков моментально выявлять искажения и стереотипные взгляды в презентации образа страны, обыгрывать и развенчивать их во время уроков с обучающимися всех уровней и всех возрастов при помощи различных педагогических приемов. Монография также будет

чрезвычайно полезна для составителей учебников по иностранным языкам и лингвострановедению, так как наглядно и убедительно позволяет критически осмыслить дидактический материал, постоянно призывая авторов к рефлексии. Авторы монографии, как это заявлено в заключении, планируют продолжить исследование учебников русского и других национальных языков, изданных в странах Центральной и Восточной Азии. Полагаем, что эти исследования выявят много неожиданных и удивительных фактов и позволят сформулировать новые стратегии и требования к представлению образа страны в учебно-методических комплексах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Билим, А. С. Молодежный сленг: от истоков к современности / А. С. Билим. — Текст : непосредственный // Язык. Образование. Культура : сборник научных трудов по материалам XIII Всерос. науч.-практ. электронной конф. с междунар. участием, посвящ. 85-летию КГМУ (Курск, 22—27 апр. 2019 г.) / ред.: И. Ф. Шамара [и др.]. — Курск, 2019. — С. 197—201.
2. Илюшкина, М. Ю. Метафорическое моделирование образа России в СМИ (на материале американской прессы) / М. Ю. Илюшкина, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Язык и культура. — 2019. — № 45.
3. Веснина, Л. Е. Образ России в китайских учебных материалах по русскому языку как иностранному: аксиологический аспект / Л. Е. Веснина, И. В. Кирилова. — Текст : непосредственный. // Филологический класс. — 2019. — № 1 (55). — С. 83—88. — DOI 10.26170/fk19-01-11.
4. Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты: коллективная монография / Е. В. Дзюба, С. А. Еремина, В. Ю. Миков [и др.]; под ред. Е. В. Дзюбы; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2019.
5. Redston, C. Face2Face Second Edition Pre-Intermediate : Student's book / C. Redston, G. Cunningham. — Cambridge Univ. Pr., 2013. — Text : unmediated.
6. Cunningham, S. Cutting Edge New Edition Pre-Intermediate : Student's book / S. Cunningham, P. Moor, A. Crace. — Pearson Education Limited, 2013. — Text : unmediated.
7. Pageaux, D.-H. L'imagologie face à la question de l'identité / D.-H. Pageaux. — Text : unmediated // Identities on the Move / edited by Flocel Sabaté. — Bern ; Berlin ; Bruxelles ; Frankfurt am Main ; New York ; Oxford ; Wien, 2014.

O. L. Sokolova

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-7055-9104

N. A. Goncharova

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0003-3193-5864

V. Y. Lapina

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0001-9438-783X

E-mail: Sokolova_oa@usue.ru; nadin1325x@yandex.ru; lapina_yu@usue.ru.

Experience of Comprehension of the Image of Russia in Linguodidactic and Linguocognitive Aspects

ABSTRACT. *The article is a review of the collective monograph "The Image of Russia in International Educational Discourse: Linguocognitive and Linguodidactic Aspects", written by a group of researchers from the Ural State Pedagogical*

University. The importance of differentiating the concepts of “negative” and “distorted” image is emphasized. A critical analysis of the review of scientific literature on the problems of imagology is presented in the monograph. The interdisciplinary approach to research in the mainstream of imagology is realized through the use of general scientific and highly specialized methods. The interpretation of the questionnaire results reveals differences in the vision of the Russian reality by Russian and foreign students. The analysis of the identified strategies for the presentation of the image of Russia in textbooks of Russian as a foreign language and in textbooks of English is supplemented with linguistic and methodological remarks. The authors formulate the similarities and the differences in the representation of the image of Russia in the textbooks addressed to students of different countries. On the basis of the monograph, the article presents a critical analysis of replicated stereotypes and makes a conclusion about the predominance of positive and negative features in the image of Russia. The reviewers highly appreciate the requirements and recommendations developed by the authors for the creation of teaching and methods complexes aimed at creation of a truthful and positive image of the country. Taking these requirements into account will make it possible to create qualitatively new textbooks containing truthful and up-to-date information about the countries, opening up an opportunity for discussion and rapprochement of cultures while maintaining national identity. The analysis of the Russian language textbooks published in Asian countries, planned for the future, may reveal new interesting facts and features.

KEYWORDS: *image of Russia; linguodidactics; intercultural communication; imageology; Russian as a foreign language; methods of teaching Russian; methods of teaching Russian at a higher education institution; Russian; English; methods of teaching English; methods of teaching English at a higher education institution; students, higher school textbooks; learning materials; Russian textbooks; English textbooks; reviews.*

TYPE OF PUBLICATION: *review.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Sokolova Ol'ga Leonidovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Goncharova Nadezhda Anatol'evna, Candidate of History, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Lapina Valentina Yur'evna, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Sokolova, O. L. Experience of Comprehension of the Image of Russia in Linguodidactic and Linguocognitive Aspects / O. L. Sokolova, N. A. Goncharova, V. Y. Lapina // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 217-224. — DOI 10.26170/pl20-05-20.*

REFERENCES

1. Bilim, A. S. Youth Slang: from the Origins to the Present / A. S. Bilim. — Text : unmediated // Language. Education. Culture: a collection of scientific works based on the materials of the XIII All-Russia. scientific-practical electronic conf. with intern. participation, dedicated to the 85th anniversary of KSMU (Kursk, April 22—27, 2019) / ed.: I. F. Shamara [and others]. — Kursk, 2019. — S. 197—201. [Molodezhnyy sleng: ot istokov k sovremennosti / A. S. Bilim. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk. Obrazovanie. Kul'tura : sbornik nauchnykh trudov po materialam KhIII Vseros. nauch.-prakt. elektronnoy konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. 85-letiyu KGMU (Kursk, 22—27 apr. 2019 g.) / red.: I. F. Shamara [i dr.]. — Kursk, 2019. — S. 197—201]. — (In Rus.)
2. Ilyushkina, M. Yu. Metaphorical Modeling of the Image of Russia in the Media (Based on the Material of the American Press) / M. Yu. Ilyushkina, A. P. Chudinov. — Text : unmediated // Language and Culture. — 2019. — No. 45. [Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v SMI (na materiale amerikanskoy pressy) / M. Yu. Ilyushkin, A. P. Chudinov. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk i kul'tura. — 2019. — № 45]. — (In Rus.)
3. Vesnina, L. E. The Image of Russia in Chinese Educational Materials on Russian as a Foreign Language: Axiological Aspect / L. E. Vesnina, I. V. Kirilova. — Text : unmediated // Philological Class. — 2019. — No. 1 (55). — P. 83—88. — DOI 10.26170 / fk19-01-11. [Obraz Rossii v kitayskikh uchebnykh materialakh po russkomu yazyku kak inostrannomu: aksiologicheskyy aspekt / L. E. Vesnina, I. V. Kirilova. — Tekst : neposredstvennyy. // Filologicheskyy klass. — 2019. — № 1 (55). — S. 83—88. — DOI 10.26170/fk19-01-11]. — (In Rus.)
4. The Image of Russia in International Educational Discourse: Linguo-cognitive and Linguodidactic Aspects : collective monograph / E. V. Dzyuba, S. A. Eremina, V. Yu. Mikov [and others]; ed. E. V. Dzyuba; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg : [s. l.], 2019. [Obraz Rossii v mezhdunarodnom obrazovatel'nom diskurse: lingvokognitivnyy i lingvodidakticheskiy aspekty : kollektivnaya monografiya / E. V. Dzyuba, S. A. Eremina, V. Yu. Mikov [i dr.]; pod red. E. V. Dzyuby; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2019]. — (In Rus.)
5. Redston, C. Face2Face Second Edition Pre-Intermediate : Student's book / C. Redston, G. Cunningham. — Cambridge Univ. Pr., 2013. — Text : unmediated.
6. Cunningham, S. Cutting Edge New Edition Pre-Intermediate : Student's book / S. Cunningham, P. Moor, A. Crace. — Pearson Education Limited, 2013. — Text : unmediated.
7. Pageaux, D.-H. L'imagologie face à la question de l'identité / D.-H. Pageaux. — Text : unmediated // Identities on the Move / edited by Flocel Sabaté. — Bern ; Berlin ; Bruxelles ; Frankfurt am Main ; New York ; Oxford ; Wien, 2014.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Научные направления:

10.01.10 «Журналистика (филологические науки)»

10.02.01 «Русский язык»

10.02.04 «Германские языки»

10.02.19 «Теория языка»

10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-76161** от 8.07.2019

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**. http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

• Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).

• Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):
  - Фамилия, имя, отчество автора полностью.
  - Ученая степень, звание, должность.
  - Полное и точное место работы автора.
  - Подразделение организации.
  - Открытый идентификатор автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте <https://orcid.org>).
  - Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).
2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5—10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.100—2018. Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно, Т. В. К логике социальных наук / Т. В. Адорно. — Текст : непосредственный // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 76—86.

Crawford, P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett. — DOI 10.1300/ J120v27n58 08. — Text : unmediated // The Reference Librarian. — 1997. — Vol. 3. — № 58. — P. 75—85.

Корнилов, В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/отсосе / В. И. Корнилов. — Текст : непосредственный // Теплофизика и аэромеханика. — 2006. — Т. 13. — № 3. — С. 369—385.

Кузнецов, А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы / А. Ю. Кузнецов. — Текст : непосредственный // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — Москва : Научный мир, 2003. — С. 340—342.

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Тарасова, В. И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов / В. И. Тарасова. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2006. — 412 с. — Текст : непосредственный.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича ; Саратов. гос. ун-т. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. — 199 с. — Текст : непосредственный.

Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : ИНФРА-М, 2006. — 494 с. — Текст : непосредственный.

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов, В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке : специальность 05.25.05 «Информационные системы и процессы» : автореф. дис. ... канд. техн. наук / Глухов Виктор Алексеевич ; Институт научной информации по общественным наукам Рос. акад. наук. — Новосибирск, 2000. — 18 с. — Место защиты : Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН. — Текст : непосредственный.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин, В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : дис. ... канд. полит. наук / Фенухин Владимир Иванович ; Московский гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова. — Москва, 2002. — 162 с. — Текст : непосредственный.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — Москва : ИМЭМО, 2007. — 39 с. — Текст : непосредственный.

ПАТЕНТЫ

Патент № 2122745 Российская Федерация, МПК G02B23/12, G02B26/06. Оптико-электронный аппарат : заявл. 02.07.1996 : опубл. 27.11.1998 / Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. ; заявитель ВНЦ «ГОИ им. С. И. Вавилова». — 1 з. п. ф-лы : ил. — Текст : непосредственный.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы : сб. ст. Первой межрегион. конф / [редкол.: д-р ист. наук А. Е. Леонтьев (отв. ред.) и др.]. — Ярославль : Ярославский музей-заповедник : Музей-заповедник «Рост. Кремль», 2003. — 350 с. — Текст : непосредственный.

Марьянских, Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) / Д. М. Марьянских. — Текст : непосредственный // Экология ландшафта и планирование землепользования : тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. — С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. библиотека, Центр правовой информации. — [Санкт-Петербург], 2005— . — URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/> (дата обращения: 18.01.2007). — Текст : электронный.

Логонова, Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей / Л. Г. Логонова. — Текст : электронный // Образование: исследовано в мире : междунар. науч. пед. интернет-журн. — 2003. — 21 нояб. — URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.2007).

Российская национальная библиотека : официальный сайт. — Санкт-Петербург, 1998— . — Обновляется в течение суток. — URL: <http://www.nrl.ru/> (дата обращения: 20.02.2007). — Текст : электронный.

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Лэтчфорд, Е. У. С Белой армией в Сибири / Е. У. Лэтчфорд ; пер.: В. Крупник. — Текст : электронный // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака : сайт. — URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2020. ВЫПУСК 5 (83)**

Адрес редакции:
620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, каб. 285.
Адрес учредителя:
620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет
Адрес издателя:
620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019.
Подписано в печать 23.10.2020. Формат 60x84/8.
Дата выхода в свет: 30.10.2020.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. — 23,3. Усл. печ. л. — 28,5. Тираж 500 экз. Заказ 5164.
Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.me